

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№1–2 2023 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

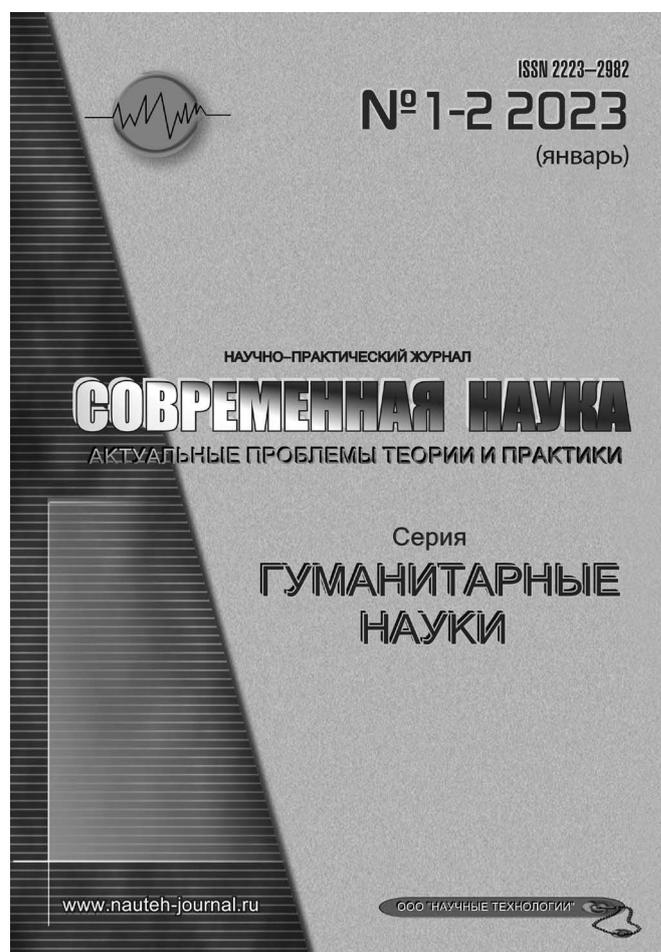
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: *Гуманитарные науки № 1-2 (январь) 2023 г.*

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 12.01.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

- Виноградов А.М.** – К вопросу о мерах борьбы с экономической преступностью органами внутренних дел Приморского края в начале 1990-х гг. XX в.
Vinogradov A. – To the question of measures to combat economic crime by the internal affairs authorities of Primorsky krai in the early 1990s of the XX century 6
- Скопа В.А.** – История русской просвещенческой мысли XVIII века о человеке и его сущности
Skopa V. – History of Russian enlightenment thought of the 18th century about man and his essence 11

Педагогика

- Баева Т.А., Кубачева К.И., Трубицина О.И., Сеницына Т.А.** – Способы повышения мотивации студентов неязыковых вузов к изучению иностранных языков для развития профессиональной компетенции
Baeva T., Kubacheva K., Trubitzina O., Sinitsyna T. – Increasing motivation of non-linguistic students for learning foreign languages to improve their professional competence 16
- Байханов И.Б.** – Система формирования электоральной культуры будущего учителя
Baykhanov I. – The system of formation of the electoral culture of the future teacher 21
- Васильева Т.В.** – Методика применения гибридных инновационно-нетрадиционных методов развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста
Vasileva T. – Methodology of application of hybrid innovative-non-traditional methods of developing fine motor skills in preschool children 29
- Епишева О.С.** – Социализирующий потенциал иностранного языка в экономическом вузе
Episheva O. – Socializing potential of a foreign language in an economic university 33

Зарединова Э.Р. – Физкультурно-оздоровительная деятельность студентов как средство формирования культуры здорового образа жизни
Zaredinova E. – Physical culture and health-improving activity of students as means of healthy lifestyle culture formation 39

Костяева М.В. – Реализация программы содействия семейному воспитанию детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи
Kostyaeva M. – Implementation of the program to promote family education of preschool children with general undevelopment of speech 45

Нитяговский С.А., Маценура Г.Н. – Игровой метод в процессе обучения дисциплине «Физическая культура и спорт» в вузе как фактор формирования открытого социального капитала
Nityagovsky S., Matsepura G. – The game method in the process of teaching the discipline "Physical culture and sport" at the university as a factor in the formation of open social capital 49

Панкова Т.Н., Фадеева Н.В., Ялаева Н.В., Борисов Е.А., Акбилек Е.А. – Анализ компонентов «Образования 4.0» в системе современных компетенций и навыков
Pankova T., Fadeeva N., Yalaeva N., Borisov E., Akbilek E. – Analysis of Education 4.0 components in a system of modern competences and skills 52

Суханова Е.Ю., Сурков А.М., Штукин Н.Н. – Совершенствование методологии преподавания физической культуры в современных отечественных вузах сквозь призму международных стандартов
Sukhanova E., Surkov A., Shtukin N. – Improving the methodology of teaching physical culture in modern domestic universities through the prism of international standards 57

Хань Фан – Методика обучения глаголам состояния на занятиях по русскому языку как иностранному (на материале произведений И.С. Тургенева) <i>Han Fang</i> – The method of teaching verbs of state at the lessons in Russian as a foreign language (by the material of the works of I.S. Turgenev) 62	Павленко В.Г., Кардумян М.С., Щеглова О.Г. – Концепт «conscience/совесть» в языковой картине мира британского народа (на материале пословиц) <i>Pavlenko V., Kardumyan M., Shcheglova O.</i> – The concept "conscience" in the language picture of the world of the British people (based on proverbs) 93
Юзефавичус Т.А., Карелина Н.Н. – Применение арт-технологий в формировании стрессоустойчивости студентов <i>Yuzefavichus T., Karelina N.</i> – The possibilities of using art-technologies in the formation of stress resistance of students 68	Палашевская И.В. – Судебный дискурс: акты выражения недоверия в межличностном взаимодействии <i>Palashevskaya I.</i> – Courtroom discourse: acts of discreditation in Face-to Face communication 98
ФИЛОЛОГИЯ	
Арсланова М.С. – О грамматической стилистике башкирского языка <i>Arslanova M.</i> – About the grammatical stylistics of the Bashkir language 73	Редкозубова А.Н. – Особенности перевода «фантастической реальности» (на материале произведения С.В. Лукьяненко «Ночной дозор») <i>Redkozubova A.</i> – Features of the translation of "fantastic reality" (by the material of the works of S.V. Lukyanenko "Night watch") 103
Гринева О.А. – Англицизмы и заимствованные слова в коммуникативной деятельности <i>Grineva O.</i> – Anglicisms and borrowing words in communication activity 77	Рогожникова Т.П., Попова О.В. – Языковой образ князя по данным памятников древнерусской литературы <i>Rogozhnikova T., Popova O.</i> – Conceptual characteristics of the image of the prince in the written monuments of ancient Russian literature 107
Е Юй – Понятийные компоненты концептуальной области 'Растения' в русском языке <i>Ye Yu</i> – Conceptual component of the concept field "Plants" in Russian Languages 80	Рожкова С.Д. – Некоторые особенности правового дискурса французских законодательных актов в период острых религиозных конфликтов XVI века <i>Rozhkova S.</i> – Some specific characteristics of the legal discourse in the French royal decrees during the religious conflicts of the 16th century 113
Каримова Т.С. – Использование лингвистических познаний в анализе языка вербальной агрессии в интернет-коммуникации <i>Karimova T.</i> – Use of linguistic knowledge in the language analysis of verbal aggression in internet communications 83	Салманова Ш.М. – К вопросу о неоднозначности аффиксов во флективных и агглютинативных языках (на материале русского, английского, турецкого и азербайджанского языков) <i>Salmanova Sh.</i> – On the question of the ambiguity of affixes in inflectional and agglutinative languages (based on the material of Russian, English, Turkish and Azerbaijani languages) 119
Миронцева С.С., Лазарева Е.В., Грищук А.В. – Употребление артиклей при переводе научно-технической литературы <i>Mirontseva S., Lazareva E., Grishchuk A.</i> – Use of articles in translation of scientific and technical literature 89	

Светкина А.А. – Хронотоп и условия проведения гадания <i>Svetkina A.</i> – Chronotope and conditions for divination124	<i>Chernobrov A., Kretova L.</i> – Cultural-cognitive and communicative-functional aspects of the analysis of associative relations of the words in the original text and translation (on the material of the poem "August – asters" by M.I. Tsvetaeva)157
Смирнова Ю.В. – Особенности перевода англоязычных заголовков СМИ на русский язык <i>Smirnova Ju.</i> – Peculiarities of English headlines translation into Russian128	Чжан И – Сопоставительный анализ «Палаты № 6» А.П. Чехова и «Дневника сумасшедшего» Лу Синя <i>Zhang Yi</i> – Comparative analysis of "Ward no. 6" A.P. Chekhov and Lu Xun's "The diary of a madman"163
Соколянская Н.Н. – Лексическая вариативность в социолингвистическом аспекте <i>Sokolyanskaya N.</i> – Lexical variation in the sociolinguistic aspect133	Чэнь Хуншань – Я курсирующий над Атлантикой челнок <i>Chen Hongshan</i> – I am a shuttle cruising over the Atlantic166
У Юйтин – От «зависимого» к «независимому»: анализ женских образов в произведениях А.П. Чехова <i>Wu Yuting</i> – From "dependent" to "independent": an analysis of female images in Chekhov's writings147	Шумбасова С.С. – Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в английском и немецком языках <i>Shumbasova S.</i> – Comparative analysis of phraseological units with a somatic component in English and German171
Чекунова М.А., Барабаш В.В., Булгарова Б.А. – Цифровая эра: новые форматы взаимодействия журналистики и власти в современном медийном пространстве <i>Chekunova M., Barabash V., Bulgarova B.</i> – Digital Era: new formats of interaction between journalism and government in the modern media space.151	Информация
Чернобров А.А., Кретова Л.Н. – Культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты анализа ассоциативных связей слов текста оригинала и перевода (на материале стихотворения М.И. Цветаевой «Август – астры»)	Наши авторы. Our Authors.....174
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....176

К ВОПРОСУ О МЕРАХ БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ. XX В

Виноградов Андрей Михайлович
Доцент, Владивостокский филиал
ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России»
philosophyworld@inbox.ru

TO THE QUESTION OF MEASURES TO COMBAT ECONOMIC CRIME BY THE INTERNAL AFFAIRS AUTHORITIES OF PRIMORSKY KRAI IN THE EARLY 1990S OF THE XX CENTURY

A. Vinogradov

Summary: In article, on the basis of archival sources, statutory acts, the literature the organization of activity of bodies of internal affairs of Primorsky territory on struggle against economic criminality in the beginning of 1990th years of XX century is opened. Measures to combat are considered. The activity of specialized operational units to combat economic crime is disclosed.

Keywords: internal affairs bodies, prevention and suppression of economic crimes, Primorsky Krai, specialized operational units, forms and methods of combating the economic criminality.

Аннотация: В статье, на основе архивных источников, нормативных правовых актов, литературы раскрывается организация деятельности органов внутренних дел Приморского края по борьбе с экономической преступностью в начале 1990-х годов XX в. Рассматриваются меры борьбы. Раскрывается деятельность специализированных оперативных подразделений по борьбе с экономической преступностью.

Ключевые слова: органы внутренних дел, предупреждение и пресечение экономических преступлений, Приморский край, специализированные оперативные подразделения, формы и методы борьбы с экономической преступностью.

Изучение истории органов внутренних дел является одним из актуальных направлений современных исторических исследований. Значение МВД России в обеспечении экономической безопасности государства обуславливают необходимость исторических исследований деятельности ОВД по борьбе с преступностью в сфере экономики на различных этапах ее становления.

История органов внутренних дел освещается в ряде современных исследований [1; 2, с. 130-141; 28; 30, с. 4-8; 34, с. 13-19.], в том числе в её региональном измерении [35; 36]. Уделяется внимание изучению истории органов внутренних дел на Дальнем Востоке России [23; 24; 27, с. 90-96; 33; 44; 45]. В ряде работ исследуются деятельность ОВД в различных условиях функционирования, проводится анализ опыта деятельности органов внутренних дел, выявляются особенности противодействия органов внутренних дел Приморского края отдельным видам преступности [29, с. 138-144; 32, с. 100-104.].

Милиция являлась системой государственных органов исполнительной власти, входивших в состав МВД России. Защиту общественных отношений в сфере экономики от противоправных посягательств осуществляли подразделения криминальной милиции и милиции общественной безопасности, действовавшие в соответствии с предоставленными полномочиями.

Основными задачами криминальной милиции являлись – предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, по делам о которых производство предварительного следствия обязательно [25]. Для реализации этих задач в структуре криминальной милиции создавались специализированные оперативные подразделения, осуществлявшими свою деятельность методами и средствами оперативно-разыскной деятельности и выполнявшими основную роль в борьбе с экономической преступностью.

На рубеже XX–XXI вв. органы внутренних дел решали острую «злободневную» проблему по защите экономики страны от преступных посягательств в условиях рыночных реформ, смены общественно-экономической формации, реформирования органов внутренних дел. Поиск форм, средств, методов, борьбы с преступностью в рыночной экономике, в том числе в ее организованных формах, становится актуальной задачей оперативно-служебной деятельности ОВД, как в целом по стране, так и в Приморье [3, л. 239-242.].

Вновь создаваемые, после реорганизации подразделений БХСС, подразделения по борьбе с экономической преступностью (БПСЭ) в 1991 году и по экономическим преступлениям (ЭП) в 1992 г., уделяли особое внимание предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию

преступлений, увеличивавших социальную напряженность в обществе [40, л. 1-17.], особенно в условиях социально-экономического кризиса. «Вскрывались» крупные замаскированные хищения (маскируемые под экономические потери) в различных отраслях народного хозяйства. Выявлялись и пресекались преступления в новых коммерческих структурах, опасные хозяйственные и должностные преступления в народном хозяйстве. Пресекались факты коррупции. Принимались меры по защите валютных ценностей, борьбе с преступностью в торговле, общественном питании, потребкооперации [37, л. 5-25; 40, л. 1-17; 8, л. 301-302.].

Подразделения по защите экономики органов внутренних дел Приморья действовали в соответствии с государственной политикой и состоянием криминальной обстановки экономики края. Выявляли и пресекали опасные формы преступного бизнеса, связанного с созданием лжекооперативов, валютными махинациями в кредитно-банковской системе и осуществлением бартерных сделок. Осуществляли профилактические операции под условным наименованием «Урожай», «Заслон» по предупреждению, и пресечению злоупотреблений и коррупции в сфере сельскохозяйственного производства. Осуществляли выявление, пресечение и раскрытие преступлений в сфере внешнеэкономической, финансово-кредитной, кооперативной деятельности, при обмене советских денег на иностранную валюту. Уголовно-правовыми средствами осуществляли борьбу с фальшивомонетничеством, нарушениями правил о валютных операциях. Пресекали преступную деятельность в системе торговли, при осуществлении товаро-обменных и посреднических сделок, в том числе госбюджетных организациях [4, л. 188-193.], в сфере предприятий бытового обслуживания, коммунального хозяйства. Проводили оперативные мероприятия по предупреждению преступных посягательств при хранении, транспортировке, торговле продовольствием и товарами народного потребления [3, л. 239-242.].

После начала приватизации [26]. в работе органов внутренних дел становится актуальным новое направление деятельности – пресечение коррупции, выявление и пресечение мошеннических схем при приватизации. Сотрудники подразделений ОВД по борьбе с преступностью в сфере экономики осуществляли оперативное наблюдение за процессами приватизации, во взаимодействии с комиссиями исполкомов местных Советов народных депутатов по приватизации, принимали меры по пресечению преступных сделок материально-ответственных лиц и дельцов теневой экономики [7, л. 160.].

В ОВД создавались постоянно действующие комиссии по приватизации государственного и общественно-го имущества, в которых основные задачи выполняли подразделения БПСЭ ОВД края, а после реорганизации

последних подразделения ЭП [7, л. 160.]. В 1993 году, подразделениями ЭП проверялась законность формирования первоначального капитала негосударственных хозяйственных структур, созданных с использованием государственной собственности, а также обоснованность оценки объектов государственной собственности, переданных в собственность или в аренду коммерческим предприятиям, до вступления в законную силу закона РСФСР «О приватизации» [26; 10, л. 84-88.].

В начале 1990-х, как в целом в России, так и в Приморском крае одним из приоритетных направлений борьбы с преступностью в сфере экономики определена борьба с правонарушениями на потребительском рынке. Усилия подразделений по линии криминальной милиции направлялись на выявление и пресечение преступлений в сфере торговли и потребительского рынка, в том числе: незаконного предпринимательства в сфере торговли; незаконного повышения или поддержания цен; нарушения государственной дисциплины цен; выпуска или продажи товаров и оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности; квалифицированных обманов потребителей; квалифицированных нарушений в сфере торговли [41, л. 60-65; 11, л. 304.].

Органами внутренних дел для выполнения функций применялись различные формы организации оперативно-служебной деятельности. Свою эффективность показал принцип специализации. На коллегии МВД России отмечено, что в целях повышения эффективности борьбы с преступностью «оправдала себя» практика специализации как отдельных сотрудников, так и создание специализированных подразделений оперативных, следственных [42, л. 254-277.]. Создавались специализированные оперативные и (или) следственные подразделения, действующие по отдельному направлению. Создавались специализированные следственно-оперативной группы (бригады) (СОГ и СОБ) при расследовании уголовных дел. Проводились оперативно-профилактические мероприятия (операции).

Значительным потенциалом для расследования экономических преступлений обладали специализированные СОГ, создаваемые для раскрытия и расследования преступлений определенного вида, или серии преступлений [42, л. 254-277.]. Так, для борьбы с фальшивомонетничеством, МВД России создавались постоянные следственно-оперативные группы по раскрытию и расследованию преступлений о фальшивомонетничестве [14, л. 21.].

В период 1988–1992 гг. число преступных посягательств, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денег, государственных ценных бумаг и иностранной валюты возросло в 4,5 раза [31, с. 4-10.]. В Приморском крае приказом начальника УВД, полковника милиции

В.Ф. Ипатова от 12 декабря 1994 г. № 1584 года при УВД Приморского края создана постоянно действующая следственно-оперативная группа по раскрытию и расследованию преступлений о фальшивомонетничестве в составе – следователя (руководитель группы), оперуполномоченных ЭП, эксперта-криминалиста [14, л. 21].

Для комплексного применения сил и средств ОВД по отдельному направлению деятельности проводились оперативно-профилактические мероприятия (операции), которые становятся эффективной и необходимой формой организации борьбы ОВД с преступностью как в народном хозяйстве, так и в условиях рыночной экономики. В аграрном секторе в начале 1990-х проводились операции «Урожай». С первой половины 1990-х в Приморье начинают проводиться оперативно-профилактические мероприятия по другим направлениям.

Для борьбы с преступностью в лесной отрасли проводились операции «Лес» [15, л. 221; 20, л. 240-245], в целях пресечения преступлений в рыбной отрасли операции «Путина» [13, л. 194-195; 20, л. 240-245]. Проводились долговременные операции «Металл» по пресечению незаконного оборота металла, «Нефть» – по пресечению незаконного оборота ГСМ и нефтепродуктов [20, л. 240-245].

Обладая большим превентивным потенциалом, операции позволяли, во взаимодействии подразделений ОВД, увеличивать объёмы сил и средств, прилагаемых на отдельном направлении деятельности и одновременно охватывать значительное число предприятий на большой территории [39, л. 223-227; 43, л. 118-126; 13, л. 94-195; 19, л. 97-106.]. При проведении межведомственных операций объёмы сил и средств на определенном направлении борьбы с экономической преступностью увеличивались за счет других правоохранительных органов. Операции проводились в том числе в рамках краевых и федеральных программ по усилению борьбы с преступностью [15, л. 207-211; 22, л. 2-9.].

Организация отделом ЭП СКМ УВД Приморского края работы при проведении операций «Посев», «Урожай», «Спирт», «Путина-95» обеспечили существенный уровень государственного контроля над процессами в экономике в условиях приватизации государственной собственности и формирования частного сектора экономики.

При проведении операции «Урожай» в 1995 году под непосредственным руководством заместителя начальника ОЭП подполковника милиции Г.Р. Банщикова выявлено 194 преступления, в том числе 64 в форме присвоения имущества. Возбуждено 121 уголовное дело. Ущерб составил 100 млн рублей, из которых возмещено 60 млн [16, л. 119.].

В 1990-е гг. из страны незаконно вывозятся за границу крупные партии сырья и материалов, товаров народного потребления, а также металлов топлива, других материалов [21, л. 189-212; 38, л. 71-95.]. Приграничное расположение, развитый морской и железнодорожный транспорт, наличие таможенных переходов обостряло проблему вывоза ресурсов, в том числе стратегических, для Приморского края и ряда других регионов.

Для борьбы с незаконным вывозом сырья и других стратегически важных товаров при УВД Приморского края создано специализированное оперативно-поисковое отделение по борьбе с экономической преступностью на приграничных переходах, показавшее эффективную работу. Так в 1995 году усилиями данного подразделения под руководством начальника старшего лейтенанта милиции А.А. Жежко, совместно отделом ЭП СКМ под непосредственным руководством заместителя начальника ОЭП подполковника милиции Г.Р. Банщикова посредством проведения оперативных мероприятий выявлено 115 преступлений в сфере ВЭД, связанных с незаконным экспортом стратегического сырья и материалов, из них 78, совершенных через автопереходы с КНР. Изъято и обращено в доход государства 590 т. цветных металлов, свыше 8000 м. куб древесины на общую сумму около 2,5 млрд рублей [17, л. 131-132.]. За 7 месяцев 1996 года на автопереходах с КНР пресечены факты контрабанды металла на сумму 960 млн рублей изъято и возвращено государству 310 т. цветного металла [18, л. 176.]. За достигнутые результаты сотрудники поощрены [16, л. 115; 18, л. 176.].

В целях повышения эффективности борьбы с экономической преступностью, особенно в трансграничных формах, в Приморье с 1991 года развивается международное сотрудничество. В августе 1993 года во Владивостоке состоялась рабочая встреча делегации КНР – Управления общественной безопасности провинции Хэйлуэньян с УВД Приморского края, подведены итоги подготовительной работы, проведенной сторонами в 1991–1992 годы. Подписаны соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью, в других вопросах правоохранительной деятельности. Для этих целей определены – порядок обмена оперативной информацией, обмен оперативными сотрудниками, розыск без вести пропавших, розыск преступников их выдача; другие вопросы взаимодействия [11, л. 217.].

Несмотря на рост сложности и напряженности служебной деятельности в 1990-е гг. в стране установилась тенденция наращивания усилий службой ЭП по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики. В 1992 г. из всех выявленных правонарушений в сфере экономики сотрудниками ЭП, доля возбужденных уголовных дел составила 60,7% [38, л. 108.]. В Приморском крае по итогам 1992 года выявлено больше, чем в 1991 г.

хищений в крупных и особо крупных размерах на 5 %, взяточничества на 8 % нарушений правил о валютных операциях на 82 %. Материальный ущерб по всем выявленным преступлениям в крае составил 55 млн рублей [9, л. 248-250].

Успешно осуществляли борьбу с экономической преступностью ряд подразделений ЭП ОВД края. УВД г. Владивостока под руководством заместителя начальника ОЭП майора милиции Ю.А. Бекасова. Ленинского РОВД г. Владивостока под руководством начальника ОЭП майора милиции С.В. Краева. Советского РОВД г. Владивостока под руководством начальника РОВД полковника милиции В.И. Деменева и начальника ОЭП подполковника милиции Г.Р. Банщикова. Уссурийского РОВД под руководством начальника ОЭП майора милиции А.П. Водопьянова. Уссурийского ГОВД под руководством начальника ОЭП капитана милиции М.Д. Койнова. Ханкайского РОВД под руководством начальника ОЭП майора милиции В.П. Карпова. Хасанского РОВД под руководством начальника ОЭП майора милиции В.М. Кротова. ЛОВД порта Находка под руководством начальника ОЭП майора милиции А.А. Медведева. ЛОВД на водном транспорте УВД Приморского края под руководством начальника ОЭП А.А. Шардина [9, л. 248-250]. По итогам работы сотрудники поощрены.

Тенденция наращивания усилий подразделениями ЭП в крае сохраняется. Только за первое полугодие 1993 года возбуждено уголовных дел о преступлениях в сфере экономики 413, (в аналогичном периоде 1992 года – 273), а доля возбужденных уголовных дел в структуре выявленных нарушений возросла с 36,3% до 56,3% [11, л. 11-12.]. Реализуя государственную политику, проводились мероприятия по борьбе с хищениями государственной собственности, по результатам первого полугодия 1993 г. на 90 % больше выявлено хищений в крупных и особо крупных размерах [11, л. 11-12.]. Методы и средства оперативно-разыскной деятельности обеспечивали достижение поставленных целей – выявление, пресечение и раскрытие хорошо замаскированных экономических преступлений.

Реализованы задачи по обеспечению возмещения причинённого вреда. В процессе расследования уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, добровольно возмещено, погашено, а также изъято имущества, ценностей, денег на сумму свыше 74 млн рублей. Эффективны в крае были принимаемые меры по пресечению нарушений правил о валютных операциях, по

итогах полугодия 1993 года пресечено в 3 раза больше преступных нарушений правил о валютных операциях [11, л. 11-12.], а по результатам года выявлено больше на 3,6 % [12, л. 301.].

Несмотря на положительные тенденции, в деятельности ОВД Приморья по борьбе с преступностью в сфере экономики проявлялись недостатки в организации работы. По ряду направлений оперативно-служебной деятельности борьба с экономической преступностью велась без учета складывающейся оперативной обстановки [12, л. 187-190.]. Общее число выявленных хищений снижалось [38, л. 108.], нагрузка на одного сотрудника службы ЭП по раскрытым преступлениям составила 2,1 (в целом в стране – 2,3). В 1993 году удельный вес тяжких преступлений из всех выявленных в сфере экономики составлял 20,4% (в целом в стране – 21,2%). Каждый третий материал по выявленным нарушениям разрешался без возбуждения уголовного дела, по хищениям каждый второй. В 27 горрайорганах Приморья не выявлялись факты взяточничества [12, л. 187-190.].

Недостатки в организации работы по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений в сфере экономики в начале 1990-х гг. определялись рядом причин: проблемами кадрового обеспечения (в целом по стране к 1992 году 30-50% личного состава в службе ЭП имели опыт работы до 1 года [37, л. 5-26; 3, л. 204; 4, л. 278; 5, л. 319; 6, л. 253.]); упущениями в руководстве; проблемами приобретения источников оперативной информации [12, л. 301.]; сложностью и напряженностью оперативно-служебной деятельности; недостатками материально-технического оснащения.

Таким образом. Органы внутренних дел в начале 1990-х для борьбы с преступностью в сфере экономики применяли различные меры – создавались специализированные подразделения, следственно-оперативные группы, проводились целевые операции. Основную роль в борьбе с опасными экономическими преступлениями, выполняли специализированные оперативные подразделения милиции, создаваемые в структуре криминальной милиции, осуществлявшие методами и средствами ОРД борьбу с преступлениями в сфере экономики. Деятельность подразделений ЭП Приморского края в начале 1990-х характеризовалась положительными тенденциями наращивания усилий по борьбе с экономической преступностью, в то же время проявлялись и недостатки, обусловленные причинами общими для системы органов внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврутин Ю.Е., Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспективы развития). СПб. 1998. 197 с.

2. Амельчаков И.Ф. Концепция административно-правового статуса полиции в современной России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 130–141.
3. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 515.
4. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 521.
5. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 522.
6. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 523.
7. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 527.
8. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 22.
9. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 54.
10. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 57.
11. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 64.
12. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 71.
13. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 76.
14. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 84.
15. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 116.
16. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 125.
17. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 150.
18. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 157.
19. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 217.
20. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 222.
21. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 3. Д. 223.
22. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 4. Д. 10.
23. Дорохов В.Ж. Опыт реформирования и деятельности органов милиции Хабаровского края в 1953–1968 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 Хабаровск. 2006. 29 с.
24. Жадан А.В. Органы внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг. Исторический опыт организации и деятельности: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. ДВФУ. Владивосток., 2018. 280 с.
25. Закон РСФСР «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503.
26. Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» от 3 июля 1991 г. № 1531-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 27. – Ст. 927.
27. Иванов В.Е. Органы милиции Приморского края в 1985–1991 гг.: историографический обзор // Клио. 2020. № 6 (162). С. 90–96.
28. История органов внутренних дел: учебник / под ред. Р.С. Мулукаева. 2-е изд., перераб. и доп. М. 2015. 324 с.
29. Коровников П.В. Роль правоохранительных органов Приморского края в противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов (1997–2005 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. Благовещенск: Изд-во БГПУ. 2019. С. 138–144.
30. Кудин В. А. 210 лет МВД России: история и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3. С. 4–8.
31. Мацкевич И.М. Организованная экономическая преступность // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18). С. 4–10.
32. Некрытый В.В. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по противодействию преступности на рубеже XX–XXI вв. // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы международной научно-практической конференции. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России. 2019. С. 100–104.
33. Органы МВД Приморья: 160 лет на страже порядка. В 3 кн. Кн. 1. История и современность полиции и милиции Приморского края. Владивосток. 2018. 584 с., ил.
34. Панфилец А.В., Фёдоров А.Б. Становление системы органов внутренних дел Российской Федерации (1990–2000 гг.) (к 300-летию российской полиции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 13–19.
35. Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н., Антропов В.М., Миронов Е.В. История органов внутренних дел Алтая. Монография. Барнаул. 2017. 348 с.
36. Суверов Е.В., Миронов Е.В. Деятельность алтайской милиции (1953–1991 гг.). Учебное пособие. Барнаул. 2018. 104 с.
37. Центральный архив МВД России. Ф. 133. Оп. 1. Д. 9.
38. Центральный архив МВД России. Ф. 133. Оп. 1. Д. 17.
39. Центральный архив МВД России. Ф. 133. Оп. 1. Д. 112.
40. Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 14.
41. Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 71.
42. Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 183.
43. Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 251.
44. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности: монография. Хабаровск. 2018. 354 с.
45. Шелудько В.О. Организационно-правовые основы деятельности общей полиции Дальнего Востока России: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2004. 206 с.

© Виноградов Андрей Михайлович (philosophyworld@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРОСВЕЩЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII ВЕКА О ЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО СУЩНОСТИ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет
(г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

HISTORY OF RUSSIAN ENLIGHTENMENT THOUGHT OF THE 18TH CENTURY ABOUT MAN AND HIS ESSENCE

V. Skopa

Summary: Starting from the second half of the 17th century, a trend of a new interpretation of man and his activity is outlined in Russian thought. Considerable attention is paid to the problem of human nature. It is associated with numerous social transformations that have caused the intensification of people's activities in various spheres of public life - production, trade, science, politics, culture. A new criterion for evaluating human activity appears. The problem of man, his morality was one of the main themes in the works of many Russian enlighteners. The basis of the solution to the problem of man, proposed by enlightenment thought, was the self-worth of the individual; the understanding that an unchanging, «natural» nature is inherent in man from the very beginning; faith in the power of reason, which affirms society on a fair, reasonable basis. The fixation of the uniqueness of a person was accompanied by the Russian enlighteners with the desire not to leave the soil of scientificity in the process of studying him and was associated with a decisive rejection of all sorts of mystical insights and irrational principles.

Keywords: history, Enlightenment, anthropology, absolutism, history of philosophical thought.

Аннотация: Начиная со второй половины XVII века, в русской мысли намечается тенденция новой трактовки человека и его деятельности. Существенное внимание уделяется проблеме человеческой природы. Она связана с многочисленными социальными преобразованиями, вызвавшими активизацию деятельности людей в разнообразных сферах общественной жизни – производство, торговля, наука, политика, культура. Появляется новый критерий оценки человеческой деятельности. Проблема человека, его нравственности являлась одной из основных тем в произведениях многих русских просветителей. Основой решения проблемы человека, предложенного просветительской мыслью была самоценность личности; понимание, что человеку изначально присуща неизменная, «естественная» природа; вера в силу разума, утверждающего общество на справедливых, разумных началах. Фиксация уникальности человека сопровождалась у русских просветителей стремлением не покидать в процессе его изучения почвы научности и была связана с решительным отказом от разного рода мистических прозрений и иррациональных начал.

Ключевые слова: история, Просвещение, антропология, абсолютизм, история философской мысли.

Каждая эпоха обладает свойственным ей антропологическим социокультурным статусом, детерминированным особым измерением – измерением человеческой сущностью. Начало XVIII века отчетливо проявилось в становлении нового культурно-исторического типа человека [1]. Проблема социокультурного бытия актуальна была во все времена. Во многом этому способствовали такие факторы как критика научного подхода к изучению духовной природы человека; возрастание значимости вопросов сущностного бытия человека в условиях социокультурных трансформаций общества; утверждение динамичности и подвижности статусного положения современного человека [2].

Проблема человека всегда была в русле исследовательской проблематики, разрабатываемой несколькими поколениями философов, историков, правоведов, литературоведов, педагогов. В этой связи историография заявленного проблемного поля весьма обширна [1, 2, 4, 7, 10].

Начиная со второй половины XVII века, в русской мысли намечается тенденция новой трактовки челове-

ка и его деятельности. Она связана с многочисленными социальными преобразованиями, вызвавшими активизацию деятельности людей в разнообразных сферах общественной жизни – производство, торговля, наука, политика, культура, образование [5]. Появляется новый критерий оценки человеческой деятельности. Если в Древней и Средневековой Руси человека ценили в основном за его богоугодные дела – молитвы, посты, «подаяние милостыни», то со второй половины XVII века главную заслугу человека видят в его мирской жизни: энергия и труд человека в воззрениях деятелей русской культуры этого периода стали отделяться от церковной интерпретации, ранее обязательной. Такое понимание человеческой деятельности приближалось к выдвинутому гуманистами Возрождения принципу активного служения общее таенному делу, «общей пользе» [13]. С этих позиций подходили к оценке своей деятельности и деятельности своих современников представители русской просвещенческой мысли XVIII века.

Проблема человека, его нравственности является одной из основных тем в произведениях русских мысли-

телей эпохи Просвещения. Основой решения проблемы человека, предложенного просветительской философией, являлось: самоценность личности; понимание, что человеку изначально присуща неизменная, «естественная» природа; вера в силу разума, утверждающего общество на справедливых, разумных началах [6].

В этот исторический период антропоцентризм, нравственные качества человека определяют развитие всех отраслей знания, науки. «Этическая мысль, - пишет Е. А. Овчинникова, - высвобождается из-под влияния богословия и обращается все более и более к изучению человека, повышается интерес к человеку как к существу природному и историческому» [12]. Проблему человека просветители связывали с проблемой нравственности, добродетели, которая занимает большое место в произведениях философов-просветителей и писателей XVIII века.

В условиях модернизации общества, государству требовался новый «сорт» человека, способного организовать общественную жизнь на основах разума и справедливости. Вопросы воспитания человека, его свободы, обязанностей, как гражданина, были тесно связаны с вопросами взаимодействия верховной власти и общества, отношением человека с государством [18]. Поэтому идеологи консервативного и просветительских направлений особое внимание уделяли не просто проблеме воспитания человека, а говорили о воспитании добродетельного и благородного гражданина – «истинного сына Отечества» [17]. Такие мыслители как Н. Поповский, Н.И. Новиков, Д.С. Аничков, С.Е. Десницкий, Я.П. Козельский, П.С. Батулин выступили на общественной арене как продолжатели наиболее передовых традиций русской мысли первой половины XVIII столетия.

Концепция человека русских просветителей представляет собой прогрессивное по своей социально-политической ориентации и по философскому содержанию учение в русской общественной мысли [6]. Оно подготовило почву для возникновения качественно новой, революционно-критической концепции человека в мировоззрении А.Н. Радищева [14].

Тяжелое положение народа, испытывавшего на себе феодальные и полукапиталистические формы эксплуатации, необходимость идеологического обоснования их формально-юридического освобождения от внеэкономического принуждения обуславливали повышенный интерес в среде русских просветителей к проблеме человека, к всестороннему осмыслению его естественных и общественных прав, обязанностей, к познанию его «природы», цели и смысла его бытия [3]. Такое философское осмысление в качестве существенного момента неизбежно включало в себя вопросы соотношения природного и духовного начал в человеке как в онто-

логическом, так и в гносеологическом плане. При этом в противовес масонским мистикам и официальному, так называемому «придворному» русскому православию просветители опирались и непосредственно включали в свои рассуждения выводы, факты и принципы современного им естествознания. Не случайно Н.Н. Поповский и А.А. Барсов, открывающие собой плеяду подвижников отечественного Просвещения второй половины XVIII века, были прямыми учениками и последователями русского мыслителя-энциклопедиста М.В. Ломоносова, впервые в России открыто провозгласившего союз естествознания и философии. Кроме того, русские просветители второй половины XVIII века находились в тесной идейной связи с такими учеными-естествоиспытателями, как К.Ф. Вольф, А.А. Каверзнев, А.Т. Болотов, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, В.Ф. Зуев [2]. Важно заметить, что во взглядах отечественных просветителей заключалась взаимосвязь частнонаучного и философского знания, и это отражалось в их идейных воззрениях.

Смешанное влияние, с одной стороны, принципов и теоретических моделей классической механики, математики, физики макротел и, с другой – наук, изучающих специфические, сложноорганизованные объекты в виде форм органической жизни, наук, насыщенных рядом диалектических догадок и положений, сглаживало крайности механицизма и объективно способствовало сближению материалистических и гуманистических ориентаций в просветительских концепциях человека [6]. Среди русских просветителей второй половины XVIII века нет ярко выраженных сциентистов и антисциентистов. Можно выделить непосредственно ориентированные на естествознание идейные концепции человека Д.С. Аничкова, А.М. Брянцева, Я.П. Козельского, П.С. Батурина, и преимущественно этико-гуманитарные учения Н.И. Новикова, С.Е. Десницкого, И.А. Третьякова [6, 7].

Следует учитывать и то, что мера приближения к материалистической последовательности во взглядах на человека, а также степень метафизической ограниченности этих взглядов во многом определялись тем, на какую именно область знания о природе прежде всего ориентировался тот или иной мыслитель. Так, облакавший свои философские и исторические взгляды в действительную форму Н.Н. Поповский выдвигал в качестве универсальных теоретических образцов такие науки, как арифметика, геометрия, механика, астрономия, своеобразным обобщением которых выступала для него философия [7]. Математические методы высоко ценили и использовали Д.С. Аничков, Я.П. Козельский, А.М. Брянцев. Зарождавшуюся в то время науку – антропологию хорошо знал С.Е. Десницкий. Эта наука, указывал Энгельс, как раз и опосредует «переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории», т.е., с одной стороны, антропология служит источником антисхоластических и натуралистических представлений, а с дру-

гой – в какой-то мере приближает эти представления к осознанию социально-исторических аспектов человеческого бытия [7]. Другой видный отечественный просветитель Батурин, знаток многих областей естествознания, в своих рассуждениях опирался прежде всего на достижения химии и физиологии. И именно в этом Батурин справедливо усматривал главное оружие в деле разоблачения мистических химер, религиозных предрассудков и алхимических тайн масонства [3, 8].

Поповский Н.Н. в свое определение предмета философии включал учение о человеке и его благе. Он указывал, что в философии «благополучие, то есть всех наших действий внешних и внутренних естественная причина, в самом подлинном виде лице свое показывает» [8]. Примерно те же принципиальные установки находим в «Речах» и «Словах» А. Барсова, где утверждается, что конечная цель философии, а через нее и всех наук состоит в том, чтобы «приобщать разум к твердому познанию истины, чтобы оный напоследок знать мог, в чем наше истинное благополучие заключается» [16, с. 114]. В духе антропоцентризма этического толка высказывался и Козельский. «Кажется мне, - подчеркивал он, - лучше определять философию наукою благополучия», т.е. способ, с помощью которого каждый человек и весь род человеческий могут достичь «прямого благополучия» [8]. Аничков Д.С. в свою очередь полагал, что началом всякой истины является знание человеком самого себя. Крупнейший отечественный просветитель Н.И. Новиков со свойственной ему определенностью также писал о бесполезности всякого, в том числе и научного знания, если оно не входит в человеческий «круг умозрения», если оно лишено нравственно-прагматических аспектов и не служит делу познания и улучшения человеческой природы [8]. «Ежели ученый, - отмечает Н.И. Новиков, - все свои познания не устремит к совершенному разрешению оной загадки: на какой конец человек родится, живет и умирает, то достоин сожаления и со всеми своими знаниями есть сущий невежда, вредный самому себе, ближнему и целому обществу» [11]. Таким образом, во взглядах русских просветителей отчетливо проявляется антитеологическое переключение теоретического интереса с познания бога и его творений на изучение природы и особенно человека. При этом отечественные мыслители специально разрабатывали принципы подхода к анализу человека и всех сторон его жизнедеятельности, в которых также отразилось воздействие на их взгляды естественнонаучного знания [2, с. 115].

С одной стороны, ими подчеркивалась исключительность человека как совершенно особого, одновременно и «нравственного», и «физического» существа, изучение которого требует известного видоизменения методов и приемов исследования прежде всего по сравнению с анализом предметов и процессов неживой природы. В этом ключе писал Я.П. Козельский «Генеральность наук

или общественность всего познания человеческого нельзя яснее, а притом и круглее разделить, как на две части, то есть на познание вообще природы представляющихся нам вещей и на познание особенно природы человека» [8, с. 296-297]. Однако, с другой стороны, эта фиксация уникальности человека сопровождалась у русских просветителей стремлением не покидать в процессе его изучения почвы научности и была связана с решительным отказом от разного рода мистических прозрений и иррациональных начал.

Особенно в этом отношении показателен П. С. Батурин, который из всех идеологов русского Просвещения XVIII века наиболее ярко воплотил в своей деятельности дух непримиримой и острой критики мистико-религиозной идеологии масонства, в том числе масонских принципов изучения человека. Батурин решительно отвергал мнимое наукообразие, ложную и бессодержательную таинственность масонских идей, которые особенно недопустимы в учении о человеке, составляющем основу для выработки этических норм его поведения. «Никакое учение, - указывал русский просветитель, - откуда бы оно ни произошло, а наипаче такое, которое близко до блаженства человеческого касается, не долженствует проповедоваться непостижимо и сокровенно; таковой образ обманчивого наставления употребляем токмо одними тщеславными и лживыми учителями, дабы мнимую свою премудрость покрыть некоим мрачным изречением, под которым бы ничтожность знания их удобно скрыться могла» [8, с. 458]. Батурин, как и другие отечественные просветители, утверждал, что знания о человеке должны быть научно достоверны, опираться на опыт и наблюдения, согласовываться со здравым смыслом и с общечеловеческой логикой. Отбрасывая неумные претензии масонских пророчеств об «истинном человеке», он рассматривал науку о человеке как свод знаний, служащих к его пользе, к удовлетворению его нужд.

Следует указать, что принципиально антропологическая направленность философских поисков в идеологии эпохи Просвещения была глубоко, хотя и не всегда осознанно, связана с критикой теологической картины мира, и прежде всего с «земнородностью» идеи бога. В русском Просвещении XVIII века эту тенденцию с наибольшей полнотой выразил в своей диссертации «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богочитания» Д.С. Аничков [15].

Отвергая религиозно-мистические домыслы, отечественные просветители в качестве атрибутивного свойства человеческого индивида выдвигали его тесную, а порой и нерасторжимую связь с окружающим миром, его включенность в природные процессы. Так, Десницкий подчеркивал «Человек – равномерно как и все животные и растущие на земле вещи, из всех таких всеобщих свету перемен исключен быть не может» [8, с.

327]. По этой причине подлинно научное, в понимании С.Е. Десницкого, познание всех сторон его бытия вопреки крайне туманным и умозрительным интроспекциям масонства должно основываться на изучении природы, на данных естествознания [6]. Рассмотрение природы, которая исторически предшествовала человеку, должно быть и логически первично по отношению к изучению человека. «Познание одной человеческой природы, - указывал Я.П. Козельский, - без основательного познания общей природы вещей несколько темновато и к погрешностям поползновенно, а притом человек, родясь на свет, по одним своим природным способностям познает несколько прежде натуру» [8, с. 335].

Такой подход к изучению человека диктуется и его державным положением в мире. Человек, поскольку он является самым совершенным творением природы – микрокосмом, или «истинным сосредоточием всей земли и всех вещей», естественно, теснейшим образом связан с окружающим его миром [7]. Поэтому исследование сущности человека, претендующее на глубину ее познания и полноту описания ее проявлений, возможно лишь в случае всестороннего учета этих связей. Новиков Н.И. открыто провозгласил эту мысль в качестве творческого кредо русского Просвещения, содержащего основополагающие принципы материалистических и деистических учений о человеке. «Если мы хотим рассмотреть человека надлежащим образом во всех окрестностях его, тогда неминуемо долженствуем разобрать и то, в каких отношениях находится он ко всем вещам, вне его сущим» [11, с. 367].

Укорененность человеческого индивида в природном миропорядке обуславливает и общность основных методов познания природы и человека. Теоретическое мышление XVIII столетия в соответствии с идеалом научности своего времени выдвигало на первый план необходимость изучения механических взаимосвязей явле-

ний и процессов, связанных друг с другом по принципу простой каузальности. Отсюда истинное знание понималось как знание причины, а основная цель исследования – поиск однозначно определяющей то или иное событие «вины». Не случайно русский просветитель Я.П. Козельский в одном из определений предмета философии отмечал, что философия «есть наука испытания причин... вещей и дел», а А.М. Брянцев на основе динамических законов механики пытался обосновать идею материального единства мира [8].

Проблема взаимодействия «нравственной» и «физической» ипостасей человека, его органической и духовной жизни получила наиболее полное освещение в воззрениях Д.С. Аничкова. Следует подчеркнуть, что не все его работы равноценны, некоторые положения, встречающиеся в них, порой противоречивы, имеются уступки религии в виде признания бытия бога, бессмертия души, ее индетерминированности свободы.

В целом, учение о человеке в трудах русских просветителей XVIII века занимает едва ли не главенствующее место. Роль и природное предназначение человека как субъекта существенно переосмысливается. Человек рассматривается вопреки мистико-теистическим доктринам как специфическая часть природы, подчиняющаяся ее общим законам, в том числе и законом механической причинности. Феномен человека понимался как сложное целое, при изучении которого необходимо учитывать взаимосвязи его разнородных элементов как между собой, так и главным образом между ними и окружающей человека природой.

В нескончаемых спорах между мыслителями рождались современные концепции прав человека и гражданина, гражданского общества и плюралистической демократии, правового государства и разделения властей, рыночной экономики и этики индивидуализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.И. Историография русской философии XVIII века // *Общественная мысль: исследования и публикации*. Вып. 2. М., 1990. – С. 48-72.
2. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII - первая половина XIX в.). М., 1985. – 295 с.
3. Артанухин С.В. Философские и общественно-политические взгляды русских масонов второй половины XVIII первой четверти XIX вв.: Дис. На соиск. уч. ст. доктора филос. наук. Екатеринбург, 1996. – 51 с.
4. Артемьева Т. В. История метафизики в России в XVIII веке. СПб, 1996 – 320 с.
5. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987. – 348 с.
6. Болдырев А.И. Проблема человека в русской философии XVIII века. М., 1986. – 126 с.
7. Величие здравого смысла: Человек эпохи Просвещения. М., 2010. – 288 с.
8. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2-х т. Т. 1. М., 1952. – 607 с.
9. Ключевский В.О. Русская история. В 2-х кн.: Кн. 2. М., 2000. – 591 с.
10. Марасинова Е.Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. – 458 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 12, 20.
12. Новиков Н.И. Избранные сочинения. М., 1951. – 744 с.

13. Овчинникова Е.А. Этическая мысль русского Просвещения // Мысль, 1999. № 1. Т. 3.
14. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993. – 213 с.
15. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л., 1941.
16. Скопа В.А. Просветительские воззрения Д.С. Аничкова на проблему человека: историко-философский анализ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 12. С. 77-80.
17. Собрание речей, говоренных в Московском университете при торжественных случаях Антоном Барсовым. М., 1788.
18. Щипанов И.Я. Философия русского просвещения: вторая половина XVIII века. М.: Моск. ун-т. 1973. – 285 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

INCREASING MOTIVATION OF NON-LINGUISTIC STUDENTS FOR LEARNING FOREIGN LANGUAGES TO IMPROVE THEIR PROFESSIONAL COMPETENCE

**T. Baeva
K. Kubacheva
O. Trubitzina
T. Sinitsyna**

Summary: The article discusses the issues of medical students' motivation in mastering a foreign language as one of the important elements of improving their professional competence. The authors present a theoretical analysis of methods for increasing motivation and the results of studies conducted at a medical university. Students were tested to study the level of foreign language proficiency and readiness to learn the professional language. Based on the questionnaire developed by the authors, an interview was conducted to identify students' motives for learning foreign languages. The article presents a model for developing professional foreign language competence in e-learning environment which integrates new information technologies in teaching process. The authors consider it to be the way for increasing students' motivation to professional communication in foreign languages.

Keywords: motivation, mastering a foreign language, model of professional foreign language competence, e-learning environment.

Баева Тамара Ахматовна

доцент, кандидат педагогических наук, Северо-Западный
государственный медицинский университет
им. И.И. Мечникова (Санкт-Петербург)
tamarabaeva@mail.ru

Кубачева Кабият Ибрагимовна

доцент, кандидат педагогических наук, Северо-Западный
государственный медицинский университет
им. И.И. Мечникова (Санкт-Петербург)
gabib101155@mail.ru

Трубицина Ольга Ивановна

доцент, кандидат педагогических наук, Российский госу-
дарственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
truwat@bk.ru

Синицына Татьяна Анатольевна,

старший преподаватель, Северо-Западный государ-
ственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
(Санкт-Петербург)
sinitsinatatjana@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы мотивации студентов медицинских вузов в овладении иностранным языком как одного из важных элементов успешности формирования профессиональной компетенции. Авторами представлен теоретический анализ методов повышения мотивации и результаты исследований, проведенных в медицинском вузе. Было проведено тестирование для изучения уровня владения иностранным языком и готовности к изучению языка профессии. На основе разработанной авторами анкеты проведено собеседование, в ходе которого были выявлены мотивы изучения иностранных языков. В статье представлена модель формирования профессиональной иноязычной компетенции в информационной образовательной среде (ИОС), которая за счет системной интеграции новых информационных технологий в обучение иностранным языкам является способом повышения мотивации к профессиональному общению на иностранном языке.

Ключевые слова: мотивация, овладение иностранным языком, модель профессиональной иноязычной компетенции, ИОС.

Введение

В современных условиях практическое владение иностранными языками становится важной составляющей успешного трудоустройства и последующего карьерного роста специалистов различных отраслей. Развитие профессиональной иноязычной компетенции, обеспечивающей умение общаться в профессиональной сфере, является важным компонентом профессиональной подготовки специалистов. В настоящее время

от будущих (студентов) и квалифицированных специалистов требуется такой уровень владения иностранным языком, который позволял бы использовать его и «как орудие познания», и как «средство получения новых знаний», и как «инструмент общения в диалоге культур и цивилизаций современного мира».

Несмотря на то, что роль иностранных языков выросла многократно, обучение языкам студентов неязыковых специальностей имеет еще много нерешенных проблем.

Причиной этого является сложность процесса обучения иностранным языкам в заданных условиях, многообразие факторов, влияющих на процесс обучения, таких как: недостаточное количество часов, отведенных на изучение дисциплины «Иностранный язык»; неоднородный уровень владения студентами иностранным языком; несбалансированность программы обучения, согласно которой изучение иностранных языков заканчивается, как правило, до начала специализированных курсов по профилирующим предметам; низкий уровень мотивации студентов к изучению иностранных языков. К сожалению, не все студенты способны планировать свое профессиональное будущее на 1 курсе, когда у них проходит курс иностранного языка и формируется профессиональная иноязычная компетенция, поэтому приоритетной задачей преподавателей является формирование и поддержание мотивации в изучении иностранных языков.

Мотивация является распространенной проблемой, которая остро стоит не только перед преподавателями, но и перед самими обучающимися и характеризуется комплексностью и многообразием подходов к пониманию ее сущности. С этой точки зрения интересным представляется определение И.А. Зимней, которая характеризует мотивацию «как сложную, многоуровневую неоднородную систему побудителей, включающую в себя потребности², мотивы, интересы, идеалы, стремления, установки, эмоции, нормы, ценности и т.д.» [6]. Анализ научной литературы по проблеме мотивации позволяет заключить, что мотивацию рассматривают и как совокупность стойких мотивов, побуждений, которые определяют содержание, направленность и характер деятельности личности, её поведения [8]; систему «взаимосвязанных и соподчинённых мотивов деятельности человека»; «мотивы, побуждающие к деятельности, вызывающие активность организма, определяющие её направленность»³. А.Г. Маклаков говорит о мотивации как о системе факторов, детерминирующих поведение и характеризует ее как процесс, стимулирующий и поддерживающий поведенческую активность на определённом уровне. [9]. Вышеназванные определения свидетельствуют о том, что мотивация – это сложное системное объединение, представляющее собой стержень личности, к которому направлены такие ее свойства, как ценностные ориентации, эмоции, притязания, социальные ожидания, установки и другие социально-психологические характеристики [7].

Маслоу рассматривает мотивацию учебной деятель-

ности как полифункциональную систему мотиваторов, включающую потребности, мотивы, цели, интересы, склонности, идеалы, эмоции [10]. Поскольку мы говорим об обучении иностранным языкам, то нас в первую очередь интересует учебная мотивация, т.е. вид мотивации, включенный в деятельность учения. Учебная мотивация находится под влиянием целого ряда внешних факторов, характеризующих учебную деятельность. Она определяется:

- самой образовательной системой, образовательным учреждением;
- организацией образовательного процесса;
- субъектными особенностями обучающихся;
- субъективными особенностями педагога, касающиеся, прежде всего, системы его отношений к обучаемым;
- спецификой учебного предмета.

Несмотря на различия в понимании и подходах к изучению проблемы мотивации, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что в структуре мотивации можно выделить несколько стадий или блоков: воздействие на человека какого-либо стимула, возникновение на основании этого стимула определённой потребности, активизация соответствующего мотива, побуждение к действию и собственно действие. Наблюдения за студентами неязыковых вузов показали, что учебная деятельность по изучению иностранного языка является полимотивированной, то есть управляется группой мотивов, выполняющих побуждающую, направляющую и регулируемую функции. К группам мотивов, релевантных для обучения иностранным языкам студентов неязыковых вузов относятся: внешние и внутренние; устойчивые социальные мотивы (позиционные, аффилиации); мотив новизны; мотив избегания неприятностей; ситуативные мотивы; процессуально-содержательные мотивы; мотивы достижения. Мы придерживаемся точки зрения исследователя Ю.М. Бобрицкой, которая выделила следующие *виды мотивации учебной деятельности* студентов неязыкового вуза по изучению иностранного языка: 1) *ситуационная*, обусловленная внешними факторами и *устойчивая*, определяемая внутренними устремлениями; 2) *релевантная*, связанная непосредственно с учебной деятельностью по изучению иностранного языка и *нерелевантная*, не имеющая прямого отношения к учению и развитию (например, желание заслужить высокую оценку, получить зачет по предмету «иностранный язык»); 3) *личностная*, управляемая личностно-значимыми мотивами и мотивация, управляемая *социальными* мотивами. У студентов неязыкового вуза усложнение

1 Азимов, Щукин, 2019. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам.

2 Олешков, М.Ю. Современный образовательный процесс, основные понятия и термины / М.Ю. Олешков, В.М. Уваров - М.: Компания Спутник, 2006. - 191 с.

3 Блейхер, В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. – Ростов н/Д.: Феникс, 1996. – С.112.

структуры мотивационной сферы личности применительно к изучению иностранного языка происходит от ситуационной, нерелевантной, управляемой социальными мотивами – к личностной релевантной, управляемой личностными и познавательными мотивами [4].

Таким образом, можно сделать вывод о поэтапном развитии у студентов неязыкового вуза мотивации к изучению иностранного языка в процессе активизации доминирующих мотивов, релевантных учебной деятельности. Необходимо учитывать, что мотивационная сфера учения определяется:

- характером и содержанием учебной деятельности, ее структуры и компонентов;
- смыслом учения для каждого конкретного обучающегося;
- мотивами учения;
- целями учения;
- характером эмоций, сопровождающих процесс обучения.

Мы полагаем, что уровень учебной мотивации следует рассматривать как один из наиболее значимых критериев эффективности педагогического процесса, поскольку образовательный процесс по обучению иностранным языкам в неязыковом вузе направлен на подготовку выпускников, способных и готовых осуществлять профессиональную деятельность в условиях поликультурного пространства.

Как известно, основной целью обучения студентов неязыковых вузов иностранным языкам является формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции, которая позволит:

1. осуществлять взаимодействие на основе национально-специфических моделей коммуникативного поведения в профессиональной сфере общения, принятыми в данной культуре;
2. использовать в профессиональной речи социокультурно-маркируемые языковые единицы, речевые клише и др.;
3. сохранять национальную самоидентификацию в условиях межкультурного общения;
4. обеспечить более высокую мобильность выпускников неязыковых вузов в изменяющихся условиях рынка труда.

Анализ научной литературы показывает, что иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция получила различные трактовки в работах исследователей. А.П. Петрова выделяет иноязычную профессиональную коммуникативную компетенцию в особый вид и трактует как готовность и способность к владению предметными научными знаниями в профессиональном общении [11]. Рассматривая профессиональную иноязычную компетенцию как совокупность двух составляющих, И.В.

Зайцева выделяет: личностную, включающую мотивационный, эмоционально-волевой и когнитивный компоненты и деятельностную, представленную информационным и процессуальными компонентами [5].

Целью данного исследования является изучение, классификация и сравнительный анализ мотивации студентов-медиков к изучению иностранного языка и представление одного из способов развития профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции медицинского работника средствами электронной образовательной среды.

Материалы и методы

При наблюдении за студентами неязыковых вузов мы заметили, что они полимотивированы к учебной деятельности по изучению иностранного языка, т.е. управляются группой мотивов, выполняющих стимулирующую, направляющую и регулирующие функции. К группам мотивов, актуальных для обучения иностранным языкам, относятся: внешние и внутренние; устойчивые социальные мотивы (позиционные, аффилиативные); мотив новизны; мотив избегания неприятностей; ситуационные мотивы; материальные процессуальные мотивы; мотивы достижения. Мы придерживаемся точки зрения Ю.М. Бобрицкой, которая выделила следующие виды мотивации учебной деятельности студентов при изучении иностранного языка:

1. ситуационная мотивация, обусловленная внешними факторами и устойчивая, определяемая внутренними намерениями;
2. релевантная мотивация, непосредственно связанная с деятельностью по изучению иностранного языка, и нерелевантная, не связанная непосредственно с обучением и развитием (например, стремление получить высокую оценку, зачет по предмету);
3. личностная, управляемая личностно значимыми мотивами и побуждениями, управляемая общими мотивами.

Для студентов неязыкового вуза усложнение личностно-мотивационной структуры применительно к обучению иностранному языку происходит от ситуативной, нерелевантной мотивации, управляемой социальными мотивами, к релевантной личностной, управляемой личностно-познавательными мотивами [4].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о постепенном развитии мотивации к изучению иностранного языка в процессе активизации доминирующих мотивов, имеющих отношение к учебной деятельности.

Мы рассматриваем уровень учебной мотивации как один из наиболее значимых критериев эффективности

педагогического процесса, поскольку преподавание иностранных языков в неязыковом вузе направлено на подготовку специалистов, способных и готовых работать в поликультурной среде.

В процессе развития профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции большой интерес представляют факторы, способствующие формированию у студентов положительной мотивации учебной деятельности. Прежде всего, это осознание целей обучения, теоретической и практической значимости полученных знаний и перспективы их освоения, профессиональной направленности учебной деятельности, эмоциональной формы подачи учебного материала, проблемности заданий и возможность их выбора. Позиция студента, его внутреннее отношение к жизни, личная значимость, а также позитивный настрой учебной группы и ее приверженность к учебно-познавательной деятельности по овладению иностранным языком в профессиональных целях и способность к проявлению психической самостоятельности и инициативы в обучении нельзя игнорировать [3]. Этот список можно продолжить такими факторами, как: оптимальный уровень сложности, переход от абстрактного к конкретному, активность личности, последовательное моделирование содержания профессиональной деятельности, на которые указывали А.А. Вербицкий и Н.А. Бакшаева. Мы разделяем мнение М.А. Акоповой о том, что для повышения мотивации студентов при обучении иностранным языкам в профессиональной подготовке необходимо внедрить в образовательный процесс современные педагогические и психологические технологии развития личности с учетом вариативности образования, направленные на расширение возможностей профессионального самоопределения и саморазвития [1].

Университетский курс отличается от школьного ориентацией на использование иностранного языка в будущей профессиональной деятельности. Понимание форматов профессионального общения на иностранном языке и осознанное отношение к ним – залог успеха овладения иностранным языком. Чтобы помочь студентам переключиться с общекультурных тем на профессиональные, необходимо целенаправленно развивать мотивацию к учебной деятельности. Для этого необходимо, прежде всего, выявить ожидания студентов относительно курса иностранного языка. Чтобы получить информацию об уровне мотивации студентов к изучению иностранного языка, их исходном уровне владения, понимания цели изучения иностранного языка мы провели:

1. собеседование со студентами 1 курса с целью диагностики уровня коммуникативных навыков на момент поступления в медицинский вуз;
2. размещение компьютерного тестирования на определение уровня владения иностранным языком;
3. опрос студентов 1 курса с целью выяснения мотивов

изучения иностранного языка. Для получения необходимых данных была разработана специальная анкета;

4. самооценка уровня владения иностранным языком.

Целью данного этапа эксперимента была предварительная диагностика уровня знаний, сформированность умений и навыков, готовность к учебной деятельности в рамках профессионально ориентированного обучения иностранному языку. В разработанную анкету были включены пункты, определяющие необходимость владения иностранным языком для квалифицированных специалистов [2]. Предложенные в анкете варианты ответов являются результатами предварительного опроса студентов и бесед с преподавателями иностранных языков медицинских вузов. Проанализировав результаты опроса, мы пришли к выводу, что мотивация студентов к изучению иностранного языка имеет практическую направленность: он способствует успешному обучению в вузе и межкультурному общению.

На основе комплексного изучения полученных данных были выявлены методы и средства развития иноязычной компетенции как основы профессионального общения, которые определили программу эксперимента. Для повышения мотивации студентов была разработана модель развития профессиональной иноязычной компетенции в информационно-образовательной среде (ИОС), которая была внедрена в образовательный процесс медицинского вуза. При разработке модели мы исходили из того, что целью является создание условий для развития профессиональной иноязычной компетенции студентов-медиков, обеспечивающих умение генерировать, интерпретировать и оперировать профессиональной информацией на иностранном языке. Контентно-процессуальный модуль представленной модели включает технологии иноязычного виртуального общения: электронная почта (Email), телеконференции (UseNet), видеоконференции (на платформах Zoom и Skype, TrueConf) в формате виртуального семинара или интервью и вебинара. Важным инструментом для реализации модели стала работа студентов в LMS Moodle. Использование аутентичных аудиоресурсов, видеороликов, сервиса YouTube, образовательных интернет-ресурсов, мультимедийных обучающих программ способствовало успешному формированию профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции.

При разработке данной методики мы учитывали компоненты содержания обучения иностранному языку в медицинском вузе:

- а) языковой материал по общемедицинской терминологии;
- б) профессиональные тексты по медицине;
- в) кейсы для профессионального общения в области медицины;

- г) социокультурные знания, навыки и умения;
- д) невербальное общение.

Мы считаем, что этот процесс должен иметь практическую направленность, быть ориентированным на социально активное обучение, совместную деятельность и диалогическое общение субъектов образовательного процесса.

На завершающем этапе эксперимента было проведено анкетирование с целью выявления субъективной оценки студентами качества обучения с использованием модели развития профессиональной иноязычной компетенции студентов-медиков в ИОС. Этот опрос был аналогичен предыдущему опросу по определению мотивации изучения иностранного языка, но полученные результаты были другими. Изменились приоритеты студентов в определении мотивов изучения иностранного языка: прежде всего, по их мнению, иностранный язык повышает уровень общей профессиональной культуры, профессиональной компетентности и способствует карьерному росту. Высоко оцениваются мотивы получения дополнительной информации по специальным дисциплинам, изучения языковых явлений научной литературы, чтения газет, журналов и других изданий на иностранном языке.

Выводы

Анализ научной литературы по вопросам мотивации

позволяет сделать вывод, что мотивация рассматривается как совокупность устойчивых мотивов, намерений, определяющих содержание, направленность и характер деятельности личности и ее поведения.

1. Изучение мотивационных факторов при обучении иностранным языкам имеет большое значение для научной организации и оптимизации преподавания этой дисциплины в медицинском вузе. Владение учащимися методами и приемами понимания мотивов будет способствовать повышению качества обучения иностранному языку.
2. Проведенное исследование позволило выяснить, как изменится мотивация студентов в изучении иностранного языка после внедрения в учебный процесс медицинского вуза модели формирования профессиональной иноязычной компетенции в ИОС.
3. Электронная образовательная среда медицинского вуза за счет системной интеграции новых информационных технологий в обучение иностранным языкам студентов-медиков является способом повышения мотивации к профессиональному общению на иностранном языке и способствует развитию профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции за счет активного использования всех его составляющих.
4. Мотивация студентов-медиков к изучению иностранного языка связана с дальнейшим развитием специалиста, развитием профессиональных компетенций, совершенствованием их знаний и навыков, приобретением опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аكوпова М.А. Личностно-ориентированный подход в условиях выбора образовательных программ в ВШ. – СПб.: Наука, 2003. – С. 7.
2. Баева Т.А., Кубачева К.И., Рихтер А.В. Мотивация студентов медицинского вуза к изучению иностранных языков и формирование иноязычной профессиональной компетенции врача. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 10. – С. 41-45.
3. Бакшаева Н.А., Вербицкий А.А. Психология мотивации студентов. – М.: Логос, 2006. – 184 с.
4. Бобрицкая Ю.М. Методика формирования и развития мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыкового вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб, 2015. – С. 12-13.
5. Зайцева И.В. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на историческом факультете университета: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Елец, 2004. – 25 с.
6. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 286.
7. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С.288.
8. Конюхов Н.И. Словарь-справочник по психологии. – М.: Б.и., 1996. – 154 с.
9. Маклаков А.Г. Общая психология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2010. – 583 с.
10. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. /Перевод. с англ. А.М. Татлыбаевой / – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
11. Петрова А.П. Педагогические основы формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции в неязыковом вузе: дис. ... канд. пед. наук. – Якутск, 1999. – 179 с.

© Баева Тамара Ахматовна (tamarabaeva@mail.ru), Кубачева Кабият Ибрагимовна (gabib101155@mail.ru), Трубицина Ольга Ивановна (truwat@bk.ru), Синицына Татьяна Анатольевна (sinitsinatatjana@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

Байханов Исмаил Баутдинович

Кандидат политических наук, ректор, Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
ismailbaykhanov@gmail.com

THE SYSTEM OF FORMATION OF THE ELECTORAL CULTURE OF THE FUTURE TEACHER

I. Baykhanov

Summary: This work is devoted to the problem of studying the peculiarities of the formation and development of the electoral culture of future teachers. The relevance of the formation of the electoral culture of the teacher is substantiated. Difficulties of electoral culture formation are described. A four-level hierarchical system of methodological foundations was used as a methodological basis for the development of the system. The features of the proposed system and the principles of its functioning are revealed.

Keywords: electoral culture, teacher, electoral culture formation system, technologies, information field.

Аннотация: Данная работа посвящена проблеме исследования особенностей формирования и развития электоральной культуры будущих учителей. Обоснована актуальность формирования электоральной культуры учителя. Описаны сложности данной работы. В качестве методологической основы при разработке системы использована четырехуровневая иерархическая система методологических оснований. Выявлены особенности предлагаемой системы и принципы ее функционирования.

Ключевые слова: электоральная культура, учитель, система формирования электоральной культуры, технологии, информационное поле.

Проблема гражданской активности современного общества является одной из наиболее актуальных. Низкая электоральная и вообще социальная активность граждан, недостаточный уровень доверия к существующим политическим партиям и движениям, неверие в возможность повлиять на судьбу страны характеризуют нынешнюю непростую ситуацию в электоральной сфере. Изменить эту ситуацию может активизация работы по формированию электоральной культуры студентов педагогических вузов – будущих учителей. Сложность данной работы заключается в том, что: 1) электоральную культуру необходимо формировать посредством специальных технологий, разрабатывать и реализовывать которые должны преподаватели вузов, сами владеющие определенным уровнем сформированности электоральной культуры; 2) для формирования электоральной культуры будущих учителей необходимо создать специальную образовательную среду; 3) у будущих учителей необходимо не только формировать электоральную культуру, но и активную жизненную позицию и компетенции, позволяющие им формировать электоральную культуру у обучающихся. Для реализации данной идеи мы предлагаем систему формирования электоральной культуры будущего учителя.

Системность является одним из основных принципов современной науки. Рассматривая любое явление как систему, мы можем проследить компонентный состав, а также внутренние связи между компонентами. Системный подход необходим для того, чтобы увидеть,

какие именно компоненты участвуют в формировании электоральной культуры и в каких они состоят связях.

В соответствии с системным подходом, формирование *электоральной культуры* будущего учителя осуществляется в системе, представленной на рис.1. Рассмотрим подробнее компоненты, входящие в систему.

Первый компонент *целевые установки в формировании электоральной культуры* является системообразующим, поскольку именно целевые установки всегда определяют сам смысл существования системы. Целевые установки связаны с тем, какой результат планируется получить. В описании целевых установок в системе формирования электоральной культуры будущего учителя мы исходили из общего существующего понимания целей в педагогике, а также из структуры электоральной культуры учителя, представленной на рис.2.

На наш взгляд, целевые установки при формировании электоральной культуры будущего учителя в образовательной среде вуза распределяются по следующим уровням:

1. *государственный уровень* – целевые установки касаются формирования и развития электоральной культуры как механизма реализации осознанного, обоснованного и ответственного выбора гражданами, обеспечивающего функционирование государственных структур в их интересах; эти целевые установки формулируются в государ-

Рис. 1. Система формирования электоральной культуры будущего учителя

ственных нормативных документах, обеспечивающих формирование и развитие электоральной культуры будущих учителей; сюда же относятся целевые установки мотивационного характера, обеспечивающие мотивацию учителей в формировании и развитии своей электоральной культуры и электоральной культуры обучающихся;

2. *уровень образовательного учреждения* – целевые установки касаются создания образовательным учреждением условий содержательного и организационного характера, обеспечивающих формирование и развитие электоральной культуры будущего учителя; цели – создать в образовательном учреждении условия для формирования электоральной культуры, обеспечить функционирование образовательной среды, в которой возможно формирование электоральной культуры;
3. *уровень личности* – целевые установки личности будущего учителя, готового к формированию собственной электоральной культуры, осознающего

важность и необходимость этой деятельности, а также ее содержательные особенности; целевые установки преподавателя, занимающегося подготовкой будущего учителя.

В данном компоненте для нас очень важны два момента, связанные с целевыми установками, – уровень сформированности электоральной культуры у самого будущего учителя и уровень сформированности компетентности, позволяющей будущему учителю транслировать электоральную культуру в окружающую среду, т.е. формировать и развивать ее у окружающих в образовательном процессе, в повседневной коммуникации.

Если рассматривать целевые установки в соответствии с компонентами электоральной культуры будущего учителя (рис.2), то целью формирования компетентностного компонента является формирование компетентности в области организации и реализации электорального процесса, а также знаний в области

Рис. 2. Структура электоральной культуры учителя

существующих политических партий, движений, общественных организаций, которые составляют политический портрет современного социума. Целью формирования ценностного компонента является формирование у личности системы ценностей, позволяющей этой личности осуществлять осознанные, ответственные и служащие благу народа действия в электоральном процессе. Цель формирования деятельностного компонента заключается в формировании уверенности в необходимости реализации своих электоральных притязаний с осознанием полной ответственности за свои действия. Цель формирования трансляционного компонента электоральной культуры будущего учителя заключается в обеспечении условий для передачи знаний, умений, навыков, опыта, культуры в электоральной сфере окружающим, не только обучающимся, но всему социуму.

Следующий компонент системы - *личность студента педагогического вуза, будущего учителя*. Это личность, у которой формируется электоральная культура в результате функционирования данной системы. В данном случае – это можно характеризовать как *стартовые условия* для функционирования системы формирования электоральной культуры, с которыми начинает работать предлагаемая нами система. Под стартовыми условиями мы понимаем те свойства и качества личностной сферы, которые характеризуют студента, будущего педагога, с которым будет работать система. В связи с этим необхо-

димо обозначить те позиции в личности, которые нам необходимо учитывать. Отметим, что личность – очень многогранное понятие, мы будем характеризовать только те аспекты личности, которые нам необходимы в контексте нашей темы.

Проблема структуры личности достаточно глубоко и давно разработана зарубежными и отечественными психологами на основе идей, предложенных С.Л. Рубинштейном, В.Н. Мясищевым и многими другими учеными. Как результат в психологической науке обоснованы и разработаны разнообразные варианты структуры личности, предложенные А. Адлером, Г. Айзенком, З. Фрейдом, К.Г. Юнгом, Г. Олпортом, К.К. Платоновым, В.С. Мерлином, К. Левиным, К. Роджерсом, В. Франклом, Фроммом, Хорни и многими другими. Мы в нашем исследовании принимаем за основу структуру личности, предложенную К.К. Платоновым (рис.3).

В процессе формирования личности член социума становится носителем определенного стиля самовыражения, поведения, реакций, смысловые и содержательные установки которого обусловлены средой, в которой член социума осуществляет свою жизнедеятельность. «Факторы, обуславливающие стереотип поведения, усваиваются на этническом уровне в процессе научения через условный рефлекс подражания (сигнальная наследственность), а на социальном – в процессе обучения

Рис. 3. Структура личности (по К.К. Платонову)

(социализации), при котором важнейшую роль играют символически организованные (развитые у человека до лингвистического уровня) этнические образцы. Эти образцы создаются в процессе этногенеза и формируются, главным образом, в рамках подсистем организации и культуры этноса»¹. Основным компонент первого блока – направленность личности, под которой понимается все то, что связано с отношением человека к внешнему миру, к действительности. В основе направленности лежит система взаимодействующих интересов и потребностей, характерных для данной личности, различные ее свойства, идейные и практические установки, все то, что мы обобщаем в понятии «мировоззрение». Следующий блок представляет собой характер, подразумевающий стиль поведения человека в социуме в совокупности всех его проявлений и свойств: направленности и воли, интеллектуальных и эмоциональных качеств, типологических особенностей, проявляющихся в темпераменте. Система способностей личности, которая обеспечивает успех в деятельности, формирует третий блок в структуре личности, который определяет возможности личности в достижении успеха. Темперамент, являющийся проявлением типологических особенностей личности, характеризующий протекание психических процессов в динамике, составляет четвертый блок в структуре личности. Естественно, как у всякой системы, у личности есть система самоуправления, саморегуляции, коррекции, самоконтроля, прогнозирования, осуществляющая анализ, управление и прогнозирование всей многогранной деятельности личности, существующая над всеми остальными компонентами и взаимодействующая с ними.

Исходя из данной структуры, мы предлагаем различать в личности те компоненты, которые имеют принци-

пиальное значение для формирования электоральной культуры будущего учителя. Структура личности студента – будущего учителя – представлена на рис.4.

Нам представляется, что для функционирования системы формирования электоральной культуры будущего учителя принципиальными являются *интегральная индивидуальность студента* (по В.С. Мерлину²), *компетентностная сфера*, включающая методологические, профессионально ориентированные и общекультурные компетенции, а также *личностные смыслы*, которые мы рассматриваем отдельно, поскольку именно они определяют направленность личности. Животное и новорожденный младенец представляют собой «высокоинтегрированные, неделимые системы, обладающие телесной и психологической целостностью, неповторимым единством физиологических и психических качеств»³. Эта целостность рассматривается как *индивид*. Некоторые индивидуальные свойства являются генетически заданными, другие формируются в процессе жизнедеятельности под влиянием наследственности и среды. Указанные свойства имеют иерархическое строение. На каждом уровне организации индивида (физическом, биохимическом, соматическом, индивидуальном и т.д.) формируется своя целостная система, отвечающая за его устойчивое, сбалансированное функционирование. *Совокупность взаимосвязанных уровней, обеспечивающих все стороны функционирования индивида как целого*, В.С. Мерлин предложил назвать «*интегральной индивидуальностью*» []. Выделение уровней носит в определенном смысле условный характер, так как резких границ между ними часто не существует. Приведем дополненную схему «*интегральной индивидуальности*», разработанную В.С. Мерлиным (рис.5).

1 Гуц А.К., Паутова Л.А. Глобальная этносоциология / А.К. Гуц, Л.А. Паутова. Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

2 Мерлин, В.С. Психология индивидуальности.: Избранные психологические труды/ В.С. Мерлин; Под ред. Е.А. Климова. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2009. – 544 с.

3 Смирнов, С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 304 с. – С.72.

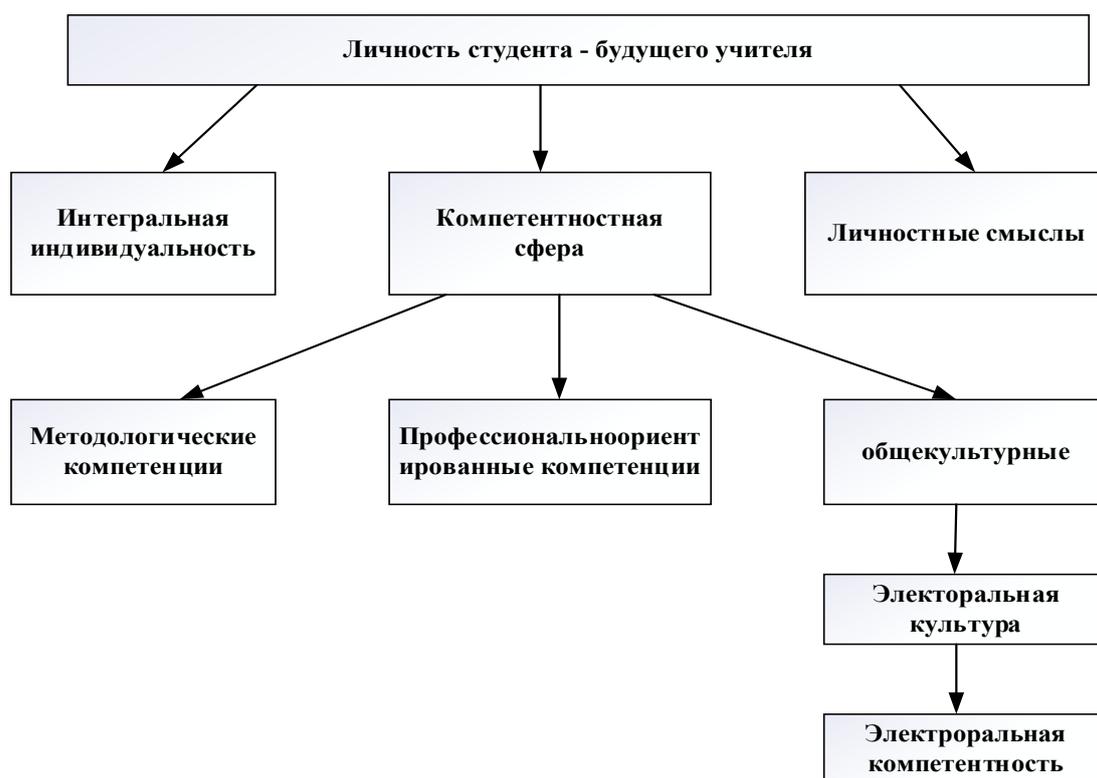

Рис. 4. Структура личности студента

Рис. 5. Структурная схема интегральной индивидуальности (по В.С. Мерлину)

Личность преподавателя, способного формировать и развивать электоральную культуру, является важным компонентом системы, определяющим все ее функционирование (рис.6). Особое внимание в данном компоненте мы уделяем качествам, необходимым

учителю для формирования электоральной культуры у обучающихся. В личности преподавателя, осуществляющего формирование электоральной культуры у будущих учителей, мы считаем необходимым также выделить *интегральную индивидуальность*, поскольку

Рис. 6. Структура личности преподавателя, формирующего электоральную культуру будущего учителя

она отражает особенности характера и темперамента, которые, безусловно, влияют на профессиональную деятельность и мировоззрение. Далее мы считаем важным выделить компетентностную сферу, в которой нас интересуют методологические компетенции, профессионально ориентированные и общекультурные. Методологические компетенции входят в состав профессионально ориентированных, но мы считаем необходимым выделить их в отдельную группу, поскольку именно они обеспечивают творческую направленность педагогической деятельности учителя, предусматривающую объективную оценку своих возможностей и возможностей обучающегося, владение общей культурой интеллектуальной (исследовательской) деятельности, умение ориентироваться в происходящих в обществе интеграционных процессах, тенденциях развития мирового пространства, в политических процессах и событиях. *Профессионально ориентированные компетенции* преподавателя позволяют через предметное содержание преподаваемых дисциплин, специально организованную и ситуативную воспитательную работу и коммуникацию с окружающими осуществлять формирование и развитие электоральной культуры окружающих. В профессионально ориентированных компетенциях мы считаем необходимым отдельно выделить владение педагогическими технологиями формирования электоральной культуры, алгоритмами их реализации. Общекультурная компетентность, обеспечивающая формирование общей культуры личности, включает как компонент электоральную культуру и электоральную компетентность преподавателя.

Важнейшим компонентом системы является информационно-технологическое обеспечение формирования электоральной культуры будущего учителя, которое обеспечивает функционирование всех остальных компонентов системы. В информационно-технологическом обеспечении процесса, в соответствии с задачами системы, мы различаем два компонента:

- *информационный*, представленный информационным полем, необходимым для формирования электоральной культуры,
- *технологический*, содержащий технологии формирования электоральной культуры, алгоритмы процессуальной части.

Информационное поле, необходимое для формирования электоральной культуры, обеспечивает будущего учителя всей необходимой электоральной информацией, которая важна как для самого учителя, так и для тех, у кого он будет формировать электоральную культуру. Мы рассматриваем информационное поле как совокупность информационных источников, ресурсов и инфраструктур, имеющую глобальный и всеобъемлющий характер. Необходимо отметить, что это понятие является весьма популярным и хорошо изученным в современной науке после того, как оно впервые было использовано О.В. Кедровским⁴. Различные аспекты информационного поля, его особенности, подходы к его изучению представлены в трудах С.Э. Зуева (особенности использования информационного поля в политике), С.А. Модестова (роль информации в геополитической конкуренции), С.П. Расторгуева (информационное поле в информационной войне), Г.Г. Почепцова (информационные войны как реальность нашего времени), А.И. Ненашева (коммуникационные аспекты информационного поля) и многих других. Признавая многообразие определений информационного поля в современной науке, в нашем исследовании в качестве рабочего мы будем использовать определение, предложенное М.В. Катковой: «Информационное поле — это исторически сформировавшаяся, обеспеченная правовыми гарантиями и средствами, обеспечивающая наибольшую меру доступности для потребителя форма скоординированных и структурированных, территориально близких и удаленных информационных ресурсов, аккумулирующих результаты коммуникационной деятельности людей»⁵. Также полагаем необходимым отметить, что характер от-

4 Кедровский О.В. Информационное поле России // Информационные ресурсы России. — 1994. — № 4. — С. 2—3..

5 Там же

ношений личности и информационного поля изменился. Некоторое время назад мы говорили о взаимодействии информационного поля и личности, которое происходит постоянно. В настоящее время мы считаем, что имеет смысл говорить о том, что современная личность находится внутри информационного поля и испытывает его постоянное и динамичное влияние. Такая трактовка взаимоотношений информационного поля и личности в большей степени соответствует современным реалиям. То есть информационное поле можно было бы также назвать информационной средой, в которой осуществляет свою жизнедеятельность личность. Также необходимо отметить, что в нашем случае информационное поле имеет электоральную направленность, то есть содержит весь массив информации электорального характера, который необходим для формирования электоральной культуры будущего учителя.

Технологический компонент представлен технологиями формирования электоральной культуры, которые реализуются в рамках специальной образовательной программы дополнительного образования, разработанной автором исследования и реализуемой в педагогическом университете. Разработанные и реализуемые алгоритмы процессуальной части технологии формирования электоральной культуры будущего учителя позволяют проследить логику процесса формирования электоральной культуры обучающихся, который возможен только в специальной образовательной среде. Технологии формирования электоральной культуры будут подробно представлены в главе 4 исследования. Отметим, что формирование электоральной культуры осуществляется следующими путями:

1. посредством специально организованных мероприятий воспитательного характера, ориентированных на формирование электоральной культуры студентов-будущих учителей; эти мероприятия предусмотрены программой воспитательной работы педагогического университета и реализуются с участием всех студентов педагогического университета;
2. посредством реализации специальной образовательной программы, обоснованной и разработанной автором исследования; указанная программа будет подробно рассмотрена в главе 4 исследования; цель программы – формирование электоральной культуры будущих учителей; программа ориентирована на будущих учителей и имеет двойную направленность – на формирование электоральной культуры будущих учителей и на формирование у будущих учителей компетенций, позволяющих им формировать и развивать электоральную культуру у обучающихся;
3. через преподаваемые учебные дисциплины в ходе реализации образовательных программ высшего образования; речь идет о специально

разработанной методике формирования электоральной культуры посредством содержания образовательных дисциплин, которые входят в программу профессиональной подготовки будущих учителей.

Функционирование системы формирования электоральной культуры будущих учителей возможно только в определенных условиях, которые, в соответствии со средовым подходом, обеспечивает *специальная кросс-уровневая образовательная среда*. Особенностью данной среды является ее ориентированность на учителя, способного изменить электоральную ситуацию в стране посредством собственного высокого уровня сформированности компетентности в электоральных процессах, активной жизненной позиции, трансляции электорального опыта и идей окружающим.

На современном этапе развития общества вопросы тщательного изучения такого феномена, как образовательная среда, в общей проблематике исследований качества образования выходят на первый план (А.И. Артюхина, Т.Н. Гущина, В.Л. Кугузов, Е.Б. Лактионова, В.А. Левин, Е.А. Климов, В.И. Слободчиков, В.А. Ясвин и др.). Необходимо отметить, что понятие «образовательная среда» традиционно является одним из наиболее часто рассматриваемых явлений в педагогике. Это объясняется тем, что любое образовательное действие всегда происходит в определенной среде, специально конструируемой, создаваемой, ориентированной на решение образовательных задач. В нашем случае – это задачи, решение которых позволит сформировать и развивать электоральную культуру у будущих учителей, во-первых, и подготовить их к активной трансляции этих компетенций окружающим, во-вторых.

Если в XX веке в условиях репродуктивной модели обучения почти всю совокупность образовательных результатов обеспечивал учитель, и, соответственно, практически только от его знаний и способности их передать зависело качество подготовки выпускников, то сегодня в связи с востребованностью компетентностного подхода, который, помимо способности воспроизводить знания, требует от человека учебной самостоятельности, навыков сотрудничества и конкуренции, работы в виртуальных средах, умения исследовать и проектировать, критично важным становится все окружение ребенка. Мы можем говорить о том, что в современном образовании педагогическое влияние на детей имеет распределенный характер, и ключевую роль играют сами принципы, согласно которым строится окружение учеников. В широком смысле среда — это все составляющие окружения человека, их характеристики и связи между ними.

Следовательно, говоря о среде, мы имеем в виду и архитектуру зданий, и предметно-пространственную

организацию, и цифровые технологии, и современное оборудование, и навигацию, и методическую оснащенность, и характер взаимодействия обучающихся и обучающихся, и сообщество сверстников, и то, насколько в образовательном процессе используются социокультурные ресурсы района, города, страны, мира.

На наш взгляд, в образовательном пространстве понятие «среда» является более общим, включающим все необходимые факторы организации обучения и условия его реализации. Для системы характерно наличие не только связей и отношений между образующими ее элементами, но и неразрывное единство со средой, во взаимодействии с которой она и проявляет свою целостность. В современных научных исследованиях разработка проблем, связанных с исследованием и конструированием систем различного рода, осуществляется в рамках системного подхода, общей теории систем и различных специальных теорий систем.

Для решения поставленных задач предлагаемая нами среда должна быть специальной, интегральной, кросс-уровневой. Специализация описываемой среды состоит в том, что:

- среда является специальной, поскольку у среды есть определенная конкретная специализация – ориентированность на решение проблемы формирования электоральной культуры;

— среда имеет интегральный характер, поскольку объединяет *пространственное содержание* (территория, архитектурные особенности), *личностное содержание* (совокупность субъектов, осуществляющих свою жизнедеятельность в среде), *социальное содержание* (формы и способы взаимодействия между субъектами образовательного процесса), *образовательный контент* (вся совокупность знаний, на основе которых формируются компетенции), *психологический контент* (совокупность личностных сфер субъектов образовательной среды), *коммуникативное содержание* (стили общения субъектов образовательного процесса);

— среда является кросс-уровневой, поскольку каждый из ее компонентов имеет уровневую структуру, и между различными уровнями компонентов происходит взаимодействие.

Таким образом, на наш взгляд, предлагаемая система формирования электоральной культуры будущего учителя в специально созданной образовательной среде педагогического вуза позволит реализовать задачу формирования активной жизненной позиции молодежи в отношении электорального процесса, речь идет как о будущих учителях, так и об обучающихся с которыми эти учителя будут работать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байханов, И.Б. Сквозные компетенции в системе компетенций современного педагога // И.Б. Байханов // Педагогическое образование в России. - 2022. - № 5. - С. 17-25. - DOI: 10.26170/2079-8717_2022_05_02.
2. Гуц А.К., Паутова Л.А. Глобальная этносоциология / А.К. Гуц, Л.А. Паутова. Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
3. Кедровский, О.В. Информационное поле России // Информационные ресурсы России. —1994. — № 4. — С. 2—3.
4. Мерлин, В.С. Психология индивидуальности.: Избранные психологические труды/ В.С. Мерлин; Под ред. Е.А. Климова. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2009. – 544 с.
5. Смирнов, С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 304 с. – С.72.

© Байханов Исмаил Баутдинович (ismailbaykhanov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ГИБРИДНЫХ ИННОВАЦИОННО-НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ РАЗВИТИЯ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Васильева Татьяна Владимировна

Воспитатель МДОУ детский сад комбинированного вида
№ 134 г. Комсомольск-на-Амуре
t9098991712@gmail.com

METHODOLOGY OF APPLICATION OF HYBRID INNOVATIVE-NON-TRADITIONAL METHODS OF DEVELOPING FINE MOTOR SKILLS IN PRESCHOOL CHILDREN

T. Vasileva

Summary: The article is devoted to developing a hybrid innovative and non-traditional methodology for developing fine motor skills in preschool children. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief substantiation of the role and psychological and pedagogical significance of the development of fine motor skills in preschool children is given. It is postulated that a fairly wide foundation of techniques and methods that contribute to its development has been accumulated. At the same time, the analysis of pedagogical experience testifies to the success of various kinds and directions (intersectoral), which can be called innovative and non-traditional. An example is Su Jok therapy, the origins of which lie in oriental medicine. An analysis of the scientific literature made it possible to conclude its effectiveness in various fields of medicine, psychology, and pedagogy. Based on the existing successful experience of using Su Jok therapy in the system of preschool educational practice for the development of fine motor skills in children. The author gave a theoretical and methodological substantiation of this method for the purpose of identifying other effects regarding the impact on various psychophysiology qualities (processes) and abilities of preschoolers of different ages.

Keywords: pedagogical potential, innovative methods, fine motor skills, preschool age, Su Jok therapy.

Аннотация: Статья посвящена разработке гибридной инновационно-нетрадиционной методике развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается краткое обоснование роли и психолого-педагогической значимости развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста. Постулируется, что в настоящее время накоплен достаточно широкий фундамент методик и методов, способствующих ее развитию. Одновременно с этим, анализ педагогического опыта свидетельствует об успешности различного рода и направлений (межотраслевых), которые можно назвать инновационно-нетрадиционные. В пример приводится Су-Джок терапия, истоки которой лежат в восточной медицине. Анализ научной литературы позволил заключить ее эффективность в различных областях медицины, психологии и педагогики. Опираясь на существующий успешный опыт применения Су-Джок терапия в системе дошкольной образовательно-воспитательной практики для целей развития мелкой моторики у детей. Автор привел теоретико-методологическое обоснование данного метода для целей выявления иных эффектов относительно воздействия на различные психофизиологические качества (процессы) и способности дошкольников разных возрастов.

Ключевые слова: педагогический потенциал, инновационные методы, мелкая моторика, дошкольный возраст, Су-Джок терапия.

В современной психолого-педагогической литературе под мелкой моторикой понимается совокупность скоординированных действий (реакций) нервной, мышечной и костной систем, как правило, в сочетании со зрительной системой в выполнении мелких и точных движений кистями и пальцами рук и ног [1]. Как указывает Л.П. Савина, в самом общем виде, к мелкой моторике относятся разнообразные движения – от примитивных жестов, таких как захват объектов, до мелких движений, от которых, к примеру, зависит почерк человека [12]. Основными показателями ее сформированности называются: хорошая скоординированность движений рук, точность, ловкость, плавность движений без напряжения, равномерный темп движения рук, правильное удержание позы и проч. [3, 4, 11]. Для достижения необходимого уровня данных показателей важно с

методологической точки зрения верно сформировать инструментальную и подходящую основу для организации занятий с детьми в рамках детского сада.

И.Ф. Марковская, Е.М. Мастюкова, В.Б. Никишина, О.А. Новиковская, Е.А. Петраш, Л.С. Цветкова и другие авторы отмечают, что конструирование относится к тому виду продуктивной деятельности, которая полностью отвечает потребностям и интересам детей дошкольного возраста, из чего следует, что она обладает широким потенциалом для развития их мотивационно-познавательной и прочих сфер. Е.А. Петраш и В.Б. Никитина в своих исследованиях уточняют, что, в связи с этим, действия с оптимально подобранным материалом для конструирования способствуют созданию условий для формирования целенаправленной деятельности, развития общих

интеллектуальных умений и графо-моторных навыков [9]. Также для нас интерес представляет позиция А.А. Лысых и А.Г. Рыжковой, что конструктивная деятельность выступает также «базовой основой для развития сенсорных и мыслительных процессов, а следовательно, является важнейшим условием «оптико-пространственных действия и пространственного восприятия» [8, с. 59].

Вышесказанное позволяет выдвинуть предположение, что избрание в качестве элемента инструментально-методологического комплекса развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста конструктивной деятельности, будет способствовать повышению эффективности формирования и создания потенциала для развития других умений и навыков, а также ключевых психофизиологических функций ребенка. Доказательства данной гипотезы обнаруживаются в масштабном опыте российских педагогов.

Конструирование – это «средство всестороннего развития ребенка, тесно связанное с игрой и потому является деятельностью, отвечающей интересам ребенка». В своей практике педагог использует в качестве инструментов (видов) конструирования (для целей развития мелкой моторики): бумажную пластику (укрепляет мышцы рук, формирует умение видеть новые образы в привычных формах; позволяет создавать интересные конструкции и поделки, имеющие реалистичную или декоративную основу), оригами (развивает способность работать руками под контролем сознания, совершенствует точные движения пальцев, происходит развитие глазомера), аппликацию (положительно влияет на развитие координации движения), классический конструктор (металлический, деревянный, Lego) (способствует интеллектуальному развитию) [10].

Интересные результаты работы с пазлами и мозаикой. Так, мозаика, по мнению автора, это оригинальная, увлекательная, развивающая игра для детей всех возрастов, совмещающая в себе элементы конструктора, настольной игры, головоломки и набора для творчества, что фактически и объясняет ее широкий функционал. Практически аналогичный результат дают и пазлы. Игра с ними также развивает мелкую моторику рук и координацию движений, логику, усидчивость и аккуратность, воображение и фантазию, формирует навыки выработки тактического и стратегического решения задач и учит принимать самостоятельные решения [15]. Подобные результаты отмечает в своих публикациях воспитатель Н.Г. Костова, указывая, что оптимально начинать работу с пазлами в возрасте 3-4 лет, когда у детей появляется интерес к данному виду собирательно-конструктивной деятельности [7].

Свободное конструирование, то есть случайное творчество – это «самый простой способ развития у ребенка

пространственного мышления, моторики, творческих способностей и произвольных действий. Детали конструктора очень приятно держать и вертеть в маленьких, да и не только ручках. Такой массаж рук благотворно воздействует на развитие осязания и мелкой моторики рук, а также полезен для здоровья». Безусловно, следует согласиться мнением педагога, что конструктивная деятельность (при помощи конструктора, мозаики, пазлов и так далее) должна быть включена в комплекс направлений работы с детьми для развития мелкой моторики (игровая, арт-терапевтическая, массажная и проч.), тогда как конструктор – применяться с другими средствами (пластилин, ножницы, природный материал, бумага, раскраски-штриховки, крупы, бусы, карандаши, песок, вата, куклы и проч.) [13].

Развитие мелкой моторики – это ответственный педагогический (психолого-педагогический) процесс, методико-методологическая модель которого должна быть четко продумана. В самом общем виде традиционно используемые технологии можно разделить на игровые (в то числе пальчиковая гимнастика) и терапевтические (различные виды арт-терапии – пальцевая живопись, коллаж, мокрая бумага, монотипия, ниткография, кляксография, точечный рисунок, рисунок пастелью, рисунок свечой, бисерография, печатание и проч.). В качестве инструментов используются пластилин, глина, песок, крупа, мозаика, пуговицы, бумага, швейный материал (нитки, тесьма, ткани, шнурки) и так далее [16, 19, 20, 25]. Они универсальны и используются в работе с детьми разных возрастов, в частности в коррекционной педагогике [17].

Анализ современного педагогического опыта, публикуемого на различных профильных форумах, сайтах образовательных организаций, а также в научных журналах, позволяет сделать вывод, что современные педагоги все чаще принимают попытки интегрировать в «ассортимент» способов, средств, методов и подходов инновационно-нетрадиционные направления, особенностью которых является более широкий функционал действия. К таким направлениям можно отнести [18, 21, 26]: игры и упражнения «сухого» бассейна, использование природного материала (орехи, шишки, семена растений, камни и проч.) и бытовых предметов (решетки, прищепки, бигуди, карандаши, щетки и проч.), массаж с помощью аппликатора Кузнецова или игольчатых ковриков Ляпко, массаж варежек, комплексные упражнения в сочетании с самомассажем кистей и пальцев рук, «театр» в руке и проч.

Автор предлагает комбинировать классический метод развития мелкой моторики с терапевтической практикой Су-Джок, которая разработанная в 1986 г. корейским профессором Пак Чже Ву. В переводе с корейского Су-Джок означает следующее: «су – кисть, джок – стопа.

Основной инструмент работы – это массажные мячики или кольца; массаж с их помощью полезен, т.к. на ладони находится множество биологически активных точек. Прокатывая шарик между ладонками, ребенок массирует мышцы рук, задействуя тем самым эти точки. Как отмечает Н. Ольшевская, данная терапия «вобрала в себя не только знания корейской, китайской, индийской, египетской и тибетской медицины, но и современные знания по акупунктуре. Именно поэтому метод Су-Джок называют ярким бриллиантом в созвездии восточной медицины» [24, с. 8]. Важно отметить, что данная технология в настоящее время широко используется в работе с детьми разных возрастов, в частности, с ограниченными возможностями здоровья (например, для целей коррекции речевых нарушений), что, как представляется, уже доказывает ее педагогический потенциал.

Е.А. Романюк, воспитатель одного из детских садов г. Кировска, отмечает, что терапию Су-Джок, для достижения большего эффекта в развитии мелкой моторики дошкольников, следует использовать в комплексе с традиционными пальчиковыми играми, мозаикой, штриховкой, лепкой, рисованием и проч. Данная технология, отмечает педагог, также помогает значительно улучшить развитие основных когнитивных функций ребенка. Более того, практика применения упражнений с использованием Су-Джок (круговые движения шарика между ладонями, перекачивание шарика от кончиков пальцев к основанию ладони, вращение шарика кончиками пальцев, сжатие шарика между ладонями, сжатие и передача из руки в руку, подбрасывание шарика с последующим сжатием между ладонями и т.д.) «обогащает

знания ребенка о собственном теле, развивает тактильную чувствительность, мелкую моторику пальцев рук, опосредованно стимулирует речевые области в коре головного мозга, а также способствует общему укреплению организма и повышению потенциального энергетического уровня ребенка. Кроме того, она помогает организовать занятия интереснее и разнообразнее, создают благоприятный психофизиологический комфорт детям во время занятий» [22].

Из всего выше сказанного предлагается объединять терапию Су-Джок с упражнениями пальчиковой гимнастики с речевым сопровождением, играми с различным материалом, художественным творчеством (аппликации, лепка, рисование), графическими упражнениями, штриховками, играми на развитие ориентации на листе и проч. Дети выполняют действия с шариком в соответствии со смыслом текста стихотворения, сначала в правой руке, а затем в левой» [23]. Помимо общего эффекта использования Су-Джок в комплексе с другими методами развития мелкой моторики, у дошкольников наблюдается желание участвовать в игровом процессе, активизируется мыслительная деятельность, обогащается словарный запас, развивается умение наблюдать, выделять главное, конкретизировать информацию, сопоставлять предметы, признаки и явления, систематизировать накопленные знания.

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение, что гибридная методика обладает большим педагогическим потенциалом, выходящим за пределы основной задачи – развития мелкой моторики детей дошкольного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акименко В.М., Барбазюк К.Ю. Психофизиологические аспекты пространственно-временной организации мелкой моторики // Auditorium. 2020. №3 (27). С. 10-14.
2. Анисимова Е.А. Консультация «Метод ТРИЗ и его применение при конструировании». – 14.03.2022 // Портал «Маам». – URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/konsultacija-metod-triz-i-ego-primenenie-v-konstruirovani.html> (дата обращения: 14.11.2022).
3. Болта-Зода С.С. Основные направления возбуждения мелкой моторики по направлению музыки // Science and Education. 2022. №10. С. 582-590.
4. Гашимова Р.С. Особенности развития мелкой моторики в раннем дошкольном возрасте // Вестник СПИ. 2021. №3 (39). С. 50-54.
5. Забровская О.В., Мушенкова Е.С. Конструктивная деятельность как средство математического развития детей дошкольного возраста // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследования, 2016. С. 63-68.
6. Иванина Т.А. Роль конструктивной деятельности в развитии ребёнка // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. №2. С. 124-128.
7. Костова Н.Г. Пазлы как средство развития мелкой моторики рук. – 08.09.2019 // Портал «Маам». – URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/pazly-kak-sredstvo-razvitija-melkoi-motoriki-ruk.html> (дата обращения: 14.11.2022).
8. Лысых А.А., Рыжкова А.Г. Теоретико-методологический анализ феномена конструктивной деятельности // Коллекция гуманитарных исследований. 2018. №1 (10). С. 56-61.
9. Никишина В.Б., Петраш Е.А. Изменение структуры профессиональной идентичности на разных этапах профессионализации // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 1. С. 42-47.
10. Помыткина Т.А. Конструирование как средство развития мелкой моторики дошкольника. – 04.05.2021 // Портал «Маам». – URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/konstruirovanie-kak-sredstvo-razvitija-melkoi-motoriki-doshkolnika.html> (дата обращения: 14.11.2022).
11. Романова А.А. Развитие мелкой моторики рук у детей 4-5 лет в процессе лепки // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. №4 (48). С. 84-87.

12. Савина Л.П. Пальчиковая гимнастика для развития речи дошкольников: Пособие для родителей и педагогов. – М.: АСТ, 2000. – 48 с.
13. Свердлова С.Ю. Развитие мелкой моторики рук через конструктивную деятельность у детей дошкольного возраста. – 22.11.2015 // Материалы конференции «Современный детский сад». Академия дошкольного образования. – URL: https://www.adou.ru/conference_notes/81 (дата обращения: 14.11.2022).
14. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. – М.: Концептуал, 2019. – 320 с.
15. Хлопонина С.Н. Мозаика и пазлы, как средство развития мелкой моторики. – 15.01.2020 // ГОУ «Детский сад № 6 «Солнышко» г. Осиповичи. – URL: <https://ossad6.schools.by/pages/mozaika-i-pazly-kak-sredstvo-razvitija-melkoj-motoriki> (дата обращения: 14.11.2022)
16. Абдуламинава А.А.К. Развитие мелкой моторики у ребенка // SAI. 2022. №ВЗ. С. 999-1003.
17. Алексеева С.И., Модонова Д.А. Развитие мелкой моторики рук средствами арт-терапии у детей дошкольного возраста с детским церебральным параличом // Педиатрический вестник Южного Урала. 2021. №2. С. 68-76.
18. Бортник Н.И. Повышение эффективности процесса развития мелкой моторики дошкольников посредством использования комплексов нетрадиционных приемов в условиях внедрения ФГОС: педагогический опыт // Управление образования администрации Грайворонского городского округа. – URL: http://gravoronuo.ucoz.com/Deyatelnost/Innivacii/APO/Uchitel/opit_Bortnik-2016.pdf (дата обращения: 10.11.2022).
19. Гончарова И.Н., Кулясова С.Н. Развитие мелкой моторики рук. Пальчиковый игротренинг // Инновационная наука. 2020. №9. С. 62-64.
20. Кожурова А.А., Андросова А.Т. Развитие мелкой моторики рук у младших школьников посредством якутских настольных игр // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №60-2. С. 191-196.
21. Пивоварчук О.С. Развитие мелкой моторики с использованием нетрадиционного оборудования. – 24.12.2015 // Санкт-Петербургский центр ДПО. – URL: <https://razvitum.ru/articles/masters/2015-12-24-06-08-24> (дата обращения: 10.11.2022).
22. Романюк Е.А. Использование Су-Джок терапии с детьми младшего дошкольного возраста. – 12.03.2019 // МБОУ «Детский сад № 36». – URL: <https://k-dou36.ru/wp-content/uploads/2019/03/Доклад-Су-Джок.pdf>. (дата обращения: 10.11.2022).
23. Самошина Н.А. Инновационные методы развития мелкой моторики у дошкольников. – 14.05.2021 // Современный урок. – URL: <https://www.1urok.ru/categories/20/articles/36999> (дата обращения: 10.11.2022).
24. Су-Джок для всей семьи: целительные точки на ступнях и ладонях: / сост. Н. Ольшевская. – М.: АСТ, 2016. – 224 с.
25. Уланова Н.В. Мелкая моторика, как эффективное условие развития речи у дошкольников // Вестник магистратуры. 2014. №4-2 (31). С. 34-36.
26. Фролова О.Е. Нетрадиционные методы развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста. – 03.12.2016 // Портал «Маам». – URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/netradicionnye-metody-razvitija-melkoj-motoriki-u-detei-doshkolnogo-vozrasta.html> (дата обращения: 10.11.2022).

© Васильева Татьяна Владимировна (t9098991712@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Комсомольск-на-Амуре

СОЦИАЛИЗИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Епишева Ольга Сергеевна

старший преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»
osepishева@fa.ru

SOCIALIZING POTENTIAL OF A FOREIGN LANGUAGE IN AN ECONOMIC UNIVERSITY

O. Episheva

Summary: The article is devoted to the study of the problem of the socializing potential of a foreign language in an economic university. The author justifies the relevance and practical significance of the research topic through the prism of the phenomenon of professional socialization. The hypothesis is formulated that a foreign language, as a separate independent competent-forming discipline, has certain potential for the formation and creation of a stable basis for the development of skills of professional socialization in a foreign-language [non-cultural] environment of students of an economic university. The search for supporting arguments is initiated through the methodological (situational teaching methodology) and instrumental (authentic audio, video and text material) aspect of the formation and development of the critical (basing) skill of intercultural foreign language communication. As a result of the study, a foreign language with sufficient potential also contributes to the formation and development of other components of professional socialization, such as professional activity, professional competence, professional activity, professional thinking, etc. As a general conclusion, it is postulated that, both the pedagogical and academic community should focus more on the problem of professional foreign-language [non-cultural] socialization of students, including economic universities, in order to ensure the latter maximum opportunities for successful social and professional adaptation and subsequent integration into foreign-language [non-cultural] environment.

Keywords: socializing potential, foreign language, economic university, professional socialization, situational learning methodology, authentic material, podcast.

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы социализирующего потенциала иностранного языка в экономическом ВУЗе. Автором обосновывается актуальность и практическая значимость темы исследования через призму феномена профессиональной социализации. Формулируется гипотеза о том, что иностранный язык, как отдельная самостоятельная компетент-формирующая дисциплина, обладает определенным потенциалом для формирования и создания устойчивой основы для развития навыков профессиональной социализации в иноязычной [инокультурной] среде обучающихся экономического ВУЗа.

Поиск подтверждающих аргументов инициируется через методологический (ситуативная методология обучения) и инструментальный (аутентичный аудио-, видео- и текстовый материал) аспект формирования и развития критического (фундирующего) навыка межкультурной иноязычной коммуникации. В результате исследования заключается о том, что иностранный язык, обладая достаточным потенциалом, также способствует формированию и развитию иных компонентов профессиональной социализации, таких как профессиональная деятельность, профессиональная компетентность, профессиональная активность, профессиональное мышление и проч. Автор статьи приходит к выводу, что, как педагогическому, так и академическому сообществу следует делать больший акцент на проблеме профессиональной иноязычной [инокультурной] социализации обучающихся, в том числе, экономических ВУЗов для целей обеспечения последним максимума возможностей для успешной социальной и профессиональной адаптации и последующей интеграции в иноязычную [инокультурную] среду.

Ключевые слова: социализирующий потенциал, иностранный язык, экономический ВУЗ, профессиональная социализация, ситуативная методология обучения, аутентичный материал, подкаст.

Введение

В настоящее время мир переживает фактически беспрецедентный по своей природе и содержанию гео-кризис, характеризующий масштабной дестабилизацией важнейших институтов человеческой жизнедеятельности. Однако, как показывает ретроспективная практика, такого рода и свойства явления становятся, с одной стороны, причиной противоречий в общественном развитии, а с другой – мощным стимулом для поиска новых смыслов в организации социальных моделей государств, в которых приоритет все-таки отдается человеческому ресурсу. По этой причине, перед современной системой высшего образования стоит важная и

ответственная задача по воспитанию кадров нового типа (качества), способных быстро адаптироваться к многообразию текущих и будущих процессов миротворчества и миропорядка. Это означает, что специалист «завтрашнего дня» должен не только обладать максимально широким спектром «жестких» (hard skills) и «мягких» (soft skills) навыков, но и быть готовым к интеграции в иную социальную систему, иную социальную среду, в частности, иноязычную (инокультурную). Из этого следует, что одной из приоритетных целей современного иноязычного образования является формирование навыков нового порядка, органично встроенных в модель профессиональной иноязычной компетенции, а именно навыков профессиональной социализации (socialization skills).

С точки зрения социальной психологии, социализация относится к тем явлениям, через которые человек учится жить, осваивать материальную и духовную культуру и эффективно взаимодействовать с другими людьми [1, 12, 16]. Как отмечает профессор Н.А. Каргапольцева, «многовековая история человечества свидетельствует о стремлении любого общества и государства включить подрастающее поколение и другие слои населения в систему таких социальных ценностей и социальных ролей, которые в наибольшей степени способствует воспроизводству основных, в т.ч. – идеологических, идейных устоев данного социума» [10, с. 5]. В этой связи, как представляется, социализацию как феномен следует рассматривать как некоторое двустороннее единство стихийного и целенаправленного влияния на все стороны личностного становления человека как субъекта общественных отношений. И в данном контексте, как указывает Л.Р. Валитова, именно язык выступает одновременно связующим звеном и предпосылкой образовательной (впоследствии профессиональной) успешности осуществления всех граней социализации. При этом, продолжает автор, важно подчеркнуть, что «освоение ценностей культуры и освоение языка культуры есть целостный процесс, определяющий характер и основные тенденции компетентностного развития современного образования» [5, с. 105].

Вышесказанное позволяет предположить, что иностранный язык, как отдельный самостоятельный компетент и формирующая дисциплина, обладает определенным потенциалом для формирования и создания устойчивой основы для развития навыков профессиональной социализации в иноязычной [инокультурной] среде обучающихся экономического ВУЗа. Актуальность и практическая значимость данного научного «запроса» доказывается следующими двумя аргументами.

Во-первых, в наше время экономист, равно как и практически любой специалист, независимо от квалификации и, собственно, специализации, в силу невозможности прогнозирования перспектив отраслевого развития и, в целом, трендов рынка труда, подвержен влиянию фактора неопределенности в отношении будущего карьерного пути. Соответственно, одной из задач педагогического сообщества является заложение в компетентностный фундамент обучающихся экономических специальностей своего рода критических блок-компетенций, которые позволят им быть более профессионально мобильными и быстрее адаптироваться в условиях изменения не только траектории, но и локации трудовой деятельности. Такой критической блок-компетенцией, как представляется, выступает профессиональная иноязычная [межкультурная] социализация.

Во-вторых, освоение языка и познание культуры страны изучаемого языка априори неотделимо. В самом

общем виде, в процессе речевой деятельности на иностранном языке индивид (специалист) в той или иной степени будет сталкиваться с различиями культурных и национальных стандартов поведения, что, в отсутствие соответствующих навыков, может привести к коммуникативной «поломке». Соответственно, для исключения подобной ситуации, необходимо знать и принимать культурно-национальные особенности поведения носителей изучаемого языка [11]. Из этого следует, что для целей формирования эффективного коммуникационного процесса на иностранном языке, важно преодолеть помимо языкового барьера также барьер культурный для целей более быстрой и адаптивной интеграции специалиста в иноязычную, в частности, профессиональную социальную среду. Таким образом, мы вновь возвращаемся к вопросу о профессиональной иноязычной [межкультурной] социализации.

Материалы и методы исследования

Для подтверждения (опровержения) приведенной гипотезы были использованы следующие методы исследования: общенаучные (диалектический, анализа и синтеза, сравнения и аналогии, аннотирование, конспектирование и реферирование), специальные (системный, сравнительного анализа и пр.), исследовательские (анализ российской и иностранной литературы по проблеме исследования и проч.). Источниковой базой исследования послужили статьи, публикации, мнения и заметки российских и зарубежных авторов, посвященных проблеме профессиональной социализации в иноязычной [инокультурной] социальной среде.

Результаты и обсуждение

В первую очередь, считаем целесообразным определиться с терминологией. Так, опираясь на трактовку профессиональной социализации, данной А.В. Вайсбург [4, с. 36], под профессиональной социализацией в иноязычной [инокультурной] среде мы будем понимать социально-психологический адаптационно-интеграционный процесс, в ходе которого на основе существующей внутренней ориентации специалиста, развития определенных личностных ресурсов происходит усвоение инокультурных и профессиональных ролевых установок, норм, знаний и образов поведения и последующее их воспроизводство в определенной социальной и непосредственно профессиональной деятельности. Важно, при этом, понимать, что адаптация и интеграция – это два разных этапа процесса профессиональной социализации.

Так, согласно С.Н. Марковой, наиболее глубокий уровень – интериоризация, в пределах которой наиболее полно происходит интеграция, т.е. когда ценности, нормы и установки становятся внутренним регулятором поведения индивида в иноязычной [инокультурной] социальной

среде [14, с. 153]. Менее полной является социализация на уровне приспособления (адаптации). Существует мнение о том, что адаптация и интериоризация рассматриваются как две стороны или формы социализации. Индивид и группа, оказываясь в новой, в нашем случае иноязычной [инокультурной] социальной среде, когда изменяются условия жизнедеятельности, в частности, профессиональной, вынуждены обучаться новым образцам и способам поведения, но могут сохранять старую систему ценностей. Из этого следует вывод о том, что формирование навыка профессиональной социализации позволит адаптироваться в иноязычной [инокультурной] социальной среде, тогда как формирование компетенции в области профессиональной иноязычной [межкультурной] социализации – интегрироваться в данную среду. Конечной целью обучения в высшей школе должно, при этом стать, их преобразование в метакомпетенцию и метанавык (с греч. μετά- «между, после, через, над»).

Согласно А.В. Вайсбург, процесс профессиональной социализации включает в себя ряд элементов (см. рисунок). На наш взгляд, для целей формирования метанавыка профессиональной социализации в иноязычной [инокультурной] социальной среде первичной задачей является задействование культурного и коммуникационного аспектов, что, предполагаемо, даст возможность «запустить» адаптационный механизм обучающегося, как будущего специалиста.

Из этого следует, что основу указанного метанавыка составляет навык межкультурной иноязычной коммуникации, под которым мы понимаем готовность обучающегося к продуктивному межкультурному иноязычному общению с представителями иной социокультурной среды, в т.ч. профессиональной, основанному на «познании чужой картины мира через призму родной культуры, взаимопризнании культур и организации взаимодействия на коммуникативном и когнитивно-интерактивном уровнях, с целью удовлетворения потребности в общении, обслуживании предметной деятельности, приобщения реципиентов в свои ценности и себя к ценностям другого» [13, с. 267].

Таким образом, одной из приоритетных задач преподавателя иностранного языка является подбор такого инструментально-методологического комплекса, который даст возможность с одной стороны, сформировать и развить навык межкультурной иноязычной коммуникации, с другой – сделать способствовать решению аналогичной задачи в отношении метанавыка профессиональной социализации в иноязычной [инокультурной] социальной среде.

Обоснование предположения о том, что иностранный язык, как отдельная самостоятельная компетент-формирующая дисциплина, обладает определенным потенциалом для формирования и создания устойчивой основы

- профессиональная предрасположенность (диспозиции, желание стать специалистом в своей области);
- профессиональные ресурсы (уровень подготовки в области необходимых наук и т.д.);
- профессиональная деятельность (осуществление основных функций специалиста, которые зависят от выполняемой профессиональной роли);
- профессиональные коммуникации (профессиональное общение);
- профессиональная идентичность (степень отождествления себя с профессиональной группой);
- профессиональная информированность (все знания о профессии);
- профессиональная компетентность (знание прав и обязанностей в рамках профессии);
- профессиональная активность (вовлечение в профессиональное взаимодействие);
- профессиональная культура (совокупность норм и ценностей, регулирующих профессиональное самоопределение профессионалов);
- профессиональное мышление (идентификация индивидом себя с определенными ценностями и нормами профессиональной группы).

Рис. 1. Структура процесса профессиональной социализации [4, с. 37]

для развития указанного навыка и метанавыка обучающихся экономических специальностей обнаруживаются в возможности выбора методологических (подходовых) и инструментальных альтернатив. По справедливому замечанию известного лингвиста, профессора Университета Анахайма Рода Элписа, любой избираемый преподавателем иностранного языка методов или подход должен соответствовать ряду базовых принципов, приоритет среди которых должен отдаваться возможности общаться на иностранном языке через создание реальных практических условий, в которых обучающийся будет решать свои коммуникативные задачи [17]. Очевидно, что профессор обращается к ситуативной методологии обучения, отличительной особенностью которой является значительное углубление элементов проблемности, динамичности, полностью или частично обнаруживающихся в других методологических направлениях [6].

Так, например, указанная методология закладывает в себя такой значимый для решения указанных задач подход, как лингвокультурологический; он дает возможность минимизировать влияние фасилитарного фрагментарного и фактологического ознакомления обучающихся с конкретными аспектами культуры, что, полагаем, в определенной степени результативно позволяет сформировать полную картину иноязычной деятельности, в частности, в профессиональной сфере, с помощью изучения не только языкового, но и внеязыкового содержания конкретной сферы (направления, концепции) [2]. Одной из ключевых задач указанного подхода, по мнению А.А. Моисеевой, является формирование навыка межкультурной коммуникации и, впоследствии, его развитие до «стадии» межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции, т.е. «способности к соотношению ассоциативно-образной мотивации, которая является основой для выбора того или иного слова, со смысловым содержанием языкового знака, через призму ценностных установок своей этнокультуры» [15, с. 376]. Результатом, таким образом, выступает инкультурация субъекта (специалиста), что и является одной из конечных целей социализации, в частности, профессиональной, в иноязычной [инокультурной] среде.

Помимо указанного, ситуативная методология включает в себя такие подходы, как лексический (lexical approach), холистический (language awareness), обучение на основе задач (task-based learning), обучение на основе содержания (content-based instruction), dogme-подход, «требуй больше» (demand high) [3] и проч., применение каждого из которых в тандеме с классическими направлениями обучения иностранным языкам будут способствовать эффективному и результативному формированию навыка межкультурной иноязычной коммуникации и, как следствие, метанавыка профессиональной социализации в иноязычной [инокультурной] среде обучающихся экономических специальностей.

Актуальность и значимость ситуативных методов обучения иностранным языкам, в частности, в практике экономических ВУЗов, доказывалась не одним поколением исследователей и практикующих педагогов (О.О. Болдина, Д.Н. Володина, Е.В. Замятина, Т.В. Корнилова, С.А. Погорельская, М.С. Мысик, Н.В. Разумова, Е.А. Паненко, Т.Н. Синенко, Е.А. Штехман и другие). На наш взгляд, их ценность заключается в предоставлении преподавателю возможности, во-первых, отбора содержания обучения с опорой на потребности и уровень владения иностранным языком обучающихся; во-вторых, максимального общения на лекции на иностранном языке с использованием аутентичных ситуаций, в частности, через приоритизацию соответствующих инструментов, о которых мы поговорим далее; в-третьих, проработки профессионально-ориентированного языкового материала, что, в свою очередь, позволяет овладеть, как очень точно заметила С.В. Боголепова, «богатым репертуаром устойчивых выражений и стандартных фраз, что влияет на беглость речи», а также «грамматической компетенцией, что делает речь более правильной и сложной» [3, с. 184].

Традиционным в модели апробации ситуативных методов обучения иностранным языкам является так называемый кейс-метод, предполагающий получение нового знания, компетенции «путем организации индивидуального и (или) группового анализа конкретной ситуации, поиск критериев эффективного решения и выработку плана действий по решению проблемы» [9, с. 168]. Иными словами, данный метод ориентирован на решение «кейса», т.е. реальной ситуации профессиональной сферы. Более точно, с нашей точки зрения, его суть раскрыли Л.А. Мауфетт-Линдерс и соавт.: «кейс – это описание реальной ситуации, требующей решения, дающей вызов, возможность, проблему или вопрос, с которыми сталкиваются сотрудники организации. Кейс позволяет фигурально «встать на место» определенного сотрудника, принимающего решение» [19].

В практике экономического образования, данный метод незаменим ввиду того, что при использовании аутентичных ситуаций в качестве методического материала, обучающийся все более проникает в саму суть своей будущей профессии, вне зависимости от характера и географии, что согласно А.В. Вайсбург является составляющей процесса профессиональной социализации (информированность). Более того, мы склонны полагать, что в зависимости от содержания кейс-ресурсов, подбираемых преподавателем относительной изучаемой темы, возможно задействование и таких компонентов, как профессиональная деятельность, профессиональная компетентность, профессиональная активность, профессиональное мышление и проч.

В качестве примера можно кейса привести следу-

ющий кейс: «European countries, whose energy systems depend on the supply of Russian gas, are forced to urgently reduce energy consumption. The population is offered to reduce the heating temperature in houses, and retail trade - to abandon light advertising. What strategic solution would you purpose?». Приоритетная задача кейс-метода, таким образом, как очень точно отмечает Л. Линн, заключается в том, чтобы «соединить знания и практику; получить возможность действовать, основываясь на новом опыте <...>, опираясь на определенные учебные цели, обучающийся рассматривает варианты решения с точки зрения участника события <...>» [18].

Принимая во внимание тот факт, что основной отличительной особенностью кейс-метода является иллюстрация проблемной ситуации на основе аутентичного факта из реальной жизни (профессиональной практики) и, соответственно, поиск аргументированных альтернатив ее решения с использованием иноязычной лексики, встает вопрос об источнике знаний и умений в области решения таких ситуаций в профессиональной практике страны изучаемого языка. С нашей точки зрения, наиболее актуальной инструментальной альтернативой являются пресс- и блог-ресурс. Так, современные электронные СМИ обладают богатым образовательным потенциалом, нивелируя проблему интеграции педагогических технологий. К примеру, достоинством электронного журнала Forbes является не только наличие публикаций экономической и околоэкономической тематики, но и электронные книги, подкасты, видео-интервью с предпринимателями, материалы о богатейших людях мира, истории их успеха и прочее.

Также интересным в контексте политехнологичности представляется издание «The Economist»; это британский экономический журнал, в котором также помимо текстов, широко представлены видео, подкасты, инфографика «World in Figures», визуальные материалы «The Economist Films», контент об альтернативной истории в целом и экономической мысли, в частности – «The World If». Помимо названных, также внимания заслуживают такие журналы, как «McKinsey Quarterly» (одно из авторитетнейших бизнес-изданий в англоязычном мире), Bloomberg BusinessWeek (деловой журнал известного издательства Bloomberg, представленный медиаконтентом, приложениями, собственным радио и ТВ) и т.д.

Относительно блог-ресурса, то его достоинством является естественная аутентизация профессионального мышления обучающихся, как будущих специалистов, т.е. идентификация с определенными инокультурными ценностями, нормами, традициями, а также профессиональной идеологией представителей другой страны в экономической сфере (постановка проблем, поиск решений, прогнозирование и проч.).

К наиболее популярным блокам экономической направленности можно отнести «The Undercover Economist» (блог британского экономиста Тима Харфорда, журналиста Financial Times; материал представлен на английском языке уровня А2-В1), «Economics One» (блог профессора экономики Стэнфорда, автора статей по макроэкономике, денежно-кредитной политике, международной экономике), «Robert Reich» (блог бывшего министра труда США Роберта Рейча, включает экономико-политический контент). Касаемо видеоблогов, то в пример можно привести «Financial Times», «YaleCourses», «Corporate Finance Institute», «Investors Archive», «The Financial Diet» и другие.

Определенной альтернативой названным ресурсам может стать подкаст-ресурс. Доказательство данному тезису приводит Н.В. Екимова; по мнению автора, подкастинг как технология, обладает достаточным дидактическим и практическим потенциалом для формирования межкультурной иноязычной компетенции, тогда как инструмент, ориентирован на формирование развитие одновременно всех видов речевой деятельности, средствами которых осуществляется речевое общение (говорение, чтение, аудирование, письмо) – основа эффективного межкультурного взаимодействия [7, с. 130]. Кроме того, автор акцентирует на таких свойствах подкастинга, как аутентичность, многофункциональность, актуальность, поликанальное восприятие и интерактивность. Примерами подкаст-ресурсов в рассматриваемом контексте выступают: «FT Hard Currency», «Macro Voices», «Something More with Chris Boyd», «Rebank: Banking the Future» и проч.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет допустить, что иностранный язык, как отдельная самостоятельная компетент-формирующая дисциплина, обладает определенным, а именно, социализирующим, потенциалом для формирования и создания устойчивой основы для развития навыков, соответственно, профессиональной социализации в иноязычной [инокультурной] среде обучающихся экономического ВУЗа. Однако, для подтверждения установленной нами гипотезы существует необходимость в теоретико-методологической и практико-эмпирической аргументации.

Анализ литературы доказывает, что проблеме социализирующего потенциала иностранного языка посвящено слишком мало научных исследований. В связи с этим, заключим, что как педагогическому, так и академическому сообществу следует делать больший акцент на проблеме профессиональной иноязычной [инокультурной] социализации обучающихся, в том числе, экономических ВУЗов для целей обеспечения последним максимума возможностей для успешной социальной и профессиональной адаптации и последующей интеграции в иноязычную [инокультурную] среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 360 с.
2. Андрейченко А.А. Лингвокультурологическая компетенция как планируемый результат подготовки студентов языкового вуза // Современное педагогическое образование. 2022. №5. С. 302-305.
3. Боголепова С.В. Современные подходы к обучению иностранному языку: общее и частное // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2020. Т. 13. № 2. С. 168-189.
4. Вайсбург А.В. Модель процесса профессиональной социализации специалиста // Профессиональная ориентация. 2014. №1. С. 32-43.
5. Валитова Л.Р. Социализирующий потенциал ценностей иноязычной культуры // Вестник ОГУ. 2011. №2 (121). С. 104-106.
6. Гурецкая А.О. Нестандартные занятия по английскому языку в военном вузе и практика их проведения // Педагогическое образование в России. 2019. №5. С. 36-41.
7. Екимова Н.В. Профессиональная межкультурная коммуникация в новой геополитической реальности // Обзор педагогических исследований. 2022. Т.4. № 5. С. 128-131.
8. Жалилова С. Использование лингвокультурологического подхода в обучении иностранным языкам // CARJIS. 2021. №3. С. 64-71.
9. Игна О.Н. Кейс-технология в методической подготовке учителей иностранных языков // Вестник ТГПУ. 2022. №4 (222). С. 168-175.
10. Каргапольцева Н.А. Социализация и воспитание личности в Монтессори-образовании: монография. – М.: Педагогический вестник, 1999. – 184 с.
11. Колесникова В.В., Муллинова О.А., Муллинова Т.А. Преподавание русского языка как иностранного в контексте межкультурной коммуникации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 137-139
12. Кон И.С. Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива). – М.: Наука, 1988. – 269 с.
13. Куклина С.С., Черемисинова И.С. Межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция как основа обучения иноязычному общению в вузе // Язык и культура. 2018. №41. С. 255-270.
14. Макарова С.Н. Уровни профессиональной социализации: концептуальный аспект // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №62. С. 152-157.
15. Моисеева А.А. Художественный текст как средство обучения иностранцев русскому языку // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2 (43). С. 375-380.
16. Мудрик А.В. Социализация человека: учебное пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2011. – 623 с.
17. Ellis R. Principles of Instructed Language Learning // Asian EFL Journal. 2005. Vol. № 7(3). pp. 9-24
18. Lynn L. E. What is the case method? // In «Teaching and learning with cases: A guidebook». – N.Y.: CQ Press, 1990. pp. 2-18.
19. Mauffette-Leenders L.A., Erskine J.A., Leenders M.R. Learning with cases. – 2nd ed. – London: Richard Ivey School of Business, 2001. – 133 p.

© Епишева Ольга Сергеевна (osepishева@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Зарединова Эльвира Рифатовна

доктор педагогических наук, доцент, Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь
zaredinova.eivira@gmail.com

PHYSICAL CULTURE AND HEALTH-IMPROVING ACTIVITY OF STUDENTS AS MEANS OF HEALTHY LIFESTYLE CULTURE FORMATION

E. Zaredinova

Summary: The study of healthy lifestyle issues is considered in the article, the importance and necessity of considering the essential characteristics of the content of such concepts as "health", "healthy lifestyle" in the context of the formation of a healthy lifestyle culture in the youth environment is actualized. The problem of health and a healthy lifestyle formation is an interdisciplinary scientific nature and is studied by natural, social and humanitarian sciences about human. On this basis, the main components (cognitive, emotional-value, conative, motivational, praxiological), elements of healthy lifestyle and conditions that influence the formation of motivation and value attitude to physical culture and wellness activities are presented. The content of the work on the healthy lifestyle formation is revealed. It is established that the effectiveness of the students' healthy lifestyle formation is determined by the system of physical culture classes and physical fitness activities. In order to identify students' motivational position and value attitude to the problem of healthy lifestyle through the questionnaire method, a survey was conducted that allowed to identify attitudes to physical education and healthy lifestyle and to outline promising directions and ways to solve the problem.

Keywords: physical culture, health, healthy lifestyle, formation, physical education classes, students.

Аннотация: Статья посвящена изучению вопросов здорового образа жизни, актуализировано значение и необходимость рассмотрения сущностных характеристик содержания таких понятий как «здоровье», «здоровый образ жизни» в контексте формирования культуры здорового образа жизни в молодежной среде. Проблема формирования здоровья и здорового образа жизни носит междисциплинарный научный характер и изучается естественными, общественными и гуманитарными науками о человеке. На этой основе представлены основные компоненты (когнитивный, эмоционально-ценностный, конативный, мотивационный, праксиологический), элементы здорового образа жизни и условия, оказывающие влияние на формирование мотивации и ценностного отношения к физкультурно-оздоровительной деятельности. Раскрыто содержание работы по формированию здорового образа жизни студентов определяется системой занятий по физической культуре и физкультурно-оздоровительной деятельностью. С целью выявления у студентов мотивационной позиции и ценностного отношения к проблеме здорового образа жизни посредством метода анкетирования проведен опрос, позволивший выявить отношение к занятиям физической культурой и ЗОЖ и наметить перспективные направления и пути решения проблемы.

Ключевые слова: физическая культура, здоровье, здоровый образ жизни, формирование, занятия по физической культуре, студенты.

Постановка проблемы

Здоровый образ жизни студента зависит от его ценностных ориентаций, мировоззрения, социального и нравственного опыта. Ценности, выработанные общественным сознанием, не всегда совпадают с ценностями здорового образа жизни студента. Личность студента имеет реальную возможность выбора значимых для нее форм жизнедеятельности, типов поведения, обладая определенной автономностью и ценностью, каждый студент формирует свой образ действий и мышления. Личность способна оказывать влияние на содержание и характер образа жизни группы, коллектива, в которых она находится. Ответственность за здоровье в условиях ЗОЖ формируется у студента как часть общекультурного развития, проявляющаяся в единстве сти-

левых особенностей поведения, способности построить себя как личность в соответствии с собственными представлениями о полноценной в духовном, нравственном и физическом отношении жизни.

Формирование культуры здорового образа задача первостепенной важности, социальнозначима, на методологическом уровне имеет комплексный и междисциплинарный характер. Изучение которой, входит в компетенцию различных наук (философии, социологии, биологии, физиологии, антропологии, медицины, санологии, валеологии, педагогики, физическая культура, психологии, педагогике, культурологии).

В ряде нормативно-правовых документов подчеркивается высокий уровень социальной значимости данно-

го вопроса, в частности в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [1], Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [2] подтверждается целесообразность и необходимость формирования здорового образа жизни, данное направление рассматривается как важнейший аспект государственной политики в отношении воспитания и развития детей и молодежи. В Федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016-2020 годы» среди основных приоритетов социальной и экономической политики государства закреплено распространение стандартов здорового образа жизни [3].

Анализ исследований по проблеме

Теоретические и прикладные аспекты формирования здорового образа жизни детей и молодежи относятся к числу наиболее актуальных и приоритетных направлений исследования в современной отечественной науке. Различные аспекты, отражающие содержание категорий «здоровье», «здоровый образ жизни», «формирование здорового образа жизни», стратегические ориентиры, условия формирования здорового образа жизни студента исследованы В.В. Беяничевой, М.Я. Велинским, П.А. Виноградовым, Т.П. Высоцкой, Ю.П. Лисицыным, Н.М. Царевой, Э.Н. Вайнером, Г.А. Калачевым и др. Теоретические основы формирования здорового образа жизни студентов раскрыты в работах М.А. Вардересян, Т.М. Казарян, В.С. Меситского, Т.В. Таютиной, О.Д. Чолакова, формирование здорового образа жизни студентов посредством занятий физической культурой изучалась В.В. Зотиним, Л.В. Смурыгиной.

Цель статьи – охарактеризовать особенности формирования здорового образа жизни студентов посредством физкультурно-оздоровительной деятельности и определить эффективные направления работы.

Изложение основного материала

Здоровье человека – невероятно сложный и многогранный феномен. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения – «здоровье, есть ничто иное, как состояние полного физического, духовно-нравственного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов» [4, с. 49]. При этом надо отметить, что здоровье представляет собой целостную систему, в которой все компоненты тесно взаимосвязаны между собой и функционируют в неразрывном единстве. Так, физическое здоровье определяет психическое здоровье, а психическое, соответственно, влияет на социальное самочувствие человека, интеллектуальное развитие, обучение и наоборот.

В настоящее время, имеется большое количество ис-

следований социологического характера, позволяющие выявить знания и представления молодежи о здоровом образе жизни, их потребности в соблюдении норм здорового образа жизни и причины по которым студенты не ведут его.

В теоретическую разработку концепции здорового образа жизни внес вклад Ю.П. Лисицын. Он утверждает, что все имеющееся отношение к сохранению и укреплению здоровья, все, что через деятельность по оздоровлению условий жизни труда, отдыха и быта – способствует выполнению человеком функций, его образу жизни и наиболее благоприятным для здоровья условиям и есть здоровый образ жизни [5, с. 54].

Такая постановка вопроса не решает имеющуюся проблему, напротив актуализирует ее. Анализ исследований в этой области свидетельствуют о том, что у большинства населения нашей страны, не сформированы валеологические ценности – ценности, связанные со здоровьем и потребностью в здоровом образе жизни [6, с. 148]. Характер отношения к ценностям этой группы с каждым годом стремительно падает, что значительным образом сказывается на аксиологической составляющей здоровья.

Интенсивные умственные нагрузки, низкая двигательная активность, неправильное питание, несоблюдение рационального режима труда и отдыха, социально-бытовые проблемы, связанные с условиями жизни (проживание в общежитии), стрессы, переживаемые в зачетно-экзаменационный период, стремление студентов совмещать учебные занятия с работой – неблагоприятно сказывается на здоровье и психоэмоциональном состоянии современной молодежи.

Согласно медико-социологическим исследованиям, уровень здоровья студентов в процессе обучения снижается, валеологическая картина с учетом современной ситуации и факторов не улучшается, а в ряде случаев ухудшается, становясь критической. Можно утверждать, что существующая система физического воспитания и развития студентов не справляется с поставленными задачами. При организации образовательного процесса и методике преподавания, в недостаточной степени учитываются психофизиологические особенности студентов, влияние учебной нагрузки на организм студентов, что определяет необходимость поиска новых путей решения данной социально-педагогической проблемы.

Студенты как социальная общность выступают ведущим звеном в работе по формированию здорового образа жизни, поскольку здоровая молодежь – это ценный капитал и потенциал общества и государства.

Здоровье во многом зависит от образа жизни, кото-

рый, в свою очередь, включает себя целый ряд условий. Так, определяющим в здоровом образе жизни является позиция личности и ценностное отношение к своему здоровью, в аспекте здоровьесбережения. Следовательно, понятие здорового образа жизни гораздо шире, чем соблюдение режима дня, система питания или систематические занятия физической культурой, прогулки.

В современной научной литературе наблюдаются попытки объединения указанных направлений в единую социокультурную проблему. В этом смысле под здоровым образом жизни понимаются типичные формы и способы повседневной культурной жизнедеятельности, объединяющей норм, ценности, смыслы регулируемой ими деятельности и ее результаты, укрепляющие адаптивные возможности организма, способствующие полноценному, неограниченному выполнению ими учебно-познавательных, профессиональных, социальных, биологических функций [7]. Тем самым подчеркивается его неразрывная связь с общей культурой личности, которая выступает критерием оценки способа ее бытия, базовой ценностью уровня биологической жизнедеятельности, ее социальной и воспитательной практики.

Так как явление здорового образа жизни отличает системная сложность, представляется верным, на основе теоретических обобщений, разработать схему изучения здорового образа жизни, которая характеризует данное понятие со стороны его компонентного и элементного содержания. На рис. 1. представлена структура, состоящая из когнитивного, эмоционально-ценностного,

конативного, мотивационного и праксиологического компонентов и элементов здорового образа жизни. Перечисленные элементы ЗОЖ проецируются на личность, ее жизненные планы, цели, запросы, поведение. Особое место среди них занимают мировоззренческие взгляды, интересы и потребности молодежи, включенные в повседневную жизнь, которые должны формироваться.

Формирование здорового образа жизни относится практически ко всем аспектам жизнедеятельности человека, начиная с биологической и заканчивая эмоциональной и духовной сферой. Соблюдение принципов здорового образа жизни основа ухода и заботы за собой. В комплексе, следование основам здорового образа жизни способствует укреплению здоровья, устойчивости к различным заболеваниям, прекрасному сочувствию и внешнему виду.

Однако, на современный стиль жизни и поведение студентов в значительной степени оказывают влияние жилищные и бытовые условия, материальный достаток и финансовые возможности, организация обучения и отдыха, режим и качество питания (особенно это актуально для иногородних студентов) [8, с. 58].

Поиск эффективных путей формирования культуры здорового образа жизни студентов на занятиях по физической культуре определяет необходимость раскрытия понятия «физическая культура».

Физическая культура – это вид культуры, который

Рис. 1. Компоненты и элементы здорового образа жизни

представляет собой специфический процесс человеческой деятельности и результаты этой деятельности, а также способы физического совершенствования людей для выполнения ими своих трудовых, социальных и биологических обязанностей [9, с. 256]. Считаем возможным рассматривать формирование здорового образа жизни у студенческой молодежи в системе физического воспитания и на занятиях физической культуры в высших учебных заведениях. Ведущая роль отводится в этом плане дисциплине «Физическая культура», которая является важной составляющей образовательного процесса в высших учебных заведениях. Об уровне сформированности физической культуры личности можно судить по тому, как и в какой конкретной форме проявляются у студентов личностные отношения к физической культуре, ее ценностям. Для определения отношения студентов к физической культуре и здоровому образу жизни, а, следовательно, с целью дальнейшего формирования конкретных способов и методов реализации здорового образа жизни у студентов именно на учебных занятиях, было проведен опрос с использованием метода анкетирования.

Со студентами первого, второго и третьего курсов Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова было проведено анкетирование, цель которого заключалась в выявлении мотивационной позиции и ценностного отношения к здоровому образу жизни. В анкетировании приняли участие 80 студентов, обучающихся на разных факультетах.

Первый вопрос анкеты звучал следующим образом: «Сколько часов в неделю вы занимаетесь физической культурой самостоятельно (за исключением академических часов)?». Результаты неутешительны, большинство, а именно (55%) ответили, что не прибегают к занятиям самостоятельно; 25% – нерегулярно (не больше 2-х раз в неделю), 20% опрошенных ответили – регулярно (более 3-х раз в неделю). Сами же студенты свой двигательный режим оценили следующим образом: 56% – как достаточный, 33% – недостаточный и 11% – не дали ответ.

На вопрос «Какие элементы ЗОЖ вы регулярно используете?» были получены следующие ответы: двигательная активность – 78,3%, отсутствие вредных привычек – 53,3%, правильное питание – 51,7%, здоровый сон – 18,3%, пешие прогулки – 13,3%, соблюдение режима – 11,7%, саморегуляция – 6,7%, активный образ жизни выбрали – 5,0% студентов, контакт с природой – 3,3%, досуговая деятельность – 3,3%, гигиена – 1,7%.

Особый интерес вызвал вопрос, отражающий взаимозависимость здорового образа жизни и физического воспитания. На первое физическое воспитание и спорт разместили всего – 15% респондентов, на второе – 22%,

на третье – 35%, на четвертое – 20% респондентов и на последнее место физическое воспитание отнесли – 8% студентов.

В ходе исследования были выявлены мотивы, побуждающие студентов к занятиям физической культурой. 77% опрошенных в качестве главной мотивации выделили – желание улучшить свою физическую подготовку, повысить работоспособность, совершенствовать фигуру; 23% студентов обосновали посещение занятий с целью получения зачета по дисциплине «Физическая культура». Учитывая результаты проведенного анкетирования, можем полагать, что первостепенной задачей выступает формирование устойчивой мотивации студентов к занятиям физической культурой и формированию потребности в здоровом образе жизни.

Необходимость в движении у студентов выражается по-разному, это зависит как от генетических, так и от социальных факторов. Таким образом, дневная активность студентов может отличаться в 2-3 раза в зависимости от генетической потребности в индивидуальной активности и мобильности в целом и в движениях в частности.

Значительная необходимость в двигательной активности характерна лицам с сильной нервной системой [10, с. 202]. Такие люди наиболее энергичны на занятиях по физической культуре и во время тренировок. По этой причине у них отмечается высокая успеваемость и способность к овладению двигательными умениями и навыками, развитию двигательных качеств.

Для студентов с невысокой двигательной активностью необходима дополнительная внешняя стимуляция: непрерывное внимание со стороны педагога и сверстников, система поощрений (подбадривание, похвала), вовлечение в общую работу с высокоактивными в физическом плане студентами.

Для формирования устойчивой мотивации к занятиям физической культурой следует создать необходимость в физическом самосовершенствовании посредством системности занятий, с целью улучшения уровня здоровья, повышения интеллектуальной и физической работоспособности молодежи. Студент должен понимать значимость занятий по физической культуре, поскольку именно в системе этих занятий формируется потребность в здоровом образе жизни и умение искоренить ряд физиологических нарушений, которые связаны с дисфункциями сердечно-сосудистой и иных систем и избавиться от таких явлений как гиподинамия, спазм мышц, апатия.

Представим условия, оказывающие влияние на формирование мотивации к физкультурно-оздоровительной деятельности.

1. стремление к самосовершенствованию (улучшение самочувствия, усовершенствование телосложения, развитие физических и волевых качеств);
2. стремление к самовыражению и самоутверждению (стремление являться не хуже других, лидерские качества, быть похожим на известного спортсмена; рвение к общественному признанию);
3. социальные установки (популярность спорта, желание поддержать семейные спортивные традиции, стремление быть готовым к труду и службе в армии);
4. удовлетворение духовных и материальных потребностей (желание ощущать себя членом спортивной команды, общаться с друзьями) [11, с. 9].

Активизация интереса к занятиям физической культурой и спортом – не одномоментный, а длительный и сложный процесс, требующий соблюдения дидактических принципов: учета возрастных и индивидуальных особенностей студенческой аудитории, сознательности и активности, систематичности и последовательности. Начиная с системы оздоровительных мероприятий, опирающихся на представления студентов о теории и методике физического воспитания и спортивной тренировки обеспечить формирование здоровьесберегающей компетенции.

Таким образом, с учетом выявленных у студентов мотивов и ценностных ориентаций организация занятий физической культурой и комплекс физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий базируется на активном использовании индивидуального подхода, концентрации внимания на разнообразных психотипах людей и мобильности. Преподавателям необходимо разнообразить формы и методы организации учебных занятий, предельно соответствующие интересам, желаниям и потребностям студентов. Помимо классических занятий физической культурой и спортом нужно применять широкий диапазон инновационных направлений в развитии спорта, в том числе различных спортивных и физкультурно-оздоровительных направлений: мини-футбол, водное поло, стритбол, пляжный футбол и волейбол и т.д., а также современных видов физкультурно-спортивной деятельности (степ, фитнес, фитбол, черлидинг, кроссфит, разнообразные виды единоборства).

Анализ опыта работы кафедры физического воспитания Крымского инженерно-педагогического университета позволяет констатировать, в соответствии с учебным планом на всех направлениях подготовки на протяжении 5 семестров ведется дисциплина «Физи-

ческая культура». Приобщая студенческую молодежь к активным занятиям физическими упражнениями и спортом, физическая культура формирует специальные знания о здоровье, здоровом образе жизни и роли физических упражнений в режиме труда и отдыха, способствует более полному самовыражению личности. Наряду с основным курсом ведется элективный. Согласно расписанию, элективный курс ведется преподавателями кафедры физической культуры по следующим направлениям: шахматы, тяжелая атлетика, тайский бокс, волейбол, регби, каратэ «Киокусинкай», армспорт, настольный теннис, спортивные танцы.

Студентам, убежденным в ценностной значимости и необходимости заниматься физической культурой для полноценного физического развития и реализации личностных возможностей присуще – система знаний по физической культуре, владение умениями и навыками физического самосовершенствования, готовность использовать средства физической культуры для реабилитации при высоких нервно-эмоциональных нагрузках и после перенесенных заболеваний, потребность в организации и ведении здорового образа жизни.

Вывод

Пропаганда здорового образа жизни в молодежной среде посредством физкультурно-оздоровительной деятельности, массовых спортивных мероприятий обеспечивает результативность в деле формирования культуры здорового образа жизни. Меры, направленные на предупреждение употребления алкоголя, табака, наркотиков среди студентов должны представлять собой систематические мероприятия и быть составной частью долгосрочных образовательных программ и проектов. Укрепление здоровья студентов средствами физической культуры, формирование потребностей поддержания высокого уровня физической и умственной работоспособности, повышение уровня физической подготовленности студентов определяет успешность обучения и более глубокое усвоения профессиональных знаний, умений и навыков. Создание условий для формирования знаний, умений и навыков, полной реализации студентами своих творческих способностей, нравственного, эстетического и духовного развития в процессе учебно-тренировочных и спортивно-соревновательных занятий, определяют необходимость организации самостоятельных занятий физическими упражнениями и способствуют ведению здорового образа жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
2. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Справочно-правовая

- система «Консультант Плюс»
3. Постановление Правительства РФ от 21.01.2015 N 30 (ред. от 25.07.2018) «О федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70852372/>
 4. Вайнер Э.Н. Общая валеология: учебник / Э.Н. Вайнер. – Липецк: Педагог, 2006. – 167 с.
 5. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник / Ю.П. Лисицын. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 512 с.
 6. Беспалова Т.А., Царева Н.М., Павленкович С.С., Спиридонова Е.А. Проблемы здоровья молодого поколения / Т.А. Беспалова, Н.М., Царева, С.С. Павленкович, Е.А. Спиридонова // Здоровье и образование в XXI веке. – 2010. – Т. 12. – № 2. – С. 148–149.
 7. Содержание и структура культуры здорового образа жизни личности школьника как технологическая основа ее формирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3011
 8. Калачев Г.А. Исследование проблемы организации здоровьесберегающей педагогической системы в высшей школе / Г.А. Калачев, В.Н. Ирхин // Вестник Алтайской науки. – Барнаул, 2013. – С. 57–63.
 9. Царева Н.М., Царева Ю.А. Аспекты здоровья студенческой молодежи / Н.М. Царева, Ю.А. Царева // Формирование физической культуры и культуры здоровья учащихся в условиях модернизации образования: Сб. науч. статей Всероссийской научно-практической конференции. – Елабуга, 2015. – С. 255–258.
 10. Высоцкая Т.П. Повышение физкультурно-спортивной активности студентов в России / Т.П. Высоцкая, Н.С. Ошеров // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. тр. науч.-практич. конф. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 201–204.
 11. Беяничева В.В. Формирование мотивации занятий физической культурой у студентов / В.В. Беяничева // Физическая культура и спорт: интеграция науки и практики. – 2009. – № 2. – С. 6–9.

© Зарединова Эльвира Рифатовна (zaredinova.eivira@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский инженерно-педагогический университет

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ СОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Костяева Марина Владимировна

Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск)
marina-evdokimova-98@bk.ru

IMPLEMENTATION OF THE PROGRAM TO PROMOTE FAMILY EDUCATION OF PRESCHOOL CHILDREN WITH GENERAL UNDEVELOPMENT OF SPEECH

M. Kostyaeva

Summary: The article presents the results of the implementation of the program to promote family education of preschool children with general underdevelopment of speech. The organizational and content aspects of this program are indicated, the results of an experimental study to identify the positive dynamics of child-parent relations of the participants in the experiment are described.

Keywords: family education, preschool age, general underdevelopment of speech.

Аннотация: В статье представлены результаты реализации программы содействия семейному воспитанию детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. Обозначены организационно-содержательные аспекты данной программы, описаны результаты экспериментального исследования по выявлению положительной динамики детско-родительских отношений участников эксперимента.

Ключевые слова: семейное воспитание, дошкольный возраст, общее недоразвитие речи.

Дети с нарушениями речи одна из самых многочисленных категорий детей. Организация содействия семейному воспитанию детей с тяжелыми нарушениями речи дошкольного возраста является одним из условий успешной коррекции речи, и последующей их социализации. Также, полноценная речь является компонентом школьной готовности и ключевым условием формирования учебной мотивации и положительной успеваемости. Детско-родительские взаимоотношения в семьях, воспитывающих детей дошкольного возраста с нарушениями речи, представляет собой весьма важную и достаточно сложную проблему. Социальная адаптация детей с речевой патологией напрямую зависит от правильного поведения родителей [6]. Недостатки речевой деятельности уже в раннем детстве препятствуют установлению взаимоотношений родителей с ребенком, что затрудняет усвоение социального опыта, формирования способов межличностного общения. Вопросы, посвященные проблеме детско-родительских отношений, рассматривались многими исследователями на протяжении всего развития психологической науки и практики [2, с. 4].

Система отношений ребёнка с родителями, особенности общения, способы и формы совместной деятельности составляют важнейший компонент социальной ситуации развития ребёнка [5, с. 15].

Семейное воспитание детей общим недоразвитием речи определяется успешной работой с семьями воспи-

танников дошкольной образовательной организации. От того, какой будет эта работа, зависит эффективность деятельности самой дошкольной организации, его материальное обеспечение и взаимодействие с семьей [1, с. 30].

С целью исследования детско-родительских отношений в семьях с детьми с общим недоразвитием речи, проектирования и апробации основных форм содействия семейному воспитанию было организовано экспериментальное исследование на базе МБДОУ «Центр развития ребенка – детский сад «Сказка» ОП «Центр развития ребенка – детский сад «Росинка» г. Ковылкино Республики Мордовия. В экспериментальной работе приняли участие 12 воспитанников в возрасте 5-6 лет с заключением общее недоразвитие речи (ОНР) и их родители (20 человек). Для исследования детско-родительских отношений в семьях с детьми с общим недоразвитием речи были подобраны следующие диагностические методики: тест «Детско-родительские отношения» (PARI) (Е.С. Шеффер, Р.К. Белл; адаптирован Т.Н. Нецкерет), опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» (BPP) (методика И.М. Марковской), тест-опросник анализа семейного воспитания и профилактики нарушений воспитания (АСВ) (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис).

Обобщенно результаты данного исследования можно представить следующим образом: большинство родителей имеют средний уровень выраженности таких качеств, как оптимальный эмоциональный контакт, тре-

бовательность, сотрудничество, последовательность, неконфликтность, строгость, удовлетворенность отношениями с ребенком, минимальность санкций; у части родителей отмечен высокий уровень развития таких показателей, как тревожность за ребенка, гиперпротекция.

Следовательно, педагогу, в частности, учителю-логопеду, важно спроектировать процесс содействия семейному воспитанию, направленный на выстраивание гармоничных детско-родительских отношений в семьях, имеющих детей с речевыми нарушениями.

С этой целью была разработана и реализована программа сопровождения семьи ребенка дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, цель которой является повысить уровень родительской компетентности, активизировать роль родителей в воспитании и обучении детей с общим недоразвитием речи, а также представлены рекомендации для родителей, воспитывающих ребенка с общим недоразвитием речи.

Данная программа реализовывалась в рамках родительского клуба «Ты и я – мы друзья». В рамках деятельности данного родительского клуба планируются проведение 4 обучающих семинара по темам «Особенности развития детей 6 года жизни», «Задачи воспитания и образования», «Специфика обучения и воспитания детей в старшей группе с ОНР», «Роль семьи в преодолении дефектов речи», 4 консультации для родителей, создание 6 буклетов, 1 консультация-практикум и 1 семинар-практикум, 1 круглый стол, цикл индивидуальных бесед, 11 игр-тренингов, 3 родительских собрания.

Приведем пример разработки одной из заявленных форм. Это игра-тренинга «День дублера». С утра детей в группах встречают не воспитатели, а родители (дублёры), выполняющие функции воспитателей. Перед проведением данной формы совместной деятельности семей и дошкольной образовательной организации проводится анкетирование, с помощью которого педагоги определяют, какую роль родители хотят выполнить в группе. Педагог составляет таблицу, в которой указывается родитель, вид деятельности, время, которое он будет находиться в дошкольной образовательной организации. Воспитатели группы в этот день также находятся каждый в своей группе и если родителям понадобится помощь или консультация, они ее окажут. Представленная форма работы оканчивается педагогическим часом.

На рефлексивном этапе исследования необходимо было выяснить, как программа содействия семейному воспитанию детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, повлияла на результаты исследования детско-родительских отношений испытуемых. Были повторно изучены исследуемые характеристики с помощью методик, которые использовались на констатирующем

этапе исследования.

По результатам диагностики по тесту «Детско-родительские отношения» (PARI) (Е.С. Шеффер, Р.К. Белл; адаптирован Т.Н. Нещерет), на контрольном этапе исследования нами были получены следующие данные, относительно отношения родителей к ребенку:

- по показателю оптимальный эмоциональный контакт увеличилось число респондентов с высоким уровнем на 20 % и со средним уровнем на 40 %, снизилась численность родителей с низким уровнем на 60 %;
- по показателю излишняя эмоциональная дистанция с ребенком снизилось число родителей с высоким уровнем на 50 %, тем самым увеличилось количество респондентов со средним уровнем на 20 % и низким уровнем на 30 %;
- по показателю излишняя концентрация на ребенке снизилось число родителей с низким уровнем на 40 %, увеличилось количество респондентов со средним уровнем на 20 % и с высоким уровнем на 20 %.

По результатам опросника «Взаимодействие родителя с ребенком» (ВРР) (методика И. М. Марковской), было выявлено следующее:

- по шкале нетребовательность – требовательность, снизилось число испытуемых с высоким уровнем на 30 % и низким уровнем на 20 %, тем самым увеличилось число респондентов со средним уровнем исследуемого показателя на 50 %;
- по шкале мягкость – строгость родителя, уменьшилось число респондентов с высоким уровнем на 30 % и низким уровнем на 30 %;
- по шкале автономность – контроль у большинства родителей ЭГ преобладает средний уровень – 70 %, за счет уменьшения значений высокого и низкого уровней;
- по шкале эмоциональная дистанция – эмоциональная близость ребенка к родителю увеличилось количество родителей с низким и средним уровнями, за счет уменьшения численности респондентов высокого уровня на 50 %;
- по шкале отвержение – принятие ребенка родителем увеличилось число родителей с высоким уровнем 20 % и средним уровнем на 30 %;
- по шкале отсутствие сотрудничества – сотрудничество увеличилось количество родителей с высоким уровнем на 30 % и со средним уровнем на 20 %, низкий уровень исследуемого показателя характерен лишь 10 % респондентов, что на 50 % меньше, чем на констатирующем этапе;
- по шкале не тревожность за ребенка – тревожность за ребенка, снизилось число родителей ЭГ с высоким уровнем на 70 %;
- по шкале непоследовательность – последователь-

ность родителя, увеличилось число респондентов с высоким уровнем на 10 % и со средним уровнем на 30 %, снизилось количество родителей с низким уровнем на 40 %;

- по шкале не конфликтность – воспитательная конфронтация в семье снизилось число респондентов с высоким уровнем на 40 %, тем самым увеличилось число родителей с низким уровнем на 40 %;
- по шкале неудовлетворённость отношениями с ребёнком – удовлетворённость отношениями с ребёнком увеличилось количество родителей с высоким уровнем на 20 % и средним уровнем на 50 %, соответственно уменьшилось число родителей с низким уровнем на 70 %.

Полученные данные демонстрируют, что после формирующего эксперимента у родителей экспериментальной группы по показателям детско-родительских отношений преобладает средний уровень развития.

По шкале не конфликтность / воспитательная конфронтация в семье доминируют средний и низкий уровни.

Перейдем к анализу результатов исследования по тест-опроснику анализа семейного воспитания и профилактики нарушений воспитания (АСВ) (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис), полученных на контрольном этапе:

- по шкале гиперпротекция / гипопротекция снизилось число респондентов с высоким уровнем на 40 % и с низким уровнем на 30 %, тем самым увеличилось число родителей со средним уровнем на 70 %;
- по шкале потворствование / игнорирование потребностей ребенка уменьшилось число респондентов с высоким уровнем на 50 % и с низким уровнем на 30 %;
- по шкале чрезмерность требований и недостаточность требований-обязанностей ребёнка значительно увеличилось количество родителей со средним уровнем на 50 %;
- по шкале чрезмерность требований-запретов / недостаточность требований-запретов к ребенку существенно снизилось число родителей с высоким уровнем на 20 % и с низким уровнем 30 %, тем самым увеличились значения в среднем уровне на 50 %;
- по шкале строгость санкций (наказаний) / минимальность санкций снизилось число показателя высокого уровня на 50 % и низкого уровня на 10 %;
- по шкале неустойчивость стиля воспитания, можно отметить, что увеличилось число родителей с низким уровнем на 40 % и уменьшилось количество родителей с высоким уровнем на 30 % и средним уровнем на 10 %.

Полученные данные демонстрируют, что после формирующего эксперимента у родителей экспериментальной группы по показателям детско-родительских отношений преобладает средний уровень развития.

Для оценки значимости произошедших изменений показателей детско-родительских отношений у родителей экспериментальной группы детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи после формирующего эксперимента был использован Т-критерий Вилкоксона.

По результатам статистических подсчетов данных по методике «Детско-родительские отношения» (PARI) (Е. С. Шеффер, Р. К. Белл; адаптирован Т. Н. Неццет) нами была подтверждена альтернативная гипотеза Н1 о наличии различий результатов экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапах. Полученные эмпирические значения Тэмп. = 4, Тэмп. = 1,5 и Тэмп. = 6 свидетельствуют о статистически достоверном изменении на однопроцентном и пятипроцентном уровнях значимости.

По результатам статистических подсчетов данных по методике «Взаимодействие родителя с ребенком» (ВРР) (методика И. Марковской) нами была подтверждена альтернативная гипотеза Н1 о наличии различий результатов экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапах. Полученные эмпирические значения Тэмп. = 9, Тэмп. = 8, Тэмп. = 10, Тэмп. = 1, Тэмп. = 5, Тэмп. = 2, Тэмп. = 8,5, Тэмп. = 4, Тэмп. = 6,5 свидетельствуют о статистически достоверном изменении на однопроцентном и пятипроцентном уровнях значимости.

По результатам статистических подсчетов данных по методике «Анализ семейного воспитания и профилактики нарушений воспитания (АСВ) (Э. Эйдемиллер, В. Юстицкис) нами была подтверждена альтернативная гипотеза Н1 о наличии различий результатов экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапах. Полученные эмпирические значения Тэмп. = 5, Тэмп. = 8,5, Тэмп. = 9, Тэмп. = 7,5, Тэмп. = 2, свидетельствуют о статистически достоверном изменении на однопроцентном и пятипроцентном уровнях значимости.

По показателю «чрезмерность требований-запретов /недостаточность требований-запретов к ребенку» полученное эмпирическое значение Тэмп. =19 находится в зоне незначимости.

Положительная динамика показателей детско-родительских отношений родителей детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи позволяет говорить об эффективности программы. Следовательно, разработанная программа содействия семейному воспитанию детей с тяжелыми нарушениями речи дошкольного возраста является одним из условий успешной коррекции

нарушений речи и важным ресурсом оптимизации практической деятельности логопеда, впервые обновлено и усовершенствовано ее методическое обеспечение по данному направлению. Традиционными аспектами оказания помощи семье с ребенком с ограниченными возможностями здоровья являлись мероприятия по взаимодействию с семьей и привлечению родителей к

коррекционно-развивающей деятельности дошкольной образовательной организации, предложенная программа раскрывает аспект содействия семейному воспитанию детей с тяжелыми нарушениями речи дошкольного возраста, предусматривая самостоятельную компетентную в области сопровождения детей с речевой патологией деятельность родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова, Н.С. Психолого-педагогические технологии коррекции детско-родительских отношений / Н.С. Белоусова // Педагогическое образование в России. – 2013. – №5. – С. 103–107.
2. Басалаева, Н. В. Сопровождение детей с особыми потребностями как актуальная проблема современного образования / Н.В. Басалаева, Т.В. Захарова, Т.В. Казакова // Человек и язык в коммуникативном пространстве. – 2018. – Т.9. – №9. – С.199–205.
3. Васильева, В.С. Особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи / В.С. Васильева, А.В. Зяблицева // Молодой ученый. – 2021. – № 25 (367). – URL: <https://moluch.ru/archive/367/82533>.
4. Дорошенко, П.В. Теоретические аспекты изучения детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих дошкольников с нарушениями речи / П.В. Дорошенко // Новая наука и формирование культуры знаний современного человека. – 2018. – №3. – С. 113–116.
5. Обухова, Н.В. Семейное воспитание детей с нарушением речи: учебно-методическое пособие / Н.В. Обухова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019. – 128 с.
6. Романовская, Т.Ф. Современные проблемы семьи и ребенка с нарушениями речи / Т.Ф. Романовская, И.А. Истомина // Вопросы современной педагогики и психологии: свежий взгляд и новые решения. – 2016. – №3. – С. 190–192.

© Костяева Марина Владимировна (marina-evdokimova-98@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева

ИГРОВОЙ МЕТОД В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ» В ВУЗЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОТКРЫТОГО СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

THE GAME METHOD IN THE PROCESS
OF TEACHING THE DISCIPLINE
"PHYSICAL CULTURE AND SPORT" AT
THE UNIVERSITY AS A FACTOR IN THE
FORMATION OF OPEN SOCIAL CAPITAL

S. Nityagovsky
G Matsepura

Summary: The article attempts to substantiate the transformation of the game method in physical education classes at the initial stage of education at the university. It is shown that modern students who received a negative experience of isolation during the school period due to the COVID-19 pandemic are hardly able to form open-type social capital. The initial stage of education at a university can become for many such a space for a game-dialogue, in which the ability to communicate is revealed especially brightly. The game as the basis of life arrangement in this context should be filled with semantic content, even if this approach contradicts the habitually perceived essence of the game as an attainable practice. The reformatting of the game does not occur due to a change in its structure or content, the transformation is carried out through the immanent postulation of the significance of the procedures for cooperation with partners in the team. The transfer of meaning to semantic content contributes to the discovery by students of a significant Other, the dialogue with which turns out to be an element of self-knowledge. Spontaneous self-knowledge becomes reflexive and filled with meaningful connotations, as opposed to the emotional perception of the situation. The inclusion of a game-dialogue in the educational process allows you to actively influence the formation of open-type social capital.

Keywords: game method, dialog, physical education, social capital.

Нитяговский Сергей Анатольевич

Старший преподаватель, Тихоокеанский
государственный университет
000544 @pnu.edu.ru

Мацепура Галина Николаевна

Старший преподаватель, Тихоокеанский
государственный университет
mase@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка обоснования трансформации игрового метода на учебных занятиях по физической культуре на начальном этапе обучения в вузе. Показано, что современные студенты, получившие в школьный период обучения отрицательный опыт изоляции в связи с пандемией COVID-19, с трудом способны формировать социальный капитал открытого типа. Начальный этап обучения в вузе может стать для многих таким пространством игры-диалога, в котором способности к коммуникации раскрываются особенно ярко. Игра как основа жизнеустройства в данном контексте должна быть наполнена смысловым содержанием, даже если этот подход противоречит привычно воспринимаемой сути игры как достижительной практики. Переформатирование игры происходит не за счет изменения ее структуры или содержания, трансформация осуществляется через имманентное постулирование значимости процедур сотрудничества с партнерами по коллективу. Перенос значения на смысловое содержание способствует обнаружению студентами значимого Другого, диалог с которым оказывается элементом самопознания. Спонтанное самопознание становится рефлексивным и наполненным осмысленными конотациями в противовес эмоциональному восприятию ситуации. Включение в учебный процесс игры-диалога позволяет активно воздействовать на формирование социального капитала открытого типа.

Ключевые слова: игровой метод, диалог, физическая культура, социальный капитал.

В ставшем классическим труде И. Хейзинги Homo ludens (с лат. — «Человек играющий»), игра представлена как основополагающая способность человека структурировать окружающий мир так, чтобы оказавшись внутри него, было возможным не просто узнавание мира, но и его перманентное творческое преобразование. «В игре мы имеем дело с тотчас узнаваемой каждым абсолютно первичной жизненной категорией, с некоей тотальностью, если вообще существует что-нибудь заслуживающие этого имени. В этой ее целостности и должны мы попытаться понять игру и дать ей оценку» [6, С13] Автор подчеркивает, что игра как деятельность предшествует любым другим человеческим проявлениям, являясь, по

сути, основанием жизни, что характерно для всего животного мира. В отличие от животных человек сделал естественные животные проявления культурным феноменом, облачив базовое биологическое свойство в такие формы, в которых игра превращается в искусственно сконструированный элемент бытия. Целью данной работы стало обоснование игры в самом широком смысле, как фактора конструирования и накопления социального капитала открытого типа на практических занятиях по физической культуре в вузе. Социальный капитал понятие, ставшее популярной объяснительной практикой, используемой гуманитарными науками для описания состояния общества в различные эпохальные периоды.

В самом общем виде его обозначают как «особый вид капитала, не использующего в качестве своего источника материальные ресурсы и представляющего собой связи и отношения между людьми, основанные на взаимном ожидании определенного поведения, взаимных обязательствах и доверии» [2].

Учебная дисциплина «Физическая культура и спорт» является общеобязательной для изучения в системе образования, находясь, тем не менее, в особом положении по сравнению с остальными учебными предметами. Эта особенность предмета наиболее ярко проявляется, когда молодые люди, поступившие на первый курс университета, начинают осваивать новое для себя пространство обучения и коммуникации. Практические занятия по предмету в вузе традиционно организуются в зависимости от инфраструктурных возможностей вуза и жестко привязаны к сетке расписания процесса обучения. В большинстве вузов для построения учебного процесса используется стандартный подход формирования учебных групп, при котором в одной группе оказываются совершенно разные по уровню подготовленности ребята. Если на большинстве теоретических дисциплин разница подготовки может проявляться не сразу, то на занятиях по физической культуре эта разница бросается в глаза моментально. Не секрет, что первые минуты знакомства в незнакомой группе сверстников некоторые члены коллектива используют для демонстрации своих сильных сторон, тогда как другие выбирают стратегию пассивного поведения.[4]. При наличии на специализированных кафедрах вуза возможности обеспечить индивидуальный подход к студентам эта проблематика не столь очевидна, но в большинстве случаев преподаватели ориентируются на общие групповые параметры контроля. В итоге на первом, наиболее важном этапе обучения, внутри формальных учебных групп, формируются более мелкие подгруппы, связанные с реализацией физического потенциала. Для каждого молодого человека начальный этап обучения в вузе ставит на повестку важнейшую функцию личности, которая состоит в обосновании своего отношения к определенной жизненной ситуации, в выявлении ее смысла и включения в набор необходимых жизненных параметров. Обычно этот процесс проходит в латентном режиме, когда большое количество вызовов настоятельно требуют адекватного ответа. Определяющим методом ориентации личности в данном процессе создания личностно-ориентированной ситуации становится диалог, как инструмент с помощью которого личность определяется в многообразии ситуационных маркеров. Диалог в данном контексте не распространенная практика вопросно-ответного метода обучения, а искусственная ситуация, только внутри которой личностные функции каждого индивида актуализируются до приобретения ими ценностно-значимой позиции. Диалог не приводит к простым эмпирически проверяемым истинам, это скорее процесс который

можно описать как «целерациональное действие» не имеющее конкретно выраженной цели. Потребность в диалоге — базовая потребность человека и как все потребности подобного рода не может быть завершена окончательно. Игра как явление того же порядка потребностей что и диалог также не заканчивается даже если по формальным правилам финальный сигнал прозвучал. Можно сделать вывод что игра и диалог, по сути, тождественные явления в жизни человека. Исходя из сформулированного предположения нами была сформулирована концепция игры-диалога на занятиях по физической культуре на начальном этапе обучения в вузе, сутью которой стало включение в практические занятия простых по содержанию подвижных игр, но с наполнением этих действий особым смысловым содержанием. Обычные подвижные игры заканчиваются победой одной из сторон и поражением другой, это формальное значение игры, другое измерение игры связано с ее смысловым наполнением, при этом обычно принято смысл и значение игры отождествлять в конечном результате. В нашем подходе происходила дивергенция значений и смыслов через смещение акцентов деятельности не на конечный результат, а на процесс взаимодействия между участниками игры. Обязательным условием конечного результата было полноценное включение в его достижение всех без исключения членов команды, что требовало от более сильных участников некоторого обуздания своих претензий с одной стороны и попыток проявления несвойственной активности со стороны более слабых участников. В спортивной практике такой подход выражается в формуле «зачет по последнему», когда результат командных действий зависти от каждого члена коллектива. Данный подход, так или иначе, завязывает усилия индивидов на результате как доминанте сути действия, что снимает значительную часть смыслового наполнения действия как диалога между партнерами. В нашей концепции игры-диалога результат постулировался как вторичное по отношению к коммуникации явление. Восприятие подобного задания игры, когда ключевой финальный показатель изымался из значимых параметров в пользу процесса коммуникации, воспринимался участниками сначала негативно. Это объяснимо детерминированными практикой и опытом установками, усвоенными в предыдущие этапы обучения. Возникающая в ходе занятия проблемная ситуация приводила к активному проявлению участниками коммуникации эмоций, оформленных как «овнешненные» личностные акты, требующие сами по себе рефлексивной оценки. Находясь внутри проблемной ситуации, когда противоречие между желанием проявить себя и необходимостью ограничения подобного проявления эксплицировала в индивидуальном сознании скрытую до сих пор способность определять «границы чужих мнений», студенты незаметно для самих себя начинали формирование диалогового пространства в котором оппонент не соперник и не враг, а Другой, имеющий не меньше,

а даже больше прав на самопроявление в данном виде деятельности. Являясь динамичной практикой игра, как основание активности сама по себе, способствует формированию описанного поля, выводя межличностные отношения в состояние напряжения. От каждого участника игры требуется быстрое принятие решения, когда объективно существующая проблема предстает в виде субъективно значимого действия, результат которого будет оцениваться не по его формальному статусу, а по другим искусственно обозначенным параметрам. Одним из формальных признаков игры-диалога подобного типа является ее пространственно-временная «выхваченность» из привычного течения времени, в рамках игры на второй план отходят все виды повседневного окружения и возникает особое, идеальное, замкнутое пространство с признаками сакрального. После окончания игры индивиды могут вернуться к повседневным формам взаимодействия, но ощущение пребывания в особом, обособленном пространстве игры остается в сознании надолго. В этом пространстве в режиме сверхнапряжения и сгущения времени происходит опознавание Другого как странного актора, претендующего на значимое место в моем личном мировосприятии. Опознавание Другого не как другого, а как со-родственного мне человека, для которого я также могу стать или не стать желаемым. Другим, меняет окрашенность взаимодействия переводя его из привычной «конфликтной» формы в «рефлексивную». Осуществление коммуникации в подвижных играх несет еще одну смысловую нагрузку, а именно тот факт, что доминирующим языком коммуникации становится не привычная процедура вербализации, то есть перевода эмоций в слова, а выражения сути сообщения языком тела и жеста. В этом разрезе коммуникация между людьми выводит на передний план фундаментальные биологические способности человека, заретушированные временем и культурой, но остающиеся при этом основанием живого организма. Возникновение в процессе игровой коммуникации способность не только принимать и передавать сообщения особым образом, способствует развитию способности генерировать но-

вые сообщения, накапливая эффект «расширения сознания» [3], что в свою очередь может стать основанием для формирования социального капитала открытого типа. Для адекватной коммуникации необходимо чтобы было как минимум двое участников диалога, так как только между ними может возникнуть, или, скорее, проявиться то, что Л.С. Выгодский характеризовал так: «первоначально всякая высшая функция была разделена между двумя людьми, она была взаимным психологическим процессом». [1].

Современные студенты, пережившие на пике пубертатного периода пандемию COVID-19, оказались заложниками вынужденного ограничения взаимоотношений в прямом смысле. Необходимые для жизни навыки общения не утрачены, но подверглись негативной коррекции, что может сказаться в дальнейшей жизни [5]. Поиск путей исправления данной ситуации продолжается по всем направлениям и физическая культура и спорт в любом формате действенное средство развития данной человеческой способности. Конструирование на учебных занятиях диалогово-игрового пространства коммуникации оказывается мощным педагогическим средством, способствующим дать участникам коммуникации позицию, через которую они оказываются способными не просто формировать социальный капитал открытого типа, но и воспринимать его как важный ресурс личностного развития. Учебные занятия подобного типа, когда целевые показатели отодвинуты в сторону, а на первое место выходят ценностные характеристики общения оказываются наполненными не только эмоциональным содержанием, но и смысловым, что делает практику подобного рода эффективным средством воспитания молодых людей, как потенциальных авторов индивидуальной жизненной стратегии совместно с товарищами по процессу обучения в вузе. Данная методика наиболее востребована студентами в самый начальный период обучения в вузе, когда знакомство с коллегами по учебе выступает как напряженный личностный акт деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выгодский Л.С. Психология развития человека. _ М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2003. - 1136 с. с ил.
2. Социальный капитал // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Интерпрес-сервис, 2003. С. 405.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. - М.: «Языки русской культуры», 1999. 464 с.
4. Чернышев В.П., Чернышева Л.Г., Бобина О.Н., Кондратьев И.В., Лысенко О.А. Физическая культура и спорт как нестандартный аспект формирования коммуникативного пространства в современном обществе. 2021. № 6. С. 43-47.
5. Чернышев В.П., Малюгин А.М. Бородин П.В., Клименко В.А. Физическая культура и спорт в современном обществе как компенсаторный аспект социальности. Социология. 2021. №5. С.216-220.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. / Йохан Хейзинга. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. - 400 с.

© Нитяговский Сергей Анатольевич (000544 @pnu.edu.ru), Мацепура Галина Николаевна (mace@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ «ОБРАЗОВАНИЯ 4.0» В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И НАВЫКОВ

ANALYSIS OF EDUCATION 4.0 COMPONENTS IN A SYSTEM OF MODERN COMPETENCES AND SKILLS

T. Pankova
N. Fadeeva
N. Yalaeva
E. Borisov
E. Akbilek

Summary: This research analyses the components of Education 4.0, looking at teaching methods within the framework of building meaningful skills. A systematic literature review was conducted to identify academic papers that explore contemporary skills systems; to identify teaching strategies that contain Education 4.0 components; and to consider their educational aspects. The findings allowed us to identify opportunities for creating and improving the conceptual boundaries of skills formation with the necessary Education 4.0 components in the development of future professional competences: most are learner-centred, develop competences through character dimensions, meta-learning and connect teaching with active learning strategies. Finally, insights into the design of educational models for the development of competences in automatic systems thinking, integrated comprehension, perception and analysis are presented.

Keywords: Education 4.0, active learning strategies, contextual competences, pervasive technologies, educational innovations, systems thinking.

Панкова Татьяна Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент, Воронежский
государственный университет
pankova@rgph.vsu.ru

Фадеева Наталья Владимировна

Кандидат технических наук, доцент, Красноярский
институт железнодорожного транспорта (филиал
Иркутского государственного университета путей
сообщения)

fadeeva_natali@inbox.ru

Ялаева Наталья Вячеславовна

Кандидат педагогических наук, доцент, Российский
технологический университет МИРЭА (Москва)

yalaeva-nv@mail.ru

Борисов Егор Александрович

Старший преподаватель, Северо-Восточный
федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск)

egor_aleksandrovich93@mail.ru

Акбилек Елена Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент, Академия
социального управления (Мытищи)

ekuharenko@mail.ru

Аннотация: В данном исследовании анализируются компоненты «Образования 4.0», рассматриваются методы преподавания в рамках формирования значимых навыков. Был проведён системный обзор литературы для выделения научных работ, в которых исследуются системы современных навыков; для того, чтобы идентифицировать стратегии преподавания, содержащие компоненты «Образования 4.0», рассмотреть их образовательные аспекты. Полученные результаты позволили нам определить возможности для создания и улучшения концептуальных границ формирования навыков с необходимыми компонентами «Образования 4.0» в развитии будущих профессиональных компетенций: большинство ориентированы на обучающихся, развивают компетенции через измерения аспектов характера, мета-обучение и подключают преподавание со стратегиями активного обучения. В заключении приводятся выводы о создании образовательных моделей для развития компетенций автоматического системного мышления, комплексного осмысления, восприятия и анализа.

Ключевые слова: Образование 4.0, стратегии активного обучения, контекстные компетенции, pervasive технологии, образовательные инновации, системное мышление.

«Образование 4.0» представляет собой технологические стратегии, способствующие повышению качества образования. Оно ориентировано на то, чтобы сформировать у обучающихся когнитивные [6, с. 18], социальные, межличностные, технические навыки [5, с. 47]. Согласно этой стратегии, обучающимся предлагается использовать ресурсы, размещённые в Интернете, регистрироваться на разноо-

образных онлайн-курсах, перевёрнутых лекциях, видеоконференциях, семинарах и видеозвонках [12, с. 8311]. Успешное обучение зависит и от компьютерной грамотности преподавателей, учителей, менеджеров в области образования и родителей [4, с. 77].

Комплексные модели образовательных стандартов позволяют нам наблюдать и оценивать компетенции, не-

обходимые в рамках каждой дисциплины, с разных сторон, включая технологические, педагогические, контекстуальные и гуманистические аспекты. *Partnership for 21st Century Skills* – это совместная организация правительств и бизнеса, которая определила рамки для развития навыков, способностей и установок для достижения успеха на рабочем месте и в современном обществе [19]. В ней перечислены три основных типа компетенций: (1) навыки обучения (творчество и инновации, критическое мышление и решение проблем; коммуникация и сотрудничество) [7, с. 256]; (2) навыки грамотности (информационная грамотность; медиаграмотность; ИКТ-грамотность) и (3) жизненные навыки (гибкость и адаптивность; инициативность и агентность, способность к самоориентации; социальные и межкультурные навыки; продуктивность и ответственность; лидерство) [13, с. 217].

Новая парадигма обучения основывается на *P21 Framework for 21st Century Learning*, в которой содержится идея о том, что условия жизни и работы настолько многообразны и характеризуются такой высокой конкуренцией, что обучающимся необходимы основные навыки мышления, понимание содержания [19]. Кроме того, в условиях информационного общества обучающиеся должны тщательно следить за развитием соответствующих карьерных и жизненных навыков (*Career and Life Skills – CLS*). Концепция также определяет пять элементов профессиональных и жизненных умений/навыков, составляющих область CLS. Это (1) гибкость и адаптивность; (2) инициативность и готовность к самоориентированию, самостоятельным действиям; (3) социальные и межкультурные навыки; (4) продуктивность и способность нести индивидуальную ответственность за результат; и (5) лидерство и формирование навыков профессиональной деятельности.

Среди компетенций, ставших весьма актуальными в наши дни, есть и такие, как «управление в условиях повышенной сложности», когда профессионалы должны обладать способностью анализировать, умениями действовать в меняющемся мире [16, с. 1390]. Цифровая трансформация современного общества диктует нам необходимость выхода за рамки научного мышления в такие области, как системное и критическое мышление [3, с. 100], а также творческое и научное мышление в разработке новых решений для удовлетворения потребностей общества [1, с. 34].

Как известно, четвертая промышленная революция характеризуется использованием инновационных технологий, процессов и практик. По мнению *Chaka C.*, в настоящий момент наиболее актуальны три технологии – это искусственный интеллект, машинное обучение и алгоритмическое обучение [10, с. 397].

Для применения компонентов «Образования 4.0» *Ramírez-Montoya M. S.* [20] и *Álamo Venegas J. J.* [8] реко-

мендуют не ограничиваться развитием мышления, а переходить к формированию понятийного и расчетно-аналитического обучения с использованием образовательной робототехники и программирования, развивать у обучающихся «мягкие» навыки через эмоциональный интеллект, управление эмоциями и построение моральных и нравственных поведенческих ситуаций.

Другие исследователи осуществили системный обзор взаимосвязи между основными требованиями к компетенциям и принципами цифровых компетенций. Их выводы привели к созданию модели, которая объединяет основные компетенции (например, способности личности интегрироваться в информационно-образовательную среду [2, с. 73], управление информацией, коммуникация, сотрудничество, творчество, критическое мышление и решение проблем) и контекстные компетенции (например, этическая осведомленность, культурная осведомленность, гибкость, агентность, способность к самоориентации, самонаправленности и обучение на протяжении всей жизни) для обеспечения академических программ, которые способствуют развитию основных, контекстных и цифровых компетенций в рамках целостного образования.

Noh S.C. и *Karim A.M.A.* в своей работе показали, что менталитет преподавателей в области проектного и дизайн-мышления для развития творческого и инновационного потенциала обучающихся в концепции «Образования 4.0» включает в себя проектирование, ориентированное на пользователя, эмпатию, сотрудничество, оптимизм, экспериментирование, прототипирование и осознанное, бережливое и внимательное отношение к процессу [18, с. 498]. Необходимо всесторонне проанализировать учебные программы, чтобы гармонично сочетать и уравновесить различные цели образования с «мягкими»/техническими навыками и соответствующими компетенциями, обеспечивая тем самым всестороннее выявление талантов обучающихся.

В работе *González-Salamanca J.C., Agudelo O.L.* и *Salinas J.* был проведен систематический обзор литературы, в котором основное внимание уделялось исследованиям, связанным с навыками 21 века, стратегиями преподавания, оценкой, анализом, последовательностью обучения и разработкой учебных программ [15, с. 10366]. Авторы сравнили компоненты «Образования 4.0», которые демонстрируют необходимость переосмысления революционных технологий и стратегий гибридных классов. Они предложили, чтобы программы подготовки учителей включили эти навыки в свои учебные планы, а также дали рекомендации по согласованию технологических, педагогических и дисциплинарных элементов с новыми методологическими подходами для развития современных навыков у обучающихся.

Данная работа в основном сосредоточена на опре-

делении того, какие компоненты «Образования 4.0» в настоящее время используются в учебных программах, и какая стратегия преподавания является наиболее успешной для развития требуемых навыков. Проектирование и оценка обучения должны основываться на теориях, моделях, методах, стандартах, критериях и компонентах, повышающих качество образования без границ при поддержке новых методов преподавания, опосредованных современными технологиями [22, с. 89].

Цифровая трансформация и «Образование 4.0» отличаются от традиционного образования тем, что их обеспечивают, поддерживают и направляют новейшие технологии, включая искусственный интеллект, управление данными, pervasive технологии, роботов, облачные вычисления и устойчивые технологии.

В работе *Bonfield C.A.* даётся общее определение «Образования 4.0» в высших учебных заведениях и делается акцент на согласование услуг и учебных программ для подготовки будущих кадров «Индустрии 4.0» с использованием технологий для решения таких критических проблем, как опыт обучающихся, разрыв в квалификации, управление данными, инновации, нехватка квалифицированных кадров, управление данными, инновации в преподавании и обучении, открытая наука, исследования и кибербезопасность [9, с. 243].

Мы видим, что «Образование 4.0» опирается на цифровые стратегии, цифровую безопасность и надлежащую инфраструктуру. В статье *Karlos de Sousa Oliveira* и *André Cavalcante de Souza* факторы, способствующие цифровой трансформации в Образовании 4.0, разделены на шесть категорий: (1) технологические факторы, (2) организационные факторы, (3) обучение цифровым компетенциям, (4) обучение «мягким навыкам», (5) обучение «жестким навыкам» и (6) педагогика [11].

Аналитика обучения, безусловно, является жизненно важным элементом «Образования 4.0» для прогнозирования будущей успеваемости студентов и поддержания их непрерывного совершенствования. Интеграция образовательных компонентов «Индустрии 4.0» – это начало модели, делающей различные аспекты образовательной системы более гибкими, включая педагогические практики и технологии, поддерживающие обучение. Исследуемая интеграция включает в себя инфраструктуру подключения и хранения данных, институциональные рекомендации, организационные процессы, а также практики для продвижения инноваций и подготовки преподавателей в области цифровых компетенций.

Miranda J., Navarrete C., Noguez J., Molina-Espinosa J.-M., Ramírez-Montoya M.-S., Navarro-Tuch S.A., Bustamante-Bello M.-R., Rosas-Fernández J.-B., Molina A. [17, с. 107278] предлагают четыре основных компонента «Образования 4.0», которые мы использовали для анализа исследований в

данной работе: компетенции: трансверсальные (межпредметные) компетенции и дисциплинарные (предметные) компетенции; методы обучения: способы организации/обеспечения обучения и стратегии обучения; категории информационных и коммуникационных технологий (ИКТ): на основе технологий и конкретные инструменты/платформы; уровни инфраструктуры: учебный уровень (внутриаудиторный) и вузовский.

García Vaquero M., Sánchez-Bayón A. и Lominchar J. в своей работе отобрали «мягкие» навыки, необходимые для новых «зелёных» рабочих мест, возникающих из исследовательских планов правительств, таких как стратегии устойчивой мобильности, «умная» /автоматизированная и включённая/мультимодальная мобильность, модернизация государственного управления, дорожная карта 5G, новая экономика заботы и здоровья, цифровизация системы образования [14, с. 4145].

Levanova E.A. и Berezhnaya I.F. развивают мысль о том, что профессиональные компетенции зависят от эмоций человека как фундаментального психологического компонента навыков, эскалируемых для работы [16, с. 1388]. Они дополняют двигатель, который генерирует действия. Следовательно, когнитивные и эмоциональные факторы позволяют анализировать окружающую среду и принимать оптимальные решения. Думается, что для определения новых навыков, необходимых для трудоустройства, хорошо подходит база данных показателей несоответствия навыков и рабочих мест, сопоставимых по странам и регулярно обновляемых, обеспечивающих всесторонний и подробный обзор нехватки и избытка навыков в разных странах.

Измерения обучения призваны повлиять на разработку учебных программ, основанных на компетенциях, путём интеграции четырех измерений обучения в соответствующие обучающие системы, так как многие образовательные модели и концепции не охватывают все измерения «обучения на протяжении всей жизни» («lifelong learning») и компетенции «learning-to-learn» («learning to learn» competence – LTL), определяемая как способность постоянно учиться, организовывать собственное обучение, в том числе посредством эффективного управления временем и информацией как индивидуально, так и в группах [21, с. 253].

Новые образовательные парадигмы, лежащие в основе новейших методик и подходов, направлены на развитие целостных компетенций с помощью интегрированных технологических инструментов, что требует эффективного применения стратегий преподавания. Методы преподавания направляют логический, последовательный и организованный процесс достижения целей и оценки обучения, и для достижения этой цели необходимо использовать наиболее подходящие технологии. Введение вычислительно-го мышления (*computational thinking*) относится к решению проблем, проектированию систем и пониманию человеческого поведения с использованием фундаментальных

концепций информатики. С другой стороны, необходимо учитывать, что мы развиваемся в направлении образовательных нейротехнологий, которые предлагают новые способы обработки информации в человеческом мозге. В образовательной модели требуется методологическое изменение с педагогическим и технологическим уклоном, учитывая, что интернет изменил производство, создание контента, общение, развлечения и обработку информации.

Внедрение новых технологий в методику усиливает обучение на каждом образовательном этапе. Сценарии с использованием иммерсивных технологий, таких как дополненная реальность, способствуют высокому уровню присутствия и моделированию реалистичных сценариев в курсе дисциплины.

Образовательные инновации – это эволюция методов и технологий преподавания, которые определяются новыми социальными, политическими, культурными и технологическими тенденциями. Университетские коворкинги, хакспейсы, мейкер-пространства обеспечивают среду для совместного обучения и укрепляют процесс преподавания.

В данном исследовании нами представлены статьи из баз данных SCOPUS и WoS соответствующей тематики. В целом, они освещают успешные примеры в образовательной практике: некоторые из них называют стратегии обучения, направленные на развитие компетенций обучающихся и преподавателей. Анализ этих работ выявляет пробелы в формулировании новых компетенций, концепций, подходов и методов обучения.

Чтобы разумно действовать в меняющемся мире, граждане должны управлять различными цифровыми инструментами, быть автономными, отвечать за свою безопасность и идентичность в социальных сетях, быть ответственными и этичными. Мета-обучение включает в себя мыслительные процессы более высокого уровня, которые контролируют мысли более низкого уровня, и способствует интернализации менталитета роста. Во многих исследованиях отмечается, что будущая работа зависит от когнитивных и эмоциональных факторов, которые позволяют людям анализировать окружающую обстановку и принимать оптимальные решения [1, 6, 7, 9, 10, 16, 17, 19].

Представляется возможным сделать вывод, что стратегии обучения, наиболее часто используемые для развития ключевых компетенций «Образования 4.0» – это исследовательские стратегии для применения знаний и имплементации стратегии рефлексии для содействия самообучению с использованием системного мышления.

Меньшее количество исследований было найдено в области инфраструктуры «Образования 4.0» и основных компонентов ИКТ [17, с. 107278], что указывает на пробел в стратегиях обучения, использующих информационные и коммуникационные технологии и способствующие

развитию цифровых навыков. Одним из важнейших компонентов для расширения возможностей преподавателей и студентов будет роль библиотеки.

Представляется целесообразным создать и активно развивать механизмы для осуществления конструктивных образовательных реформ в учебных программах высшего образования. Кроме того, необходимо сделать акцент на создании образовательных структур, основанных на научном развитии и академической этике, чтобы стимулировать развитие будущих навыков для «Индустрии 4.0» [9]. Эти структуры должны поддерживать финансово устойчивые модели, имплементировать революционные технологии, оборудовать помещения для обучения.

Интеграция основных компонентов «Образования 4.0» с «Индустрией 4.0» учитывает новейшие технологии, поддерживающие обучение, возможности связи и взаимодействия, быстрого подключения, инфраструктуру хранения данных, методические рекомендации, организационные процессы, практику поощрения инноваций, обучение преподавателей цифровым навыкам (в процессе и на практике), а также возможности для совместной деятельности с обучающимися, владеющими цифровыми технологиями.

Данная статья посвящена анализу того, какие компоненты «Образования 4.0» уже используются, и какие стратегии обучения являются наиболее успешными для развития навыков будущего. Полученные данные показывают: по структурированному блоку данных исследуемой концептуальной области в литературе выделяются тематические работы по стратегиям преподавания, методикам и подходам обучения для развития навыков и компетенций «Образования 4.0». Наблюдается заметное отсутствие концепций, программ, механизмов, предназначенных для преподавателей, менеджеров образования, кураторов, ассистентов и отсутствие применения стратегий для укрепления образовательных инноваций в системах общего среднего обучения. Компонентами «Образования 4.0», которым уделяется наибольшее внимание, являются методы обучения и компетенции; недостаточно исследований, направленных на укрепление инфраструктуры учебных заведений и использование ИКТ. Аспекты обучения профессиональным компетенциям и знаниям содержат комплексные описания, и есть предпосылки для проведения научных разработок по развитию способностей личности, по развитию характера и мета-навыков обучения. Наиболее используемыми методами обучения, определяющими тенденции образовательных инноваций, являются исследовательские стратегии применения знаний, рефлексии и поощрения автосистемного мышления. Результаты для учебного процесса заключаются в создании образовательных моделей и формальных/неформальных образовательных практик, которые масштабируют развитие компетенций для сложного, меняющегося мира

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуализация профессиональной мобильности современных специалистов через компетентностную модель выпускника / Н.С. Варфоломеева, Т.Н. Панкова, А.В. Варушкина, И.З. Багаев // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2022. – № 1. – С. 29-35. – DOI 10.18137/RNU.V925X.22.01.P.029. – EDN QVGYFW.
2. Коровин А.Ю. Сущность и структура информационной компетентности студентов профессионального колледжа // Наукосфера. – 2022. – № 9-1. – С. 72-76. – DOI 10.5281/zenodo.7091897. – EDN VKFDWB.
3. Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации / Л.О. Алгави, Д.А.Н. Аль-Ханаки, С.С. Бредихин [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, Международный межвузовский научно-исследовательский проект «Цифровая цивилизация. Медиакоммуникации. Интернет-маркетинг». – Челябинск: Издательский центр ЮрГУ, 2020. – 475 с. – ISBN 978-5-696-05159-8. – EDN WDTBIX.
4. Онлайн обучение английскому языку: изменения в парадигме системы образования / Т.Н. Панкова, З.Р. Абдуллаева, А.Р. Еферова [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 4. – С. 75-78. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.04.29. – EDN FTQMGI.
5. Полетаева, Ю.Г. Социальные основания этики: понятие этического кода / Ю.Г. Полетаева // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2020. – № 4(14). – С. 47-54. – EDN GTSMCF.
6. Уланова, К.Л. Структурно-смысловые компоненты в имплементации категории тождества при построении ораторской речи: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Уланова Капитолина Леонидовна. – Москва, 2016. – 22 с. – EDN ZQCLKZ.
7. Шеховская, Ю.А. Межличностное общение в рамках спортивного дискурса как способ формирования коммуникативных навыков / Ю.А. Шеховская // Учитель. Ученик. учебник: материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 октября 2018 года. – Москва: КДУ, 2019. – С. 256-259. – EDN WVXIAT.
8. Álamo Venegas J.J. et al. La Dimensión Educativa de la robótica: Del Desarrollo del Pensamiento al Pensamiento Computacional en el aula // Campo abierto. – 2021. – Т. 40. – №. 2. Available online: <https://bit.ly/3jbxUkG> (accessed on 15.07.2022).
9. Bonfield C.A. et al. Transformation or evolution?: Education 4.0, teaching and learning in the digital age // Higher Education Pedagogies. – 2020. – Т. 5. – №. 1. – С. 223-246.
10. Chaka C. Skills, competencies and literacies attributed to 4IR/Industry 4.0: Scoping review // IFLA journal. – 2020. – Т. 46. – №. 4. – С. 369-399.
11. de Sousa Oliveira K.K., de Souza R.A.C. Habilidade da transformação digital em direção à Educação 4.0 // Renote. – 2020. – Т. 18. – №. 1.
12. E-learning process planning in organizing of linguistic students' self-study for bachelors of pedagogical direction / K.B. Akopyan, Yu.V. Bopp, E.A. Golubovskaya, E.V. Glukhova // Edulearn18: Conference proceedings, Palma, Spain, 02–04 июля 2018 года. – Palma, Spain: IATED Academy, 2018. – P. 8311-8318. – DOI 10.21125/edulearn.2018.1939. – EDN BEQRWR.
13. Foreign language educational process planning based on the activity approach for bachelors of pedagogical direction / K. Hakobyan, Yu. Volobueva, N. Mekeko, E. Glukhova // 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018: Conference proceedings, Albena, Bulgaria, 26 августа – 01 2018 года. Vol. 5. Issue 3.6. – Albena, Bulgaria: Общество с ограниченной ответственностью СТЕФ92 Технолоджи, 2018. – P. 217-224. – DOI 10.5593/sgemsocial2018/3.6/S14.029. – EDN PETFOX.
14. García Vaquero M., Sánchez-Bayón A., Lominchar J. European Green Deal and Recovery Plan: Green Jobs, Skills and Wellbeing Economics in Spain // Energies. – 2021. – Т. 14. – №. 14. – P. 4145.
15. González-Salamanca J.C., Agudelo O.L., Salinas J. Key competences, education for sustainable development and strategies for the development of 21st century skills. A systematic literature review // Sustainability. – 2020. – Т. 12. – №. 24. – С. 10366.
16. Individual learning path for future specialists' development / E.A. Levanova, I.F. Berezhnaya, E.V. Krivotulova [et al.] // TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics. – 2019. – Vol. 8. – No 4. – P. 1384-1391. – DOI 10.18421/TEM84-40. – EDN TVJOWQ.
17. Miranda J. et al. The core components of education 4.0 in higher education: Three case studies in engineering education // Computers & Electrical Engineering. – 2021. – Т. 93. – С. 107278.
18. Noh S.C., Abdul Karim A.M. Design Thinking Mindset to Enhance Education 4.0 Competitiveness in Malaysia // International Journal of Evaluation and Research in Education. – 2021. – Т. 10. – №. 2. – С. 494-501.
19. Partnership for 21st Century Skills (P21). Framework for 21st Century Learning. 2019. Available online: <http://www.P21.org> (accessed on 2.04.2021).
20. Ramírez-Montoya M.S. et al. Scaling Complex Thinking for Everyone: A Conceptual and Methodological Framework // Ninth International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality (TEEM'21). – 2021. – С. 806-811.
21. SWOT Analysis Method Application in Assessing the Effectiveness of Moodle Platform / N.L. Kharchenko, A.Z. Izmailov, N.S. Lutsenko [et al.] // ACM International Conference Proceeding Series: 13, Virtual, Online, 14–17 января 2022 года. – Virtual, Online, 2022. – P. 253-257. – DOI 10.1145/3514262.3514292. – EDN BFWTTT.
22. SWOT Analysis of Mobile Applications in the High Education E-Learning of the Chinese Language / M.A. Safonov, S.S. Usov, S.V. Arkhipov, L.P. Sorokina // ACM International Conference Proceeding Series: 12, Virtual, Online, 10–13 января 2021 года. – Virtual, Online, 2021. – P. 89-94. – DOI 10.1145/3450148.3450208. – EDN GKCWXB.

© Панкова Татьяна Николаевна (pankova@rgph.vsu.ru), Фадеева Наталья Владимировна (fadeeva_natali@inbox.ru), Ялаева Наталья Вячеславовна (yalaeva-nv@mail.ru), Борисов Егор Александрович (egor_aleksandrovich93@mail.ru), Акбилек Елена Анатольевна (ekuharenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВУЗАХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ

IMPROVING THE METHODOLOGY OF TEACHING PHYSICAL CULTURE IN MODERN DOMESTIC UNIVERSITIES THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL STANDARDS

**E. Sukhanova
A. Surkov
N. Shtukin**

Summary: Modern priorities of the state policy of the Russian Federation in the field of sports and physical culture development, conditioned by social, economic and nature-forming aspects, as well as national security and demographic problems, determined a number of conditions for the formation of society, according to which it is necessary to improve the methodology of teaching such a vital and psychoemotionally important discipline as «Physical Culture». At the same time, this subject should not lose its relevance not only in preschool and secondary educational institutions, but also be one of the central areas of educational activity in universities. Today, the methodology and organization of recreational and developing sports-oriented practice are based on an integral approach and valeological principles, which has become the quintessence of sports didactics in domestic and foreign pedagogy. Namely, the educational process is now focused both on the concepts of competitive, conjugate and game methods, and on a system of goals and values that motivate higher school students to preserve and maintain their own physical, psychological and spiritual and moral health, to prevent its pathologies and prevent a number of diseases through sports, in addition, these factors contribute to the preservation and prolongation of human life.

Keywords: methodology, teaching, pedagogy, physical culture, domestic university, higher education, foreign experience, international standard.

Суханова Елена Юрьевна

к.б.н., Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии мени К.И. Скрябина
lena.suxanova@yandex.ru

Сурков Александр Михайлович

к.п.н., Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
surkov.1954@bk.ru

Штукин Николай Николаевич

Преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
domosed.avia@mail.ru

Аннотация: Современные приоритеты государственной политики Российской Федерации в сфере развития спорта и физической культуры, обусловленные социальными, экономическими и природообразующими аспектами, а также национальной безопасностью и демографическими проблемами, детерминировали ряд условий для становления общества, согласно которым необходимо совершенствовать методологию преподавания такой жизненно и психоэмоционально важной дисциплины, как «Физическая культура». При этом данный предмет не должен терять своей актуальности не только в дошкольных и средних общеобразовательных учреждениях, но и являться одной из центральных областей учебной деятельности в вузах. Сегодня методика и организация оздоровительной и развивающей спортивно-ориентированной практики базируются на интегральном подходе и валеологических принципах, что стало квинтэссенцией спортивной дидактики в отечественной и зарубежной педагогике. А именно, учебно-воспитательный процесс теперь ориентирован как на концепции соревновательного, сопряжённого и игрового методов, так и на систему целей и ценностей, мотивирующих обучающихся высшей школы сохранять и поддерживать собственное физическое, психологическое и духовно-нравственное здоровье, осуществлять профилактику его патологий и предупреждать ряд заболеваний посредством спорта, кроме того, данные факторы способствуют сохранению и продлению жизни человека.

Ключевые слова: методология, преподавание, педагогика, физическая культура, отечественный вуз, высшее образование, зарубежный опыт, международный стандарт.

Различные коллизии, происходящие в жизни современного человека, повлекли за собой ряд проблем с психоэмоциональным и физическим здоровьем. А именно: жизнедеятельность основного количества людей развитых стран стала в разы статичнее, так как использование компьютерных и технических устройств, хоть и минимизировало физические нагрузки, которые

менее ста лет назад выполнялись предыдущими поколениями, однако, спровоцировало различные патологии организма, начиная от синдрома хронической усталости и депрессии, оканчивая умалением важности двигательной активности, что стало чревато снижением мускульной силы, ухудшением проводимости нервно-мышечных импульсов, увеличением вероятности появления

ишемической болезни сердца, ожирения и диабета [12, р. 411]. Данные тенденции повлекли за собой ряд изменений в методологии преподавания физической культуры как в отечественной, так и в зарубежной педагогике.

При обучении студентов в высших школах исследователями и практикующими преподавателями были отмечены: положительное влияние физической культуры на умственную деятельность и психическое благополучие обучающихся [12, р. 411; 3, с. 69; 13, р. 87], а также взаимосвязь спорта, валеологии и интегрального подхода к организации двигательной активности студентом (см. рис. 1):

Ввиду того, что Соединенные Штаты Америки (далее – США) являются многонациональной страной, американская педагогика впитала в себя академический опыт европейских и других развитых стран, соответственно, для оценки взаимосвязи современных методологий, принимались во внимание стандарты физического воспитания данного государства, на основе которых выполнен сравнительный анализ специфики отечественной и иностранной педагогики. Говоря о федеральных государственных образовательных стандартах (далее – ФГОС) России, следует подчеркнуть, что принципы российского образования по настоящее время эффективно перенимают страны Содружества Независимых Государств (СНГ). Россия, в свою очередь, также, как и США, впитала в себя концепцию Английской спортивной игровой системы [5, с. 7] и тенденции к физическому

воспитанию французского общественного деятеля П. де Кубертена, который возродил Олимпийское движение.

Национальный совет Америки по профессиональным педагогическим стандартам объединил общие принципы релевантных методологий в 12 кластеров, каждый из которых описывает важные факторы успешной педагогики. Современные методологии преподавания физической культуры в современных отечественных и иностранных вузах представлены в табл. 1.:

«Направления образовательных программ по физическому воспитанию студенческой молодежи в России и странах Северной Америки (США и Канаде) в большинстве вузов сегодня совпадают и представляют собой спортизированные формы обучения студентов технике определенных видов спорта» [6, с. 225]. В зарубежной и отечественной педагогике основное внимание уделяется методу практической деятельности, которая считается наиболее важной, потому как большинство задач решается с помощью двигательной активности, в то время как теоретический и наглядный методы чаще используются на начальном этапе обучения. Также важную роль играют методы, взятые из профессионального спорта [11, р. 2453] (например, комбинирование циклических, интервальных и вариативных упражнений).

Выводы

Государственные российские стандарты, в которых

Рис. 1. Корреляция интегрального подхода и валеологических принципов физической культуры в высшем учебном заведении¹

1 Рисунок автора.

Таблица 1.

Стандарты методологии преподавания физической культуры в современных отечественных и американских вузах²

№	Америка	Концепт	Россия и страны СНГ	Концепт
1	<i>Knowledge of Students / Знания студентов</i>	Преподаватель, опираясь на индивидуальные особенности и знания обучающегося, культивирует благоприятное отношение к физической активности и здоровому образу жизни [14, р. 20].	Понимание роли физической культуры в развитии личности [9]	Преподаватель формирует мотивационно-ценностное отношение студентов к физической культуре, потребность в регулярных занятиях спортом.
2	<i>Knowledge of Subject Matter / Знание предмета</i>	Преподаватели физической культуры заинтересованы удовлетворением психомоторных, когнитивных и эмоциональных потребностей всех обучающихся; знакомы с анатомией и физиологией человека, кинезиологией и биомеханикой, физиологией физических упражнений; эффективно и надлежащим образом применяют свои знания при планировании обучения; понимают, как стареет и созревает человеческое тело; овладение данными концепциями и принципами моторного обучения лежит в основе педагогической практики [14, р. 23].	Компетенция преподавателя	Компетенция преподавателя включает в себя знания культурно-исторических основ физической культуры и спорта; знания об Олимпийском движении, а также понимание медико-биологических основ двигательной активности организма и владение техникой безопасности.
3	<i>Curricular Choices / Выбор учебных программ</i>	Преподаватели вовлекают студентов в сбалансированные программы физического воспитания, которые касаются развития навыков, концепций движения, физической подготовки, связанной со здоровьем, личной и социальной ответственностью, занятиями на протяжении всей жизни с описанием преимуществ физической активности [14, р. 27].	Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об образовании в Российской Федерации» Статья 84. «Особенности реализации образовательных программ в области физической культуры и спорта»	«Цель – формирование физической культуры личности и способности направленного использования разнообразных средств спорта и туризма для сохранения и укрепления здоровья, психофизической подготовки и самоподготовки к будущей профессиональной деятельности и жизни» [10, с. 255].
4	<i>Wellness within Physical Education / Оздоровление в рамках физического воспитания</i>	В вузе формируется база знаний, побуждающая обучающихся развивать полезные установки и модели поведения, которые они в последующем смогут использовать на протяжении всей своей взрослой жизни [14, р. 30].	Здоровьесберегающие технологии в пространстве физической культуры	«Усвоение системы практических умений и навыков, направленных на сохранение и укрепление здоровья, а также развитие психофизических способностей и свойств личности» [9].
5	<i>Learning Environment / Учебная среда</i>	Преподаватели предъявляют высокие требования и создают позитивную, хорошо управляемую среду в классе, которая прививает всем обучающимся безопасную и уважительную культуру учебной коммуникации. Во время занятий учитываются индивидуальные особенности студентов, однако, также уделяется должное внимание командным видам спорта и соревнованиям между вузами [14, р. 33].	Стимульная образовательная среда вуза	Материальные, педагогические и психологические факторы, в том числе, развитая материально-техническая инфраструктура, мотивирующие обучающихся к занятиям физической культурой и саморазвитию, а преподавателей – к повышению собственной квалификации.
6	<i>Diversity and Inclusion / Разнообразие и инклюзивность</i>	Учет и принятие преподавателями уникальных физических, когнитивных и эмоциональных особенностей их обучающихся [14].	Внедрение инклюзивного образования в Россию, толерантность	Учет национальных, региональных и этнокультурных особенностей; организация образовательной деятельности в условиях инклюзивного образования.

² Таблица автора.

№	Америка	Концепт	Россия и страны СНГ	Концепт
7	<i>Teaching Practices</i> Преподавательская деятельность	Преподаватели вовлекают студентов в целенаправленные, соответствующие их развитию, виды деятельности, поощряя максимальное участие и поддерживая успех обучающихся в контексте позитивной учебной среды [14, р. 41].	Преподавательская деятельность	Увеличение двигательной активности посредством спортивно-массовой и соревновательной деятельности; учёт потребностей студентов в том или ином виде спорта согласно территориальной принадлежности и климатическим условиям области или региона России.
8	<i>Assessment</i> / Оценка	Преподаватели варьируют тип оценки, которую они выставляют, в зависимости от цели и контекста измерения силовых и др. способностей, а также потребностей и талантов своих обучающихся [14, р. 48].	Комплексная форма контроля	Педагогическое наблюдение (тесты и контрольные упражнения) и система мониторинговых исследований.
9	<i>Reflective Practice</i> / Рефлексивная практика	Рефлексия включает в себя систематический, взаимокоррелятивный процесс сбора, анализа и оценки мыслей и наблюдений преподавателей и их студентов [14, р. 52].	Рефлексия и саморефлексия	Преподаватель проводит рефлексию своей педагогической деятельности, студентам предлагается сравнивать собственные результаты с нормативами и результатами сокурсников и, таким образом, оценивать их физические умения и возможности.
10	<i>Collaboration and Partnerships</i> / Сотрудничество и партнёрские отношения	Междисциплинарный подход: преподаватели физического воспитания сотрудничают с коллегами из различных дисциплинарных областей, чтобы усилить учебные программы, способствуя более глубокому пониманию целей обучения в каждой предметной области [14, р. 55].	Позиция студента как равноправного участника процесса обучения, т.е. «субъекта» обучения	В вузы активно интегрируется практика самостоятельной деятельности обучающихся, согласно которой студенты приобретают и углубляют знания и навыки самостоятельно с помощью познавательной деятельности [2; 1].
11	<i>Professional Growth</i> / Профессиональный рост	Систематическое углубление и совершенствование преподавателями своих знаний, навыков и педагогических приемов [14, с. 59].	Квалификация преподавателя и качество его труда	«Непрерывное самообразование, участие в научно-практических конференциях и семинарах, мастер-классах, вебинарах и т.д.» [8, с. 119].
12	<i>Advocacy</i> / Пропаганда	Пропаганда как естественное продолжение миссии по обучению студентов, а также долгосрочному и позитивному влиянию на их здоровье; повышение осведомленности об исторических и законодательных актах, которые влияют на текущую практику преподавания; информирование сообществ о последних тенденциях в физическом воспитании [14, с. 62].	Организация и содержание внеурочной деятельности по физической культуре	Подготовка к выполнению нормативов «ВФСК «ГТО», к участию в Президентских спортивных играх, состязаниях и др. развивающих и спортивных мероприятиях.

отражена методология преподавания физической культуры в современных отечественных вузах, коррелируют с принципами физического воспитания США, Канады, Европы и СНГ, т.е. преподавателями Российской Федерации происходит учет лучшего опыта педагогической деятельности всех развитых стран, начиная от интегра-

ции в основу физического воспитания идей П. Кубертена и, соответственно, современного Олимпийского движения, оканчивая внедрением английской спортивно-игровой системы и использованием способов организации урочной деятельности, включающей элементы профессионального спорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабажанов, О.Ш. Active learning methods in teaching physical culture and sports / О.Ш. Бабажанов, Т.К. Шарипов. – Текст: непосредственный // Молодой

- ученый. – 2016. – № 29.3 (133.3). – С. 4 – 7.
2. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Лев Выготский. – М.: АСТ [и др.], 2005. – 670 с.
 3. Ильина, Н.Л. Влияние физической культуры на психологическое благополучие человека / Н.В. Ильина // Ученые записки университета Лесгафта. – 2010. – №12 (70). – С. 69 – 74.
 4. Ирхина, И.В. Образовательная среда вуза как фактор стимулирования направленности студентов на занятия физической культурой / И.В. Ирхина, И.Н. Никулин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Кролевецкая // ТипФК. – 2021. – №3. – С. 31 – 32.
 5. Кузнецова, З.М. О зарубежной истории физического воспитания / З.М. Кузнецова, Ю.П. Симаков // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2008. – №1 (6). – С. 1 – 14.
 6. Логинов, Д.В. Анализ образовательных программ по физическому воспитанию студентов в России, странах Европы и Северной Америки / Д.В. Логинов, А.Ю. Осипов, С.С. Петрова // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – №60-2. – С. 223 – 227.
 7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об образовании в Российской Федерации».
 8. Чесноков Н.Н., Повышение качества работы преподавателя физической культуры вуза как ведущий фактор эффективного выполнения требований федерального государственного образовательного стандарта (на примере СФУ) / Н.Н. Чесноков, В.И. Грузенкин, А.П. Морозов // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2017. – № 1. – С. 116 – 124.
 9. Шагбанов, Ф.Р. Методология преподавания физической культуры в вузах России на современном этапе / Ф.Р. Шагбанов, Е.М. Яшкина // Образование и право. – 2019. – №2. – С. 310 – 317.
 10. Яковлева, В.Н. Физическое воспитание и физическая подготовленность студенческой молодежи / В.Н. Яковлева // Science Time. – 2014. – №9 (9). – С. 254 – 261.
 11. Aksović, N., Bjelica, B., Jovanović, L., Milanović Lalović, L., Zelenovic, M. (2021) Teaching methods in teaching physical education. URL: https://www.researchgate.net/publication/350979264_Teaching_methods_in_teaching_physical_education. Date: 24.12.2022.
 12. Fox, K.R. (1999) The influence of physical activity on mental well-being. Public Health Nutrition: 2(3a), 411–418. DOI: 10.1017/S1368980099000567.
 13. Kovalenko, A., Grishchuk, E., Rogal, N., Potop, V. (2020) The Influence of Physical Activity on Students' Psychological Well-Being. Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala 12 (2):86-96. DOI: 10.18662/rrem/12.2/267.
 14. Physical Education Standards. National Board for Professional Teaching Standards. Second Edition for teachers of students ages 3–18+. 2014. 68 p.

© Суханова Елена Юрьевна (lena.suxanova@yandex.ru), Сурков Александр Михайлович (surkov.1954@bk.ru),
Штукин Николай Николаевич (domosed.avia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ГЛАГОЛАМ СОСТОЯНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.С. ТУРГЕНЕВА)

Хань Фан

Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный
университет
hanfang111222333@163.com

THE METHOD OF TEACHING VERBS OF STATE AT THE LESSONS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (BY THE MATERIAL OF THE WORKS OF I. S. TURGENEV)

Han Fang

Summary: The purpose of the study is to reveal the methodology for teaching state verbs to foreign students in the Russian language classes on the material of fiction. The article substantiates the importance of foreign students studying the verbs of the Russian language in their species diversity, characterizes the distinctive features of the work of I. S. Turgenev, whose works are the material for the study of state verbs. Modern methods of teaching verbs of state in the classroom of Russian as a foreign language are analyzed and methods for their modification are proposed using the material from the works of I. S. Turgenev.

Keywords: Russian as a foreign language, state verbs, Turgenev, teaching methodology, teaching verbs.

Аннотация: Цель исследования – раскрыть методику обучения глаголам состояния иностранных студентов на занятиях по русскому языку на материале художественной литературы. В статье обоснована значимость изучения иностранными студентами глаголов русского языка в их видовом разнообразии, дана характеристика отличительным чертам творчества И.С. Тургенева, произведения которого выступают материалом изучения глаголов состояния. Проанализированы современные методы обучения глаголов состояния на занятиях русского языка как иностранного и предложены способы их модификации с использованием материала произведений И.С. Тургенева.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, глаголы состояния, Тургенев, методика обучения, обучение глаголам.

Введение

При сопоставлении частей речи, считается, что глагол обладает особой сложностью и компактностью. При этом ему свойственны разнообразные экспрессивные оттенки, позволяющие раскрывать специфику проявлений динамики жизни.

В русском языке выделяются глаголы действия и состояния, которые отличаются друг от друга определёнными признаками. Доминирующим среди данных признаков является семантическое различие, которое подкрепляется функциональным и грамматическим аспектами (Варламова, 2017, с. 13).

Глаголы состояния выполняют номинативную функцию в отношении характеристик и признаков, которые описываются как наблюдаемые во внутренней структуре субстанций и не выходящие за пределы субъекта. Глаголы состояния лишены динамичности, однако и пассивность не закреплена за ними как обязательное свойство (Варламова, 2017, с. 15).

Лингвистическая наука пользуется древней традицией семантической дифференциации глаголов, как и выполняющих роль предиката со значением состояния в предложении. Эта традиция уходит корнями в базу

вую дифференциацию глаголов действия и состояния – основной семантической дихотомии лексем этой части речи. Как отмечает Е. Н. Тихонова, при изучении частных видов глаголов, особое внимание необходимо уделять глаголам с постоянно-непрерывным значением и глаголам с обозначением действия и развития (Тихонова, 2020, с. 70).

«Глаголы состояния» является одной из тем, вызывающих достаточно много трудностей для иностранцев при изучении русского языка. По этой причине, от учащихся требуется проявлять самоконтроль. Несмотря на это, имеющиеся сложности могут снизить мотивацию студентов. Так, одной из проблем является изучение продуктивных приставок, модулирующих значение глаголов (Хань, 2022, с. 150). В русском языке их насчитывается более 20, что актуализирует вопрос подбора совокупности методов, определяющих методику, позволяющих эффективно изучить глаголы состояния на материале художественной литературы.

Основная часть

По мнению Хань Фан, изучение глаголов состояния в русском языке следует осуществлять с опорой на имеющиеся знания учащихся и применения метода игры в

комбинации с упражнениями (Хань, 2022, с. 150).

Так, при изучении глаголов состояния можно попросить студентов предоставить примеры в родном языке. Например, в китайском языке в виде образца могут использоваться следующие предложения:

我知道了 – Я понимаю.

他担心 – Она волновалась.

她们脸红了 – Они покраснели.

После того, когда студенты будут владеть необходимым набором лексических единиц, преподаватель ставит перед ними задачу использования единиц в речи, задавать и отвечать на вопросы (Девдариани, 2020, с. 29).

Стоит помнить, что обучение русскому языку как иностранному необходимо организовать в комплексе с изучением русского наследия в историческом, культурном и социально-экономическом плане. Кроме того, существует необходимость в обращении к чувственно-эмоциональной стороне студентов, что способствует познанию культурного пространства. Это стало причиной интенсификации интереса к использованию средств русской художественной литературы при преподавании РКИ. В художественной литературе заложен потенциал реализации моральных ценностей и идеалов, направленных на воспитание качеств сознательного гражданина (Хабарова, Тимофеева, Малышева, 2017, с. 182).

Более того, в художественном произведении имеются все необходимые компоненты, позволяющие формировать речевую культуру иностранных студентов (Стрельчук, 2011, с. 1136). Соответственно, использование текстов различных произведений, в том числе И.С. Тургенева демонстрирует богатые возможности русского языка в употреблении, ознакомит с различными реалиями русского народа, поможет отработать различные грамматические конструкции, обогатит словарный запас учащихся.

Поскольку в качестве материала исследования выступает творчество И.С. Тургенева, стоит обратить внимание на его отличительные черты и ценность с точки зрения обучения глаголам состояния на занятиях по русскому языку как иностранному.

И.С. Тургенев (1818-1883 гг.), являясь русским писателем-реалистом известен своими многими произведениями, среди которых «Рудин» (1855), «Дворянское гнездо» (1858), «Накануне» (1859), «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1866) и «Новь» (1876). Значимость рассмотрения творчества писателя заключается в том, что Тургенев создал тип интеллектуального идеологического романа, ставшего летописью жизни русской интеллигенции. Писателя интересует, прежде всего, идеологическая сфера бытия, что во многом определяется чертами его

собственной личности и профессиональным философским образованием. Жанр тургеневского романа – социально-идеологический. Это романы диспуты, построенные на четком идеологическом конфликте. Так, «Отцы и дети» – идеологический диспут двух исторических эпох, двух типов культуры, двух поколений.

Тургенев – это литературный художник, наделенный особым чувством времени, его неумолимого и стремительного движения. Отсюда чрезвычайная чуткость к важнейшим актуальным вопросам общественной жизни, умение откликнуться на новейшие веяния времени. Не случайно он первым из русских романистов представил образ демократа-разночинца в своем творчестве (Дмитрий Инсаров в «Накануне» 1859 г., затем Евгений Базаров в «Отцах и детях» 1862 г.) (Шайхисламова, 2021, с. 202). В этом резкое отличие Тургенева от, например, Гончарова, изображавшего то, что длилось столетиями, поэтому он создал архетип русской культуры – образ Обломова.

Тургенев же, по его собственным словам, «спешил вдогонку за последней стекающей волной жизни», стремился поднести к уровню типа то, что стояло «накануне», едва ощущавшееся в воздухе.

Отличительной чертой творчества писателя является то, что его главный герой – это идеолог (Ребель, 2007, с. 34). Рудин, Лаврецкий, Инсаров, Базаров рассмотрены со стороны их мировосприятия. Тургенев не изображает процесс психологического становления своих героев. Они раскрываются в романе как сформированные личности, с новым мировоззрением, страстно пропагандирующие новые идеи.

Особое место в романах писателя занимает тип так называемой «тургеневской девушки» Героини Тургенева ждуют и ищут в жизни не просто любимого, а духовного учителя, способного указать достойную цель существования. Поэтому любовно-психологический сюжет в романах Тургенева чрезвычайно идеологизируется. Тургенев понимает любовь как единство убеждений, идеалов, взглядов, как участие в общественном труде. Именно поэтому любовь является нравственным испытанием для героев писателя, а «тургеневская девушка» становится эталоном, критерием достоинства своего избранника. Наталья Ласунская, Лиза Калинина, Елена Стахова – всем им присущ оттенок идеальности, возвышенности, героичности. Тургеневские героини стремятся к деятельному добру и самопожертвованию.

При этом Тургенева-романиста интересуют быстротечные фазы общественного развития. Действие в его произведениях происходит в точно определенном отрезке времени. Романы Тургенева наполнены многозначными датами. Не случайно в романе «Отцы и дети»

езде приведены точные даты. Отец братьев Кирсановых – «боевой генерал 1812 года», а юность его сыновей приходится на рубеж 1820-1830-х годов – это время политической реакции после восстания декабристов. В романе дважды упоминается 1848 год – год французской революции, год смерти Белинского (которому посвящено это произведение), год начала новой волны политического террора и цензурных преследований. Знаменательная дата и 1855 год: год окончания Крымской войны, год смерти Николая I, что и привело к коренным изменениям, к либерализации политической жизни и общественному подъему в шестидесятые годы XIX века.

С появлением героя начинается действие романа не только потому, что он новый в этой среде человек и яркая личность, но еще и потому, что герой-идеолог Тургенева воплощает историческую задачу своего поколения. Он призван разрушить постоянную рутину жизни, пробудить общество от нравственной индифферентности к активной деятельности. Лаконизм тургеневского романа определяется тем, что в нем нет развернутого, подробного описания быта (писателя интересуют другие сферы жизни). Статические авторские описания очень кратки, герои подаются в самораскрытии (диалоги, прямой язык, поступки).

Наиболее яркая типологическая черта тургеневского романа – это его мягкая поэтическая форма, лиризм. Источником лиризма является, во-первых, возвышенный образ «тургеневской девушки» (Васильев, 2011), во-вторых, знаменательное искусство тургеневского пейзажа, тесно связанное с особенностями «таинственного психологизма» писателя, в-третьих, это тема фигуры отца. Герои тургеневских романов изображаются в органической связи со своей страной, с национальной почвой, с русской культурой.

Наконец, к типологическим особенностям тургеневского творчества можно отнести их неизбежно трагические финалы, связанные с общефилософским восприятием жизни писателем. Все не являются победителями в жизни. Кроме того, такой финал, по нашему мнению, определяется именно типом героя-идеолога. Эти герои у Тургенева обречены потому, что они изображены под знаком бесконечности прогресса.

Авторские эпилоги в романах Тургенева являются своеобразным философским аккордом-обобщением остроактуальной идеологической проблематики произведений.

Тургеневский роман сочетает конкретно-историческое содержание с универсальными, общечеловеческими категориями бытия. Лирико-символические образы проецируются на сюжетную историю героя, наполняя ее дополнительным универсальным содержанием.

В романах писателя отчетливо выражена мысль о трагичности человеческого существования вообще, о текучести молодости, о роковой несовместимости разных поколений, о призрачности погони за счастьем.

Отличительной характеристикой творчества И.С. Тургенева является использование большого количества глаголов интеллектуальной деятельности, что связано с его направленностью на изучение умственной и нравственной жизни дворян. Именно интеллектуальность, идеологичность Тургенева романов определяет их чрезвычайную сюжетно-композиционную простоту (Кондратенко, 2017, с. 38). Это тип моноцентрической конструкции произведения, где в центре один герой, олицетворяющий эпоху, ее идеологические сражения (Рудин, Лаврецкий, Инсаров, Базаров). Остальные персонажи представлены в прямом или опосредованном сопоставлении с ним. Сюжетно-композиционные первых романов Тургенева единообразны: герой (Рудин, Инсаров, Базаров) появляется извне в консервативном обществе, живущем традиционно, и это приводит к идеологическому конфликту.

Среди глаголов интеллектуальной деятельности ядерными являются глаголы: думать, понимать и знать. При разделении на подгруппы, выделяются глаголы со значением:

1. интеллектуального процесса – мыслить и думать;
2. представления – представлять, (по)казаться;
3. полагания – полагать, думать, считать;
4. решения – решить(ся);
5. понимания – понимать/понять;
6. знания – знать/узнавать
7. неправильно думать, понимать – ошибаться;
8. памяти – помнить и забыть (Кондратенко, 2017, с. 38).

Выявленные данные могут использоваться при изучении иностранцами глаголов состояния в русском языке. Однако для этого необходимо обоснование эффективной методики преподавания, позволяющей получить необходимые знания. В связи с этим, обратим внимание на современные успешно применяемые методы при обучении русского как иностранного языка, а также представим авторское преломление идей для изучения глаголов состояния с использованием произведений И. С. Тургенева.

Ю.И. Бокатина указывает на то, что на данный момент ведущим при обучении русскому языку как иностранному является компетентностный подход, который реализуется в использовании интерактивных методов обучения (Бокатина, 2021, с. 2). Последние подразумевают многоплановость взаимодействия обучающихся преподавателя и учащихся, учащихся между собой и со средствами обучения. Значимость интерактивных технологий заключается в развитии основных компетен-

ций, в частности коммуникативной, интенсификации обучения, активном развитии умственных способностей студентов, повышении их креативности, способностей к сотрудничеству и уважению мнения других, саморазвитию (Бокатина, 2021, с. 2).

Среди интерактивных методов обучения, которые могут использоваться на занятиях по русскому языку как иностранному при изучении темы «Глаголы состояния» на материале произведений И.С. Тургенева, возможно использовать следующие:

1. Дискуссионные методы. Преподаватель может предложить создать диалог, участвовать в дискуссии или дебатах, провести «мозговой штурм», «круглый стол» и т.п.;
2. Игровые методы. Они включают ролевую, ситуационную, деловую и организационно-деятельностную игру;
3. Тренинговые методы. Это может быть коммуникативный тренинг или упражнения, выполняемые индивидуально или группой (Бокатина, 2021, с. 4).

Более того, на повышение мотивации положительным образом действуют инновационные информационные технологии, которые предполагают задействование возможностей сети Интернет и обучение в дистанционной форме. Преподаватель русского языка как иностранного должен использовать целесообразные образовательные сайты, социальные сети, виртуальные словари или библиотеки, а также предлагать студентам вступить в сообщества для студентов, которые обучаются РКИ.

При изучении «Глаголов состояния» предлагается работать в формате мини-группе, каждая из которых изучает все признаки глаголов состояния, осуществляет поисковую деятельность для определения лексического значения глаголов и определяет грамматические свойства данной группы глаголов (Хань, 2022, с. 151). В результате, они могут продемонстрировать полученные знания в виде таблицы, графика или рисунка. Считаем значимым также предложить каждой мини-группе выбрать одно из нескольких произведений или одну из глав романа И.С. Тургенева для поиска и дальнейшей категоризации глаголов состояния.

Также, предлагается обращаться к потенциалу геймификации. Игровая деятельность способствует динамичности и разнообразию работы обучающихся, а также способствует развитию коммуникативной деятельности (Хань, 2022, с. 151). Непринуждённая атмосфера игры позволяет обучающимся ознакомиться с речевыми образцами и грамматическими явлениями в их естественном использовании. Игра может иметь следующий алгоритм: студенты вытягивают из колоды карточки, на которых указаны предложения с глаголами состояния. Они читают предложения, а один из одноклассников или одна из

одноклассниц должны продемонстрировать состояние. Предлагаем использовать предложения из творчества И.С. Тургенева. Например: «Как все русские дворяне, он в молодости учился музыке, и, как почти все русские дворяне, играл очень плохо; но он страстно любил музыку» (Тургенев, [http](http://)).

Таким образом, это позволит лучше запомнить значение и сферы употребления указанных глаголов состояния.

Карточки могут использоваться при проведении игры, в которой каждый из студентов получают их в определённом количестве. На одной стороне карточки указан глагол состояния. При этом необходимо выбрать студента, выполняющего роль ведущего, которому предоставляются предложения из романов И.С. Тургенева. Он поочерёдно читает данные предложения, а студенты показывают карточку с тем глаголом состояния, который по смыслу может использоваться в данном предложении. После этого ведущий зачитывает предложение в его оригинальном виде, преподаватель помогает определить, какие глаголы состояния синонимичны указанному в романе, а какие не могут использоваться. Дух соперничества и при этом интерес к игре способствует успешному усвоению данной темы.

Обращаясь к инновационным технологиям, стоит указать на то, что они способны реализовать потенциал учащихся и разработать индивидуальные траектории обучения. Виртуальная среда позволяет обучаться в любое удобное время, в любой местности и в любом удобном формате. Среди инновационных информационных ресурсов предлагается пользоваться следующими:

- Wordwall. Данный ресурс может использоваться преподавателем для создания различных упражнений для изучения глаголов состояния. Например, возможно использование материала произведений И.С. Тургенева. На одной стороне карточки может располагаться картинка и часть предложения с опущением изучаемых глаголов, при нажатии на карточку предложение будет отображено в полном виде. Студенты зачитывают предложение, ориентируясь на картинку, называют варианты глаголов состояния, преподаватель нажимает на карточку, студент зачитывает оригинальное предложение и под контролем преподавателя анализирует глагол состояния с точки зрения лексического, грамматического и функционального аспектов употребления;
- сайт <https://en.islcollective.com>, содержащий множество рабочих материалов для изучения темы. Как указывает Хань, сайт содержит видеоролики, ознакомительные с традициями русского народа, и содержащие задания на вставку необходимого глагола состояния в предложение. Рекомендуем использовать данный ресурс перед

изучением глаголов состояния непосредственно в произведениях И.С. Тургенева, так как сначала необходимо ознакомление с особенностями русской культуры в целом;

Помимо этого, существует возможность задействования игрового момента при пользовании «Найди лишнее слово», «Разгадай ребус», «Распутай слово» на сайте «Русский online» и проведение викторин на проверку знаний с ресурсом Kahoot (Хань, 2022, с. 152).

Также, достижению учебных целей способствует система Moodle с помощью таких инструментов, как «Тест», «Опрос», «Задание» и «Hot Potatoes». Данная система отличается возможностью использования множества элементов для тестирования студентов разными типами вопросов. В частности, студенты осуществляют множественный выбор, определяют верно или неверно утверждение, кратко отвечают на вопросы, пишут эссе и т.д. С точки зрения преподавателя, система Moodle является удобной ввиду лёгкости обработки результатов тестирования. С учётом предложений (Тиден, 2021, с. 218), на занятиях по русскому языку как иностранному рекомендовано использовать программу «Hot Potatoes» с модулем JQuiz для выбора правильного ответа. Например:

Задание 1. Глагол – это часть речи, обозначающая...:

- а) предмет или существо;
- б) действие или состояние предмета или живого существа;
- в) признак.

Задание 2. Глаголы состояния от глаголов действия отличаются...:

- а) статичностью;
- б) динамичностью;
- в) оба варианта неправильны.

Задание 3. Определите, какой вид глагола используется в предложении «А впрочем, я *согласен* с Пушкиным» (Тургенев, <http://>):

- а) действия;
- б) состояния;
- в) действия и состояния.

Другим инструментом является модуль JClose, с помощью которого возможно вставить пропуски. Например:

Задание 1. Вставьте глаголы, которые выражают состояние и могут использоваться в следующем предложении (думать, *считать*, петь, рассматривать, краснеть, радоваться):

1. «Аркадий сообщил несколько петербургских новостей, но он ощущал небольшую неловкость, ту неловкость, которая обыкновенно овладевает молодым человеком, когда он только что перестал быть ребенком и возвратился в место, где привыкли видеть и ... его ребенком» Тургенев, <http://>).

Также, для изучения новой лексики возможно использование элемента «Глоссарий», переход на другой сайт может осуществляться с помощью ресурса «Гиперссылка». В случае возникновения дискуссии по определённому вопросу, преподавателю доступны «Форум», «Чат» и «Вики» (Тиден, 2021, с. 218).

Заключение

Таким образом, ввиду того, что центральной фигурой в осмыслении окружающего мира и интерпретации этого мира в языке является человек, то отражение действительности в языковых единицах может быть двойственным: с опорой на его внутренний мир или на внешний мир, с позиции так называемого «постороннего созерцателя». Соответственно, состояние, в котором находится та или иная реалья, может быть трактовано как касающееся самого человека – субъекта интерпретации (внутренний мир) или же отстраненный от его личного опыта, но констатированный им (внешний мир). Глаголы состояния выражают состояние, являющееся временной характеристикой субъекта без количественных и качественных изменений.

Изучение глаголов состояния на занятиях по русскому языку как иностранному предлагается организовать на основе художественной литературы, что позволит ознакомить студентов с богатством выразительности языка и нравственными нормами народа. При изучении творчества И.С. Тургенева в качестве материала предложено использовать интерактивные методы работы, инновационные информационные методы, игры и упражнения, которые способствуют эффективному получению знаний по теме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокатина Ю.И. Интерактивные методы при изучении видовременных форм глагола на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. №. 2.
2. Варламова В.В. Характеристика глаголов действия и глаголов состояния в современном русском языке //Trends in the development of modern linguistics in the age of globalization. 2017.
3. Васильев В.К. К типологии образов «Тургеневской девушки» и «Тургеневского героя». Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011.
4. Девдариани Н.В. Обучение русскому языку как иностранному в контексте коммуникативно-деятельного подхода //Карельский научный журнал. 2020. Т. 9. №. 3.

5. Кондратенко Л.И. Глаголы интеллектуальной деятельности в текстах романов И.С. Тургенева // Научный редактор: Антонова МВ, доктор филол. наук, профессор Редакционная коллегия: Ефремова В В., директор Орловского государственного литературного музея ИС Тургенева. 2017.
6. Ребель Г.М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX в.). 2007.
7. Стрельчук Е.Н. Роль художественной литературы в формировании и развитии русской речевой культуры иностранных студентов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. №. 2-5.
8. Тиден Е.В. Система Moodle на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере морфологии) / Е.В. Тиден // Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам. 2021. № 4.
9. Тихонова Е.Н. Грамматические и семантические особенности глагольного вида при изучении русского языка как иностранного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №. 1.
10. Тургенев И.С. Накануне. URL: <https://www.litres.ru/ivan-turgenev/nakanune/chitat-onlayn/page-2/>
11. Тургенев И.С. Отцы и дети. URL: <https://www.litres.ru/ivan-turgenev/otcy-i-deti/chitat-onlayn/>
12. Фан Х. Лингвистические особенности глаголов состояния в русском языке и трудности их преподавания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. №. 6 (169).
13. Хабарова К.В., Тимофеева Н.А., Малышева Н.А. Преподавание русской литературы в системе РКИ как фактор интеграции иностранных учащихся в российское социокультурное пространство // Символ науки. 2017. Т. 1. №. 2.
14. Шайхисламова Р. «Вечные темы» в творчестве русских писателей XIX-XX веков // Central Asian Academic Journal of Scientific Research. 2022. Т. 2. №. 6.

© Хань Фан (hanfang111222333@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРИМЕНЕНИЕ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ

THE POSSIBILITIES OF USING ART-TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF STRESS RESISTANCE OF STUDENTS

*T. Yuzefavichus
N. Karelina*

Summary: The article discusses the results of the application of research on art technologies as a possibility of a pedagogical means of forming students' stress resistance in the educational process. The conceptual analysis of the phenomenological essence of stress resistance and the analysis of scientific information about the resource potentials of art technologies made it possible to postulate the thesis that art technologies are a reliable pedagogical tool for the formation of students' stress resistance in an educational organization of higher education. As a result of the application of the questionnaire method, empirical information was obtained that gives grounds to speak about the demand among students for various pedagogical formats for the use of art technologies as a means of developing their ability to manage educational stress risks.

Keywords: stress resistance, educational stress, educational technologies, art-technologies, educational process, pedagogical interaction.

Юзефавичус Татьяна Анатольевна

*К.п.н., Московский государственный областной педагогический университет
taju-63@mail.ru*

Карелина Наталия Николаевна

*Старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);
Аспирант, Московский государственный областной педагогический университет
fallibilist@bk.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования потенциала арт-технологий как педагогического средства формирования стрессоустойчивости студентов в образовательном процессе. Понятийный анализ феноменологической сущности стрессоустойчивости и аналитика научных сведений о ресурсных потенциалах арт-технологий позволили постулировать тезис о том, что арт-технологии являются надежным педагогическим инструментом формирования стрессоустойчивости обучающихся в современных условиях функционирования образовательной организации высшего образования. В результате применения опросного метода получены эмпирические сведения, дающие основания говорить о востребованности в среде студенческой молодежи разнообразных педагогических форматов применения арт-технологий как средства формирования их способности управлять учебными стресс-рисками.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, учебный стресс, образовательные технологии, арт-технологии, образовательный процесс, педагогическое взаимодействие.

Способность студентов адекватно реагировать на разнообразные стрессоры, интенсивность которых возрастает в ситуации стремительных трансформационных преобразований в современном образовании, является одним из факторов, определяющих их физическое, психологическое и социальное здоровье, эмоциональное благополучие, а, следовательно, успешность молодых людей в решении как учебных, так и других задач жизнедеятельности. Именно поэтому поиск эффективных образовательных технологий формирования стрессоустойчивости студентов, научное осмысление способов их интеграции в процесс педагогического взаимодействия с обучающимися организаций высшего образования приобретает сегодня особую актуальность и значимость.

В научной литературе представлено значительное количество дефиниций феномена стрессоустойчивости. Интересная тенденция научного описания этого феномена подмечена А.Л. Церковским, который на основе анализа подходов исследователей к проблеме стрессоустойчивости пришел к выводу о том, что ученые в большей степени уделяют внимание осмыслению стрессоустойчивости с функциональных позиций, то есть указывают на значимость этой характеристики личности, как фактора, влияющего на продуктивность субъектной деятельности. В значительно меньшей степени, по мнению данного автора, уделяется внимание осмыслению стрессоустойчивости как характеристики, обеспечивающей механизм саморегуляции личности, ее гомеостаз как открытой системы. Обращая внимание на двуаспектность проявления стрессоустойчивости, данный исследователь характеризует этот феномен как деятельностьный (внешний) и личностный (внутренний) показатель способности личности противостоять стресс-факторам. Таким образом, принцип обеспечения системной полноты отражения в теоретическом знании результатов научного познания диктует необходимость, рассматривая стрессоустойчивость как целостное явление, выделять в его морфологии (структурно-компонентной организации и форме проявления) внешний личностный компонент, проявляющий себя как способность-неспособ-

соустойчивости пришел к выводу о том, что ученые в большей степени уделяют внимание осмыслению стрессоустойчивости с функциональных позиций, то есть указывают на значимость этой характеристики личности, как фактора, влияющего на продуктивность субъектной деятельности. В значительно меньшей степени, по мнению данного автора, уделяется внимание осмыслению стрессоустойчивости как характеристики, обеспечивающей механизм саморегуляции личности, ее гомеостаз как открытой системы. Обращая внимание на двуаспектность проявления стрессоустойчивости, данный исследователь характеризует этот феномен как деятельностьный (внешний) и личностный (внутренний) показатель способности личности противостоять стресс-факторам. Таким образом, принцип обеспечения системной полноты отражения в теоретическом знании результатов научного познания диктует необходимость, рассматривая стрессоустойчивость как целостное явление, выделять в его морфологии (структурно-компонентной организации и форме проявления) внешний личностный компонент, проявляющий себя как способность-неспособ-

ность человека в стрессовых ситуациях обеспечивать продуктивность субъектной деятельности и внутренний личностный компонент, роль которого заключается в «выработке такой системы защиты личности от стресс-факторов, которая обеспечила бы устойчивость (защищенность) человека от развития дистрессового состояния» [14, С. 8]. Отметим комплементарную (взаимодополнительную) связность этих двух компонентов в границах целостности феномена стрессоустойчивости. Указание на двойственную природу стрессоустойчивости весьма значимо для осмысления проблемы формирования способности студентов управлять учебными стресс-рисками и поиска эффективных технологий оказания им педагогической поддержки в этом процессе. В связи с этим можно выделить два аспекта значимости поиска эффективных технологических инструментов позволяющих формировать стрессоустойчивость студентов: прагматически-деятельностный и личностно-развивающий. Прагматически-деятельностный аспект связан с тем, что в основе академической успешности на студентов лежит продуктивность их учебно-познавательной деятельности, которая существенным образом зависит от уровня сформированности устойчивости личности к разнохарактерным стресс-факторам, обуславливающим качество жизнедеятельности молодых людей в разных сферах проявления их активности. При этом необходимо не упускать из виду тот факт, что учебная деятельность сама по себе «всегда была связана с высоким уровнем стрессовых нагрузок, а воздействие стресс-факторов современной окружающей среды только увеличивает данную нагрузку» [9, С. 65]. Важно принимать во внимание и то, что студенты – это будущие профессионалы. Необходимо формировать устойчивость студентов как к учебным стрессам, так и к «наиболее типичным стрессорам, распространенным в различных сферах профессиональной деятельности» [11, С. 6] С учетом современных реалий осуществления деятельности в различных профессиональных сферах, тенденции стремительного усложнения трудовых функций, постоянно возрастающих требований работодателей к качеству личности и деятельности сотрудников, можно говорить о том, что стрессоустойчивость является одним из доминантных профессионально значимых качеств личности, влияющих на эффективность выполнения работником профессиональных функций, его профессиональную мобильность, востребованность на рынке труда, состояние профессионального здоровья. Личностно-развивающий аспект значимости поиска эффективных технологических инструментов позволяющих формировать стрессоустойчивость студентов высвечивается сквозь призму идеи развития личности обучающегося в условиях образовательной среды организованной в соответствии с принципами психологической безопасности и комфортности. В контексте этой идеи интеграция в образовательный процесс студентов эффективных технологий формирования стрессоустойчивости является обязательным условием физического,

психологического, социального здоровьесбережения и здоровьесозидания обучающихся.

Современная педагогика обладает значительным арсеналом педагогических средств решения задачи формирования стрессоустойчивости студентов. В числе этих средств, следует особо выделить арт-технологии (от англ. art – «искусство, мастерство») – новое перспективное направление в современном образовании. Арт-технологии рассматриваются как совокупность разнообразных методов и форм применения потенциальных возможностей различных видов искусств инициировать процесс активизации внутренних ресурсов личности и раскрытия личностных потенциалов. Основными формами интеграции арт-технологий в образовательный процесс являются: мини-лекции, ролевые и деловые игры, кино клубы, групповые дискуссии, рисование, сказкотерапия, метафорические карты, психодрама. Считается, что использование арт-технологий способствует благоприятному эмоциональному состоянию, снижению нервного напряжения, и в этом отношении арт-технологии могут быть рассмотрены как педагогические инструменты здоровьесбережения и здоровьесозидания обучающихся [10]. С точки зрения терапевтической школы применение арт-технологий – это «...использование средств искусств для передачи чувств и иных содержаний психики человека с целью изменения структуры его мироощущения...» [2, С. 41]. Исследователи подчеркивают, что арт-технологии с позиции педагогической науки являются инновацией и характеризуются комплексом теоретических и практических идей: разнообразием связей с социальными, психологическими и педагогическими явлениями; относительной обособленностью от других составляющих педагогической действительности; способностью к интеграции и трансформации [4].

Среди преимуществ арт-технологий перед другими педагогическими технологиями выделяют такие их характеристики как доступность и коммуникативность. Арт-технологии не требуют от студента наличия каких-либо специальных умений и навыков (музыкальных, художественных, пластических), поэтому доступны практически каждому как средство выражения чувств и переживаний [3]. Классификация арт-технологий основывается на специфике видов искусства и включает следующие виды: изобразительные арт-технологии; песочно-ландшафтные арт-технологии; музыкальные арт-технологии; драма-технологии; нарративные арт-технологии (сказочная арт-технология) [4].

Арт-технология является мощным инструментом в работе со стрессовыми ситуациями и выходом из них. С помощью арт-технологий человек извлекает свои бессознательные подавленные эмоции на осознанный уровень и тем самым снимает напряжение. Человек, находясь в ресурсном состоянии, уверен в себе и в своих

силах, обладает хорошей самооценкой, что приводит к внутренней гармонии, концентрации внимания при выполнении учебных задач и жизненных целей [6, 15].

Анализ научной информации по проблеме применения арт-технологий для решения разнообразных образовательных задач [1, 9, 13] позволяет сделать вывод о существовании определенного педагогического опыта, осмысление которого помогает выявить возможности применения арт-технологического инструментария для формирования стрессоустойчивости студентов. Например, учебные дисциплины, связанные с экологической наукой, обладают потенциалом применения приемов экологической арт-терапии. Широкий спектр форм включает в себя визуальное искусство, драму и ритуалы, музыку, танец и движение, творческое письмо, а также практики, объединяющие занятия искусством с взаимодействием с животными и растениями, путешествиями, созерцательным присутствием в природе и т.д. [8]. В методической литературе представлен опыт применения арт-технологий на уроках химии. Это проведение уроков-спектаклей, которые позволяют проанализировать многообразие строения и свойств химических соединений, областей их применения, возможности негативного и позитивного воздействия на человека, среду его обитания, развивать компетентный подход к изучаемому материалу [5]. В теории и методике преподавания «Физической культуры» есть раздел, в котором рассматриваются средства и методы регулирования психоэмоционального состояния с помощью средств и методов физической культуры, где арт-технологии могут найти непосредственное применение в процессе преподаваемой дисциплины.

В рамках данной статьи тезисно представлен ход и результаты оригинального (авторского) эмпирического мини-исследования, проведенного с целью выявления возможности применения арт-технологий как педагогического средства формирования стрессоустойчивости студентов в процессе педагогической коммуникации в связи с освоением студентами содержания лекционной части дисциплины «Физическая культура». В исследовании принимали участие 60 первокурсников, обучающихся в Российском государственном университете имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Студенты принимали участие в исследовании добровольно и были осведомлены о целях и задачах исследовательской работы.

На организационно-подготовительном этапе эмпирического исследования был произведен отбор арт-терапевтического инструментария формирования стрессоустойчивости студентов. При отборе методик предпочтение было отдано наиболее понятным и легко воспроизводимым, которые достаточно полно были описаны в руководствах по применению. Особо отметим обязательность использования только тех арт-

терапевтических упражнений, которые описаны в надежных научно-методических источниках. В результате были отобраны следующие упражнения: «Выражаем тревогу» [12], «Рисование обеими руками» [7], «Мой портрет в лучах солнца» [15].

Основной этап эмпирического исследования был организован следующим образом. В рамках одного лекционного занятия студентам была предложена учебная информация об актуальности задачи формирования стрессоустойчивости, о природе и видах стресса, а его разрушительном влиянии на организм человека и о некоторых способах формирования устойчивости к стрессогенам. Затем в течение месяца, по одному разу в неделю студенты выполняли вышеуказанные арт-терапевтические упражнения.

Суть упражнения «Выражаем тревогу» состоит в том, что участникам предлагается «найти» в себе ощущение тревоги и определить, где она локализуется: в животе, лице, голове, ногах, затем взять цветные карандаши субдоминантной рукой (нерабочей, вспомогательной рукой) и перенести тревогу на бумагу. Стоит пояснить, что, когда люди используют субдоминантную (вспомогательную) руку, то при её активном использовании включается правое полушарие, запускаются многочисленные психические процессы.

Выполнение студентами упражнения «Рисование обеими руками» предполагало выполнение студентами условия создавать рисунок, используя обе руки. Это упражнение направлено на активизацию работы обоих полушарий головного мозга, что помогает сосредоточиться на настоящем моменте, отвлечься от тревожных мыслей, успокаивает нервную систему.

В ходе выполнения упражнения «Мой портрет в лучах солнца» перед студентами была поставлена задача нарисовать солнце, а в центре солнечного круга написать свое имя или нарисовать свой портрет. Затем студенты должны были нарисовать лучи (чем больше, тем лучше), а вдоль лучей написать свои достоинства, положительные личностные качества.

Укажем, что применение арт-технологий, связанных с включением участников занятия в изобразительную деятельность требуют подготовительной работы. Необходимо заранее подготовить инструменты и материалы (бумага для рисования; кисточки, краски, цветные карандаши и т.п.). Важно эмоционально настроить студентов на занятие, создать безопасную доброжелательную атмосферу. Необходимо также обозначить определённые правила коммуникации во время проведения занятия: конфиденциальность, запрет на агрессию, запрет на критику, оценочные суждения, советы другим участникам, использование звуковых сигналов гаджетов, и др.

После проведения каждого занятия необходим этап рефлексии. Важно обсудить со студентами вопросы о том, что им понравилось, а что не понравилось во время выполнения упражнения, что они почувствовали в процессе выполнения задания, с какими новыми чувствами они столкнулись и с какими ощущениями они уходят с занятия, на котором выполняли упражнение. Важно также, чтобы преподаватель прошел инструктивную подготовку в специально организованных психологических группах обучения арт-терапевтическим практикам.

С целью выявления отношения студентов к арт-технологиям (на примере представленных выше арт-терапевтических инструментов) как к средству формирования стрессоустойчивости на заключительном этапе эмпирического исследования был применен опросный метод. Опросный лист состоял из трех закрытых вопросов.

Первый вопрос был направлен на выявление степени востребованности студентами ориентировочной учебной информации по проблеме формирования стрессоустойчивости. Ответы на второй вопрос опросного листа дали основание сделать выводы о результативности применения арт-технологий как средства формирования стрессоустойчивости студентов. Ответы на третий вопрос позволили делать выводы о степени востребованности студентами в процессе формирования стрессоустойчивости арт-технологического инструментария. Результаты опроса студентов визуально представлены с помощью круговых диаграмм (рисунки 1-3).

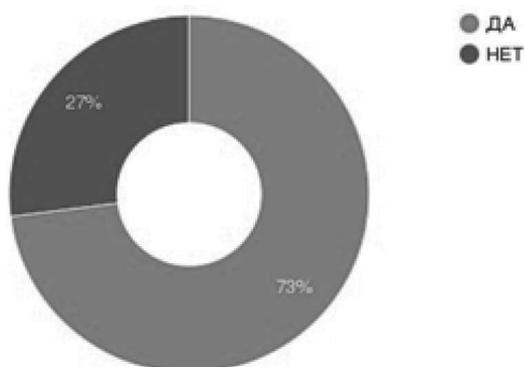

Рис. 1. Результаты ответов респондентов на вопрос «Интересно ли было Вам узнать о стрессе и его профилактике?»

Как видно из диаграммы (см. рисунок 1) интерес к проблематике управления стресс-рисками высок. Утвердительно на первый вопрос опросника ответили 73% респондентов.

Снижение ощущения тревожности после выполнения серии арт-терапевтических упражнений произошло у 69% студентов (см. рисунок 2). Здесь речь идёт о взаимосвязи субъективного ощущения тревожности и стресса, который испытывают студенты.

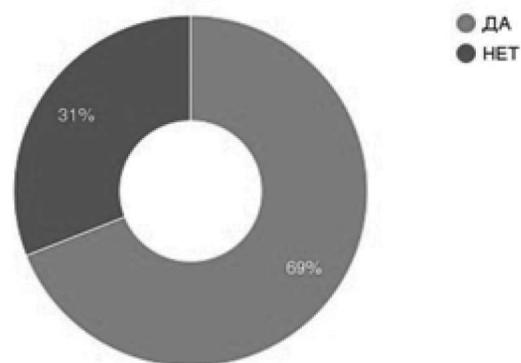

Рис. 2. Результаты ответов респондентов на вопрос «Заметили ли Вы снижение субъективного ощущения тревожности после выполнения серии арт-терапевтических упражнений?»

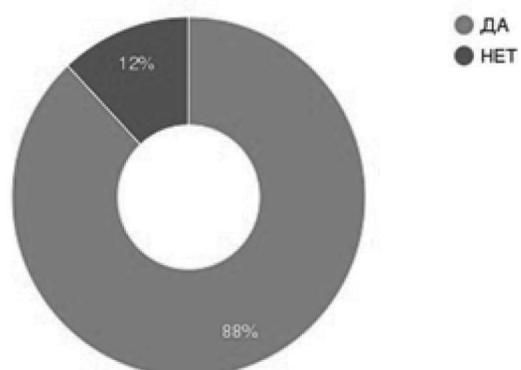

Рис. 3. Результаты ответов респондентов на вопрос «Хотели ли Вы, чтобы подобные упражнения проводились систематически»

Как видно из диаграммы (см. рисунок 3), желание регулярно применять подобные методики в образовательном процессе выявлено у 88% студентов. Следовательно, учебно-практические занятия, проведённые с применением арт-технологий, вызывают у студентов интерес и в перспективе могут оказывать положительное влияние на весь образовательный процесс.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема применения арт-технологий в процессе формирования стрессоустойчивости студентов, безусловно, требует дальнейшей научной разработки. Вместе с тем, представленные в статье теоретические и эмпирические результаты дают основания говорить не только об актуальности, теоретической и практической значимости дальнейшего исследования этой проблемы, но и утвердительно ответить на вопрос о возможности использования арт-технологий как педагогического инструмента формирования способности студентов управлять рисками стресс-факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А.А. Стрессоустойчивость как фактор развития позитивного отношения к учебной деятельности у студентов: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.07 / Андреева Алена Алексеевна; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. - Тамбов, 2009. - 219 с.
2. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании / Е.А. Медведева [и др.]. - М.: Academia, 2001. - 246 с.
3. Блинова Ю.Л. Мультимодальные арт-технологии как средство актуализации познавательной активности младших школьников / Ю.Л. Блинова // Мир науки. - 2017. - №6 (Т.5). - С.73.
4. Бурачевская Т.В. Арт-технологии как инновационная педагогическая технология / Т.В. Бурачевская, И.Н. Логинова // Мастерство педагога: от вопросов к решениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 12 июня 2020 года / Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. - Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2020. - С. 71-74. - DOI 10.21661/r-541062. - EDN VYSAMA.
5. Захарова Н.Д. Применение АРТ-технологии на уроках химии. URL: <https://almanahpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=1313> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Копытин А.И. Руководство по групповой арт-терапии. СПб: Речь, 2003. - 320 с.
7. Копытин А.И. Практикум по арт-терапии. СПб: Питер, 2001. - 448с
8. Копытин А.И. Экологическая, природоцентрированная терапия искусством // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. - 2021. - Т. 2, № 2. [Электронный ресурс]. - URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: 22.11.2022).
9. Куряев, И.А. Стресс и стрессоустойчивость студентов / И.А. Куряев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. - 2013. - № 55. - С. 64-67. - EDN RYXUMX.
10. Подколзина, Л.Г. Арт-технологии как направление здоровьесберегающих технологий в образовательном пространстве вуза / Л.Г. Подколзина // Вестник научных конференций. - 2018. - № 4-2(32). - С. 88-91. - EDN XPSKJL.
11. Профессиональный стресс и стрессоустойчивость специалистов экстремального профиля деятельности: учебное пособие/ Н.Н. Смирнова, А.Г. Соловьев, М.В. Корехова, И.А. Новикова. - Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2017. - 161 с. ISBN 978-5-91702-263-5
12. Ульямс Х. «Говорящий» рисунок, или как познать свое глубинное «Я». М.: АСТ: Астрель, 2007. - 205 с.
13. Ходак, Н.А. Особенности развития учебного стресса и уровня стрессоустойчивости у студентов гуманитарных и технических специальностей в системе высшего образования / Н.А. Ходак // Современная высшая школа: инновационный аспект. - 2017. - Т. 9. - № 1(35). - С. 48-59. - DOI 10.7442/2071-9620-2017-9-1-48-59. - EDN YPJGDR.
14. Церковский, А.Л. Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости / А.Л. Церковский // Вестник Витебского государственного медицинского университета. - 2011. - Т. 10. - № 1. - С. 6. - EDN NDXNAR.
15. Щитова, Е.Ю. Арт-терапия как метод формирования стрессоустойчивости в подростково-молодежной среде / Е.Ю. Щитова // Альманах Казанского федерального университета, Казань, 26-27 мая 2016 года. - Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2016. - С. 143-146. - EDN WLQVDV.

© Юзефавичус Татьяна Анатольевна (taju-63@mail.ru), Карелина Наталия Николаевна (fallibilibist@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

ABOUT THE GRAMMATICAL
STYLISTICS OF THE BASHKIR LANGUAGE

M. Arslanova

Summary: This article provides a brief overview of the grammatical stylistics of the Bashkir language. Stylistics has been studied by Bashkir scientists since the 40s of the twentieth century, but the problems of grammatical stylistics began to be investigated only at the beginning of the XXI century. To date, there are works about the stylistics of the case system and the inflectional category of the noun of the Bashkir language. The author has made an attempt to review research on the grammatical stylistics of the Bashkir language.

Keywords: stylistics, Bashkir language, functional styles, grammatical stylistics, turkologists, Dj.G. Kiyekbayev.

Арсланова Миляуша Сынбулатовна

кандидат филологических наук, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
m.s.arslanova@strbsu.ru

Аннотация: В статье представлен обзор грамматической стилистики башкирского языка. Стилистика изучается башкирскими учеными с 40-х годов XX века, но проблемы грамматической стилистики начали исследоваться только в начале XXI века. На сегодняшний день есть труды о стилистике падежной системы и словоизменительной категории имени существительного башкирского языка. Автором сделана попытка обзора исследований грамматической стилистики башкирского языка.

Ключевые слова: стилистика, башкирский язык, функциональные стили, грамматическая стилистика, ученые-тюркологи, Дж.Г. Киекбаев.

Стилистика – особый раздел башкирского языкознания, она является смежной наукой между языком и литературой.

Известный ученый-тюрколог Дж.Г. Киекбаев писал о стилистике: «Стилистика – сложная и многогранная область науки о стилях... В языкознании стилистику принято делить на два вида: жанровую стилистику, т.е. функциональную стилистику, и грамматическую стилистику, т.е. лингвистическую стилистику». По мнению профессора Киекбаева, «жанровая стилистика изучает использование различных изобразительных средств языка в письменной речи, в том числе и в художественной литературе. С этой точки зрения жанровую стилистику можно назвать наукой о литературном стиле» [5, с.158].

В башкирском языке выделяют следующие функциональные стили: научный, официально-деловой, публицистический, художественной, эпистолярный, разговорный. Изучение функциональных стилей предполагает исследования и в грамматической стилистике.

Грамматическая стилистика башкирского языка включает в себя две предметные области: морфологическую стилистику и синтаксическую стилистику. Первая ориентирована на изучение грамматических форм, вторая – на анализ реализации грамматики в структуре предложения, в тексте. Овладение одним языком возможно только при письме или говорении на нем, правильном употреблении грамматических форм и слов этого языка, разностороннем знании его грамматики и лексики. Знание грамматической стилистики имеет практическое значение для писателей, литераторов, журналистов, редакторов, переводчиков, учителей

языка и литературы. В этом смысле грамматическую стилистику можно было бы даже назвать практической стилистикой. Знание грамматической стилистики в той или иной степени зависит и от опыта практического взаимодействия с языком, от способности к языковому восприятию и наблюдательности в отношении языковых явлений [7, с. 159-160]. Первые сведения о грамматической стилистике башкирского языка можно найти в учебнике для школьников «Стилистика», выпущенном в 1938 году Кадиром Даяном и Ахнафом Харисовым. Об этой области стилистики писали такие башкирские ученые, как: Дж.Г. Киекбаев, Г.Г. Саитбатталов, Х.Г. Юсупов, В.Ш. Псянчин, Д.С. Тикеев, Ю.В. Псянчин. Есть труды В.Ш. Псянчина, Р.Х. Халиковой, Н.Б. Салимова, В.В. Ганиева, А.Г. Ильмухаметова. Интересную информацию, касающуюся грамматической стилистики тюркских языков, можно найти и в научных трудах ученых-тюркологов. Например, вопросы грамматической стилистики татарского языка отражены в трудах Х.Р. Курбатова, В.Х. Хакова Исследователи грамматической стилистики русского языка: А.Н. Гвоздев, Д.Э. Розенталь, Т.В. Шанская, М.Н. Кожина, И.Б. Голубева выпустили не мало учебников, где также есть сведения о грамматической стилистике русского языка. В 1995 году Д.С. Тикеевым и Х.Г. Юсуповым издано пособие «Практическая стилистика башкирского языка», включающее раздел грамматической стилистики.

Ю.В. Псянчин опубликовал научные труды об одной из областей грамматической стилистики башкирского языка: «Стилистика падежной системы современного башкирского литературного языка» (Уфа, 2000), «Стилистика словоизменительных категорий имени существительного башкирского языка» (Уфа, 2000). Ему же

принадлежит авторство учебной программы «Основы грамматической стилистики башкирского языка» (Уфа, 2006). Основной упор в учебной программе сделан на категорию падежей имен существительных, их синонимию, описательным возможностям данной грамматической категории.

Башкирский ученый Г.Г. Саитбатталов в своих трудах пишет, что не согласен с термином «грамматическая стилистика», и заявляет, что стилистика башкирского языка состоит из двух больших разделов – лингвистической стилистики и функциональной стилистики. Предмет первой – стилистические особенности лексики, морфологии и синтаксиса, в том числе стилистические особенности синонимов, омонимов, антонимов, полисемий, эвфемизмов, архаизмов, неологизмов, идиом и фразеологизмов; морфология включает имя существительное, прилагательное, число, местоимение, глагол, наречие, послелог, союз, частицу. изучает стилистические особенности модальных слов и словосочетаний; синтаксическая стилистика изучает словосочетания, сочетания подлежащего и сказуемого, равнозначные предложения, порядок слов в предложении, обособленные придаточные части, деепричастия, неполные предложения, односоставные предложения, бессоюзные и союзные сложные предложения, синтетические (падежные), аналитические (послелоговые или союзные) и др. союзные), сложные синтаксические конструкции с аналитико-синтетическим сопряжением, открытые (равноправные) и закрытые, также рассматриваются стилистические особенности многосложных, смешанных сложных предложений и рядов (периодов) с (неравнозначной) структурой [10, с. 6-7].

Мы согласны с разделением стилистики на функциональную, фонетическую, лексическую, грамматическую (в том числе морфологическую и синтаксическую) и оперирование каждой своим собственным предметом изучения.

Основоположник башкирского языкознания Дж.Г. Киекбаев писал и о грамматической стилистике, что она «изучает возможность использования вариантов форм частей речи в текстах различного стиля и характера, синтаксическая стилистика требует построения предложений максимально лаконично, компактно в сочетании с изучением правильности использования грамматических форм и лексических единиц». Учёный также отмечал «многочисленные и богатые потенциальные возможности башкирского языка, многочисленные стилевые особенности, касающиеся морфологии, связанные с категориями в частях речи и их производными», а среди средств синтаксической стилистики выделял такие, как «инверсия, повторение, синтаксический параллелизм, антитеза, градация, риторические предложения» [7, с. 78-79]. Несмотря на указанные выше тру-

ды, изучение грамматической стилистики башкирского языка является недостаточным. Например, невозможно найти грамматические стилистические особенности, характерные только для каждого отдельного функционального стиля из одного источника. Следовательно, мы считаем, что башкирским языковедам необходимо и дальше вести научные исследования в области грамматической стилистики.

К вопросам грамматической стилистики башкирского языка в свое время обращались такие ученые, как Дж.Г. Киекбаев. Он написал план-перспективу исследования башкирской стилистики, который, на наш взгляд, не утратил своей актуальности и сегодня:

- а) рассматривать грамматический строй и словарный состав башкирского языка как целостную систему, сложившуюся естественным путем развития;
- б) работать над стилем, сопоставляя и анализируя различные грамматические и лексические явления друг с другом посредством логических рассуждений;
- в) в полной мере использовать свой богатый и многогранный внутренний потенциал башкирского языка, не обращаясь на языковые факты других языков;
- г) стремиться в письменной речи к максимальной краткости, лаконичности предложения;
- д) быть внимательным к звучанию и красоте каждого предложения на общем фоне контекста [5, с. 171-172].

Важнейшей задачей практической стилистики является сохранение основ культуры речи, норм морфологической стилистики, созданных писателями различных эпох, языковедами. По мнению ученых, ресурсы (возможности) стилистики в области грамматики следует искать в области морфологии, точнее в синонимии. В морфологии существует немало синонимов, но не все они могут носить стилистический характер. Часто синонимия встречается и в синтаксисе.

По мнению татарского языковеда В.Х. Хакова, существует множество стилевых особенностей, касающихся морфологии, связанных с категориями частей речи и их производными [11, с. 177]. Х.Р. Курбатов указывает, что объектом изучения синтаксической стилистики можно назвать инверсию, обособленные придаточные части, неполные предложения, синтаксические конструкции равных частей, синтаксические фигуры, синтаксический параллелизм и общую речь [1, с. 58]. Морфологическая стилистика вместе с синтаксической составляет грамматическую стилистику.

Как известно, грамматика – это наука, изучающая грамматический строй языка, состоящий из двух разде-

лов: морфологии и синтаксиса. Морфология исследует, в первую очередь, грамматическую форму слова, а грамматическая форма приобретает обобщающее значение. Профессор М.В. Зайнуллин отмечал: «Грамматическое значение систематически выражается в ряде словоформ, являясь в высшей степени обобщенным значением. Грамматическая категория образуется на основе единства грамматической формы с грамматическим значением. Части речи являются наиболее крупными классами слов, которые формируются на основе общего семантического содержания и грамматических значений слов» [3, с. 3-4].

Как известно, частями речи называются лексико-грамматические подгруппы, отличающиеся друг от друга смысловым содержанием, формами и синтаксическими функциями. Такое определение используется в современном башкирском языкознании. По мнению М.В. Зайнуллиной, классифицируя слова в современном башкирском языке на части речи следует использовать следующие группы:

1. самостоятельные части речи: имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие;
2. вспомогательные части речи: послелог, союз, частица;
3. модальные части речи;
4. междометия;
5. подражательные части речи.

Самостоятельные части речи имеют лексическое значение, которое легко изменяется грамматическими категориями, выполняют функцию отдельного члена предложения. Служебные части речи связывают между собой слова в предложении или словосочетании, простые предложения в составе сложного предложения, способствуя установлению различных грамматических отношений. Обычно служебные части речи не изменяются грамматическими категориями. Эмоционально-экспрессивные части речи характеризуются, главным образом, выражением эмоций, различных звуков и т.д. Для них не характерно изменение грамматическими категориями и обычно они находятся в специфическом грамматическом отношении к предложению. В отдельных случаях могут выступать и в функции члена предложения [2, с. 299]. По мнению М.Н. Кожинной, стилистические возможности морфологии нельзя отнести исключительно к области стилистической синонимии, поскольку морфологические средства, в отличие от лексических, имеют общее применение во всех стилях, во всех жанрах и видах речи. Однако своеобразная функционально-стилистическая специализация охватывает и область грамматики [8, с. 139]. Почему так происходит? Постараемся дать ответ.

Во-первых, в разных функциональных стилях не все грамматические категории и формы употребляются оди-

наково, частота их употребления различна. Например, в научном стиле башкирского языка чаще всего используются имена существительные и глаголы. Во-вторых, отдельный функциональный стиль по своим нормам требует обязательного использования лишь однородной грамматической категории, грамматической формы. Например, в приказах, относящихся к стилю официально-деловых бумаг, часто встречается форма инфинитива глаголов: исполнить, исполнять, решить и т.д. Без имени существительного не обходится не один функциональный стиль. В художественной литературе и публицистике имена существительные используются во всей полноте и многообразии. В официально-деловых и научных стилях имена существительные не употребляются в переносном значении. Это является нормой данных стилей. В эпистолярном и разговорном стилях переносное значение встречается часто, в художественном стиле оно выступает как изобразительно-выразительное средство. Если в текстах официально-деловых бумаг на первый план чаще выдвигается смысл сообщения, то есть констатации, описания фактов, то информация, повествование отодвигаются на второй план. Поэтому выбираются имена существительные, имеющие конкретное значение. Например, объявления, деловые письма, извещения и т.п.

А.Г. Ильмухаметов, исследовав официально-деловой стиль башкирского языка, пишет, что «одной из морфологических особенностей стиля официально-деловых бумаг является использование имен существительных, имеющих абстрактное значение. Например, чаще всего в языке законов можно встретить такие слова, как *право, ответственность, свобода, гражданство, требование, гарантия, деятельность, отношение, фактор, безопасность, контроль, правило, вред, недействительность, референдум, предложение, условие*. Учёный также отмечает собирательное значение, присущее целому ряду существительных. Например: *рабочая бригада, учительский коллектив, кабинет министров, Государственное Собрание, администрация города, министерство образования, налоговая инспекция, артистическая группа* и т.д. Относительно стиля официально-деловых бумаг А.Г. Ильмухаметов выделяет такие черты, как «четкость, ясность, объективность суждений», а также конкретность, выражаемую «единичными именами существительными, номенклатурными определениями, наименованиями различных органов управления, организаций, учреждений, документов, позволяющими более четко выразить место, роль лиц, с которыми они состоят в официальных отношениях, а также наименованиями, обозначающими профессии, занимаемые ими должности, а также деятельность». Исследователь обращает внимание и на аббревиатуры, включающие «наименования различных организаций, учреждений, предприятий» и отражающие стремление языка деловых бумаг к «максимальной полноте информации, облегчению заполнения деловых бумаг, экономии времени» [4, с. 145]. Например, в городе

Стерлитамак есть организация под названием «Стерлитамакстрой», а в городе Салават есть крупнейшее объединение «Салавататоргсинтез».

Подобные аббревиатуры и сокращенные составные имена также часто используются в современной башкирской публицистике. Например, *Стратегия долгосрочного развития транспортной системы Республики так подробно обсуждалась на заседании Правительства РБ* (газета «Йэшлек», 17 октября 2014 г., № 41, с. 2). Здесь вместо *Республика Башкортостан* используется сокращение *РБ*.

В научном стиле имена существительные выполняют информационную функцию: уведомительную, информационную, новостную. Они служат для обозначения одушевленных или неодушевленных предметов; предметов, объектов, субъектов научно-исследовательской деятельности; результатов деятельности людей. Имя существительное в этом случае выступает и термином. Например, *монография, диссертация, пособия* и т.д. Требования стандарта в публицистике едины с экспрессией, что является особенностью этого стиля, поэтому наименование чего-либо учитывает его смысл и его деятельность (движение). В художественном стиле велика роль имен существительных. Они выполняют не только информативную, но и эстетическую функцию. Тема произведения обращает писателей к различным лексико-грамматическим категориям имен. В этом стиле экспрессивной отделкой становятся и стилистически нейтральные имена. Например, имена людей, животных, прозвища: в произведениях Мустая Карима – Черный (кара) Юмагул, Кендек (Пупок) («Долгое-долге детство»), Мария-Тереза (от имени святой) («Помилование») и др. Имена существительные с аффиксами, обозначающими уменьшительно-ласкательное значение или, наоборот, увеличительное значение характерны для произведе-

ний художественной литературы, публицистики. Такие имена существительные часто употребляются и в разговорной речи. Например, в сказках З. Бишевой: – Пеструшка-красавица отложила яйцо («Золотое яйцо»).

Глагол как часть речи играет важную роль при составлении текста, мы обратимся к условному наклонению. Для усиления условного значения в начале фразы используются союзы *если, если бы*. Глаголы условного наклонения используются во всех функциональных стилях. В публицистике форма условного наклонения глагола может выступать и в качестве названия статьи, например: «Если у вас льготы или права ограничены, сообщи» (газета «Башкортостан», 17 октября 2014). *Что бы ты сделал, если бы у тебя был волшебный посох? Что делать, если между ними что-то остыло?* (газета «Йэшлек» 24 октября 2014). В стиле официально-деловых бумаг глагол в условном наклонении обозначает условие работы: если деловое письмо адресовано руководителям нескольких сходных организаций, то адресатов следует представить в виде обобщения [9, с. 94]. В художественной литературе, разговорной речи глагол, часто стоящий в условном наклонении, выражает недоумение или непонимание ситуации: *Не читал? Если сказанное не подтвердится?*

Таким образом, грамматическая стилистика башкирского языка является разделом стилистики башкирского языка. Она состоит из морфологической стилистики, где основными единицами для изучения являются части речи, их грамматические категории и их особенности использования в разных функциональных стилях, и синтаксическую стилистику. Предложение и текст – основные единицы синтаксической стилистики. Сделаем вывод, что исследование грамматической стилистики – актуальная проблема для башкирского языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова М.С. Стилистика башкирского языка: учебник для студентов. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. – 127 с. (на башкирском языке).
2. Башкирский язык: учебник для студентов филологических факультетов вузов. Коллектив авторов / Под ред. К.Г. Ишбаева. – Уфа: Китап, 2012. – 606 с. (на башкирском языке).
3. Зайнуллин М.В. Современный башкирский литературный язык. Морфология. – Уфа: Китап, 2005. – 391 с. (на башкирском языке).
4. Ильмухаметов А.Г. Лексические особенности стиля деловых бумаг современного башкирского литературного языка // Ватандаш. 2009. N5. С.145 (на башкирском языке).
5. Киекбаев Дж.Г. Лексика и фразеология современного башкирского языка. – Уфа: БГУ, 2002. – 264 с. (на башкирском языке).
6. Киекбаев Дж.Г. Сборник научных трудов и избранных произведений. – Уфа: Китап, 2012. – 260 с. (на башкирском языке).
7. Киекбаев Дж.Г. Стили башкирского языка и о стилистике // Агидель. – 1966. – № 8. – С. 78-79. (на башкирском языке).
8. Кожица М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
9. Образцы деловых бумаг / Ф.Т. Хисамитдинова, Н.Ф. Суфьянова, Р.А. Сулейманова. – Уфа: Диджитал Графикс, 2006. – 127 с. (на башкирском и русском языках).
10. Сайтбатталов Г.Г. Башкирский язык: в 3 т. Т. 3: Стилистика. – Уфа: Китап, 2007. – 437 с. (на башкирском языке).
11. Хаков В. Татарский литературный язык (стилистика). – Казань: ТКН, 1999. – 304 с. (на татарском языке).

АНГЛИЦИЗМЫ И ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гринева Ольга Александровна

к.филос.н., доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»
gold23@inbox.ru

ANGLICISMS AND BORROWING WORDS IN COMMUNICATION ACTIVITY

O. Grineva

Summary: This article shows that the modern speech of a Russian person is undergoing significant changes. The article reflects the main aspects of the use of anglicisms in human speech. The main areas of occurrence of slang and their influence on human interaction are identified. The necessity of using borrowed words as a demonstrative tool for self-expression is shown. Destructive aspects of the use of anglicisms in communicative activity are revealed. Types and classifications of anglicisms are considered.

Keywords: use, borrowing, computer technology, misunderstanding, self-expression, contact, renewal, reduction, unification, perspective.

Аннотация: В данной статье показано, что современная речь русского человека претерпевает значительные перемены. В статье отражены основные аспекты использования англицизмов в речи человека. Выявлены основные сферы возникновения сленгов и их влияния на взаимодействие людей. Показана необходимость употребления заимствованных слов в качестве демонстративного инструмента для самовыражения. Выявлены деструктивные аспекты употребления англицизмов в коммуникативной деятельности. Рассмотрены типы и классификации англицизмов.

Ключевые слова: использование, заимствование, компьютерные технологии, недопонимание, самовыражение, контакт, обновление, сокращение, объединение, перспектива.

Современное глобализированное общество, в настоящее время, включает в себя различные коммуникационные обороты речи, сленги и выражения. Для многих людей как производственной, так и социальной сферы употребление заимствованных слов из английского языка стало нормой. Однако, какие риски возникают при употреблении слов с непонятным смыслом для русского человека?

С одной стороны заимствование иностранных слов является закономерным процессом, связанным с усложняющимися процессами коммуникации посредством социальных сетей. Кроме того, как в политической, экономической, так и социальной сферах, в обществе приветствуется укрепление международных отношений в последние десятилетия. С другой стороны, использование заимствованных выражений имеет ряд недостатков, приводящих к недопониманию и возникновению конфликтных ситуаций [7].

В связи с исторически сложившимся ходом событий, великая страна Великобритания имела огромное влияние на установление международных контактов и завоевание территорий по всему миру, поэтому распространение английского языка неукоснительно задествовало все развитые страны мира. Английские слова, которые схожи с русскими по значению словами, принято называть «англицизмами». Такие англицизмы как бизнес, менеджмент, стритрейсинг, лайк, тьюнинг, геймер, фоловер и др. плотно укоренились в русском языке и часто используются как детьми, так и взрослыми [9].

Проблема использования англицизмов и заимствованных выражений в русской культуре искажает смысловую нагрузку речи и приводит к упрощению коммуникативного процесса. В связи с чем, существует опасность смешения англицизмов с просторечием или жаргоном.

Преимущественно, грамотное владение англицизмами приветствуется в международной сфере, например, в фармацевтических компаниях, в торговой сфере или области программирования. Когда специалисты общаются непосредственно с разработчиками программ, информационных средств, медицинских препаратов, ведут образовательную деятельность по обмену студентами или связаны с трудоустройством мигрантов. Вдобавок, использование англицизмов приветствуется в рекламной деятельности или маркетинговой индустрии, что позволяет определенным специалистам находится в активном модном потоке экономической и социальной жизни общества, легче устанавливать межличностные контакты с иностранными гражданами. (Миронова).

Помимо деловой сферы, большая часть молодежи увлеченно и стремительно используют сленги, заимствованные термины в бытовом общении. Данный процесс является связующим звеном различных речевых разновидностей русского языка [8]. Максимальная открытость и наличие интегрирующей функции сленгов служит катализатором обновления тематических групп, а также поддерживает корпоративный дух и способствует творческому самовыражению личности [5].

Очередным фактором употребления англицизмов, сленгов и фразеологизмов является их демонстративная функция. Благодаря методам культурологического и сравнительного анализа, было выявлено, что заимствованные слова и выражения обладают яркой образностью и несут метафоричный смысл, который популярен в молодежной речи и даже встречается в СМИ.

Научная новизна данной статьи направлена на то, чтобы подчеркнуть когнитивную и экспрессивно-мировоззренческую функцию употребления англицизмов в русской речи и способствовать дальнейшему изучению данного феномена, широко популярного в народе.

Однако частое повторение заимствованных выражений, сленгов и фразеологических оборотов имеет ряд деструктивных компонентов в процессе коммуникации [3].

Во-первых, не всегда человек понимает смысл иностранного выражения, но пытается соответствовать модному течению, активно вставляет англицизмы в речи. Происходит искажение смысла предложения, к человеку появляются дополнительные вопросы, особенно среди молодого поколения, провоцируется конфликтная ситуация или же возможность стать изгоем в определенном кругу лиц.

Во-вторых, спонтанное употребление англицизмов в профессиональной деятельности с высокообразованным человеком или более высокого социального статуса может вызвать негативную реакцию собеседника, подпортить репутацию и дать отрицательный эффект в дальнейшем сотрудничестве.

В-третьих, некоторые фразеологические обороты или заимствованные слова имеют негативную окраску и могут быть оскорбительными в процессе коммуникации или в ходе образовательного выступления, предполагающего использование литературного языка.

В-четвертых, присущий чужеродный оттенок англицизмов провоцирует риск ироничного и юмористического отношения к речи говорящего.

В-пятых, из-за скудного выражения своих эмоций и чувств с помощью англицизмов в семейных отношениях также могут создаваться раздоры и отчуждение между старшим и младшим поколениями.

На основании приведенных деструктивных аргументов использования англицизмов и заимствованных слов, можно уверенно предположить, что англицизмы в современном русском языке требуют четкого понимания их значения, правил употребления в определенных группах или сферах деятельности. Уместное и умеренное использование за-

имствованных выражений может иметь не только отрицательный характер, но и способствовать самовыражению человека [4].

Выделим несколько классификаций англицизмов в русской коммуникативной деятельности:

1. Компьютерные: ноутбук, файл, принтер, лэптоп, браузер, байт, бит, флешка, онлайн, интерфейс.
2. Спортивные: спринтер, фитнес, дайвинг, фри-стайл, кикбоксинг.
3. Экономические: бартер, дилер, инвестиция, холдинг, дистрибьютор.
4. Музыкальные: лайк, трэк, сингл, ремейк, кавер.
5. Политические: спикер, инаугурация, премьер – министр, мандат, брифинг, митинг.
6. Косметологические: мэйк ап, тоник, спа, спонж, мусс, лифтинг, боди.
7. Кинематографические: хоррор, комеди, вестерн, блокбастер, кастинг [8].

Акцентируем внимание, что заимствованные слова могут пересекаться в разных тематических группах, а также могут выражать настроения, отношение к другим людям и ситуациям. Тем не менее, в российском обществе возникает необходимость изучения, анализа, интерпретации и способами приспособления к новой лексике, которую можно встретить не только в устной, но и в письменной речи. Различают три типа заимствованных слов, по степени их усвоения в русском обществе: ассимилированные, частично ассимилированные и неассимилированные.

Первый тип ассимилированных англицизмов – слова, соответствующие нормам языка и уместно вписывающихся в русскую культуру общения, которые воспринимаются русскими людьми как родные (спорт, фильм, юмор).

Второй тип частично ассимилированных англицизмов – слова с английским произношением (диджей, контракт, фастфуд).

Третий тип неассимилированных англицизмов – слова, трудные для запоминания и понятия, которые отражают быт и стиль страны – источника (доллар, свитшот, анорак).

Существует проблема адаптации к заимствованным словам. Некоторые англицизмы употребляются лишь в качестве модного стиля говорящего, иные подчеркивают достаточную осведомленность и украшают речь собеседника. Специалисты в области языкознания и филологии стараются выяснить, как и для чего создаются те или иные термины, в каком контексте их принято употреблять и как уместнее их приобщить к русской коммуникативной деятельности.

В современном российском обществе англицизмы стали незаменимыми частями речи. Однако, остается спорным вопрос об отношении российских граждан к подобным речевым заимствованиям. Несмотря на то, что процесс внедрения английских слов в русскую речь необратим, особенно в технических и экономических областях знаний, большинство значимых всероссийских мероприятий проводят на максимально русском литературном языке [2].

Хотя средства массовой информации – это первоисточник распространения англицизмов и сленгов в русской культуре, все же законодательство следит и контролирует цензуру и правила подачи информации для аудитории. Несомненно, многие СМИ содержат информацию в открытом доступе с возможностью получения обратной связи от публики. Многие лексические единицы имеют метафорическую окраску, что в свою очередь приводит к трансформации исходного понятия и преобразуется в жаргонизм. Регулярное обновление информации мотивирует публику на постоянное отслеживание новостной ленты и приводит к активному запоминанию английских заимствований русской аудиторией. Существующая конкуренция между издателями и продюсерами создает борьбу за внимание зрителей, следовательно, каждая передача или новостной текст подбирает наиболее яркие выражения для того, чтобы вызвать у людей бурную эмоциональную реакцию, чем мотивируют аудиторию смотреть или слушать именно их каналы. Особенно тщательно редакция подбирает заголовки к статьям, делая их наиболее запоминающимися [1].

Важным аспектом в распространении и изучении англицизмов является развитие информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим в России стал популярен компьютерный сленг. Заимствованная компьютерная лексика образуется с помощью разных классификаций таких как:

- морфологическая передача;
- фонетическая мимикрия;
- перевод;
- калька;
- обратная транслитерация;
- сокращение и объединение слов.

Компьютерный мир постоянно совершенствуется и лексика программистов не имеет строгих правил. Поэтому простым пользователям порой бывает трудно понять самопроизвольных выражений IT – специалистов в целях экономии времени и слов [6].

Таким образом, на основании того, что в России увеличилось число людей, знающих в значительной степени английский язык, процесс внедрения англицизмов в русскую коммуникативной деятельности неизбежен. С каждым поколением заимствованные слова могут менять свою направленность и тематику. Перспективы развития и аспекты употребления англицизмов в русском языке – сложны и требуют основательного изучения и разработок. Кроме того, стремительное увеличение заимствованных слов может являться предпосылкой к обогащению словарного состава русского языка на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апетян С.Г. Англицизмы на страницах печатных и электронных СМИ // Научный журнал КубГАУ. - 2010. - №58. С. 6 – 11.
2. Дунаевская Т.А. Структурные и семантические особенности 2005, 298 с.
3. Кулажко С.А. Англоязычные заимствования как основной способ образования компьютерного сленга // Молодой ученый. – 2012. -№7(42). – С. 158 – 160.
4. Миронова Н.А. Проблема языков в современном мире / Н.А. Миронова, Н.К. Гайнутдинова // Юный ученый. – 2016. - №2(5). – С. 32 – 33.
5. Орлова Н.О. Функциональное назначение сленга (на материале русских и американских сленгизмов) / Н.О. Орлова, О.Ю. Богданова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2021. - №6. – С. 98 – 104.
6. Сумцова О.В. Влияние английского языка на формирование компьютерного сленга в русском языке / О.В. Сумцова, Т.Ю. Шевякова // Молодой ученый. – 2011. - №4. Т.1. – С. 240 – 242.
7. Хайруллин Г.Т. Проблема родных языков в полиэтнических государствах // Sciences of Europe. 2019. - №44-3 (44). - С. 51 – 57.
8. Цибизова О.В. Англицизмы в молодежном сленге 2020-2021 гг.: ОПЫТ ОПИСАНИЯ И АНАЛИЗА / О.В. Цибизова, И.И. Галанкина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. - 2021. - №3. – С. 684 – 698.
9. Shmeleva, Zh.N. Learning a foreign language at the Krasnoyarsk SAU as the factor of the competitiveness increase for graduates of economic specialties / Zh.N. Shmeleva // Проблемы современной аграрной науки. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2019. – P. 524-529.

© Гринева Ольга Александровна (gold23@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЙНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ 'РАСТЕНИЯ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е Юй

Соискатель, Государственный институт русского языка
им. А.С.Пушкина,
sihaoniunaibei@yandex.ru

CONCEPTUAL COMPONENT OF THE CONCEPT FIELD "PLANTS" IN RUSSIAN LANGUAGES

Ye Yu

Summary: The current study discussed the notional component of the key lexeme representation of the concept field "Plants". The research was applied Dictionary definitions, which the spectrum of conceptual analysis, specifically synonym and antonym analysis, analysis of lexical combinability of keywords. The analysis made it possible to ascertain the main semes and characteristics of the concept field "Plants", as well as identify the value-related components of the lexeme we have been researching in the Russian linguistic consciousness.

Keywords: plant, phytonym, conceptual area, definition analysis, conceptual component, lexical combinability.

Аннотация: В данной работе рассматриваются понятийные компоненты ядерной лексики-репрезентанта концептуальной области 'Растения' на основании концептуального анализа словарных дефиниций. Также был проведён анализ синонимов, антонимов и анализ лексической сочетаемости исследуемой лексики. Проведённый анализ не только позволил выяснить ядерные семы и ряд центральных характеристик концептуальной области 'Растения', но и установил синтагматические связи исследуемой лексики, выявил её ценностные компоненты в русском языковом сознании.

Ключевые слова: растение, фитоним, концептуальная область, дефиниционный анализ, понятийный компонент, лексическая сочетаемость.

Концепт является многомерной и многокомпонентной организацией и в структуре концепта учеными были выделены разнообразные составляющие (компоненты, слои, уровни, признаки). Одним из основных составляющих был назван понятийный, который является важной частью изучения концепта. Понятийный признак содержит не только существенные фактуальные характеристики объекта, т.е. рациональная часть концепта, но также отражает культуры носителей языка [1, с. 153; 2, с. 12-13].

В качестве одного из древних общечеловеческих категорий и пластов лексики, 'растение' имеет сложные иерархии и огромное количество компонентов. В зависимости от незаменимой роли растений в природной среде и жизнедеятельности человека с древних времён, растения сохраняют первобытное человеческое познание мира и категориальное восприятие. Концепт 'Растение' относится к базовому концепту, составляющему фундамент языка и всей картины мира [4, с. 96-99]. Изучение концептуальной области 'Растение' позволит выяснить особенности мировосприятия конкретного этноса, а также позволит моделировать картину мира для представителей определённой языковой общности.

По мнению М.В. Пименовой, понятийные признаки концепта актуализируются в словарных значениях в форме семантических компонентов слова-репрезентанта концепта [3, с. 314]. В данной работе анализируются понятийный компонент ядерной лексики-репрезен-

танта концептуальной области 'Растение', на основании концептуального анализа словарных дефиниций. Дефиниционный анализ, основанный на материале разных словарей, позволит описать семантику концептуальной области 'Растение' и выявить ядерные семы, входящие в понятийную часть. Также был проведён анализ синонимов, антонимов и анализ сочетаемостного поля исследуемой лексики, позволяющие, с одной стороны, выявить дополнительные понятийные и ценностные компоненты. С другой стороны, дальше обнаружить состав лексико-семантического поля, являющегося основанием для реконструкции любой концептуальной области.

Материалом анализа послужили данные 60 словарей (толковые, энциклопедические, словари синонимов и антонимов, экологические, биологические, сельскохозяйственные словари, словарь сочетаемости). При анализе сочетаемостного поля ядерной лексики были использованы данные Национального корпуса русского языка (устного и газетного корпусов), и проанализированы больше 1000 фрагментов текстов с помощью сплошной выборки.

Анализируя разные версии толкования лексики 'растение' в словарях русского языка, замечается, что значения «организм», «одно из царств живых организмов», «обычно развивающийся в неподвижном состоянии», «путём фотосинтеза» зафиксируются в передней части толкований. Проведённый дефиниционный анализ позволяет обобщать семы в значение и сформулировать

следующую связную дефиницию: растение - организм, представляющий одно из царств живых организмов на земле; обычно развивающийся в неподвижном состоянии; наличие в клетках большинства растений вторичных клеточных оболочек; большинство растения способны к автотрофному питанию, путём фотосинтеза питающийся неорганическими веществами, и способны создавать органические вещества из неорганических; у некоторых растений питание гетеротрофное. Лексема 'растение' как архисема и гипероним всех видов растений, её ядерные семы в семантической структуре являются центральными характеристиками концептуальной области 'Растения'.

Обобщив данные разных словарей русского языка, были выделены ряд синонимов лексемы 'растение': растительность, растительное сообщество, флора, растительное царство, растительный мир, растительный покров, фитоценоз, растеньице. Анализ синонимических рядов позволяет выделить следующие дополнительные компоненты, входящие в структуру ядерной части КОР: 1) растения, населяющие Землю или её часть; 2) существуют не отдельно, а имеют сложные взаимоотношения окружающей средой.

Анализ сочетаемостного поля был проведён на материалах, собранных из разных лексикографических источников и Национального корпуса русского языка. Всего было выявлено 374 единицы (55 повторных единиц не включены), количество существительных (38%) и прилагательных (44%) превышалось 140 единиц, а количество глаголов (18%) - менее 70. Проведённый анализ показывает, что сочетаемостное поле существительного 'растение' представляет собой широкое, и можно выделить на следующие группы:

1. Прилагательное + растение:

1. систематика растения: вьющиеся, голосеменные, комнатные, тропические и др.;
2. свойства, связанные с растениями: вечнозелёные, многоклеточные, мёртвые, низкорослые и др.;
3. характера произрастания: теплолюбивые, влаголюбивые, морозостойкие, светолюбивые и др.;
4. другие: запрещённые, краснокнижные, генно-модифицированные, импортные и др.;
5. оценка человеком растения: красивое, субтильное, опасные, нежное и др.

2. Существительное + растение:

1. части растения/растение с чем: лист, плод, побег, ствол и др.;
2. действие над растениями:
 - А. полезные действия над растениями: высадка, полива, селекция, удобрение и др.;
 - Б. вредоносные или другие действия над растени-

ями: обезвоживание, охота, выкапывание, собирание и др.;

3. разные жизненные циклы растений: гибель, рост, созревание, цветение и др.;
4. биологически и другие: сорт, урожайность, цвет, клетка и др.;
5. места и условия произрастания растений: оранжерея, тень, сад, парк и др.;

3. Глагол + растение:

1. действие над растениями:
 - А. полезные действия над растениями: полить, сажать, засеять, выращивать и др.;
 - Б. вредоносные или другие действия над растениями: выкапывать, помять, уничтожать, рвать и др.;
2. действие самых растений:
 - А. разные жизненные циклы растений: прорастать, цвести, завянуть, плодоносить и др.;
 - Б. эффекты растений: очищать воздух, выделять кислород, иметь запах, давать семена и др.

Наиболее высокочастотными являются существительные *вид, защита, лекарственные*, это объясняется заботой и вниманием о теме защиты растений и лечебной ценностью растений. Среди разных видов сочетания, самым многочисленным является вид: прилагательные + растения (44%). Эти прилагательные описывают систематику, состояние, свойство и характер произрастания растений. А оценки на растения может быть отражены бинарной оппозицией: *нежное и субтильное – крепкое и стойкие, полезные и тонизирующие – ядовитые и опасные*.

При реализации сравнения человека или части человека с растением регулярно пользуется модель словосочетания глагол + как растение, по следующим параметрам: ростовая сила растения (широко, быстро), внешнее сходство (пассивно, недвижимо), свойство растений (слабые, хрупкие), подобные сравнения также используются при воспитанию детей.

Результаты анализа, с одной стороны, отражают особенности познания растительного мира носителями русского языка, а с другой стороны, показывают важность растений в бытовой жизни человека и в различных сферах общества.

Кроме того, с помощью дефиниционного анализа на материале разнообразных словарей были выявлены не только ядерные семы в семантической структуре ключевой лексемы-репрезентанта концептуальной области Растения, но и ряд центральных характеристик КОР:

1. организм;
2. представляющий одно из царств живых организмов на земле;

3. обычно развивающийся в неподвижном состоянии;4. наличие в клетках большинства растений вторичных клеточных оболочек;5. большинство растения способны к автотрофному питанию, путём фотосинтеза питающийся неорганическими веществами, и способны создавать ор-	ганические вещества из неорганических;6. у некоторых растений питание гетеротрофное;7. населяющий Землю или её часть;8. находящихся в сложных взаимоотношениях между собой и с условиями окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. 128 с.
3. Пименова М.В. Предисловие. Введение в когнитивную лингвистику. Выпуск 4. Кемерово: Наука, 2004. 208 с.
4. Пименова М.В. Концептуальные исследования. Введение: учеб, пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. — М.: Флинта, 2016. 176 с.

© Е Юй (sihaoniunaibei@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ В АНАЛИЗЕ ЯЗЫКА ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Каримова Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
Восточно-Сибирский институт МВД России г. Иркутск
karimova_tanya@internet.ru

USE OF LINGUISTIC KNOWLEDGE IN THE LANGUAGE ANALYSIS OF VERBAL AGGRESSION IN INTERNET COMMUNICATIONS

T. Karimova

Summary: The most relevant today are scientific research on the problems of studying verbal aggression in Internet communications, since Russia is a multinational state. The article is devoted to the consideration of the qualifying signs of "verbal aggression" in the aspect of providing linguistic and forensic expertise in the field of Internet communication in order to ensure the legal and linguistic protection of national security, the constitutional order, public order, health and morality of the population. The object of the study is "verbal aggression" in internet communications. The subject of the study is the language ways of expressing "verbal aggression", ethnic xenophobia, in Internet communication.

The purpose of the study is to identify the features of the use of aggressive verbal means in Internet communication. The article analyzes the positions of scientists regarding the content of the concept of "verbal aggression". The classification of speech utterances containing signs of "verbal aggression" is given, which allows to focus the attention of experts - criminologists who conduct linguistic examination of utterances in Internet communication, to ensure the prevention of crimes and offenses of an extremist orientation. The article also provides examples from the practice of conducting linguistic expertise, speech utterances in text files from an Internet resource.

Keywords: verbal aggression, speech act, hatred, enmity, hate speech, Internet communication, ethnic xenophobia, verbal extremism, linguistic expertise of statements.

Аннотация: Наибольшую актуальность на сегодняшний день представляют научные изыскания, посвященные проблемам изучения вербальной агрессии в Интернет-коммуникации, поскольку Россия является многонациональным государством. Статья посвящена рассмотрению квалифицирующих признаков «вербальной агрессии» в аспекте обеспечения лингво-криминалистической экспертизы в области интернет-коммуникации в целях обеспечения юридико-лингвистической охраны национальной безопасности, конституционного строя, общественного порядка, здоровья и нравственности населения.

Объектом исследования – «вербальная агрессия» в интернет-коммуникации.

Предмет исследования – языковые способы выражения «вербальной агрессии», этнической ксенофобии, в интернет-коммуникации.

Цель исследования – выявить особенности употребления агрессивных вербальных средств в интернет-коммуникации. В статье дан анализ позиций учёных в отношении содержания понятия «вербальная агрессия». Приведена классификация речевых высказываний, содержащих признаки «вербальной агрессии», что позволяет акцентировать внимание экспертов – криминологов, проводящих лингвистическую экспертизу высказываний в интернет-коммуникации, обеспечить превенцию преступлений и правонарушений экстремистской направленности. В статье также приведены примеры из практики проведения лингвистической экспертизы, речевых высказываний в текстовых файлах из Интернет-ресурса.

Ключевые слова: вербальная агрессия, речевой акт, ненависть, вражда, язык вражды, интернет-коммуникация, этническая ксенофобия, словесный экстремизм, лингвистическая экспертиза высказываний.

Кризисные явления в обществе способствуют повышению уровня агрессии во всех проявлениях, в том числе, и в речевом поведении.

Вербальная агрессия, по определению Н.С. Якимовой, «есть нарушение некой коммуникативной нормы», которая реализует дисгармонизирующее речевое поведение индивидуума, устанавливает, поддерживает социальное и психологическое неравноправие коммуникантов, и, как следствие, может выражаться в угрозе, оскорблении, нецензурной брани [7].

В реалиях действительности интернет-коммуникация является обычным средством повседневного вербально-

го онлайн-взаимодействия. Вследствие чего в современном обществе, по мнению Е.И. Галяшиной, «увеличивается проявление этнической и религиозной нетерпимости, неполицоректности в СМИ, в том числе и Интернет, что выражается в повышающейся экспансии криминального поведения, словесной агрессии... Вербальная агрессия представляет реальную информационную угрозу мировоззренческой безопасности коммуникации» [1].

На Заседании коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации ещё 5 марта 2018 года президент России В.В. Путин подчеркнул, что среди приоритетных задач, прежде всего, стоит необходимость защиты населения «от тех, кто пытается заразить общество

агрессией и нетерпимостью, ксенофобией и национализмом. Радикализм, какой бы политический, идеологический оттенок он ни носил, ни принимал, разрушителен по своей сути, и мы обязаны обезопасить страну, будущее людей от этой угрозы».

Характеризуя современную российскую действительность, мы отмечаем «различные формы национально-этнического противостояния: территориальные и геополитические конфликты, столкновения на почве межнациональной розни, акции насилия со стороны неонацистских и экстремистских организаций, деструктивные действия по отношению к этническим мигрантам. Всё это находит отражение в общении, осуществляемом посредством социальных сетей» [5].

Рассмотрению феномена «вербальная (речевая, языковая) агрессия» посвящены исследования Е.В. Кокориной, А.П. Сковородникова, Е.Ю. Булыгиной, Т.И. Стекесовой, В.Г. Кожевниковой, Е.Н. Басовской, В.Ю. Апресяна, Ю.В. Щербининой, О.М. Родионовой, Н.С. Якимановой, и др.).

Следует отметить, что в лингвистике дефинициями феномена «вербальная агрессия» являются следующие словосочетания: «языковая агрессия», «речевая агрессия», «коммуникативная агрессия», «словесный экстремизм», «имплицитная агрессия в языке», «язык вражды» и др.

По мнению Ю.В. Щербининой, «сложность определения понятия «вербальная агрессия» заключается, прежде всего, в том, что данный феномен нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации ситуациям проявления и формам словесного воплощения». [6].

О.М. Родионова рассматривает речевую агрессию как «установку адресата на антидиалог, характеризующийся двойной позицией: с одной стороны, это сознательная ориентация адресанта на субъектно-объектный тип отношений (прагматический вектор), который может быть выражен как через содержание высказывания, так и через деструктивные формы речевого поведения; с другой стороны, в агрессивном общении, независимо от типа коммуникации, обязательно присутствует выражение негативного отношения либо к адресату, либо к предмету речи (аффективный вектор)» [2].

В исследованиях В.И. Жельвиса и К.Ф. Седова вербальная агрессия «приравнена к понятию инвективной речи – это желание оскорбить, унижить речевого партнера, понизить социальный статус объекта речевого воздействия, уровень его самооценки» [2].

Г.В. Кожевникова под языковой агрессией понимает

«любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп или их представителей» [4].

Так, Р.К. Потапова и Л.Р. Комалова в тематическом толковом словаре «Вербальная структура коммуникативного акта агрессии» «под вербальной агрессией рассматривают целенаправленное использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, ненависти, а также побуждение (в том числе в форме призыва) к совершению насильственных (деструктивных) действий».

Таким образом, вербальная агрессия – это способ негативного коммуникативного взаимодействия; выражение языковыми средствами негативного эмоционально-оценочного жестокого отношения к кому-либо, чему-либо, зачастую нарушающее представление об этической и эстетической норме.

Следует отметить, что профессором Д. Инфантом «было выделено 10 типов агрессивного вербального поведения:

1. критика личных качеств (character attack);
2. критика способностей (competence attack);
3. критика фактов биографии (background attack);
4. критика внешности (physical appearance attack);
5. проклятия (curse);
6. поддразнивание (teasing);
7. насмешки (ridicule);
8. угрозы (threat);
9. ругательство, сквернословие (swearing);
10. невербальные знаки (nonverbal emblems)» [8].

Таким образом, вербальная агрессия является, по словам Н.С. Якимановой, «является одной из форм конфликтного коммуникативного поведения объектом которого выступает обычно широкий и неопределенный круг лиц, на которых оказывается воздействие через СМИ», через Интернет- коммуникации [7].

При анализе тестовых файлов из Интернет-ресурса следует обратить внимание на то, что маркеры вербальной агрессии присутствуют на всех уровнях языка: словообразовательном, лексическом, синтаксическом, стилистическом и др.

Так, выражение вербальной агрессии на лексико-семантическом уровне передаётся через «лексемы агрессии», инвективную лексику (матерщина), эрративы, «людемы»:

«лексемы агрессии» – слова и словосочетания, служащие для выражения агрессивности в письменной и устной речи	– слова, выражающие сомнения относительно интеллектуальных или физических способностей адресата: <i>Он псих! По состоянию здоровья психического, от должности надо отстранить...</i> – неуместное сравнение адресата и его близких с животными, предметами материального мира, фольклорными персонажами и т.п.: <i>гном в колпачке, помесь с зубастиком, тупое животное, человекоподобное</i>
--	--

инвективная лексика (матерщина)	– форма выражения агрессии, феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, или языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культуре как оскорбительный для своего адресата, противоречащий нормам общественной морали
Эрративы (по Г Гусейнову) – это нарочитое нарушение норм литературного языка	(нарушение норм правописания: «аффтaр» вместо автор, «препед» вместо привет; сленговая деаббревиация: КСЖ «Как Страшно Жить»;
«Людемы» (лат. ludus – «игра») – это термин предложенный Е.Н. Галичкиной, основанный на понятии «языковая игра» и включающий в себя лингвокреативные установки виртуальной языковой личности»	«Кричит тут благим <i>сламом!</i> !» (трансформация фразеологической единицы); « <i>Крысодром</i> (коврик для компьютерной мыши)» – окказионализм

На грамматическом уровне вербальная агрессия проявляется посредством использования следующих конструкций:

использование псевдо-императивов	<i>Поговори мне ещё!</i> – выражение угрозы;
использование вопросов, цель которых – упрекнуть, задеть адресата	<i>А ты кто такой? Мы тебя не выбрали!</i>
использование прагматически окрашенных частиц для выражения неодобрения, недоверия, угрозы и пр. в комбинации с псевдо-императивами и вопросами)	<i>Где уж мне тебя понять! Где уж мне тягаться с тобой!</i>
использование отрицательных фразеологических оборотов	<i>«стоишь как истукан!» «как воды в рот набрал!»</i>
использование экспрессивного синтаксиса	– <i>угроз, проклятий;</i> – <i>иронии по отношению к адресату</i>
нарушение речевого этикета	– <i>использование местоимения «ты» к адресату старшему по возрасту, социальному положению;</i> – <i>использование личных местоимений 3-го лица единственного числа (он, она, оно) к лицу как участнику разговора</i>

В рамках данной статьи проанализируем речевые признаки вербальной агрессии, которые являются презентантами этнической ксенофобии («ксенофобия»

является «боязнь чужих», «xenos» — «чужой, странный»; «phobos» — «страх, ужас, боязнь») в сети Интернет. В публикации Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х. «Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы)» ключевым понятием выступает «этническая идентичность» как представление индивида о своей принадлежности к той или иной этнической группе. Этническая идентификация предполагает постоянное обращение к традициям, авторитетам, стереотипам поведения, представленным в формах культурноязыкового контекста, выражающихся в непереносимом атрибуте самоидентификации — противопоставлении «мы — они», «свой — чужой». Установлено, что оппозиция «свой — чужой» имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей онтологических представлений о бинарной структуре мира, а сама категория «свой — чужой» для этнической картины мира является ядерной [3].

Как отмечает И.В. Курьянова, «кластеризация свой-чужой устанавливается использованием адресантом местоимений «мы», «наш» в инклюзивной форме: «в нашу страну»; «наш язык»; «они в отличие от нас, русских»; «в нашем городе». Противопоставление «своей» и «чужой» групп строится по принципу создания контраста «мы» ↔ «они»: «Они думают к нам привезти эту чернозадую заразу». Для наименования «чужой» группы часто используются лексемы, отражающие в своей семантической структуре ксенофобную коннотацию (в том числе контекстуальную): «чурка»; «чернозадый»; «хач»; «жид»; «гуки» и т.п. При этом отрицательная модальность номинаций, используемых для обозначения «чужой» группы, зачастую усилена посредством употребления суффиксов субъективной оценки, придающих оттенок пренебрежения, презрения, умаления достоинства определенной нации (этноса) с целью формирования категории неравенства по линии «свой» / «чужой» (например, «жидята», «жидовня») [5].

Рассмотрим описание случаев из практики проведения лингвистической экспертизы, речевых высказываний в текстовых файлах из Интернет-ресурса.

Перед экспертом поставлены вопросы:

1. Имеются ли в представленных текстах высказывания, в которых негативно оценивается человек или группа лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно по принадлежности к какой-либо группе?

При проведении экспертизы использовалась следующая словарная и методическая литература:

1. Веллер М. Психология энергоэволюционизма.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь. Т. 1-3 – М., 2006.

3. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. – М., 2003.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. – М., 2000 С.А.
5. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка – СПб., Норинт., 2007.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы. - СПб., 2003
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М., 2014.

Установление объектов исследования и их описание

Представлены тексты размещены на странице Интернет-пользователя под ником «ААА» посредством репоста.

Тексты интерперсональны, имеют признаки публичности, зафиксированы **с использованием средств русского языка, обладают смысловой, логической, формально-грамматической связанностью языковых единиц, доступны для смыслового понимания. Таким образом, пригодны для проведения лингвистического исследования.**

Анализ лингвистических характеристик спорных текстов (далее СТ) показал следующее:

СТ1 – поликодовый текст, невербальная часть которого представлена в виде изображения двух стоящих мужчин и одного лежащего на животе, поджавшего ноги и прикрывшего голову руками, нога одного стоит на спине лежащего, а второй тянет на себя капюшон лежащего, вербальная часть представлена в виде высказывания: «Встречать хачей нужно примерно так». СТ2 является поликодовым текстом, на невербальной части которого изображены два человека в круге, один из них находится в боевой стойке, другой, в кепке и красной обуви, падает. Вербальная часть поликодового текста представлена в виде высказывания: «Пи.....й домой хач е.....ый».

СТ3 является поликодовым текстом, вербальная часть которого представлена в виде высказывания: «Чтоб уйти от неудач просто вспомни: ты – не хач».

СТ4 является поликодовым текстом, вербальная часть которого представлена в виде высказывания: «Не навидишь хачей».

СТ5 является поликодовым текстом, вербальная часть которого представлена в виде высказывания: «Не покупай у чурок!».

СТ6 является поликодовым текстом, вербальная часть которого представлена в виде высказывания: «Не быть хачом о.....но!».

В спорные тексты имеют информативную и оценочную направленность. По типу адресации – интерперсональные, с признаками публичности (страница до-

ступна для просмотра неограниченного числа пользователей сети Интернет). С учетом специфики актуализации лексического, синтаксико-семантического, стилистического, формально-логического уровней текста, выбраны методы анализа предоставленных материалов: концептуальный, компонентный, лексико-семантический анализ, семантико-синтаксический анализ, функционально-стилистический анализ, лингвостилистический анализ, метод авторизации текста.

В процессе исследования и оформления заключения использованы следующие термины и определения:

Адресант – лицо, которому принадлежит речь (текст), отправитель речевого сообщения.

Адресат – реальное или мыслимое лицо, к которому обращена речь (текст), получатель речевого сообщения.

Высказывание – единица сообщения, обладающая смысловой целостностью и могущая быть воспринятой слушающим (адресатом) в данных условиях общения.

Группа – как объект оценки – совокупность лиц, каждое из которых обладает устойчивыми (не связанными с актуальным состоянием) различительными признаками, объединяющими членов группы и являющимися критерием оценки.

Контекст – обладающая смысловой завершенностью устная или письменная речь, позволяющая выяснить смысл и значение отдельных входящих в ее состав фрагментов (слов, выражений или отрывков текста).

Ник – сетевое имя, псевдоним пользователя Интернета.

Раса – Группа человечества, объединенная общностью происхождения и общностью наследственных физических признаков: цветом кожи и волос, разрезом глаз, формой черепа и т.п. В основе обыденных представлениях о расе лежит знание о внешних наблюдаемых различиях между людьми (в наивном восприятии лучше всего дифференцируются расы: по цвету кожи – желтая, черная, белая, красная; по разрезу глаз).

Национальность – принадлежность к какой-либо нации.

Нация – исторически сложившаяся устойчивая этническая общность людей, основанная на общности языка, территории, экономической жизни, а также на основе специфической только для данного этноса добровольной и естественно принимаемой всеми национальной культуры и формируемого на ее основе национального интереса.

Происхождение – принадлежность по рождению к какому-нибудь сословию, классу, национальности, местности.

Оценка (категория оценки) – совокупность равноуровневых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. Оценка характеризуется особой структурой – модальной рамкой, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим, ни с синтаксическим построением. Элементами оценочной модельной рамки являются субъект и объект, связанные оценочным предикатом.

Субъект оценки – это лицо, или социум, с точки зрения которого дается оценка; объект оценки – это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка.

При исследовании материала были выявлены следующие структурные компоненты оценки:

- *субъект оценки* – пользователь сети интернет под ником «XXXXXX»
- *объект оценки* – обобщенный образ группы лиц «хачи».

«Встречать хачей нужно примерно так».

«Пи...й домой хаче...ый».

«Чтоб уйти от неудач просто вспомни: ты – не хач».

«Ненавидишь хачей».

«Не быть хачом о...но!».

Хачей-хач - 1. жарг. Азербайджанец. 2. пренебр. Житель Кавказа. От «хачик». [6]

Е...ный – табу! 1. подвергнутый действию мужчины в половом акте.

2. употребляется как бранное слово. [3]

Указанные выше лексемы имеют отрицательную коннотацию и выражают негативную оценку лица, обозначенного как «хач». Употребление слов как табу, имеющих пометы «пренебрежительное», «жаргонное» усиливают негативное значение.

Таким образом, в представленных текстах имеются высказывания, в которых негативно оценивается группа лиц «хачи», объединенных по признакам расы, национальности, языка, происхождения.

В СТ 5 «Не покупай у чурок!»

При исследовании материала были выявлены следующие структурные компоненты оценки:

— *субъект оценки* – пользователь сети интернет под ником «XXXXX»

— *объект оценки* – обобщенный образ группы лиц «чурки».

В СТ5 было выявлено высказывание, в котором негативно оцениваются представители группы лиц «чурки»:

Чурок – чурка – 1. Прозвище кавказцев и жителей Средней Азии.

2. Употребляется как порицающее или бранное слово. [2]

Употребление этого слова как бранного и порицающего усиливает негативное значение.

Таким образом, в СТ5. имеется высказывание, в котором выявлена негативная оценка группы лиц «чурки», объединенных по признакам расы, национальности, языка, происхождения. Также следует отметить, что коммуникативная конструкция призыва выражена с использованием императивной формы глагола 2 лица повелительного наклонения единственного числа: (не покупай).

В данной статье была предпринята попытка проанализировать особенности интернет –коммуникации на предмет вербальной агрессии – выражение вражды и ненависти по отношению к группе лиц, выделяемой по национальному (этническому) признаку.

Таким образом, «вербальная агрессия» выраженная посредством «языка вражды», как отмечает Ю.В. Щербинина, представляет собой опасность, поскольку «проникший в публичную сферу, язык вражды не ищет реального врага – он его активно придумывает, творит из насущного окружения самим наименованием.... в условиях глобализации современного общества размываются критерии его объективной оценки: «случаи экстремизма или дискриминации нередко оцениваются обыденным сознанием как попытки «отстаивания независимости», «защиты национального достоинства», «укрепления традиций... «Язык вражды» незаметно становится универсальным языком современной коммуникации, стремительно поднимается с уровня бытового общения на уровень социальных обобщений <...>, не имеет границ и окрестностей, потому что покрывает собой все речевое пространство, захватывает все сферы коммуникации» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Галяшина, Елена И., Владимир Д. Никишин. 2018. «К вопросу о концепции юридико-лингвистического обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в цифровой среде». Становление личности в современном обществе: сб. науч. трудов Международной науч.-практ. конф., 266–269.

- Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
2. Глебов В.В., Родионова О.М. Особенности речевой агрессии. М.: Лабиринт, 1999. С. 56.
 3. Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3(23). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/issers-rakhimbergenova-07.htm> (дата обращения: 05.12.2022).
 4. Кожевникова Г.В. Язык вражды: Типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. М., 2006. С. 95-98.
 5. Курьянова И.В. Исследование вербальной агрессии при установлении признаков этнической ксенофобии в интернет-пространстве (на материале публикаций в социальных сетях)//Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып.6 (797) / 2018.
 6. Щербинина Ю.В. вербальная агрессия. –Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 360 с.
 7. Якимова Н.С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества. Правильная ссылка на статью: Каримова Т.С. — Вербальная угроза как объект лингвистической экспертизы // Полицейская деятельность. – 2022. – № 6. – С. 20 - 30. DOI: 10.7256/2454-0692.2022.6.39178 EDN: КРКОРН URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39178
 8. Infante, D.A. Aggressiveness [Text] / D.A. Infante // Personality and interpersonal communication. – Newbury Park, CA: Sage, 1987. –P. 157 – 192.

© Каримова Татьяна Сергеевна (karimova_tanya@internet.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Восточно-Сибирский институт МВД России

УПОТРЕБЛЕНИЕ АРТИКЛЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

USE OF ARTICLES IN TRANSLATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL LITERATURE

**S. Mirontseva
E. Lazareva
A. Grishchuk**

Summary: The article contains the results of a discussion aimed at establishing the features of the use and translation from English into Russian of the English article in the context of a scientific and technical text. It has been established that within this genre, both the indefinite and the definite article of the English language can contribute to the emphasis of scientific and technical knowledge, which should be taken into account when translating from English into Russian. The translation techniques used to convey additional meanings of the original text, broadcast with the help of articles, included the replacement of a part of speech, lexical omission or addition.

Keywords: scientific and technical text, definite article, indefinite article, translation techniques.

Миронцева Светлана Сергеевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Севастопольский
Государственный Университет, г. Севастополь
mirontseva.sse@mail.ru

Лазарева Елена Викторовна

Кандидат г.-м. наук, научный сотрудник, Московский
Государственный Университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
elasareva@yandex.ru

Гришук Артём Валерьевич,

Аспирант, Московский Городской Педагогический
Университет;
Старший преподаватель, Севастопольский
Государственный Университет г. Севастополь
grishchuk-artem@mail.ru

Аннотация: Статья содержит результаты обсуждения, направленного на установление особенностей использования и перевода с английского языка на русский английского артикля в контексте научно-технического текста. Установлено, что в рамках данного жанра, как неопределенный, так и определенный артикль английского языка может способствовать акцентированию научно-технического знания, что должно быть учтено при переводе с английского языка на русский. К переводческим приемам, которые используются для того, чтобы передать дополнительные смыслы оригинального текста, транслируемого при помощи артиклей, были отнесены замена части речи, лексическое опущение или добавление.

Ключевые слова: научно-технический текст, определенный артикль, неопределенный артикль, переводческие приёмы.

Современный этап развития науки и технологий характеризуется глобализацией, все передовые страны активно учувствуют в научных разработках, что делает особо актуальным вопрос об обмене профессиональными знаниями. На сегодняшний день наука, в целом, отличается стремлением к постоянному расширению сотрудничества между государствами и установлением различных отношений между исследователями и учеными, которые говорят на разных языках. Сейчас есть возможность получить свободный доступ к мировому научному опыту, тем не менее, этот процесс может быть затруднен без качественных переводов научно-технической и узкоспециальной литературы.

Научно-технический прогресс, а также интенсификация международного технического и экономического сотрудничества увеличивают роль научно-технического перевода. Однако обзор современных исследований по теме показывает, что до настоящего времени внимание исследователей было сосредоточено на общих стратегиях перевода текстов научно-технического жанра. Можно

отметить последние исследования в этом направлении – Р.М. Болотова [Болотова 2022], О.Н. Константинова [Константинова 2022], Д.С. Кутилин [Кутилин 2022] и другие исследователи изучают общие трудности перевода научно-технического текста; М.Д. Басаев фокусируется на лексическом уровне, который представляет трудности при трансляции текста научно-технического жанра с английского языка на русский [Басаев 2021]. В общем и целом, можно отметить, что лингвисты принимают во внимание только терминологический состав научно-технических текстов и расценивают его как основную переводческую проблему. При этом не обнаруживаются исследований, которые были бы направлены на изучение проблем перевода лакунарных областей английского языка, к которой относится определенный и неопределенный артикль. Факт, что в русском языке артикль в том смысле как он используется в английском, отсутствует, может вызвать неточности при переводе научно-технической литературы, что недопустимо, исходя из коммуникативного задания (трансляция точных когнитивных знаний) текстов такого рода.

На основании вышеизложенного представляется **актуальным** изучить употребление английских артиклей в текстах научно-технической литературы и определить особенности их перевода на русский язык. **Цель** работы – установление особенностей использования и перевода с английского языка на русский английского артикля в контексте научно-технического текста. **Задачи** работы: уточнить понятие артикля и его виды; описать способы перевода английского артикля с английского языка на русский при переводе научно-технических текстов. **Методы** работы: систематизация, контекстуальный анализ, переводческий анализ. **Научно-теоретической основой** работы послужили положения, сформулированные такими исследователями, как D. Biber, R. Huddleston, M. Kaluza и др. В качестве **материала** исследования использовались англоязычные научно-технические статьи на английском языке (Scientists Propose Mind-Bending Plan to Look for Dark Matter, New Physics Near the Sun; ‘Zombie’ viruses are thawing in melting permafrost because of climate change; Life on Mars May Have Been Its Own Worst Enemy, How Metaverse Will Revolutionize the Battlefield) и их официальный перевод на русский язык. **Новизна** работы состоит в том, что в ней с опорой на классические положения грамматики английского языка и теории перевода иллюстрируются возможности акцентирования научно-технического знания при переводе с английского языка на русский. **Практическая значимость** исследования состоит в том, что материалы, представленные в работе, могут быть использованы для расширения представлений о способах перевода научно-технических текстов с английского языка на русский.

Понятие артикля, его виды

Артикли в английском языке определяются как особая подкатегория детерминативов, которые обеспечивают самое основное выражение определенности и неопределенности [Huddleston 2002: 368]. Артикли зависят от существительных, которым они предшествуют (в рамках именной группы), и не имеют никакой функции или лексического значения вне связи с ними.

Р. Хаддлстон в Кембриджской грамматике английского языка (2002) различает определенный и неопределенный артикль. Иногда выделяется нулевой артикль. Этот подход представлен в грамматике разговорного и письменного английского языка Лонгмана [Biber 1999]. В рамках данного исследования нулевой артикль будет рассматриваться как аналог неопределенного артикля, как простая реализация неопределенного артикля, по отношению к которому он стоит в дополнительном распределении, а именно, с неисчисляемыми и исчисляемыми существительными во множественном числе.

По поводу исторического развития английских ар-

тиклей Р. Хаддлстон отмечает, что неопределенный артикль появился позже, чем определенный артикль. Определенный артикль произошел от староанглийского указательного падежа *se, seo, ðæt* [Huddleston 2002: 370]. В некоторых случаях определенный артикль еще сохранил свою указательную функцию. Этимология неопределенного артикля восходит к числительному. Это значение до сих пор можно увидеть в таких фразах, как *once a week, don't say a word*.

Выбор соответствующего артикля зависит от рода существительного или от того, является ли оно множественным или единственным. Артикли в английском языке не имеют ни определенного рода, ни специальных форм множественного числа. Однако на их использование влияют другие аспекты, как указывает М. Калуца:

- тип существительного
- тип ссылки [Kaluza 1981: 8].

Исходя из данной классификации, можно заключить, что в рамках научно-технического текста, артикль будет имплицитно указывать на свойства описываемого объекта, а также на источник знаний о нём, поскольку артикль, с одной стороны, указывает на тип существительного, при помощи которого автор текста номинирует то или иное явление, а, с другой стороны, - указывает на сведения, которые имеются в наличии относительно описываемой научно-технической проблематики.

Способы перевода английского артикля с английского языка на русский при переводе научно-технических текстов

Проследим роль определенных и неопределенных артиклей в англоязычном научно-техническом тексте, а также установим способы их перевода на русский язык. Для этого из научных изданий на английском языке были выбраны некоторые примеры, которые иллюстрируют использование английского артикля в том, значении, на которое необходимо обратить внимание при переводе. Для анализа использовался официальный вариант перевода, который был опубликован на сайте ИноСМИ.

Physicists have proposed a mind-boggling space mission that might finally expose the true nature of dark matter, an enigmatic substance that is considered one of the biggest unsolved mysteries in science, reports a new study [Scientists Propose Mind-Bending Plan to Look for Dark Matter, New Physics Near the Sun // Tech by Vice].

Физики предложили осуществить удивительную космическую миссию, которая могла бы помочь нам раскрыть природу тёмной материи — одной из самых больших неразгаданных тайн в науке.

Статья, из которой взят данный пример относится

к такой области научного познания, как космология. В рамках данной терминосистемы фиксируется обилие абстрактных существительных, которые носят обобщенное значение, что влияет на частотность использования определенных или неопределенных артиклей.

В примере выше фиксируется, что неопределённый артикль используется с такими абстрактными существительными, как *mission, substance, study*. В первом случае он используется после глагола *to propose*, который, исходя из своего семантического значения, предполагает последующее выражение чего-то неопределённого. На русский язык данная конструкция (*have proposed a mind-boggling space mission*) передается с использованием такой переводческой трансформации, как лексическое добавление – в тексте перевода используется глагол *осуществить*, который отсутствует в тексте оригинала. Представляется, что именно таким способом переводчик компенсирует то значение неопределенности, которое заложено в тексте оригинала. Анализ значения русского глагола *осуществить* позволяет установить, что инициаторы планирует какое-либо действие, которое должно привести к результатам, однако, итоги такого мероприятия заранее не известны.

В другом же случае (*an enigmatic substance*) мы видим, что переводчик подвергает опущению неопределённый артикль *an*, а также прилагательное *enigmatic*, которое характеризует абстрактное существительное, к которому относится данный артикль. Осуществлённое переводческое действие представляется не самым оптимальным, поскольку при таком подходе утрачивается существенная доля имплицитного значения, которое состоит в том, что на данный момент исследователям мало известно об изучаемом объекте. Возможно, вариант перевода *истинная природа* смог бы передать коннотативные оттенки оригинала.

Что же касается фразы *a new study*, в составе которой также используется неопределённый артикль, то в данном случае он носит чисто формальный грамматикализованный характер и обосновано подвергается лексическому опущению при переводе.

Определённый артикль *the*, который используется в составе сравнительной конструкции в превосходной степени *the biggest unsolved mysteries* также носит формальный грамматикализованный характер и при переводе опускается. В дальнейшем такие случаи анализироваться не будут, поскольку они не представляют переводческой сложности.

В статье, которая посвящена обсуждению новых вирусов и их распространению среди населения планеты, обнаруживается следующий пример:

“Every time we look, we will find a virus,” said Jean-Michel

Claverie, a co-author of the study and an emeritus professor of virology at Aix-Marseille Université in France, in a phone interview. “It’s a done deal. We know that every time we’re going to look for viruses, infectious viruses in permafrost, we are going to find some.” [‘Zombie’ viruses are thawing in melting permafrost because of climate change // Tech by Vice]

«Каждый раз, когда мы начинаем искать, мы обнаруживаем тот или иной вирус, – сказал Жан-Мишель Клаверу (Jean-Michel Claverie), соавтор исследования и почетный профессор вирусологии Университета Экс-Марсель во Франции. – Мы заранее знаем, что, когда бы мы ни отправились искать вирусы, возбудителей болезней в вечной мерзлоте, мы обязательно их найдем».

Для анализа способов перевода артиклей в статье «‘Zombie’ viruses are thawing in melting permafrost because of climate change» необходимо обратиться к контексту обсуждаемой проблематики. В статье речь идет о том, что глобальное потепление, которое ведет к таянию ледников, сопряжено с угрозой высвобождения из вечной мерзлоты новых видов вирусов. Их обилие поражает учёных. Для того, чтобы показать, что речь идёт о неизвестном вирусе, автор статьи использует неопределённый артикль *a*, значение которого передается на русский язык при помощи оборота *тот или иной*, который также транслирует значение неизвестности. В данном случае имеет место такая переводческая трансформация, как грамматическая замена, а именно – замена части речи.

Особое значение в рамках научно-технических текстов может приобретать определённый артикль, например:

The idea that life intimately influenced Earth’s atmospheric chemistry became the basis for what Lovelock called his Gaia hypothesis, which he would go on to perfect with microbiologist Lynn Margulis throughout the 1970s [Life on Mars May Have Been Its Own Worst Enemy // Scientific American].

Идея о том, что живые организмы непосредственным образом повлияли на химический состав атмосферы Земли, стала важной основой для того, что Лавлок назвал своей «гипотезой Геи», которую он разрабатывал вместе с микробиологом Линн Маргулис (Lynn Margulis) в 70-х годах.

В статье «Life on Mars May Have Been Its Own Worst Enemy» обсуждает инновационный подход осмысления наличия или прошлого существования жизни на Марсе. Значение имеет то, что исследователям, выдвигая революционные предположения, важно было опереться на достоверные факты и уже доказанные положения, что дало бы основания для развития их нового подхода для анализа в новом ракурсе. Тот факт, что такая основа была найдена, транслируется в тексте оригинала посредством определённого артикля *the*. Исходя из такого положения дел при переводе важно передать это значение. Переводчик принял решение использовать такую перевод-

ческую трансформацию, как грамматическая замена (замена части речи), в русском тексте используется прилагательное *важный*, которое транслирует имплицитный смысл оригинального текста.

As we know, the Metaverse might be the next generation of the internet, a one-stop shop where you can play games, purchase digital goods, go to school, read the news, and meet new people [How Metaverse Will Revolutionize the Battlefield // Tech by Vice].

*Насколько мы знаем, Метавселенная может стать следующим поколением интернета, **своего рода** ареной, где можно играть в игры, покупать цифровые товары, учиться, читать новости и знакомиться с новыми людьми.*

Обсуждая вопросы развития метавселенных, учёные рассматривают её как одну из разновидностей пространства, где люди смогут не только коммуницировать, но и осуществлять другие виды социальной, культурной, экономической и других видов активностей. Для того, чтобы акцентировать внимание на том, что это инновационный подход к созданию возможностей для реализации потенциала участников социума, автор оригинала использует неопределённый артикль *a*, который на

русский язык передается при помощи приема грамматической трансформации – замены части речи. Такое преобразование текста оригинала позволяет сохранить авторскую интенцию и выделить метавселенную как принципиально новую возможность социального и другого взаимодействия.

Выводы

Английский артикль понимается как разновидность детерминативов, которые обеспечивают самое основное выражение определенности и неопределенности, что имеет значение для понимания сообщения.

Английский артикль в рамках научно-технического текста может помочь транслировать дополнительные оттенки значений, которые в ряде случаев выражены на имплицитном уровне. Установлено, что как неопределённый, так и определённый артикль отражает коннотативные значения, которые относятся к объекту исследования той или иной научно-технической статьи. Для того, чтобы передать на русский язык дополнительные оттенки значений, переводчики используют такие переводческие приемы, как замена части речи, лексическое опущение или добавление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басаева М.Д. Перевод терминологии в научно-технических текстах // Философия образования в отечественной культурно-исторической традиции: история и современность. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. С. 27–30.
2. Болотова Р.М. Трудности перевода научно-технических текстов с английского языка на русский // Казанская наука, 2022. С. 75–79.
3. Константинова О.Н. Проблемы перевода английских научно-технических текстов // Современные гуманитарные исследования. М.: ООО «Издательство «Спутник», 2022. – С. 17–22.
4. Кутилин Д.С., Быкадорова Е.С., Чусовлянова С.В. Функции переводческих трансформаций при переводе текстов научно-технической литературы // Русский лингвистический бюллетень. Екатеринбург: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2022. № 8(36). С. 22–25.
5. Biber D. Grammar of Spoken and Written English. John Benjamins Publishing Company, 1999.
6. Huddleston R. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge University Press. 2002.
7. Kaluza M. Englische Metrik in historischer Entwicklung. Normannia: Germanische-romanische Bücherei, 1. Berlin: Emil Felber, 1981.

© Миронцева Светлана Сергеевна (mirontseva.sse@mail.ru), Лазарева Елена Викторовна (elasareva@yandex.ru), Гришук Артём Валерьевич (grishchuk-artem@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ «CONSCIENCE/СОВЕСТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БРИТАНСКОГО НАРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ)

THE CONCEPT «CONSCIENCE» IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF THE BRITISH PEOPLE (BASED ON PROVERBS)

V. Pavlenko
M. Kardumyan
O. Shcheglova

Summary: It is well known that for effective intercultural interaction with native speakers of any language, it is important to understand their culture, mentality, and worldview. The article is devoted to the study of the peculiarities of the language picture of the world of the British people. The purpose of the work is to analyze the language picture of the world of the British ethnic group through the proverbs of the English language that verbalize the concept «conscience». Proverbs reflecting the concept «conscience» in the English language were selected for the study by a continuous sampling method. The proverbs were divided into blocks according to their characteristic features. As a result, the authors came to the conclusion that conscience for the British people is a virtue that generates positive, bright, sincere in people.

Keywords: the English language, the British people, proverb, the language picture of the world, concept.

Павленко Вероника Геннадьевна

К. филол. н, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, verony79@mail.ru

Кардумян Милена Сергеевна

К. филол. н, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, mili-kardumyan@rambler.ru

Щеглова Ольга Геннадьевна

ассистент, Ставропольский государственный педагогический институт, shcheglova8998@yandex.ru

Аннотация: Общеизвестно, что для эффективного межкультурного взаимодействия с носителями любого языка важно понимать их культуру, ментальность, миропонимание. Данная статья посвящена изучению особенностей языковой картины мира британского народа. Цель работы – проанализировать языковую картину мира британского этноса посредством пословиц английского языка, вербализующих концепт «conscience/совесть». Для проведения исследования методом сплошной выборки были отобраны пословицы, отражающие концепт «conscience/совесть» в английском языковом сознании. Пословицы были разделены на блоки по характерным признакам. В результате авторы пришли к выводу о том, что совесть для британского народа является добродетелью, зарождающей в людях положительное, светлое, искреннее.

Ключевые слова: английский язык, британский народ, пословица, языковая картина мира, концепт.

В любом языке происходит отражение определенного способа восприятия действительности. Этот способ универсален и национально специфичен. Каждый народ видит мир по-разному, т.е. через призму своего национального языка. В лингвистической науке данное явление получило название языковой картины мира. Среди большого количества вопросов, к которым язык заставляет обращаться исследователей, наиболее интересным, по нашему мнению, является влияние языка на формирование картины мира человека.

Известно, что язык является не только средством общения, но и необходимым условием выполнения умственного процесса. Представление человека о мире напрямую связано с его национальным языком, поэтому, согласно В. фон Гумбольдту, для каждого народа характерно определенное понимание мира [4]. Его идеи поддержали Э. Сепир и Б. Уорф, которые утверждали, что понимание мира предопределено языковыми привычками общества. Они указывали на процесс отражения в языке мышления и способа познания окружающей действительности [8]. О взаимосвязи реальности и языка

говорил и Л.В. Щерба, полагавший, что в каждом языке свое восприятие мира [9]. А.А. Потебня также подчеркивал взаимосвязь человеческого мышления и языка [7]. Лео Вайсгербер писал, что любой язык – это «создатель мира», который содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества [2]. Американский учёный Р. Редфильд считал, что понимание мира характерно для определённого народа, включает в себя представления членов общества о себе, своих действиях, об образе своей жизнедеятельности и своей позиции в мире [18]. По мнению выдающегося немецкого мыслителя М. Хайдеггера, человек воспринимает и понимает мир как картину. У каждого человека мир преобразуется в картину, и таким образом происходит познание мира [6].

В настоящее время под термином «картина мира» подразумевается видение мира, типичное для того или иного этноса. Для языковой картины мира свойственны социально-психологические особенности, которые исторически формировались под влиянием условий, образа жизни, экономического и политического поло-

жения и т.д. Свойственный языку способ концептуализации действительности универсален, специфичен, так что носители языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков [1].

В данной работе проводится анализ особенностей языковой картины мира британского народа и вербализации концепта «conscience/совесть» в пословицах английского языка.

Для определения особенностей языковой картины мира британского народа нами были изучены пословицы английского языка, отражающие концепт «conscience/совесть». По нашему мнению, именно пословицы наиболее ярко отражают представление народа об окружающем мире, формировавшиеся на протяжении столетий. А концепт «conscience/совесть» содержит в себе ценностный компонент, выражает оценку человеком своих действий, как хороших или плохих, правильных или нет.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что понимание языковой картины мира носителей иностранного языка имеет большое значение в связи с возросшей необходимостью изучения межкультурной коммуникации в целях понимания культурных различий народов, их мировоззрения, менталитета. Однако изучением языковой картины мира, в особенности английской, занимаются немногие лингвисты, хотя английский язык является первым по популярности иностранным языком, изучаемым в большинстве стран мира.

Целью исследования является изучение языковой картины мира британцев посредством пословиц английского языка, отражающих концепт «conscience/совесть».

Объект исследования: языковая картина мира британцев.

Предмет исследования: английские пословицы, отражающие концепт «conscience/совесть».

Задачи исследования:

1. сопоставить и проанализировать трактовки понятия «языковая картина мира», предлагаемые разными исследователями;
2. охарактеризовать понятие языковой картины мира сегодня;
3. проследить отражение языковой картины мира британцев в пословицах, выражающих концепт «conscience/совесть».

Научная новизна работы заключается во впервые проводимом комплексном описании языковой картины мира британцев посредством пословиц английского языка, отражающих концепт «conscience/совесть».

Языковой материал для проведения исследования взят из английских словарей пословиц. Среди них: Русско-английский словарь пословиц и поговорок, English proverbs and sayings with the transfer in the Russian, Кузьмин С.С., Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок, Анна Григорьева 1000 русских и английских пословиц и поговорок; толковых словарей английского языка: Oxford English Dictionary, Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus, Collins English Dictionary; этимологический словарь и др. [3, 5, 10-17].

Для решения поставленных в исследовании задач были использованы общенаучные и лингвистические методы исследования.

На теоретическом уровне применялись методы теоретического анализа: исторический (при характеристике становления понятия «языковая картина мира»), сравнительно-сопоставительный; системный, метод обобщения.

На эмпирическом уровне использованы следующие методы: метод этимологического анализа, метод семантического анализа, метод описания, комментирование (при исследовании и описании паремий английского языка).

Совесть – внутреннее сознание моральности своих поступков, чувство нравственной ответственности за свое поведение. Совесть выполняет мировоззренческую функцию, отражает всеобщие связи и взаимодействия социальной действительности, отношения между людьми, содержит в себе ценностный компонент, включая такие реалии, как нравственность и моральность. Изучение данного концепта в системе языкового сознания британца позволяет нам получить представление о языковой картине мира британского народа.

Для наиболее широкого представления об отражении концепта «conscience/совесть» в британском языковом сознании необходимо обратиться к его этимологии. Этимология рассказывает о происхождении слова, о становлении лексического значения слова на протяжении веков. Этимологический онлайн-словарь английского языка Д. Харпера представляет нам письменные упоминания о понятии conscience/совесть и дату упоминания: «early 13c., from Old French conscience «conscience, innermost thoughts, desires, intentions; feelings» (12c.), from Latin conscientia «knowledge within oneself, sense of right, a moral sense,» from conscientem (nominative consciens), present participle of conscire «be (mutually) aware,» from com- «with,» or «thoroughly» (see com-) + scire «to know» (see science)» [15]. В начале XIII века пришло из старого французского conscience «сокровенные мысли, желания, намерения чувства». Также понятие

«conscience/совесть» ведёт своё происхождение от латинского *conscientia* – «знания внутри себя, чувство права и нравственное чувство». От *conscientem* (имени-тельный падеж), от причастия *conscire* «быть (взаимно) известно», состоит из *com-* «с» или «тщательно» + *Scire* «знать».

Для выявления понятийных характеристик концепта «conscience/совесть» обратимся к словарным дефинициям данного концепта.

В Оксфордском словаре английского языка (*Oxford English Dictionary*) понятие «conscience/совесть» определяется следующим образом: 1) «the part of your mind that tells you whether your actions are right or wrong» – часть вашего сознания, которая говорит вам, верны или не верны ваши действия; 2) «a guilty feeling about something you have done or failed to do» – чувство вины за то, что вы сделали, либо не сделали; 3) «the fact of behaving in a way that you feel is right even though this may cause problems» – факт того, что вы чувствуете, что поступили правильно, несмотря на то, что это может вызвать проблемы [16].

Кембриджский словарь английского языка (*Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus*) предлагает нам следующее определение лексеме «conscience/совесть»: «the part of you that judges how moral your own actions are and makes you feel guilty about bad things that you have done or things you feel responsible for» – часть вас, которая судит, насколько моральны ваши действия, и заставляет вас чувствовать вину за совершённые вами плохие поступки и осознавать ответственность [10].

Словарь Коллинз (*Collins English Dictionary*) предлагает следующие толкования «conscience/совесть»: 1) «the sense of right and wrong that governs a person's thoughts and actions» – осознание добра и зла, которое регулирует мысли и действия человека; 2) «regulation of one's actions in conformity to this sense» – регулирование своих действий в соответствии с этим чувством; 3) «a supposed universal faculty of moral insight» – предполагаемая универсальная способность к моральной пронциательности [12].

На основании рассмотренных словарных дефиниций можно выделить следующие признаки, характерные для понятия «conscience/совесть»:

1. чувство моральной и нравственной ответственности;
2. внутреннее чувство, позволяющее различать хорошее и плохое;
3. отражение во внутренних переживаниях;
4. чувство вины за свои поступки;
5. часть сознания;
6. способность к моральной пронциательности;
7. оценка собственных действий.

Синонимами слова *conscience* в английском языке являются: *morals* – нормы поведения, *moral sense* – нравственное чувство, *qualm* – опасение, *scruples* – колебания, *sense of right and wrong* – чувство правильного и неправильного, *inner voice* – внутренний голос, *standards* – стандарты, *values* – ценности, *principles* – принципы, *ethics* – этика, *beliefs* – убеждения.

Устойчивые словосочетания со словом *conscience*: *to have smth. on one's conscience* – иметь что-либо на совести, чувствовать себя виноватым в чём-либо; *to get smth. off one's conscience* – успокоить свою совесть в отношении чего-либо; *in all conscience* – по совести; *to make a matter of conscience* – делать на совесть; *arouse smb.'s conscience* – пробудить чью-либо совесть; *to ease one's conscience* – облегчить свою совесть; *clear conscience* – чистая совесть; *guilty conscience* – виновная совесть, нечистая совесть.

Данные синонимы уточняют семантику английского концепта «conscience/совесть» в следующих направлениях:

1. оценка собственных действий через призму моральных ценностей;
2. душевные волнения, связанные с неправильными поступками;
3. совесть содержит в себе нравственный компонент;

В качестве материала исследования концепта «conscience/совесть» послужили паремии английских словарей пословиц, в том числе Русско-английский словарь пословиц и поговорок, *English proverbs and sayings with the transfer in the Russian*, 1000 русских и английских пословиц и поговорок и ряд других [3, 5, 10-17].

Пословицы по праву можно считать одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Данные языковые единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные ценности, установки и стереотипы, эталоны поведения и архетипы. Функцию фиксации и хранения комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире выполняет языковая картина мира, и это находит свое выражение, прежде всего, в лексическом, в том числе идиоматическом составе. Изучение пословиц позволяет выявить отличия и особенности культуры, менталитета народа.

В ходе исследования было изучено 20 паремий, отражающих концепт «conscience/совесть» в английской языковой картине мира. Пословицы, заключающие в себе характеристики изучаемого нами концепта, можно условно разделить на три блока. В первом блоке рассматриваются пословицы, отражающие в себе признак «чистая совесть – спокойная душа». К нему относятся около

30% изученных пословиц. Второй блок характеризуется признаком «угрызения совести». Пословицы этого типа составляют 35% от общего количества участвующих в исследовании. Третий блок содержит в себе признак «ценность чести и репутации» и составляет 35 %. Таким образом, каждый блок содержит приблизительно одинаковое число пословиц.

Рассмотрим каждый блок подробнее.

Первый блок пословиц, отражающих концепт «conscience/совесть», – «чистая совесть – спокойная душа». Британцы считают, что чистая, незапятнанная совесть дарит человеку спокойствие и умиротворение, позволяет спокойно спать ночью. Данный аспект выражается в следующих английских пословицах:

A quiet conscience sleeps in thunder, что в переводе на русский язык звучит как «Чистая совесть спит в грозу».

Clear conscience never fears midnight knocking. – «Чистая совесть никогда не испугается ночного стука в дверь».

«Conscience/совесть» в английском языковом сознании служит своеобразной защитой от окружающего зла, делает человека неуязвимым для врагов.

A clear conscience is the greatest armor. – «Чистая совесть – лучшая броня».

A clear conscience laughs at false accusations. – «Чистая совесть смеётся над клеветой».

В представлении британца «conscience/совесть» является некоей добродетелью, которая зарождает в людях положительное, светлое, искреннее:

Conscience is the nest where all good is hatched. – «Совесть – гнездо, в котором зарождается всё хорошее».

Также «conscience/совесть» отождествляется с правдой:

Conscience is only another name for truth. – «Совесть – синоним правды».

Второй блок выражает признак «угрызения совести» в английских пословицах, относящихся к концепту «conscience/совесть».

В английском языке «conscience/совесть» ассоциируется с судьёй, который выносит приговор человеку за содеянные им поступки:

Conscience is the chamber of justice. – «Совесть – зал правосудия».

A guilty conscience needs no accuser. – «Винной совести не нужен обвинитель».

«Совесть невозможно подчинить» – свидетельствует пословица «Conscience can't be compelled». Даже избежавшему осуждения окружающих человеку совесть не позволит оставаться спокойным, она будет грызть его изнутри, заставляя испытывать душевные терзания.

Conscience is the dog that can't bite, but never stops barking. – «Совесть подобна собаке, которая не может уку-

сать, но не перестаёт лаять».

Человек не всегда осознаёт, что поступает неправильно. Часто совесть просыпается, когда дело уже сделано:

Conscience is what tells you not to do what you have just done. – «Совесть – это то, что говорит вам не делать того, что вы только что сделали».

Conscience doesn't always keep you from doing wrong, but it does keep you from enjoying it. – «Совесть не всегда удерживает от совершения неправильных поступков, но при этом не дает наслаждаться ими».

Третий блок английских пословиц о совести «ценность чести и репутации» отражает необходимость для британца иметь хорошую репутацию, незапятнанную честь.

Британцы ставят свою честь превыше материальных благ и считают, что необходимо прокладывать свой жизненный путь честным путём:

A good name is better than riches. – «Хорошее имя лучше богатства».

A good name is sooner lost than won. – «Хорошее имя легче потерять, чем заслужить».

A good name keeps its lusters in the dark. – «Хорошее имя светится и во тьме».

Honesty is the best policy. – «Честность – лучшая политика».

A clear conscience shines not only in the eyes. – «Чистая совесть сияет не только во взгляде».

Лучше жить в бедности, чем разбогатеть и жить с грязным именем, так как богатство рано или поздно покинет, а честь и доброе имя останутся:

A clean fast is better than a dirty breakfast. – «Чистый пост лучше, чем грязный завтрак».

Riches take wing, honour will cling. – «Богатство сделает ноги, честь останется».

На основе изученных пословиц, относящихся к концепту «conscience/совесть» в английском языковом сознании, можно сделать вывод о том, что в британской языковой картине мира понятие «Conscience/совесть» выражается в следующих аспектах: 1) совесть представляется британцам внутренним чувством (голосом), благодаря которому происходит оценка поступков, их интерпретация как плохих и хороших; 2) совесть выступает в качестве судьи за содеянные поступки и, одновременно, является наказанием; 3) чистую совесть англичане считают залогом спокойствия; 4) для британца незапятнанная честь важнее богатства.

Картина мира всегда характеризуется национально-культурной спецификой, поскольку формируется под влиянием исторических событий, географических условий и этнопсихологических особенностей отдельных народов. Именно на этом основании в современной науке

язык определяется в качестве одного из ведущих признаков этноса. Однако национально-культурная специфика устанавливается только на фоне общечеловеческого единства в мировосприятии: через анализ фактов языка открывается доступ к глобальному инвариантному образу мира, в котором высвечиваются универсальные, узловые понятия единого общечеловеческого межкультурного пространства, где сосредоточен опыт народа по постижению мира.

Элементами картины мира являются концепты, изучение которых возможно через анализ языкового материала. Наше исследование базируется на анализе отдельного пословичного концепта «conscience/совесть», на основе которого можно построить некоторые уровни пословичной картины мира этнической общности. Оценивая значение пословицы, можно судить об опыте народа, а, следовательно, исследовать языковую картину

мира социальной общности и сделать предположения о национальном характере.

Для проведения исследования методом сплошной выборки были отобраны пословицы, отражающие концепт «conscience/совесть» в английском языковом сознании. Пословицы разделены на три блока по характерным признакам: 1) «Чистая совесть – спокойная душа» (30%); 2) «угрызения совести» (35%); 3) «ценность чести и репутации» (30%).

Проанализированный материал показал, что представление о совести в языковой картине мира британского народа характеризуется нравственной оценкой человеком своих поступков. Всё содеянное проходит через призму нашей совести, делится на плохое и хорошее. За содеянное плохое наступает наказание в форме угрызений совести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С.37 – 67
2. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
3. Григорьева А. 1000 русских и английских пословиц и поговорок. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: СОВА, 2010. – 607 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398с.
5. Кузьмин С.С., Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок: 500 единиц. – СПб.: МИК / Лань, 1996. – 352с.4
6. Михайлов А.В. Мартин Хайдеггер: человек в мире. – М.: Московский рабочий, 1990. – 47 с.
7. Потеня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656с.
9. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку // Л.В. Щерба. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 259 с.
10. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press, 2009. – 315 p.
11. Cambridge Idioms Dictionary. – 6th printing. – 2013. – 505 p.
12. Collins English Dictionary. Collins, 2011. – 309 p.
13. English proverbs and saying with the transfer in the Russian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sayings.ru/> (дата обращения 15.11.2022)
14. Hawker, S., Cowley Ch. Oxford Dictionary & Thesaurus of Current English / S. Hawker, Ch. Cowley. – Oxford University Press, 2007. – 484 p.
15. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php> (дата обращения 15.11.2022)
16. Oxford English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1993. – 835 p.
17. Oxford Idioms. – Oxford-NY: Oxford University Press, 2006. – 461 p.
18. Redfield R. The Little Community. Viewpoints for the Study of a Human Whole. Uppsala and Stockholm: Almqvist and Wiksells, 1955.

© Павленко Вероника Геннадьевна (verony79@mail.ru), Кардумян Милена Сергеевна (mili-kardumyan@rambler.ru), Щеглова Ольга Геннадьевна (shcheglova8998@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС: АКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕДОВЕРИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Палашевская Ирина Владимировна

д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет
irina_777@volsu.ru

COURTROOM DISCOURSE: ACTS OF DISCREDITATION IN FACE-TO FACE COMMUNICATION

I. Palashevskaya

Summary: The article is devoted to the problems of courtroom discourse and employs as a framework E. Goffman's dramaturgical approach to the study of small episodes of institutional life. Close attention is paid to the acts of expressing distrust, in situations of expectancy violations, when a discourse participant abusing or misusing his possibilities attached to his status performs an illegitimate act to obtain results useful for his objectives. The article considers the pro- and retrospective orientation of role performance discreditations, their use as means of discourse interpretation, self-defence and control in the court, as well as tools of forcing compliance to legal rules of adversarial interaction and upholding the courtroom procedures.

Keywords: courtroom discourse, institutional role, speech act, communicative event, discreditives.

Аннотация: Статья посвящена проблематике судебного дискурса с позиции драматургической теории (И. Гофман) к изучению малых эпизодов повседневной институциональной жизни в зале суда. В фокусе внимания акты выражения недоверия лицу как исполнителю институциональной роли, встроенные в структуру межличностного взаимодействия и актуализируемые в ситуации нарушения ожиданий, когда участник дискурса, злоупотребляя своим статусом, прибегает к действиям с нелегитимными задачами. Рассматривается про- и ретроспективная направленность дискредитивов, их роль в судебном процессе как средств интерпретации и публичной дисквалификации действий другого, самозащиты и контроля коммуникации, сохранения норм и правил состязательного взаимодействия.

Ключевые слова: судебный дискурс, институциональная роль, речевой акт, коммуникативное событие, дискредитив.

Понятие институциональной роли: прескриптивные ожидания и их нарушения

Судебный дискурс – технология решения правовых споров между людьми, основанная на том, что и как говорят его участники. Способы реализации юридически релевантных интенций, специфика коммуникативных средств, границы и возможности форматного общения – те аспекты, которые не могут не привлекать внимания ученых [1; 5; 6; 10; 17 и др.].

С позиции драматургической теории социального действия [2; 3; 4] судебный дискурс – коммуникативная практика, определяемая специфичным набором ролей и событий, норм взаимодействия в особых контекстуальных границах времени и места.

Как институциональный тип общения, судебный дискурс характеризуется наличием «сильных», или «прескриптивных ожиданий» (*prescriptive expectations*), связанных с тем, что его участники должны делать и как вести себя при взаимодействии с друг с другом [13, р. 42–43]. Эти ожидания и составляют сущность институциональной роли, которая не зависит от личностных качеств ее исполнителя, представляет собой нормативно обусловленный конструкт, комплекс коммуникативных возможностей и ограничений, закрепленных за той или

иной статусной позицией и реализуемых в ситуативных контекстах [8; 11; 12; 14; 16; 17].

Благодаря существованию ролевых ожиданий в виде прав и обязанностей совершения того или иного коммуникативного действия определенным правом субъектом в определенной правовой ситуации участники судебного процесса могут распознавать и предугадывать поведение друг друга, приспособлять свои действия и влиять на ход дискурса.

Соблюдение установленных законом норм и правил совместного действия, является необходимым условием участия в судебном дискурсе, предполагает должное воспроизведение уже имевших место, в терминологии Р. Шехнера «дважды осуществленных поступков» (*re-enactment, twice-behaved behavior*) в обстоятельствах со-присутствия [15, р. 28–29]. Должное исполнение ролей, следование судебной процедуре, направлено на обеспечение законности производства по делу, обоснованности и справедливости принимаемых судом решений.

Вместе с тем противоречивые ситуации, где цели участников оказываются несовместимыми, провоцируют использование действий, преследующих своей целью сорвать возможность успешного (противо)действия со стороны другого [7, с. 207]. В ситуациях борь-

бы участники дискурса заинтересованы скорее в отсутствии адекватных ожиданий, чем в стремлении им соответствовать. На первый план выступают интенции, реализуя которые участник дискурса угрожает другому достижением своей цели. Особое значение здесь приобретают средства контроля исполнения роли как внешне наблюдаемого и оцениваемого поведения, т.е. речевые действия, направленные на поддержание сложившихся нормативных образцов и ограждающие участника дискурса от нелегитимных воздействий других участников, которые не отвечают его ожиданиям и поступают вопреки своей роли (например, защитник своими действиями вредит интересам подзащитного, профессиональный судья в спорных случаях склоняется в сторону обвинения).

Таким образом, важный элемент судебного дискурса – ожидания и оценки его участника, обращенные к другим участникам, к тому, как они выстраивают взаимодействие, насколько компетентными и заслуживающими доверия они ему кажутся.

Ролевая борьба: акты-дискредитивы

В судебном дискурсе выделяются, с одной стороны, коммуникативные действия, связываемые с ролью того или иного его участника (судьи, обвинителя, защитника, подсудимого, потерпевшего, свидетеля и т.п.), с другой стороны – действия-реакции на исполнение ролей, описываемые так называемые «дефолтные ожидания» участников коммуникативной ситуации и выполняющие превентивную, восстанавливающую или корректирующую функции (Судья: ... *Пришли в каком-то спортивном костюме, кроссовках. – Свидетель: Мне удобно так. – Судья: А мне неудобно так. Вы пришли в суд. – Защитник: Ваша честь, Вы без мантии. Я бы хотел высказать замечания на действия председательствующего и отразить в протоколе, что судья... – Судья: Значит так, объявляется перерыв 10 минут. Будет вам мантия!* [18]).

Ряд из действий-реакций, направленных на роль другого, используются как способ выражения недоверия и относятся к дискредитивам. Они заключают в себе оценку происходящих, произошедших или предстоящих событий в категориях подлинности / сфабрикованности, анализируют концепт «честной игры», «процесса по правилам» (*fair trial*), соблюдение которых ставится под вопрос [4].

В основе актов выражения недоверия лежит подозрение (*suspicion*), которое, как отмечает И. Гофман, возникает у человека, когда он начинает думать о том, что деятельность в которой он участвует, конструируется без его ведома (*beyond his ken*) и ему не дают возможности вникнуть в тот фрейм, который определяет его деятельность [4, с. 184, 122].

Подозрение следует отличать от сомнения (*doubt*),

которое возникает не вследствие опасения обмана, а из-за неуверенности в том, какие именно фреймы или настройки применяются в данный момент, при полной уверенности в том, что всё происходит в нормальном, безопасном режиме [4, с. 184].

Подозрение и сомнение, с данных позиций, рассматриваются как две основные категории, возникающие в процессе интерпретации происходящего как несоответствующего ожиданиям. Однако если сомнение связано с оценкой собственной дискурсивной компетенции, то подозрение направлено на оценку действий другого и «ставит под вопрос весь фрейм событий» [4, с. 595].

Иллокутивный аспект дискредитива фокусирует внимание на оценке действия как акта с нелегитимными задачами и приписывании ответственности (аскрипции) за него определенному лицу, которое в результате позиционируется как незаслуживающее доверия. При этом выражение недоверия может иметь как прогностическую, так и констативную порицающую семантику, сообщать о действии, описывать его будущее, настоящее или прошлое исполнение как несоответствующее ожиданиям. В первом случае дискредитив выполняет функцию превентива, служит способом предупреждения о последствиях еще несовершеннолетних, но предполагаемых нелегитимных действий, во втором – это инструмент пресечения нарушения ожиданий в момент исполнения институциональной роли, в третьем – данный акт направлен на восстановление уже нарушенного ожидания участника дискурса в отношении других участников.

К актам «превентивного недопущения» недолжного исполнения роли относится заявление отвода участнику судебного процесса как незаслуживающему доверия. Такого рода высказывания строятся на категорических утверждениях, или описаниях некоторых состояний действительности – фактах («по делу установлено...»), используемых в качестве основания прогностического высказывания:

Адвокат: По делу установлено, что подсудимый являлся совладельцем и управляющим ряда крупных предприятий, включая казино X в городе Санкт-Петербурге. Летом 1999 г. «по знакомству» в казино была принята жена эксперта К-ова на должность начальника службы приёма гостей. Однако в связи с неудовлетворительной работой и значительными нареканиями посетителей через полтора месяца в сентябре 1999 года подсудимый дал распоряжение уволить из казино гражданку К-ову. Никто не может дать гарантию, что К-ов не заинтересован отомстить подсудимому за выгнанную с работы жену. Поскольку не исключается наличие у К-ова мотивов личной мести при даче заключения, заявляю отвод эксперту К-ову [22].

В данном случае дискредитив направлен на блоки-

ровку возможной попытки исполнения роли эксперта лицом, объективность которого ставится под вопрос и которое, соответственно, презюмируется подозрительным. В основе дискредитирующего высказывания лежит предположение типичного поведения в типичной жизненной ситуации; возможная психологическая установка, личная заинтересованность в исходе дела, допускаются в качестве существующей (*Никто не может дать гарантию, что эксперт не заинтересован...*).

Выражение недоверия участникам процесса может не иметь речевого воплощения. Так, процедура немотивированного отвода присяжных заседателей невербальна: председательствующий вручает участникам процесса, имеющим право на немотивированный отвод, списки присяжных заседателей, оставшимся после предыдущих процедур мотивированного самоотвода и отвода; эти участники вычёркивают из списка фамилии отводимых ими присяжных заседателей, удостоверяя вычёркивание своей подписью.

В отличие от актов «превентивного недопущения», обжалование действий лиц, участвующих в производстве по делу, ретроспективно, направлено на признание адресатом жалобы, обладающим более высоким статусом и властными полномочиями, факта нарушения и восстановление нарушенного права ее заявителя:

Установлено, что процесс судебного следствия неоднократно производился без моей доставки в зал судебных заседаний. Так было 5, 21, 26, 28 февраля, 11, 12 марта, 21, 24, 27 июня 2003 г. (см. представленную в суд справку начальника следственного изолятора...). Именно в эти дни были допрошены указанные в обвинительном заключении в качестве свидетелей обвинения.... Показания, которые дали в моё отсутствие эти свидетели обвинения, явились доказательствами фабрикации и фальсификации моей вины. Однако по вине суда и я, и мои защитники были лишены возможности использовать этот обширнейший защитительный материал, так как судом он был от нас умышленно скрыт [22].

Выражение недоверия может подаваться имплицитно, в качестве семантических следствий высказываний участников дискурса, что характерно для жанра «допрос». Например,

Адвокат: Почему в ходе проверки показаний на месте, Вы не обратились к понятым, и не сказали, что даёт те показания под давлением?

Подсудимый: Понятых, которые участвовали при проверке показаний на месте, я постоянно видел в прокуратуре. Я не хотел последствий для своего здоровья, поэтому не признался, что на меня оказывали давление... [21].

В приведенном фрагменте семантические следствия являются обязательными условиями понимания и относятся к имплицитной части плана содержания дискре-

дитирующего высказывания, выводятся посредством следующих шагов: если понятых часто видели в прокуратуре, значит – они сотрудничают со следствием, не являются независимыми свидетелями и не вызывают доверия. Соответственно, если подсудимый к ним обратится, то об этом станет известно следователю. Если такое обращение отразится на здоровье подсудимого, значит – следователь оказывает на него воздействие.

Дискредитивы относятся к базовым дискурсивным механизмам коррекции исполнения ролей и актуализации ценностных доминант состязательного судопроизводства [9], нарушение которых подрывает доверие к системе, способствует умалению ее авторитета. В нижеследующем фрагменте из речи адвоката данный тип высказывания используется в качестве реакции на презумптивное отношение к процессуальному статусу лица, который служит побуждением к обвинительному уклону процесса:

.... Есть дурная традиция. Если в возбужденном деле появляется подозреваемый, все усилия направляются на то, чтобы дело довести до суда. Ибо прекращение дела расценивается, как дефект, как брак.... И направляют дело в суд ... и большая толика вины за это лежит на судебной практике, отторгающей оправдания. ... Примиряет меня с этой не радостной для стороны защиты действительностью поведение в данном деле тех следователей, которые саботировали незаконные указания начальства, ... не подгоняли доказательства под абсурдное обвинение в политической ненависти.

Я хочу верить в то, что Вы заставите уважать суд не только оправданием подсудимого, но и вынесением частного определения в адрес предварительного следствия за те художества, за те подлоги, которые выявлены при составлении обвинительного заключения [19].

Пример эксплицирует проблему навязываемых ролей, вступающих в конфликт с ролью, предписанной законом, и демонстрирует насколько важно то, что должное исполнение роли участником дискурса, противостоящим влиянию своего окружения, поддерживается другими участниками. Данное высказывание использует оппозиционные и консолидирующие стратегии ролевого позиционирования институциональных сообществ, обозначает тенденциозные нелегитимные действия как наблюдаемые и оцениваемые с позиции участника институционального взаимодействия.

В качестве наблюдателя может выступать некоторое абстрактное лицо, обобщённый другой (*the generalized other*), общество в целом [4; 2]. Взгляд на происходящее глазами общества позволяет вывести конкретную ситуацию за пределы зала суда, сделав её открытой для всеобщего наблюдения и оценивания. Позиция такого наблюдателя в следующем примере вводится как риторический приём:

Уважаемый суд! В теории доказательств существу-

ет понятие «адресат доказывания». Для сторон обвинения и защиты адресат доказывания – суд. К нему обращены доводы прокурора и адвокатов, его стремятся убедить в своей правоте. А существует ли адресат доказывания для суда? Да, существует. И адресат этот огромен, ибо есть он – всё общество.

Приговор должен быть таким, чтобы каждый рядовой гражданин, как говорится, средний человек – представитель общества – мог бы, ознакомившись с ним и сопоставив с материалами дела, сказать: приговор не беспочвенный, доказательства вины осужденного имелись. при всех условиях доказательства не должны быть нелепыми, обвинение – несообразным, а приговор – непоследовательным, опровергающим сам себя в силу внутренних противоречий [20].

Исследование такого рода коммуникативных средств обнаружения и демонстрации ролевых сбоев институционального взаимодействия открывает выход на способы и причины подрыва взаимного доверия людей, вовлеченных в дискурс, актуальные ценностные доминанты институциональной культуры, принципы построения отношений между государственной властью в лице судебной и обвинительной властей и личностью в зале суда, статус ее участия в дискурсе.

Заключение

Судебный дискурс, в силу своего состязательного по-

строения, предполагает возникновение ситуаций, в которых его участники намеренно затрудняют друг другу достижение целей. Принцип соблюдения требований процессуальных норм права, законсообразности совершаемых в ходе судебного разбирательства действий, заставляет участника взаимодействия фокусировать внимание на том, как оно происходит, как другие участники, являющиеся объектами его внимания, исполняют свои роли, легитимны ли их (без)действия, нарушающие его ожидания.

В ситуациях нарушенных ожиданий особую значимость получают коммуникативные акты институционального контроля и самозащиты, к которым участник дискурса прибегает с целью получить возможность осуществления своих процессуальных прав. Данные акты могут иметь разную временную направленность, заключают в себе оценку исполнения роли, нацелены на предупреждение или выявление различного рода отклонений от ролевых схем или обманных ходов, создающих видимость правомерности происходящего.

Изучение реальных практик в сфере институциональной коммуникации позволяет выявлять живые ролевые доминанты институциональной культуры и их трансформации, то, каким образом интерпретируется и воплощается статусно-ролевая основа деятельности в тех или иных ситуациях дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галяшина Е.И. Методологические основы судебного речеведения: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.21 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2003. 48 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
3. Гофман И. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2003. 752 с.
5. Губаева Т.В. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / Т.В. Губаева, Д.Б. Миннигулова, А.В. Скоробогатов и др.; под ред. Т.В. Губаевой, А.В. Краснова. М.: РГУП, 2021. 158 с.
6. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
7. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.
8. Палашевская И.В. Судебный дискурс // Дискурс-Пи. 2015. Т. 12. № 3–4. С. 164–166.
9. Палашевская И.В. Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права // Научный диалог. 2017. No 11. С. 144–156. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-144-156.
10. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации: судебно-экспертные учреждения, назначения экспертизы в суде, типичные экспертные ошибки, заключение эксперта, порядок проведения экспертизы. М.: Проспект, 2013. 458 с.
11. Blumberg H.H. Dramaturgical analysis of social interaction / A.P. Hare, H.H. Blumberg. N.Y.: Praeger, 1988. IX, 177 p.
12. Garfinkel H. Conditions of successful degradation ceremonies // American Journal of Sociology. 1956. 61(5). P. 420–424.
13. Kelley D.L., Burgoon J.K. Expectancy Violations // Understanding Marital Satisfaction and Couple Type as Functions of Relational Expectations // Human Communication Research. International Communication Association, 1991. Vol. 18, No. 1. P. 40–69.
14. Linton R. The Study of Man. An Introduction. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1936. 503 p.
15. Schechner R. Performance Studies. An introduction. L., N.Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2013. 359 p.
16. Shibutani T. Society and Personality. An Interaction Approach to Social Psychology. N.Y.: Routledge, 1988. 648 p.

17. Troller A. The Law and Order. An introduction to thinking about the nature of Law. Leiden: Sijthof, 1969. 90 p.
18. Расшифровка аудиозаписи судебного заседания Гулькевичского районного суда Краснодарского края. URL: <https://www.kommersant.ru/docs/2018/verbatim.pdf>. (дата обращения 01.12.2022).
19. Речь адвоката Г.М. Резника в Останкинском районном суде г. Москвы 19 июля 2013 г. URL: <https://alex-lebedev.livejournal.com/533968.html>.
20. Речь адвоката Г.М. Резника в кассационном заседании Военной коллегии Верховного Суда РФ 25 июня 2002 г. URL: <https://bellona.ru/2002/06/25/rech-advokata-genri-reznika> (дата обращения 01.12.2022).
21. Судебное делопроизводство. Волгоградский областной суд, 2007 г. URL: https://obsud--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo
22. Фрагменты из материалов защиты, судебное заседание Ленинградского окружного военного суда, 2003 г. URL: <http://www.mirilashvili.ru/ru/docs>.

© Палашевская Ирина Владимировна (irina_777@volsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА «ФАНТАСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ С.В.ЛУКЬЯНЕНКО «НОЧНОЙ ДОЗОР»)

Редкозубова Анастасия Николаевна

Аспирант, Московский государственный областной университет
anastasia1706@inbox.ru

FEATURES OF THE TRANSLATION OF "FANTASTIC REALITY" (BY THE MATERIAL OF THE WORKS OF S.V. LUKYANENKO "NIGHT WATCH")

A. Redkozubova

Summary: The research highlights the linguocultural features of fantastic reality when translated from Russian in English. The work is based on the novel by Sergei Lukyanenko *The night watch*. It is aimed to assess the productivity of both domestication and foreignisation while transferring linguocultural information.

Keywords: fantastic reality, translation, linguocultural aspect, Lukyanenko.

Аннотация: В центре исследования лингвокультурный аспект перевода единиц фантастической реальности при переводе романа С.В. Лукьяненко «Ночной дозор» на английский язык. В работе рассматривается продуктивность использования стратегий доместикиации и форенизации при переносе лингвокультурной информации.

Ключевые слова: «Фантастическая реальность», перевод, лингвокультурный аспект, Лукьяненко.

В последние годы возрастает интерес к произведениям русских писателей-фантастов. Так, среди авторов, переведенных на другие языки, следует отметить Сергея Лукьяненко, Алексея Пехова, Дмитрия Глуховского, Ника Перумова. Чаще всего это переводы на польский, чешский, эстонский и языки сопредельных государств либо языки стран СНГ. Однако потенциал литературы фантастического жанра на русском языке используется для перевода незначительно. Нам представляется, что это связано не только со слабым маркетингом и рекламой, но также и с отсутствием значительной практики в сфере перевода современных произведений жанра фантастики на английский язык. Анализ существующих текстов и выработка рекомендаций по переводу произведений в жанре фантастики может существенно облегчить работу переводчика.

Представляется очевидным, что особенностью перевода произведений жанра фантастики становится перевод элементов фантастической реальности, а также их лингвокультурная адаптация. В процессе перевода задача переводчика состоит не только и не столько в переносе языковых знаков ИЯ на ПЯ, но и в преодолении этнического и культурного дифференциала, для обозначения которого Л.К. Латышев предложил термин «лингвоэтнический барьер». Лингвоэтнический барьер - это все препятствия, что не позволяют носителю ПЯ непосредственно воспринять текст на ИЯ и отреагировать на него так же, как если бы он был носителем ИЯ. К этим преградам относятся и различия в культурах и нацио-

нальной психологии, недостаточная осведомленность в вопросах повседневной жизни другой страны и т.д. [6, с.17]. Этнический компонент этого барьера является в некоторых случаях преградой, сопоставимой с фактором разноязычия [8, с.33].

Фантастическая реальность, воссоздаваемая в произведениях жанра фантастики, неизбежно содержит в себе национальный колорит. Автор создает вымышленный мир, опираясь на данные реального мира – свой жизненный опыт, культуру, факты повседневности и пр. Именно с этим связана переводческая сложность переноса фантастической реальности с языка оригинала. С одной стороны, слова, определяющие фантастическую реальность, могут не существовать в современном русском литературном языке, с другой стороны, при создании неологизмов автор неминуемо использует для конструирования слов возможности родного языка, а также собственную лингвокультурную базу, жизненный опыт, сформированный именно в данной лингвокультурной среде. В свою очередь, используя уже имеющиеся языковые единицы для обозначения элементов фантастической реальности, писатель-фантаст не может полностью стереть исходное значение и все связанные с ним коннотации из сознания читателя. Для иноязычного читателя весь спектр значений может быть утерян полностью или значительно ограничен.

Обратимся к тексту произведения современного писателя-фантаста Сергея Васильевича Лукьяненко «Ноч-

ной дозор», написанный в первой половине 1998 года, и его переводу на английский язык «The Nightwatch», выполненный Эндрю Бромфилдом в 2006 году.

В центре повествования Иные – особые существа, рожденные людьми и внешне ничем от них не отличающиеся, однако впоследствии осознавшие свою нечеловеческую сущность, «инаковость». Термин «Иные» в переводе на английский сохраняет заглавную букву и передается лексемой *the Others*. В английском языке *other* не несет значения «отличающийся», «отличный от других», в то время как в русском языке «иной» имеет имплицитное значение «отличный», «не такой как все», а «другие» подразумевает «прочие», «не отличающиеся по данному признаку». Толковый словарь русского языка фиксирует различие в виде проивопоставления.

Иной. 1. Другой, отличающийся от этого или от прежнего. 2. Некоторый; какой-нибудь, кое-какой. 3. Какой-либо из ряда перечисляемых или противопоставляемых предметов.

Другой. 1. Не этот, не данный. 2. Противоположный (о берегу, стороне чего-либо). 3. Не такой, как этот (или прежний). 4. Второй, следующий. 5. Разг. Какой-либо иной, некоторый.

Таким образом, мы сталкиваемся с лингвокультурным феноменом. Носитель русского языка безошибочно укажет на семантический компонент «исключительность», заключенный в лексеме «Иные». Английский вариант перевода *the Other* также не передает указанного имплицитного значения.

The other. You use the other to refer to the second of two things or people when the identity of the first is already known or understood, or has already been mentioned.

В этом случае выбор переводчика представляется оправданным, хотя и неидеальным.

Рассмотрим, как реализована номинация других представителей мира Иных. В русском тексте мы находим «вампир» и «вампирша». Лексема «вампирша» несет несколько пренебрежительный оттенок, что подтверждается описанием персонажа. Она начинающий вампир, не обладающий должными способностями в сравнении с напарником. «Он убивал. Убивал ни в чем не повинных людей. Абсолютно беззащитных перед ним. Инициировал девчонку... грубо, насильно, она не должна была стать вампиром.» В переводе теряется отмеченный нюанс: *girl-vampire* в противоположность *male vampire*, а также *female vampire*. Подтверждением факта, что использование формы «вампирша» неслучайно, может служить пример наименования другого обитателя мира Иных: «девчонка-ведьма лет двадцати пяти». По анало-

гии автор мог бы использовать «девочка-вампир», «девчонка-вампир». Как отмечают в своей статье С.С. Шимберг и Н.В. Удальцова, «передача семантики суффиксов субъективной оценки на английский язык – задача невероятной сложности, принимая во внимание тот факт, что английский язык не обладает большим объемом средств для отражения таковой [9]. Переводчик воспользовался наиболее доступным арсеналом языка, хотя при переводе произошла потеря на уровне семантики слова.

Лексема «маг» появляется в тексте неоднократно.

А вот черная воронка над девушкой была полноценной, стабилизированной, сработанной опытным магом. / That black twister hanging over the girl was the genuine article, stabilized and set in motion by an experienced magician.

Если маг — почему такое странное наказание? / If you're a magician, then why such a strange punishment?

Ольга — маг. Маг, женщина, возраст около двухсот лет. / Olga was a magician. A female magician maybe two hundred years old.

Еще оборотни, ведьмы, черные маги... белые маги, целители, пророки. / There are werewolves, witches, black magicians... white magicians, healers, seers.

Переводчик использует слово *magician*. Обратимся к определению слова, данному в словаре.

Magician. 1. A magician is a person who entertains people by doing magic tricks. 2. In fairy stories, a magician is a person, usually a man, who has magic powers. 3. If you call someone a magician, you admire the skilful and exciting way they do something [2].

Выбранное переводчиком *magician* нам кажется не очень удачным, поскольку появляется дополнительная коннотация «фокусник», «иллюзионист», отсутствующая в русском варианте «маг». В данном контексте можно предложить два варианта перевода: *mage* и *magus*.

Mage. A magician or sorcerer [1]

Mage. An archaic word for magician [2]

Magus. 1. A member of the Zoroastrian priestly caste of the Medes and Persians. 2. Magus In the New Testament, one of the wise men from the East, traditionally held to be three, who traveled to Bethlehem to pay homage to the infant Jesus. 3. A sorcerer; a magician [1].

Сравним с определением «маг» на русском языке.

Маг. 1. В странах древнего Востока: жрец, совершавший религиозные обряды и занимавшийся предсказаниями. 2. Человек, владеющий тайнами магии; чародей, волшебник. 3. Разг. О человеке, являющемся большим мастером своего дела [5, с.512]

Очевидно, что «маг», *mage* и *magus* встречаются не только в рамках религиозного дискурса. Кроме отсутствия нежелательного оттенка значения «фокусник», то есть ненастоящий волшебник, *mage* и *magus* имеют признаки архаичности. В русском языке «маг» также не является общеупотребительным.

Рассмотрим лексему «оборотень». В Толковом словаре русского языка находим:

Оборотень. В народных поверьях: человек, превращённый или способный превращаться с помощью колдовства в какого-либо зверя, в какой-либо предмет [5, с.680]

Однако в современной русской традиции «оборотень» - это в первую очередь «человек-волк». Это устоявшееся представление сформировалось на основании кинематографа в десятилетия, предшествующие написанию романа (URL: [https://www.kinopoisk.ru/lists/ord/year/m_act\[keyword\]/1931/m_act\[all\]/ok/page/3/](https://www.kinopoisk.ru/lists/ord/year/m_act[keyword]/1931/m_act[all]/ok/page/3/)). В английском языке для передачи значения «оборотень» существует две лексемы: *shape-shifter* и *werewolf*, причем последнее подразумевает возможность трансформироваться именно в волка.

Werewolf. A person fabled in folklore and superstition to have been changed into a wolf by being bewitched or said to be able to assume wolf form at will.

Представляется разумным при переводе следовать за оригиналом и из двух имеющихся возможностей предпочесть *werewolf*. Переводчик идет другим путем: в некоторых случаях он выбирает *shape-shifter*, в других *werewolf*. Можно отметить, что переводчик не всегда последователен в выборе варианта.

Кто ты? Если оборотень, то почему с нами? Who are you? / If you're a shape-shifter, then why are you with us?

По крайней мере ясно одно: она не оборотень. Оборотень не сохранил бы одежду на теле. / One thing at least was clear: She was no werewolf. A werewolf wouldn't have kept the clothes on its body.

В последнем из примеров было бы логичнее исполь-

зовать *shape-lifter*, поскольку «оборотень» здесь подразумевается в широком смысле.

Обратимся к другим примерам.

Ониксовый амулет я разрядил. Ты можешь его наполнить? / I discharged the onyx amulet. Can you recharge it?

В 1998 году, когда был написан роман, мобильные телефоны в России еще не были так распространены, как в 2006 году, когда был подготовлен и опубликован перевод (URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/512459>). Для переводчика попросить «зарядить», «подзарядить» (*recharge*) амулет по аналогии с телефоном – вполне обыденная вещь, в то время как для русскоязычных читателей того времени это совершенно неизвестное действие. Переводчик следует стратегии доместикации [4] - «одомашнивания» текста, приближая его к англоязычному читателю в ущерб оригиналу. В данном случае подобная замена кажется нам излишней, поскольку теряется национальный колорит, «дух времени».

Следующий пример иллюстрирует противоположную тенденцию – стремление к форенизации [4], то есть «отчуждению» текста от англоязычных читателей. В русской культурной традиции в борьбе с вампирами используется осиновый кол. Однако в англоязычных странах это либо *wooden stake* без указания на конкретный вид древесины, либо *ash stake* (Caitlin McColl. *The Truth about Stakes*. 2022. URL: <https://vocal.media/horror/the-truth-about-stakes>). Переводчик сохраняет компонент «осиновый», тем самым препятствуя пониманию англоязычным читателем смысла шутки.

Осинка до сих пор в ходу? - У меня ее нет. / Are poplar stakes still popular? - I don't have one.»

В приведенных выше примерах мы видим, что переводчик не ограничивается одной лишь стратегией доместикации либо форенизации, а прибегает к обеим. Нам представляется необходимым проанализировать все имеющиеся случаи переноса единиц «фантастической реальности» с русского языка на английский и определить, какая из стратегий более продуктивна при передаче лингвокультурных особенностей исходного текста, а также оценить оправданность применения этой стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс], Houghton Mifflin Harcourt, Fifth Edition, 2015. №. URL: <https://ahdictionary.com>
2. Collins English Dictionary Complete and Unabridged [Электронный ресурс], HarperCollins Publishers 12th Edition, 2014. №. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
3. Lukianenko Sergei. *The night watch*. Translated by A. Bromfield. William Heinemann, 2006. 468 p.
4. Venuti L. *The translation invisibility*. [Электронный ресурс], Taylor & Francis e-Library, 2004. URL: https://www.cbpbu.ac.in/userfiles/file/2020/STUDY_MAT/ENGLISH/JS/venuti.pdf

5. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл.ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. 2-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
7. Лукьяненко С.В. Ночной дозор. М.: АСТ:АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. 381 с.
8. Тимко Н.В. Основные проблемы лингвокультурной трансляции в процессе перевода: на материале переводов английских, немецких и русских художественных текстов: дис. ... канд. филол. наук. М, 2002. 203 с.
9. Шимберг С.С., Удальцова Н.В. Передача семантики оценочных суффиксов в переводе с русского на английский язык // Царскосельские чтения. 2017. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peredacha-semantic-otsenocnyh-suffiksov-v-perevode-s-russkogo-na-angliyskiy-yazyk> (дата обращения: 20.12.2022).

© Редкозубова Анастасия Николаевна (anastasia1706@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный областной университет

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ КНЯЗЯ ПО ДАННЫМ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рогожникова Татьяна Павловна

доктор филологических наук, Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск)
pmtr@mail.ru

Попова Оксана Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент, Омская
гуманитарная академия (г. Омск)
nauka@omga.su

CONCEPTUAL CHARACTERISTICS OF THE IMAGE OF THE PRINCE IN THE WRITTEN MONUMENTS OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE

**T. Rogozhnikova
O. Popova**

Summary: The purpose of this article is to reconstruct the image of an ideal monarch in the linguistic consciousness of a native Ancient Russian speaker of the XI–XIII centuries. The selected texts of the Old Russian literature of this period are used as the material for the study. The following key characteristics of the studied image are highlighted: *honest and glorious, kind, merciful, brave, generous*. In earlier texts, love for the squad is noted as an important feature of the prince, in later texts – «fear of God», following the commandments, diligence and mercy. The latter is due to the widespread and cultural rooting of Christianity in Russia. The diachronic section traces the evolution of the image of the ideal monarch from a commander to a sacred figure, compared with the father and the mother, equated with revered biblical kings and Christian saints.

Keywords: the concept of power, ancient Russian literature, the image of the prince, the concept in diachronic consideration.

Аннотация: Целью статьи является реконструкция языкового образа идеального правителя в памятниках древнерусского языка и литературы XI–XIII веков. В качестве материала для исследования используются наиболее авторитетные тексты древнерусской литературы данного периода. В результате анализа определены ключевые характеристики моделируемого образа, выраженные лексемами *честень и славень, добрь, милостивь, храборь, щедрь*. В качестве концептуальной доминанты образа-концепта «князь» в более ранних текстах выявлен признак «любовь к дружине», в более поздних – «страх божий», «следование заповедям», «трудолюбие» и «милосердие». При этом «милосердие» обусловлено широким распространением и культурным укоренением на Руси христианства. В диахроническом срезе прослеживается эволюция образа идеального правителя от полководца до сакральной фигуры, сопоставляемой с отцом и матерью, приравняваемой к почитаемым библейским царям и христианским святым.

Ключевые слова: концептуализация власти, концепт в диахроническом рассмотрении, древнерусская литература, языковой образ князя.

Вопрос о том, какими чертами должен обладать идеальный представитель власти, волновал древнерусских книжников начиная с XI века. Исследования памятников «Повесть временных лет», «Моление Даниила Заточника» и других произведений древнерусской литературы позволяют выявить ряд концептуальных признаков исторически исходной государственной власти – княжеской – и сформировать представление о том, какими чертами должен обладать князь.

Следует подчеркнуть, что в основе формирования образа князя в древнерусской письменности лежит литературный прием антитезы, что позволяет на противопоставлении сравниваемых образов, как правило «справедливого» и «несправедливого» князя, выделить наиболее важные черты идеального носителя власти. Важно отметить, что значительное влияние на средневековые представления об образе идеального правителя оказала христианская религия; отчасти это можно объяснить тем, что авторами большинства древнерусских произведений были священнослужители.

Как отмечает В.В. Колесов, при заимствовании культурных ценностей византийско-христианского мира и при-

нятии христианства Русью произошла «ментализация» символов новой веры, что, в свою очередь, потребовало расширения значений славянского слова [1, с. 209]. Именно поэтому на первый план при концептуализации власти книжниками выходят христианские добродетели, являющиеся маркерами «справедливого», «праведного» князя.

Методология нашего исследования определяется его принадлежностью к лингвоантропологическому направлению современного языкознания. Основной научной парадигмой исследования является историческая концептология. Ключевые характеристики образа идеального правителя, как и правителя-антипода, выделены с помощью концептуального анализа. Формы содержательной реконструкции концепта в диахронической концептологии предстают как выявление:

- архаических и переносных значений слова, парадигматических соотношений с антонимами, синонимами;
- связи с системными соответствиями близкочуждых слов;
- сочетаемости слов в определенных узких контекстах (словесных формулах), т. е. на основе синтагматических отношений.

В качестве вспомогательных нами были использованы сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, а также метод лингвостилистического анализа. Результатом указанных исследовательских процедур является модель образа-концепта «князь» как смысловой конструкт, представленный в типизированном виде. В ходе анализа описывается экстралингвистический фон древнерусской княжеской власти и специфических черт князя как ее субъекта (историко-культурные, исторические, религиозные процессы и явления).

Исследование осуществлено с опорой на теоретические и методологические положения, принципиальные для него, и выполнено на стыке лингвокультурологии, когнитивистики и сравнительно-исторической лингвистики. Теоретической основой для исследования послужили труды по концептологии и лингвокультурологии Д.С. Лихачева [2], Ю.С. Степанова [3], В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина [4], И.А. Стернина [5], А. Вежбицкой [6]. Из круга определений понятия «концепт» как многомерной единицы языковой картины мира базовым для настоящей работы явилось определение Ю.С. Степанова, включающее диахронический подход: концепт видится исследователю как многослойная структура, каждый «слой» которой актуализирует набор признаков, релевантных для конкретной временной точки, и деактуализирует признаки нерелевантные.

В качестве источников эмпирического материала для работы привлечены тексты «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха и «Моления Даниила Заточника», изданные в антологии «Памятники литературы Древней Руси» под редакцией Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева [7, 8].

В качестве лексикографических источников семантики ключевых лексем, репрезентирующих представления об идеальном правителе, привлечены этимологический словарь М. Фасмера [9], словари древнерусского языка под редакцией Р.И. Аванесова [10, 11], И.С. Улуханова [12], С.Г. Бархударова [13], а также «Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [14], в качестве источника справочных исторических материалов – исследования М.П. Погодина [15].

Анализ «Повести временных лет» показывает, что *пределы* влияния князя ограничивались исключительно родовыми отношениями. Власть князей характеризуется четкими границами и тесной связью с родом: «*Кий княжаше в родъ своемъ <...> облюбовал место, и сруби градокъ малъ, и хотяше състи с родомъ своимъ, да не дали ему живущие окрест*» [7, с. 28] (здесь и далее выделение языковых единиц принадлежит автору статьи). Эти сведения позволяют утверждать, что на начальном этапе

своего становления княжеская власть была неотделима от родовых отношений и, следовательно, распространялась на представителей рода: в тексте четко говорится о том, что князь «*владел*» исключительно своим родом, который проживал на своей территории. Из этого вытекает важность местного ограничения власти, ибо территории были невелики, что эксплицировано уменьшительным суффиксом и определением: «*...облюбовал место, и сруби градокъ малъ...*» [там же] – в данном случае речь идет об основании небольшого городка. В словаре древнерусского языка XI–XIV веков указано значение слова *градокъ* – «крепостная стена, оборонительное сооружение, укрепленный пункт» [10, с. 378]. На данных примерах можно убедиться, что основной функцией князя была охрана границ своего рода.

«Повесть временных лет» – одно из первых произведений древнерусской литературы, в котором обращается внимание на личностные качества русских князей; как правило, в тексте они представлены качественными прилагательными *честень* и *славень*, *добрь*, *милостивъ*, *храборъ*: «*Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицем, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. Посем же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣй земли*» [7, с. 164]. Указанные выше прилагательные являются одними из наиболее часто встречающихся способов выражения княжеских черт при описании князей не только в «Повести временных лет». Как можно заметить, важной чертой князя является *любовь к дружине*, которой князь ни в чем не отказывал.

Согласно словарю И.И. Срезневского, слово *самовластець* имело значение «*единовластитель*» [14, т. 3, с. 248]. В словаре русского языка X–XVII вв. лексема *самовластець* синонимична лексеме *властенинь*, которая представлена следующими значениями: «*хозяин*», «*господин*», «*верховный правитель*», «*местное главное должностное лицо*», «*предводитель*», «*воевода*» [13, вып. 2, с. 216]. Объединяет данные значения общая семантика «*имеющий свободу в принятии решения*». Таким образом, Ярослав унаследовал власть и свободу в управлении русской землей.

Следует отметить, что при формировании княжеского образа Святополк в «Повести временных лет» предстает своего рода **собирательным образом** всех антагонистов, концентрацией всех возможных отрицательных черт, которые могут быть присущи князю. На наш взгляд, интересным представляется тот факт, что особое внимание в повести уделяется происхождению князя, поскольку именно в происхождении и заложена порочность Святополка: «*Володимиръ же залъже жену братьню грѣкиню, и бѣ neprazdna, от нея же роди Святополка. От грѣховнаго бо корене злый плодъ бываетъ:*

понеже была бѣ мати его черницею, а второе – Володимиръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчищъ бысть убо. Тѣмъже и **отець его не любяше**, бѣ бо от двою отцю – от Ярополка и от Володимира». [7, с 92]. В этом фрагменте образ князя строится на обращении к христианской вере, позволяющей переосмыслить понятия первородного греха и рожденного во грехе. Усиление признака «грех» объясняется еще и тем, что мать Святополка была монахиней, а Владимир жил с ней не в браке, а как «прелюбодей», более того, резюмируется, что Святополк – ребенок, рожденный от двух отцов: Ярополка и Владимира, – что еще больше объясняет нелюбовь Владимира к Святополку. Одними из самых распространенных эпитетов, характеризующих Святополка в ПВЛ, являются *окаянный и злой*, реже используется существительное с отрицательной коннотацией *безумец*. Согласно «Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.)» *окаянный* имеет следующие значения: 'несчастный', 'злополучный', 'грешный' и 'проклятый' [12]. Таким образом, данное определение усиливает признаки «грех» и «проклятие» в содержании языкового образа князя Святополка, в летописном описании эти признаки имеют генетический характер.

Важно также отметить, что в «Повести временных лет» впервые Святополк сравнивается с Авимелехом: «... новы **Авимелех** <...> **тако и сѣ бысть**». Авимелех – библейский персонаж, незаконнорожденный сын Гедеона, после смерти отца убивший 70 своих братьев [16]. Если в «Повести временных лет» сравнение князей с библейскими образами носит единичный характер, то в древнерусской литературе XII века в целом качества светского характера: мужество, храбрость, доброта – теряют свою первостепенность и чаще встречается идеальный образ древнерусского христианского правителя, подкрепляемый сентенциями из Священного Писания, как, например, в «Поучении Владимира Мономаха», «Молении Даниила Заточника». Следует обратить особое внимание на то, что христианство пришло в русские земли не только как религия, но и как мировоззрение, во всем объеме его содержания, охватывающем самые разные аспекты жизни. Это обстоятельство определило прежде всего отношение церковного сознания к государственной власти, которое до сих пор остается не до конца понятным. Можно предположить, что при формировании образа князя летописцы основывались не столько на реальных образах, сколько на том, что представлялось правильным с точки зрения существовавших норм летописания, характеризующих тот или иной период.

Также следует отметить, что, согласно исследуемым источникам, как «праведные», так и «лукавые» князья даются Богом – на наш взгляд, здесь можно увидеть основу будущего подхода к самодержавию, где царь предстает наместником Бога на земле. Конечно, применительно к «Повести временных лет» можно говорить лишь о зачатках будущей теории: «Аще бо **князи правдивы** бываютъ

на земли, то много отдаются согрѣшения, аще ли **зли и лукави** бываютъ, то болшее **зло наводитъ Богъ** на землю ту, понеже глава есть земли <...>. Тако бо Исая рече: «Согрѣшиша от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простыхъ людей <...> Сяковыя Богъ даетъ за грѣхы» [7, с 154]. Таким образом, формируется восприятие любой власти, которая может быть расценена как награда за праведное поведение или, наоборот, как наказание за грехи народа: народ достоин своего князя, каков народ, таков и князь. М.П. Погодин в связи с этим утверждал: «...вся Русская земля считалась общим владением княжеского рода, на которое они все сознавали свое право» [15, с. 353].

Именно с православием связана традиция сакрализации власти и властителей, переросшая впоследствии в формулу «царь – наместник Бога на земле». Такие представления о власти выделяют Россию среди прочих христианских стран. Известным является тот факт, что практика канонизации князей и княгинь появилась еще до эпохи Ивана Грозного. При этом наблюдается существенное различие с духовной «матерью» русской православной церкви – греческой церковью. Греческая православная церковь не причисляла к лику святых мирских людей независимо от их положения в обществе – такой чести удостоивались стратотерпцы, аскеты или особо почитаемые народом священнослужители. Канонизация русских князей не подпадает ни под одно из этих оснований. В русской культуре этого периода основанием для причисления князя к лику святых являлось покорное и кроткое принятие насильственной смерти. Первыми князьями, канонизированными православной церковью, стали Борис и Глеб, которых отнесли к разряду стратотерпцев. В «Повести временных лет» наиболее частыми для них являются определения *блаженные, богомудрые, святые стратотерпцы*. Именно принятие мученической смерти позволяет причислить князя к лику святых. Таким образом, в русском национальном сознании почтение к князю после смерти вне зависимости от его деяний в земной жизни постепенно приобретает ценностный статус.

В «Поучении» Владимира Мономаха наиболее детально рассматривается образ идеального князя – в первую очередь христианского правителя, наделенного всеми православными добродетелями, поскольку сам жанр поучения предполагает передачу нравственных ориентиров, наставлений, в данном случае для потомков Владимира Мономаха. Данный жанр рассматривает жизненный путь как путь служения людям и Богу. Начинается поучение с характерного приема самоуничтожения: князь употребляет в отношении себя прилагательное *худый*, в отношении деда – Ярослава – *благословенный*, что является обоснованием восхождения Мономаха на Киевский престол. Несмотря на то, что «Поучение» ближе к публицистическому жанру, тем не менее, особенно

в первой части (нравственно-религиозной), посвященной идеальному христианскому образу князя, оно носит нравственно-дидактический характер, основанный на соблюдении христианских заповедей:

- праведный князь имеет в душе «страх божий»: «*Первое, Бога дѣля и душа своя, страх имѣйте Божий в сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру*» [7, с. 392];
- князю не следует произносить имени Господа Бога напрасно: «*Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь Богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужда никоеже*» [7, с. 398];
- недопустимой для князя Владимир считал лень: «*А Бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣль тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити милость Божью*» [7, с. 396];
- Владимир Мономах просит заботиться об убогих, по возможности подавать милостыню нуждающимся и кормить сирот; требует князь и самостоятельного производства суда, но при этом наставляет быть милосердным к другим: «*Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повинень смерти, а душа не погубляйте никакаяже хрестыяны*» [7, с. 398];
- князь должен избегать греха и учить детей не нарушать священных заповедей: «*Лжѣ блюди ся и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаетъ и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти вас начнутъ*» [7, с. 400].

Поступки князя славят его по всем землям, а какая эта слава будет, зависит от самого князя: «*Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или соль; аще не можете даромъ – брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человекъ по всѣмъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ*» [там же]. В жизни и во все делах всегда нужно помнить о Боге, поскольку человек смертен и во многом должен себя ограничивать, быть примером: «*Научися, вѣрный человекъ, быти благочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабоощенье, гнѣву погубленье, помысль чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ – не мьсти, ненавижимъ – любя, гонимъ – терпя, хулимъ – моля, умертви грѣхъ*» [7, с. 396].

Таким образом, древнерусский князь предстает своего рода сакральной, священной личностью, готовой принести в жертву личные интересы ради общего блага. Обращаясь к Олегу Святославовичу, Мономах пишет: «... нѣсмъ ти ворожитъ, ни мѣстникъ. Не хотѣхъ бо крови

твоя видѣти у Стародуба <...> но добра хочю братьи и Русьскѣй земли» [7, с. 412].

Только праведный князь, получивший власть от своих родовитых предков, может принести благо земле, на которой он княжит. В «Поучении» Мономаха можно увидеть еще один образ князя, который канонизируется церковью, – князя-воителя, наделенного самоотверженной любовью к народу, русской земле и готового пожертвовать своей жизнью за своих собратьев.

Идея сильной княжеской власти нашла свое отражение и в «Молении Даниила Заточника», адресованном переяславско-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу. Следует отметить, что несмотря на указание во многих памятниках древнерусской литературы имен князей, тем не менее, если говорить об «идеале» князя, то в данном случае мы будем иметь дело не с конкретной исторической личностью, а с собирательным образом князя-правителя. Так, в завершающих строках «Моления» представлена совокупность характеристик «идеального князя», данная в перечислении качеств прототипных персонажей, обладавших этими признаками:

«Господи! Дай же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломону и хитрость Давидову. И умножи, Господи, вся человекы под руку его Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣкъ». [8, с. 398].

В приведенной цитате идеальный князь представляет собой собирательный образ, созданный с помощью приема аллюзии – соотнесения качеств характера правителя с известными средневековому человеку героями, для которых эти свойства являлись отличительными, специфическими. Большинство из означенных персонажей являлись героями библейскими; исключением в данном перечне является отсылка к историческому деятелю – Александру Македонскому, который воспринимался как сакральная фигура и символ власти.

«Моление» представляет собой зарисовки нравов данной эпохи, сочетающие в себе и житейскую мудрость, и отсылки к Священному Писанию. В начале произведения автор восклицает: «*Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслах!*» В указанной цитате видно обращение и к дохристианской культуре, и к христианской. Автор уделяет внимание внешнему облику князя, в частности указывая на его привлекательность: «...гласъ твой сладокъ, и образ твой красенъ» [8, с. 392].

Интересным представляется также тот факт, что в данном произведении при создании образа князя сталкиваются образы восточнославянской мифологии и христианские символы: «... не взирай на меня, господине,

как волк на ягненка» [8, с. 388] (волк в восточнославянской мифологии соотносится со сферой нечистой силы, наделяется негативной символикой, характерной для всего чужого, «не своего», ягненок – один из важнейших христианских символов: беззащитный, бессловесный и терпеливый ягненок стал символом страдания); «*А зри на меня, как мать на младенца*» [там же]. Образ матери во многих мировых культурах является символом жизни, святости, вечности, тепла и любви, здесь он, особенно включенный в сравнительный оборот «*как мать на младенца*», отсылает к Богородице:

Показательны для содержательного наполнения образа князя контексты, соотносящие его с образом отца: «*Ведь щедрый князь – отец всем слугам своим; Многие оставляют отца и мать и к нему приходят*» [8, с. 392]. Важно подчеркнуть здесь, что связь этих образов наглядно и регулярно представлена как в «Молении», так и в целом в древнерусской литературе, а в более поздних произведениях перейдет в устойчивое сочетание *царь-батюшка*. Согласно историческим словарям, лексема *отец* имеет широкий спектр значений: ‘родоначальник, предок’, ‘по религиозным представлениям христиан бог-как творец, создатель всего сущего, а также его первое лицо или первая ипостась святой троицы’, ‘почетное имя духовных особ’, ‘духовник, исповедник’, ‘старший, главный, почитаемый, подобный отцу’, [13, вып. 13, с. 236; 14, т. 2, с. 828] Таким образом, слово *отец*, используемое при номинации князя, объединяет две ипостаси, духовную и мирскую; князь несет ответственность за свой народ перед Богом, выполняя роль посредника между мирской и духовной властью.

Интересным представляется прием стилистической симметрии в уподоблении князя и его правления с дубом и его корнями:

*«А дубъ крѣпится множеством кореня;
Тако и градъ нашъ – твоею дрѣжавою»* [8, с. 392].

Как в славянской мифологии дуб – универсальный архетип, мировое древо, объединяющее все сферы мироздания, так и князю отводится структурообразующее начало, удерживающее «державу»; следует отметить, что, согласно русскому этимологическому словарю, слово *дуб* имело несколько значений: ‘власть’, ‘сила’, ‘господство’ [9, с. 547]. Таким образом, князь выполняет священную роль на земле, которой он правит.

Помимо соединения мифологических образов с церковнославянскими символами, интересным представляется и само построение данного произведения. В основу создания идеального образа князя положен принцип антитезы:

1. Щедрь / скупь:

*«Зане князь щедрь отецъ есть слугамъ многим...
<...>*

*А князь скупъ – аки рѣка въ брезѣх, а брези камены:
Нѣлзи пити, ни коня напоити»* [8, с. 392].

Яркими чертами образа князя-правителя, представленного в «Молении», являются противопоставляемые щедрость и скупость: автор использует яркие сравнения князя не только с рекой.

*«А бояринъ щедръ — аки кладяз сладокъ при пути:
Напаяет мимоходящих.*

А бояринъ скупъ — аки кладязь сланъ».

Щедрость ассоциируется с пресной водой, а скупость – с соленой: одна дает жизнь, в другой жизни нет. Автор опирается при этом и на христианские заповеди, обосновывающие щедрость души человеческой.

Оппозиция (антитеза) *множество злата – множество воя / злато – мужи* раскрывает сущность богатства в понимании автора «Моления». Князю следует подносить подаяние неимущим, не скрывать золото и серебро, а раздавать людям; по мнению автора, чем больше князь отдает, тем больше верных воинов будет у него, тем лучше он сможет защитить свою землю:

*«Нашъ царь богатѣй тебе не множеством злата, но
множеством воя,
Зане мужи злата добудутъ, а златом мужей не добы-
ти»* [там же, с. 393].

2. Добрь / золь

*«Доброму бо господину служба, дослужится слободы,
А злу господину служба, дослужится болшеи роботы»* [там же, с. 392].

Следует отметить, что значения данных слов были несколько шире, чем в современном русском языке. Согласно «Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.)», слово *добрый* имело следующие значения: ‘основанный на расположении к кому-либо’, ‘добродетельный’, ‘обладающий положительными качествами, уважаемый, благородный’, ‘ничем не запятанный’ [11, с. 18]. Качественное прилагательное *злой* имело те же значения, что и в современном русском языке: ‘недоброжелательный, враждебный’, ‘причиняющий боль’, ‘приносящий бедствия’ [там же, с. 427]. Таким образом, понятия *добрый князь* и *злой князь* имеют значение не качества человека обычного (этические), а качества правителя (социальные).

Таким образом, уже в ранних памятниках древнерусской литературы закладываются основы образа идеального носителя (субъекта) власти. Специфика русского восприятия – соединение языческого и христианского начал, нашедшее свое отражение в мифологических и православных образах. Кроме того, особое значение придается не столько исторической конкретной личности, сколько собирательному образу, объединяющему

в себе наиболее востребованные для определенного исторического этапа черты. Можно предположить, что древнерусские книжники предпринимали попытки создания идеального конструкта для формирования образа правителя, в частности наделяя князя священной

миссией. В более поздних текстах идея государственной власти получит дальнейшее развитие и будет оформлена как концепция священной миссии царской власти, где царь будет ответственен перед Богом не только за себя лично, но и за всякого человека в его царстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
3. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2. изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
5. Стернин И.А., Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
6. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 776 с.
7. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступит. статья Д.С. Лихачева; сост. и общая ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1978. 413 с.
8. Памятники литературы Древней Руси: XII век. / вступит. статья Д.С. Лихачева; сост. и общая ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1980. 704 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Т. 1: А–Д. М.: Прогресс, 1986. Т. 1: А–Д. 576 с.
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов; Ин-т рус. яз. РАН. Т. II (възлукати – добродѣтельникъ). М.: Рус. яз., 1989. 494 с.
11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов; Ин-т рус. яз. РАН. Т. III (добродѣтельно – изжечиса). М.: Рус. яз., 1990. 551 с.
12. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. И.С. Улукханов. Ин-т рус. яз. РАН. Т. VI (овадь-покласти). М.: Рус. яз., 2000. 608 с.
13. Словарь русского языка X–XVII вв. / под ред. С.Г. Бархударова; Ин-т рус. языка АН СССР. М.: Наука: Вып. 2 (В – Волога). 1975. 319 с. Вып. 13 (Опась – Отработывати). 1987. 316 с.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Изд. отделения рус. яз. и словесности императорской акад. наук. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912: Т. 2. (Л–П). 919 с. Т. 3 (Р–Т и дополнения). 996 с.
15. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории: в 7 т. М.: Университетская тип., 1850. Т. 4. 463 с.
16. Библейская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/57> (дата обращения: 20.12.2022).

© Рогожникова Татьяна Павловна (pmtr@mail.ru), Попова Оксана Вячеславовна (наука@omga.su).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА ФРАНЦУЗСКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ В ПЕРИОД ОСТРЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ XVI ВЕКА

Рожкова Серафима Дмитриевна

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
sima.rojkova@yandex.ru

SOME SPECIFIC CHARACTERISTICS OF THE LEGAL DISCOURSE IN THE FRENCH ROYAL DECREES DURING THE RELIGIOUS CONFLICTS OF THE 16TH CENTURY

S. Rozhkova

Summary: The paper analyzes the legal discourse in the French royal edicts during the period of religious strives between Catholics and Protestants in the 16th century. This discourse is already marked by several characteristic features by that time. We can assert that the legal language functions in renaissance legislative acts according to special stylistic and lexical norms. Although, in case the civil law begins to regulate the religious issues, the king promotes the anti-Protestant decrees with several deviations from the traditional legal discourse. So, as the study shows, these atypical new features are borrowed from the discourse of canon law and popes' decrees.

Keywords: protestantism, 16th century, legal discourse, law, royal decree, nomination.

Аннотация: Данное исследование посвящено правовому дискурсу французских королевских указов XVI века. Сам по себе правовой дискурс светских законодательных актов во Франции к этому периоду можно считать уже сформированным, с ясно прослеживаемыми характерными стилистическими и лексическими особенностями. Тем не менее, вследствие попыток законодательного урегулирования католико-протестантского конфликта в королевских указах появляется ряд отступлений от устоявшихся дискурсных канонов. Нетипичные для светского законодательного документа особенности наблюдаются в антипротестантских эдиктах и, как показывает исследование, являются заимствованиями из правового дискурса законодательных актов Католической церкви.

Ключевые слова: протестантизм, XVI век, юридический дискурс, право, королевский указ, номинация.

Сложно переоценить значение шестнадцатого столетия в истории развития французского языка. Именно с этим периодом принято связывать особенно интенсивный процесс становления национального письменно-литературного языка во Франции (об этом пишут, в частности, М. Юшон [18, р. 7-63] и П. Рикард [25, р. 81-89]). Однако совершенно особенным образом в XVI веке развиваются французский правовой дискурс и французская юридическая терминология. С одной стороны, в языке правовой сферы не наблюдается существенных изменений лексической базы: значительная часть французских юридических терминов была сформирована до XVI века (при анализе сведений этимологических и исторических словарей [4, 7, 23, 24, 27] видно, что первые фиксации юридических терминов, употреблявшихся в XVI веке, датируются более ранними эпохами). С другой же стороны, французское право эпохи Возрождения столкнулось с необычной и новой для него задачей: санкционировать религиозные «преступления» протестантов. И это не могло не отразиться на правовом дискурсе и употреблявшейся в правовых документах лексике.

В данном исследовании мы рассмотрим отдельный пласт правового дискурса: законодательные акты – и на

их примере выделим определённые особенности юридического языка периода острого католико-протестантского конфликта. Материалом исследования послужили два эдикта Генриха II [14] и Генриха III [15] (1551 и 1588 годов), постановления Тридентского собора (1564 год) [25] и булла Сикста V (1589 года) [26]. Также, в качестве дополнительных материалов для сопоставительного анализа, мы обращались к разным французским королевским указам XVI века.

Рассматриваемые нами эдикты 1551 [14] и 1588 [15] годов являются ярким примером законодательных текстов, составленных под влиянием межконфессиональных разногласий: и Генрих II, и Генрих III издают указы антипротестантского характера, а вопросы вероисповедания (которые до начала религиозных конфликтов были прерогативой церковного суда) по решению короны оказываются в ведении королевских судей (об этом сообщается в преамбуле эдикта Генриха II [14]). Конечно, сам факт сближения королевского и религиозного правосудия нельзя назвать беспрецедентным для Франции, так как, если мы обратимся к истории французского судопроизводства, окажется, что связь светского и церковного права в своё время была весьма тесной. Исследователь Г. Дегине подчёркивает значение канонического

права во времена становления Французского королевства и его роль в формировании светского права Франции: «*Les décrets des papes, les canons des conciles exercèrent sur la société et sur le droit civil une influence immense*» [6, p.24] («Папские декреты, постановления соборов оказывали огромное влияние на общество и светское право» [здесь и далее перевод наш – С. Р.]).

Однако к XVI веку, когда королевская власть взялась за борьбу против лютеранства, светское право уже прошло процесс секуляризации, религиозные вопросы больше не входили в его юрисдикцию. Потому-то, несмотря на историческое родство двух видов судопроизводства, решение светской власти судить протестантов «своими силами» создало сложную правовую ситуацию и повлекло за собой нетипичные нововведения в законодательстве, и, как следствие, в дискурсе правовых документов.

Сам по себе правовой дискурс стандартных французских королевских указов имеет определённые особенности. И, надо признать, каноны правового дискурса XVI века оказываются очень близки к современным (подробнее см. у Ж.-Кл. Жемар [13, p. 722-724]). У законодательных документов можно выделить:

1. унифицированную формальную структуру (заглавие, обращение с приветствием, преамбула, сами постановления, надпись, дающая документу юридическую силу, сообщение о печати, дата, подпись короля [1, p. 76])
2. нейтральность языка, которая достигается в том числе и за счёт широкого использования юридических терминов
3. целесообразность, отсутствие «лишних», не имеющих отношения к данному правовому вопросу сведений

Все эти черты присутствуют в законодательных актах, не касающихся протестантского вопроса. Например, рассмотрим Ис-сюр-Тийский ордонанс Франциска I (1535 года) [11]. Прежде всего – преамбулу, в которой излагаются причины издания правового акта. Эта часть королевского указа особенно важна, так как в ней составители ордонансов сообщали информацию, призванную убедить членов парламентов и всех французских подданных в необходимости принятия предлагаемых законов. Исследователь М. Карбонье-Бюркад [1, p. 77] приводит общую структуру преамбулы королевских указов: сначала описываются проблемы (в прямой форме или в виде пожелания исправить их), для решения которых потребовалось изменение законодательства, затем – то, как король определил способ урегулирования ситуации, наконец – сами предлагаемые меры.

«*Scavoir faisons comme apres plusieurs plainctes et doleances a nous faictes par les manans et habitans de nos-*

dictz pays et conte de Provence <...> sur le desordre de la justice dudictz pays dont ilz avoient par cy devant soustenu grans travaux / peines / despenses et fraiz inutiles <...>. Pour obvier ausuelles incommoditez <...> eussions des le moys de May en lan mil cinq cens trente et quatre depute certains bons personnages, esquelz a este mande et ordonne eulx transporter en nosdictz pays de Provence / enquerir et informer sur lesdictes plainctes . Par lavis et deliberation desquelz et dautres bons et notables personnages qui ont este par nous deputez en nostre ville de Paris, Avons faict / statue et et ordonne <...> par loix / ordonnance / edict / statut perpetuelz et irrevocables les articles et ordonnances qui sensuyvent» [11] («Сообщаем, что после многочисленных жалоб и сетований, обращённых к нам жителями и резидентами нашей вышеупомянутой провинции и графства Прованс <...>, касательно беспорядка в правосудии этой провинции, из-за которых они [жители] понесли напрасные труды / тяжести / траты и расходы <...>. Чтобы устранить эти неудобства <...> [мы] начиная с месяца Мая тысяча пятьсот тридцать четвёртого года делегировали некоторых достойных лиц, которым было приказано и предписано направиться в нашу вышеупомянутую провинцию Прованс / изучить и выяснить [информацию] относительно этих жалоб. По совету и решению этих и других достойных и видных людей, которые были нашими депутатами в городе Париже, [мы] составили, установили и предписали <...> посредством закона / ордонанса / эдикта / положения, которые являются бессрочными и безотзывными, следующие статьи и ордонансы.»)

В приведённой нами (с некоторыми сокращениями) преамбуле Ис-сюр-Тийского ордонанса 1535 года [11] выделяются все три структурных элемента (проблема – поиск её решения – решение). При этом освещается именно и только правовой вопрос, посторонние рассуждения отсутствуют. Сам текст примечателен своей точностью, исчерпывающими перечислениями («*loix, ordonnance, edict, statut*» («[посредством] закона, ордонанса, эдикта, положения»)) и употреблением устоявшихся формулировок («*avons faict, statue et ordonne*» («составили, постановили и предписали»); «*perpetuelz et irrevocables*» («бессрочными и безотзывными»)).

Отметим также нейтральность языка ордонанса. Это наблюдение касается не только преамбулы, но и всего текста законодательного акта. Наглядным примером тому может послужить статья, касающаяся наказания нерадивых судей:

«*Item pour donner ordre a ce que nosdictz juges ne soient si negligens a visiter leurs proces quilz errent en fait ou en droict, Nous avons ordonne et ordonnons que si en jugeant les proces lon trouvoit par la visitation diceulx que noz juges eussent manifestement erre en fait ou en droict que nostredicte court ayt a muleter er pugnir iceulx en amende arbitraire a la discertion dicelle» [11] («Также, чтобы распорядиться, дабы наши судьи не пренебрегали присутствовать на своих процес-*

сах и не путались в обстоятельствах дела и в законе, Мы постановили и постановляем, что, если при проверке разбираемого процесса будет выявлено, что наши судьи явным образом путаются в обстоятельствах дела или в законе, наш вышеупомянутый суд должен наказать их и приговорить к штрафу, размер которого он определит на своё усмотрение.»)

Некомпетентных и уклоняющихся от своих обязанностей судей, действия которых повлекли за собой «*desordre de la justice*» («беспорядок в правосудии») и стали одной из причин издания нового ордонанса, описываются без использования экспрессивно-пейоративной лексики: «*soient si negligens a visiter leurs proces quilz errent en faict ou en droict*» («пренебрегали присутствовать на своих процессах и не путались в обстоятельствах дела и в законе»). То же самое мы видим и в описании наказания: «*muleter er pugnir iceulx en amende arbitraire a la disertion dicelle*» («наказать их и приговорить к штрафу, размер которого он определит на своё усмотрение»).

Совсем иначе выглядит текст королевского указа антипротестантского характера. Обратимся к эдиктам Генриха II 1551 года [14] и Генриха III 1588 года [15]. Так, Генрих II, нарушает и формальную структуру преамбулы, и стилистические каноны правового дискурса, вставляя в текст юридического документа замечания, не касающиеся непосредственно правовой стороны вопроса, а также неоднократно использует пейоративные и экспрессивные выражения:

«*Chascun a peu voir et cognoistre le bon, louable et entier devoir, que le feu Roy nostre treshonoré seigneur et pere, que Dieu absolue, a faict ordinairement durant son vivat, comme treschrestien et tres catholique Prince, pour extirper les erreurs & faulses doctrines qui pulluloyent contre nostre sainte foy & religion Chrestienne, à ce qu'elles n'eussent plus lieu en ce Royaume <...>. Finalement apres que nostredict seigneur et père auroit veu que <...> il ne pouvoit rappeler ne reduire ceste manière de gens perverse et obstinee <...>. <...> car de jour en jour, et d'heure à autre, quelque peine, diligence et vigilance dont nostredict seigneur et père ait sceu user en cest endroit, ou il a fait tout son possible, l'on a veu et voit continuer et croistre, tant secretement qu'ouvertement, lesdictes erreurs: de sorte qu'elles se sont reduictes en une commune maladie de peste, si contagieuse, qu'elle a infecté et contaminé en beaucoup de bonnes villes et autres lieux...» [14] («Каждый видел и знал о правом, похвальном и совершенном деле, которое покойный Король, наш досточтимый государь и отец, неукоснительно исполнял при жизни, как Государь-истинный христианин и истинный католик, для искоренения множущихся заблуждений и ложных учений против нашей святой Христианской религии и веры, чтобы они исчезли из этого Королевства <...>. Наконец, после того как наш вышеупомянутый государь и отец увидел, что <...> он не может ни исправить, ни сократить эту извращённую и упрямую породу людей <...>. <...> так как изо дня в день и из часа в*

час, какие бы наказания, тщательность и бдительность ни применял здесь наш вышеупомянутый государь и отец, сделавший для этого всё, что было в его силах, вышеуказанные заблуждения сохранялись и росли на наших глазах, тайно и явно: так что они превратились в общую чумную болезнь, настолько заразную, что она отравила и заразила многие хорошие города и другие места ...»)

Необычным для законодательного акта является, в частности, и то, что монарх настаивает на приверженности короны Католической церкви: «*treschrestien et tres catholique Prince*» («Государь-истинный христианин и истинный католик»). В более ранних королевских указах, как и в позднейших аналогичных документах XVI века, не касающихся «лютеранской ереси» (вне зависимости от того, издавались ли они до или после начала католико-протестантского конфликта: например, ордонанс Людовика XII 1499 года [18], ордонанс Виллер-Котре 1539 года [12], ордонанс Карла IX 1566 года [2] и многие другие), единственным высказыванием религиозного характера было следующее – формальное и неизменное для всех таких документов – приветствие: «*par la grâce de Dieu, Roy de France*» («милостью Божией, Король Франции»). Чего не скажешь об эдикте Генриха II 1551 года [14], для которого (как и для других антипротестантских указов – например, эдиктов Франциска I 1532 года [10] и Генриха III 1585 года [16]) уточнение вероисповедания короля становится обязательным элементом. Это нововведение соответствует общему тону антипротестантского документа, но совершенно не соответствует устоявшимся нормам светского законодательного текста во Франции.

Преамбула эдикта Генриха III сообщает членам парламента и гражданам ещё более неожиданную для таких документов информацию: «*Considerans l'infinie et speciale obligation que nous avons à Dieu nostre Createur, qui nous a mis en main le sceptre du plus noble Royaume qui soit au monde, où la foy de son fils nostre Sauveur <...> a esté saintement annoncee dés le temps des Apostres, et depuis (moyenant sa grace) religieusement conservée aux cœurs des Roys nos predecesseurs...» [15] («Принимая во внимание неплатный и особый долг наш перед нашим Создателем и Богом, который вручил нам скипетр благороднейшего в мире королевства, где вера его сына нашего Спасителя <...> была свято проповедана ещё со времён Апостолов, и с тех пор (по его милости) благоговейно сохранялась в сердцах Королей, наших предшественников...»).*

В этом фрагменте составители эдикта отвлеклись от правового вопроса и сочли уместным снабдить законодательный текст кратким экскурсом в историю становления Католической церкви Франции. Не говоря уже о том, что они затронули одно из серьёзных богословских разногласий католиков и протестантов относительно преемственной связи Святого Престола с апостольскими учениями.

Далее, рассмотрим подробнее экспрессивно-пейоративные высказывания. В указе 1551 года Генрих II не только в преамбуле документа, но и в самих постановлениях выходит за рамки нейтрального языка, сообщая, что «*ceux qui sçauront et cognoistront aucuns infectez d'heresie, seront tenuz incontinent et sans delay, les denoncer...*» [14] («те, кто узнает и будет знаком с лицами, заражёнными ересью, должны будут немедленно и безотлагательно их разоблачить...»), и что всякий хороший христианин «*sur toutes choses doit avoir odieuse ceste malheureuse secte*» («превыше всего должен ненавидеть эту злосчастную секту»). Генрих III, чей эдикт 1588 года [15] был издан уже после нескольких попыток короны найти компромисс (подробнее см. Élec [9]) в кровопролитном и губительном для страны католико-протестантском конфликте, не отличается таким обилием пейоративных определений и замечаний. Тем не менее, гугеноты по-прежнему именовались здесь еретиками (*hérétiques*), а сама новая вера – ересью (*hérésie*). В обычном королевском ордонансе подобные высказывания и наименования были бы невозможны, вне зависимости от тяжести описываемого правонарушения. Не говоря уже о том, что они вообще не имеют отношения к светскому праву как к таковому, а их наличие является отступлением и от устоявшейся формы документа (в случае эдикта 1551 года [14]), и от канонов светского юридического дискурса (оба эдикта [14, 15]).

Интересно, что среди законодательных актов не одни только королевские антипротестантские указы изобилуют пейоративными выражениями и посторонними комментариями. По нашим наблюдениям, эти элементы присущи ещё одному типу документов – церковным законодательным актам. Правда, рассматриваемые нами постановления Святого Престола (постановления Тридентского собора [25] и булла Сикста V [26]) нельзя назвать чисто франкоязычными законодательными текстами: они составлялись на официальном языке Католической церкви, латыни, а уже затем переводились на французский (об этом свидетельствуют подписи и даты во французских версиях документов). Тем не менее, французские переводы постановлений создавались под эгидой церковных властей и для большинства светских граждан Французского королевства, франкофонов, являлись единственным доступным вариантом изложения новой воли понтифика. Они составлялись, распространялись и применялись (в сфере канонического права) аналогично тому, как составлялись, распространялись и применялись королевские указы (о чём свидетельствует тот же текст буллы Сикста V, в котором описываются процедуры рассмотрения буллы и её последующая публикация [26]). Это делает для нас тем более удобным сравнение двух типов документов.

При рассмотрении папских законодательных актов мы выявили и употребления экспрессивно-пейоратив-

ных слов и выражений, и обилие «лишних» замечаний. В частности, текст постановлений Тридентского собора примечателен использованием таких высказываний, как «*ceste grande et pernicieuse maladie*» [25, p. 127] («эта большая и губительная болезнь»), «*la mer de ce monde, qui estoit troublé <...> horribles flots des heresies*» [25, p. 2] («море этого мира, волновавшееся <...> ужасными волнами ересей»), «*la peste d'heresies et de schismes*» [25, p. 120] («чума ересей и схизм»), «*un <...> si pernicieux schisme*» [25, p. 120] («столь <...> пагубная схизма»); а в булле Сикста V [26] неоднократно употребляются оценочные прилагательные и наречия, например: «*ceste notoire violante main-mise [de Charles Cardinal & Pierre Archevesque]*» («этот общеизвестный вероломный захват [Кардинала Шарля и Архиепископа Пьера]»), «*ont damnablement encouru, et sont tombez en sentence d'excommunication majeure*» («с проклятием навлекли на себя и подпали под приговор отлучения от церкви»). Что же касается замечаний «не по делу», то они и вовсе являются одной из существеннейших и крайне широко представленных отличительных особенностей правового дискурса в исследуемых нами церковных законодательных актах. Характер таких замечаний может быть самым разным: и излишние подробности («*Or est-il que nous ayant esté rapporté ces mois passez, non sans grand trouble & horreur de nostre esprit, par le bruit public, qui de jour en jour renforçoit...*» [26] (Тем временем случилось так, что в прошедшие месяцы мы узнали, не без великого душевного потрясения и ужаса, через людскую молву, которая росла день ото дня...)), и метафорические сравнения («*[le saint Concile] comme une bonne mere qui gemist et est en douleur d'enfans [qui se nomment Protestants]*» [25, p. 92] («[Священный Собор] как добрая мать, которая страдает и терзается о своих детях [именующих себя Протестантами]»)); и даже поговорки («*Or pour ce que, combien que l'habit ne fait pas le moine, toutefois il faut que les Clercs portent toujours des habits convenans à leur ordre...*» [25, p. 109] («Так, поскольку, хотя ряса ещё не делает монахом, всё-таки следует, чтобы Духовные лица всегда носили одежду, соответствующую их чину...»)).

Мы видим, что выявленные характерные черты обычных светских королевских указов и церковных постановлений диаметрально противоположны друг другу. Конечно, не все папские законодательные акты изобилуют пейоративными и «посторонними» замечаниями. К примеру, в менее значимой булле Клементы VIII, касающейся полномочий папского легата [3], подобных особенностей дискурса не наблюдается. Тем не менее, вышеупомянутые экспрессия и «лишняя» информация встречаются не только лишь в постановлениях Тридентского собора [25] и булле Сикста V [26], а присущи документам Святого Престола как таковым (это наглядно иллюстрируют, в частности, буллы «*Ineffabilis providentia*» 1473 года [20] и «*Coenai Domini*» 1537 года [21]). Также можно отметить, что в дискурсе законодательных актов светского и канонического права есть, помимо описан-

ных нами различий, и общие элементы (в частности, исчерпывающие перечисления мы наблюдаем не только в королевских ординасах, но и в документах, изданных от лица Великого понтифика), однако их выявление не входит в задачи нашего исследования.

Стоит при этом уточнить, что если для католических законодательных актов была возможна, как мы отметили, определённая вариативность дискурса (с точки зрения нейтральности и указания информации, касающейся только и непосредственно правового вопроса), то во французских королевских указах (за вычетом антипротестантских) к XVI веку уже не происходило никаких отхождений от устоявшихся канонов, описанных нами ранее.

По итогам сопоставления двух типов правовых документов мы приходим к выводу, что неожиданные лингвистические нововведения в антипротестантских королевских указах были заимствованы из дискурса канонического права. Другой вопрос – как смешение двух разных подходов к составлению законодательных актов повлияло на лексическую составляющую светских юридических текстов?

Изменения коснулись прежде всего средств номинации «преступников»-протестантов и «преступления»-новой веры. Так, в эдиктах употребляются наименования *schisme* ('схизма'), *hérésie* ('ересь'), *hérétique* ('еретик'). *Schisme*, по сведениям современных лексикографических источников [4], относится одновременно к религиозной терминологии и к терминологии канонического права. *Hérésie* считается богословским термином [4], а *hérétique* и вовсе определяется современными словарями [4, 7] как обиходное слово. В лексикографическом труде дореволюционного периода (XVIII века) [5, Т-I, р. 782, Т-II, р. 711] все три лексические единицы отнесены к специальной сфере канонического права. А вот в XVII веке, более близком к периоду Религиозных войн, в юридическом словаре юриста и адвоката Сципиона Дюперье (1588-1667) [8, р. 312] слово *hérétique* приводится среди терминов светского права. И, хотя труд Дюперье едва ли можно назвать полноценным словарём юридических терминов (что естественно, потому что автор не занимался вопросами языка и словарь свой разработал в дотерминоведческую эпоху), составленный им комментарий к слову *hérétique* позволяет нам предположить, что юристы-современники религиозных конфликтов воспринимали «еретика» как понятие, относящееся к королевскому суду. Таким образом получается, что в дискурсе французских королевских ординасов лексика, в более поздние эпохи никак не ассоциирующаяся со сферой светского права, функционирует наравне со стандартными юридическими терминами. Данное явление временно и было вызвано, с одной стороны, изменением королевского законодательства, а с другой – влиянием дискурса церковных законодательных текстов.

Отметим также, что с 1562 года, когда французская корона временно отложила попытки объединения церкви и истребления «*hérésie luthérienne*» ('лютеранской ереси'), а вместо антипротестантских указов начала издавать *édits de pacification* ('эдикты по восстановлению мира'; подробнее см. Élec [9]), это не замедлило отразиться на правовом дискурсе. Составители эдиктов по восстановлению мира, хоть и затрагивают вопросы вероисповедания, тем не менее не используют больше элементов правового дискурса папских постановлений. В этих документах исключается всё, что могло бы усугубить преследования гугенотов и обострить религиозный конфликт. Как сообщает М. Карбонье-Бюркад [1, р. 89], для эдиктов по восстановлению мира свойственно устранение религиозной стороны проблемы и поиск решений исключительно с позиций светского права – как на уровне законодательства, так и на уровне языка. Поэтому вместо красноречивых метафор и пространных рассуждений о том, как бы эффективнее бороться с «ересью», в законодательных актах нового типа мы находим присущую всем стандартным королевским указам нейтральность и целесообразность излагаемой информации, а вместо номинаций *schisme*, *hérésie*, *hérétique* – новые, а не заимствованные у католиков, обозначения. Например, для обозначения самого протестантства используется номинация *Religion prétendue réformée* ('так называемая реформированная Религия'), а для её последователей – формулировка *ceux de lad. Religion* ('те, кто из вышеупомянутой Религии').

Подводя итоги, мы, прежде всего, ещё раз подчеркнём, что к XVI веку правовой дискурс королевских указов во Франции уже сформирован и имеет свои неотъемлемые характерные черты. Тем не менее, в контексте религиозного католико-протестантского конфликта правовой дискурс антипротестантских эдиктов претерпевает ряд существенных трансформаций. Это происходит вследствие смешения в светских документах вопросов светского и церковного судопроизводства и заимствования элементов из правового дискурса постановлений Святого Престола. Данные изменения фиксируются на уровне структуры документов, стилистики и лексики. При этом они присущи только тем эдиктам, которые регламентируют проблемы новой веры, и не распространяются на другие королевские законодательные акты. В дальнейшем, поскольку политика правового притеснения гугенотов не принесла положительных плодов, королевский двор занимает более дипломатичную позицию и возвращается от церковно-правовой риторики к светско-правовой, отказываясь от экспрессивных и пейоративных выражений и посторонних замечаний в законодательных актах. Наконец, мы можем отметить, что отрицательный опыт антипротестантских эдиктов сыграл свою роль в формировании устойчивых канонов правового дискурса, так как даже при отмене Нантского эдикта

и возвращении открытого преследования гугенотов в 1685 году, составители эдикта Фонтенбло [19] уже не берут за образец церковные постановления и почти неукоснительно (исключением является однократное

обозначение протестантизма словосочетанием *fausse Religion* [19, p. 5] ('ложная Религия') следуют изложенным нами языковым и структурным принципам стандартных королевских указов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carbonnier-Burkard M. Les préambules des édits de pacification (1562-1598) // Bulletin De La Société De L'Histoire Du Protestantisme Français (1903-2015), vol. 144 – 1998. – P. 75–92. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/43498915> (дата обращения: 08.07.21).
2. Charles IX. Ordonnances du Roy Charles IX. Faictes par sa Majesté en sa ville de Molins. . . - Lyon: Benoist Rigaud, 1566.
3. Clement VIII. Bulle de N.S. Père Pape Clement VIII. Contenant les Facultez donnees à Monseigneur l'Illustrissime et Reverendissime Cardinal de Plaisance. . . - P.: Imprimerie de la sainte Union, 1592. – 36 p.
4. CNRTL: Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 11.08.20).
5. De Maillane D. Dictionnaire de droit canonique et de pratique bénéficiale conféré avec les maximes et la jurisprudence de France. T.-I; T.-II. – P.: Cl.-Jean-Baptiste Bauche, 1761. – 861, 893 p.
6. D'Espinay G. De l'influence du droit canonique sur la législation française. – Toulouse: Typographie de Bonnal et Gibrac, 1856. – 312 p.
7. Dictionnaire du Moyen Français (1330– 1500). [Электронный ресурс]. URL : <http://zeus.atilf.fr/dmf/> (дата обращения: 20.06.21).
8. Dupérier S. Dictionnaire alphabétique des termes juridiques en usage au 17e siècle. – 1667. – 616 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://odyssee.univ-amu.fr/items/show/282#?c=0&m=0&s=0&cv=0> (дата обращения: 20.05.21).
9. L'Édit de Nantes et ses antécédents (1562-1598) // Éditions en ligne de l'École des chartes (Élec). [Электронный ресурс]. URL: <http://elec.enc.sorbonne.fr/editsdepacification/> (дата обращения: 20.05.21).
10. François I. Ordonnances du Roy nostre sire alencontre des Lutheriens. . . - Lyon, 1532.
11. François I. Ordonnances du très chrétien Roi de France, François premier de ce nom, réduites par titres & articles & ordre selon les matières, ordonnées être gardées & observées en ses pays de Provence, Forcalquier et terres adjacentes : selon et en ensuivant la réformation par lui faite sur le fait de la justice desdits pays, l'an mil CCCC. XXXV. . . - Lyon: Denys de Harsy, 1536.
12. François I. Ordonnances royaulx sur le fait de la justice et abbréviation des procès par tout le royaume de France.... – P., 1539.
13. Gémar J.-Cl. Les fondements du langage du droit comme langue de spécialité. Du sens et de la forme du texte juridique // Revue générale de droit, volume 21, numéro 4. – Ottawa: Université d'Ottawa, 1990. – P. 717–738. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.7202/1058214ar> (дата обращения: 20.05.21).
14. Henry II. Edict du Roy touchant la congnoissance, jurisdiction et jugement des procès des luthériens et hérétiques, appartenans à tous juges royaux et présidiaulx. – P., 1551.
15. Henry III. Edict du Roy pour l'establissement d'un assureé repos au fait de la religion Catholicque, Apostolicque, et Romaine, & union pour l'extirpation des scismes... Publié en sa Court de Parlement de Rouen – Lyon: Jehan Pillehotte, 1588.
16. Henry III. Edict du Roy sur la reunion de ses subjects. . . - P.: Federic Morel, 1585. – 15 p.
17. Huchon M. Le français de la Renaissance. – P.: PUF, 1988. – 128 p.
18. Louis XII. Les ordonnances royaulx nouvellement publiées à Paris de par le roy Loys douziesme de ce nom, le XIIIe jour du moys de juing l'an mil CCCC XCIX. – P., 1499.
19. Louis XIV. Edit du Roy, Portant défenses de faire aucun Exercice public de la R.P.R. dans son Royaume. – P.: François Muguet, 1685. – 11 p.
20. Paul II. Bulla Ineffabilis providentia. – Roma, 1472-1473.
21. Paul III. Bulla Coenae domini. – Roma, 1537.
22. Picoche J., Rolland J.-C. Dictionnaire Etymologique du français. – P.: Dictionnaires LE ROBERT, 2009. – 845 p.
23. Rey A. Dictionnaire historique de la langue française, nouvelle édition – P.: Dictionnaires LE ROBERT, 2010. – 2614 p.
24. Rickard P. A history of the French language, second edition. – L., N.Y.: Taylor & Francis, 2005. – 192 p.
25. Le Saint, sacré, universel, et general Concile de Trente. . . - Rheims: Jean de Foigny, 1564. – 236 p.
26. Sixte V. Bulle de N. S. P. Pape Sixte V contre Henry de Valois. – Troyes: Jean Moreau, 1589.
27. Von Wartburg W. Französisches Etymologisches Wörterbuch. [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.atilf.fr/lecteurFEW/index.php/page/view> (дата обращения: 20.05.21).

© Рожкова Серафима Дмитриевна (sima.rojkova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О НЕОДНОЗНАЧНОСТИ АФФИКСОВ ВО ФЛЕКТИВНЫХ И АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, ТУРЕЦКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Салманова Шафа Меджид гызы

Диссертант Азербайджанского университета языков
safa-9@rambler.ru

ON THE QUESTION OF THE AMBIGUITY OF AFFIXES IN INFLECTIONAL AND AGGLUTINATIVE LANGUAGES (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, ENGLISH, TURKISH AND AZERBAIJANI LANGUAGES)

Sh. Salmanova

Summary: This article is devoted to an interesting and relevant topic for modern linguistics. Despite the fact that there is quite a large critical literature on two voluminous groups of inflectional and agglutinative languages nowadays, the chosen topic favorably differs by a certain novelty of some theoretical positions. As you know, there are practically no major monographic or dissertation works directly devoted to this topic in Azerbaijani linguistics. As for individual articles, despite their abundance, four or more languages of two types were not specifically considered at the same time. In this case, the goal is set: to conduct a comparative analysis of four languages in pairs: Russian and English; Turkish and Azerbaijani. In connection with this goal, the article's architectonics are primarily attracted. Namely, already inside the work itself, they are divided into two parts: first, the affixes of the first pair are analyzed, then the second. This is justified from the point of view that the involuntary mixing of these pairs, firstly, would create a kind of collage in the content itself; secondly, it would impoverish the work by belittling the role of one of the groups. This does not happen in this article, not only because of the chosen structure, but also due to the author's highlighting of the specific features of affixes inherent in each of these lexemes. The article also has some applied significance, because individual affixes play both a word-modifying and word-forming role.

Keywords: Russian language, English language, Turkish language, Azerbaijani language, affixes, ambiguity, class of subjects, typology.

Аннотация: Настоящая статья посвящена интересной и актуальной для современного языкознания теме. Несмотря на тот факт, что по двум объёмным группам флективных и агглютинативных языков в наши дни имеется достаточно большая критическая литература, избранная тема выгодно отличается определённой новизной некоторых теоретических положений. Как известно, крупных монографических либо диссертационных работ, непосредственно посвящённых этой теме, в азербайджанской лингвистике практически не существует. Что же касается отдельных статей, то, несмотря на их обилие, четыре и более языков двух типов одновременно специально не рассматривались. В данном случае поставлена цель: попарно провести сравнительно-сопоставительный анализ четырёх языков: русского и английского; турецкого и азербайджанского. В связи с такой целью в первую очередь привлекает архитектура статьи. А именно уже внутри самой работы они разделяются на две части: сначала анализируются аффиксы первой пары, затем – второй. Это оправдано с той точки зрения, что непроизвольное смешение этих пар, во-первых, создало бы подобие коллажа в самом содержании; во-вторых, обеднило работу принижением роли одной из групп. Этого не происходит в настоящей статье не только по причине избранной структуры, но и за счёт выделения автором специфических особенностей аффиксов, присущих каждой из указанных лексем. Статья имеет также некоторое прикладное значение, потому что отдельные аффиксы играют как словоизменительную, так и словообразовательную роль.

Ключевые слова: русский язык, английский язык, турецкий язык, азербайджанский язык, аффиксы, неоднозначность, класс предметов, типология.

Проблема классификации языков мира началась ещё на рубеже XIX-XX столетий. К этому приложили руку такие выдающиеся лингвисты далёкого прошлого, как А. Пешковский, Э. Сепир, Бодуэн де Куртене. О важности и актуальности поднимаемой проблемы в первой половине XX века говорил академик В.В. Виноградов и многие его последователи. И дискуссии вокруг этой проблемы продолжают до сих пор. Это тот случай в лингвистике, когда исключение из правил насчитывается больше, нежели его обратная картина. Так что, пожалуй, легче сказать обо всех выдающихся учёных

прошлого и настоящего, которые по случаю, в той или иной степени не затрагивали данный вопрос, чем перечислять их фамилии. Между тем большинство исследователей сосредотачивают главное внимание на одном языке, либо двух, относящихся к группе флективных или агглютинативных соответственно. Мы попытаемся в рамках небольшой по объёму статьи провести обзорный сравнительно-сопоставительный анализ на материале четырёх языков – русского, английского, турецкого и азербайджанского, параллельно выделяя признаки, присущий двум названным типам. Тем самым планируем

несколько усложнить тему. В этом нам прежде всего видится основная цель статьи.

Но прежде чем приступить к её реализации, необходимо вкратце сказать о сути двух данных типов языков. Ещё Э. Сепир в своё время оригинально подметил, что «сугубо флективных и сугубо агглютинативных языков не существует». Он обосновывал это положение тем, что практически в любом языке можно найти элементы как флективности, так и агглютинативности. Под другим углом зрения, но по сути своей в той же плоскости рассуждал лингвист Дж. Гринберг. Так, он ставил под сомнение классическую формулировку агглютинации: «Если речь идёт об одном грамматическом значении – то это означает и одно формальное средство его выражения». Но в таком случае, пишет автор, уже само по себе установление факта наличия двух разных средств в передаче множественности семантики ясно свидетельствует о своего рода не агглютинативности категории числа. Следовательно, завершает свою мысль Дж. Гринберг, «при утверждении такого теоретического положения мы фактически ликвидируем понятие исключения. А это вряд ли можно считать явлением оправданным» [2, с.66-67].

Несмотря на факт неоднозначности функционирования аффиксов во флективных и агглютинативных языках, у них обнаруживаются общие черты и признаки. Только со специфическими особенностями. На них первоначально и остановимся. Так, несмотря на внутреннюю изоляцию друг от друга, могут одновременно сосуществовать почти однотипные словоформы. Поэтому логично и рациональнее говорить и писать о типологии языковых классификаций. Более того, как верно указывают В.Г. Гузев и А.А. Бурыкин, если «...во флективных и агглютинативных языках не родственных групп мы и обнаруживаем определённого рода структурное сходство, то это ещё не означает их генетическое родство; и наоборот – в некоторых структурных различиях языков двух типов оно (генетическое родство) может и присутствовать» [3, с.3].

Абсолютное большинство учёных – как прошлых десятилетий, так и современных – признаёт, что основной функцией аффиксов двух типов языков – флективных и агглютинативных, является словообразовательная. Однако, как выясняется, это единогласие отнюдь не означает отдельных признаков, которые по-разному проявляются в «поведении» аффиксов. Отсюда проистекает и, собственно, их неоднозначность как в отправлении присущих им функций, так и в отношении трактовки лингвистов. Остановимся первоначально на русском и английском языках, относящихся к группе флективных.

Выясняется, что уже в самой словообразовательной функции выделяют структурную и семантическую, имеющие собственный спектр действий, отличный друг от

друга. В одном случае доминирует функция структурная. Так, от существительного *системник* образуется прилагательное «системный». Его главное значение становится наиболее ясными в сочетании со словом «блок». *Начерталка* соответственно образует прилагательное *начертательный*. Это особенно ясно в сочетании со словом *геометрия*. Далее, по аналогии: «парадка» это «парадная форма». Некоторые из них в наши дни легко переходят в разряд молодёжного сленга, главным образом, благодаря усечённой форме аффикса. Например: зачётка – зачётная книжка студента; столовка – столовая. И т.п. Если же мы говорим о нулевой аффиксации, то выполняется уже не структурная, а семантическая функция. Но чаще всего словосочетания с указанными и подобными им аффиксами, построенные по двум этим схемам, по существу равнозначны. Другими словами, присоединение структурных элементов (или формантов) во флективных языках порождает новый смысл.

Обе словообразовательные функции – структурная и семантическая, которая, как наблюдаем, частично или полностью совпадают по выражению своего внутреннего содержания, мы привели в нашей статье не случайно. Существо дела заключается в том, что во флективном русском языке лингвистов в первую очередь интересует структурная функция разных видов аффиксальных морфем. Как будет видно ниже, она сложна, многообразна, характеризуется разветвлённой сетью терминов, поэтому, как правило, и неоднозначно трактуемая учёными. Но – самое важное, разнообразие аффиксальных морфем, собственно, и приводит к выражению семантики. Иными словами, какие виды аффиксов – такой и новый смысл.

Отклонимся от общепринятого факта деления русских слов по частям. Эту информацию (разбор по составу) получают в своё время ещё школьники, затем в усложнённом виде её доносят до сведения студентов гуманитарных вузов. Укажем на менее известное, что значительно реже, во-первых, попадает в учебные пособия, во-вторых, не всегда анализируется в монографиях или диссертациях. Так, служебные морфемы в русском языке делятся на несколько видов: префиксы, суффиксы, постфиксы, интерфиксы, наконец, морфемы-флексии. К ним примыкают так называемые аффиксоиды. В целях простоты и удобства лингвисты именуют выше перечисленное аффиксами, точнее сказать, видами аффиксальных морфем. Структурная составляющая здесь налицо.

Но, оказывается, с таким делением согласны далеко не все учёные. Например, В.Н. Немченко отказывается включать в состав русских аффиксов интерфиксы. Более того, ряд современных языковедов считает, что соединительные гласные «о» и «е» в словах *землемер*, *землетрясение*, *пароход*, *паровоз*, *самолёт* (их множество) – это тоже интерфиксы в составе аффиксов. Но В.Н. Немченко полагает, что их «структурные компоненты по сути ли-

шены семантики» [5, с.88-89]. Проще говоря, они, по его мнению, асемантичны и потому к аффиксам приравниваться не могут.

Однако на этом традиционное деление не заканчивается. Некоторые современные исследователи в актив аффиксальных морфем русского языка записывают ещё «конфиксы». Причём, одни учёные называют их «бификсами», а другие – циркумфисами. Общеизвестно, что суффикс – это служебная морфема, находящаяся или после корня, или после второго по счёту суффикса. Она служит для образования новых слов или грамматических форм. Однако суффиксальные морфемы в русском языке не являются обязательной частью слова. Имеется большое количество и слов бессуффиксальных.

Самобытна, абсолютно не похожа на систему видов аффиксальных морфем в английском языке, группа русских суффиксов, которые служат для образования фамилий или отчеств. З.К. Ишкильдина в своей статье перечисляет наиболее редко употребляемые. Это: «Абдурахманов – на «ов-а»; Буранбаев на «ев-а»; Гайсин – на «ин-а»; Мортазин-Иманский – на «ск-ий»; Абзанович, Нуриевич, Абзанова, Нуриевна, Софинична, Софич на соответствующие суффиксы» [4, с.99]. Хотим попутно заметить: непривычные для слуха русского человека фамилии не должны смущать читателей; статья З. К. Ишкильдиной посвящена сравнительно-сопоставительному анализу аффиксов в русском и башкирском. Так что сами сравнения и сопоставления в нашей статье нас, естественно, не интересуют, но неоднозначность видов или типов отмеченных автором аффиксальных морфем, конечно, заслуживает внимания.

Это, на наш взгляд, тем более очевидно при сравнении с однотипным вопросом в английском языке. В нём структурная составляющая не играет такой значительной роли, как в русском, но аффиксация тоже является весьма продуктивным способом в словоизменениях или словопроизводстве. Любопытный, на наше усмотрение, факт: если рассматривать эту пару языков в культурно-политическом аспекте, то совершенно ясным предстаёт их тесная взаимосвязь как фактор международного общения. Но если принимать во внимание лингвистическую сторону, то он абсолютно разные. Английский и русский языки отличны друг от друга группой (славянская и индоевропейская). Следовательно, в известной степени они отличны как в генеалогическом, так ареальном и типологическом ключе.

Как и русский, английский язык по своим морфологическим признакам является флективным, но, во-первых, отличается от него более разветвлённой системой времён, во-вторых, грамматическими средствами выражения. Как-то: вспомогательными глаголами, предлогами и более строгим, упорядоченным строем слов. В отличие

от свободного порядка слов – в русском языке.

Между тем симптоматично, что в русском и английском языках (как, впрочем, и в паре турецкого и азербайджанского) можно реально, а не искусственно, приблизить друг к другу функции словоизменения и словообразования. Разумеется, за счёт аффиксации. В обоих языках процесс словообразования происходит на основе развития однокорневых слов. Аффиксация же, в равных долях со словосложением, конверсией и некоторыми другими формальными грамматическими средствами позволяет учёным объединить характерологические признаки в общие схемы и модели. Этому, в свою очередь, сопутствуют аналогичные образцы. В данном случае перед исследователями аффиксация в двух языках выступает как своеобразная «настолярная книга» для изучения самого процесса словообразования. Это не только сигнализатор новых слов, но и действенный фактор пополнения английского лексикона. Общая панорама словообразования настолько ясна и прозрачна, что её можно, по нашему предположению, без искусственной натяжки сопоставить с подобным явлением в современном русском языке. Более того, наблюдается аналог между словообразованием и словоизменением в двух сопоставляемых языках, иллюстрируемых на примере разных частей речи. В этот разряд не попадают разве что неизменяемые слова (главным образом, наречия), что ориентирует учёных на поиск схожих друг с другом аналитических форм. Но при любых условиях функционирования аффиксов в двух языках хочется подчеркнуть: на внутреннем содержании лексем даже при употреблении одинаковых или разных аффиксов в новых словах это существенно не отражается. Логика протекания двух процессов заключается в степени конкретной реализации грамматических форм. При словоизменении количество образующихся новых значений значительно больше, чем при словообразовании. В английской морфологии никакого нарушения здесь не наблюдается; это закономерное явление, естественно вписывающееся в парадигму аффиксации. Если речь об общности признаков, которые и позволяют соединять некоторые слова с аффиксами в единые словообразовательные или словоизменительные модели/схемы. Разночтения возникают в тот момент, когда слова разбирают по составу. Так, корни английского языка, в отличие от русского, по своей количественной характеристике очень часто равны целому слову (то есть, они не совпадают по принципу частотности). К некоторым словам вовсе не обязательно добавлять аффикс. Например: «To arise идентично a + rise. Оно же аналогично предлогу с глаголом – «to rise». Такие необычные словесные конфигурации крайне редко встречаются в русском языке. Аффикс, как формальная часть английского слова здесь выражает определённое своё значение, однако, как самостоятельная единица не употребляется. Укажем и на такой факт: в современном английском языке с помощью аффиксации отмечается

немалое количество образования новых слов. Но среди них особенно выделяется словосложение. Абсолютное большинство англоведов признаёт, что именно таким способом происходят новообразования. Не вдаваясь в рамки статьи в частности и нюансы, русский язык в данном отношении, несомненно, богаче. И аффиксов, и соответственно способов образования либо изменения слов статистически гораздо больше.

Теперь обратимся ко второй паре заявленных нами в названии статьи языков. Итак, турецкий и азербайджанский языки относятся к тюркской группе. Здесь у лингвистов нет никаких сомнений. Расхождения во мнениях возникают при определении показателей множественного числа (множественности) для глагольных или именных форм. В этих языках, в частности, обращают на себя внимание некоторые аналогии синтаксического характера. Например, при построении атрибутивных конструкций наблюдается своеобразный порядок слов. А именно, уточняющий компонент следует за уточнением. Другими словами, определяемое следует за самим определением. Первый (условно) вариант. В двух языках: «uzun yol» состоит из сочетания прилагательного с существительным. Совпадает даже фонетическое созвучие. То есть полное совпадение словоформ. По аналогии в турецком и азербайджанском языках дополняемое заключает в себе содержание собственно дополнения. Второй вариант (kitap oku – kitab oxu). Разница в фонетическом звучании. В азербайджанском языке проходит процесс оглушения конечного согласного в аффиксе «ab» и замена одной согласной в глаголе повелительного наклонения. Частичное совпадение. Расхождения в аффиксах на уровне синтаксиса. Чаще всего это происходит при примыкании с главным словом в роли обстоятельства. Например: *yukarı çık* и *uxarı qalx*. Отсутствие совпадения словоформ сказывается в том, что при одновременном сочетании наречия с повелительным наклонением глагола («поднимись») управляемое слово фактически остаётся неизменным, в то время как примыкаемое наречие видоизменяется не только аффикс в турецком языке, но и всё слово целиком. То есть при сравнении наблюдается частичное совпадение словоформ в сторону смещения акцентов азербайджанских аффиксов до полной замены словоформы. Вместе с тем в двух языках равноправно возможны девиации. Они допускаются в тех случаях, если при морфологической оформленности аффиксов переданы взаимоотношения по линии субъект – субъект. Кроме того, возможны и дополнительные смыслы высказываний субъектов ситуации, включая даже отдельные эмотивные оценки со стороны говорящего.

Как нам представляется, в азербайджанском языке, по сравнению с турецким, несколько более расширенный диапазон значений аффиксов при глагольном словообразовании. Так, в словообразовательной модели, которое выражает различные изменения в предмете

признака, аффиксы придают соответствующей лексеме какое-либо свойство, свидетельствующее о приобретении нового качества. Например: кристалл – это полудрагоценный камень или же обычное ископаемое. При аффиксе «laş» (kristallaşmaq), что дословно означает «кристаллизироваться», лексема приобретает значение уже вовсе не камня как такового, но чистоты, шлифовки чего-либо, рифления. Недаром, про бриллиант или другую драгоценность, с одной стороны, говорят «камень кристалльной чистоты». Но с другой стороны, это ещё и предмет или материализованное явление, подвергшееся вторичной рефлексии, проверке и т.д.

Можно отметить случаи, в которых, на наш взгляд, наблюдается ещё более интересное явление. Слово вышло из употребления ввиду исчезновения самого предмета (или явления) и превратилось в историзм, но аффикс ему придаёт новое значение. Так, «kolhoz» в прошлом методом сложения основ означал коллективное хозяйство. В наши дни, понятно, эта лексема может употребляться только в специальном контексте. Однако при аффиксальном глагольном образовании в азербайджанском языке (kolhozlaşmaq) слово приобретает значение «коллективизировать», то есть что-либо делать вместе, сообща, коллегиально. Словоизменительный характер получают такие лексемы, как, например, «sənayeləşmək» (индустриализироваться), «abstraktlaşmaq» (абстрагироваться) и т.д.

В двух агглютинативных языках тюркской группы словоизменительные аффиксы служат, главным образом, для видоизменения морфологической структуры слов, а также в целях установления связи между ними. Схожую функцию выполняют и словообразующие аффиксы. Но что характерно, в турецком и азербайджанском языках аффиксы в большинстве случаев легко отделимы от корневой системы. А, к примеру, во флективном русском языке, напротив, аффиксы иногда столь тесно связаны с корнем, что сложно выделить корневые морфемы.

В качестве доказательства коллектив азербайджанских учёных – Н. Абдуллаев, А. Абдуллаев и М. Аскеров приводят слово «ev» с выделением производных с помощью разных словообразующих аффиксов. Цепочка выстраивается следующим образом: «ev» («дом»), «evcik» («домик»), «evli» («семейный»), «evsiz» («бездомный», или «без семьи»), «evdar» («семьянин»). Чаще всего в выражении «примерный семьянин» [1, с.38].

В турецком языке большинством современных лингвистов отмечен достаточно широкий диапазон глагольных аффиксальных значений, причём, сопровождающихся именными формами. Имя действия в теории турецкого языкознания получило название «masdar». Его основной функцией становится опредмечивание действия, то есть соединение двух форм (глагола и имени с помощью аф-

фиксации). Например: *gelmisini söyle* («Скажи, чтобы он пришел»). Здесь глагол для большей ясности и чёткости функционального назначения аффикса целесообразно разделить по составу, типа: *gel+me+sin+i*. Симптоматично, что глагол с выделенными нами аффиксом при переводе на русский язык следует правильно переводить с учётом национальной окраски. При переводе он также опредмечивается, и акцент смещается в сторону уже не столько глагольной, сколько именной формы. Так, с нашей точки зрения, более точным будет соответствие лексеме «говорение», практически не используемое ни в художественной литературе, ни в научном дискурсе, но тем не менее всецело присущее методической мысли. Или «хождение», что крайне редко встречается в бытовой речи, в бытовом плане, но, как известно употреблено в названии древнерусского памятника «Хождение за три моря...» или в сакральном смысле у А. Толстого «Хождение по мукам») и т.д.

Если глагольное словообразование в турецком языке выражено субстантивацией с формами адъектива, то оно с помощью соответствующих аффиксов также способно опредмечиваться: *geldiğinizi bilirsiniz* («Знаем мы, что вы уже приехали»). Но коль скоро мы выше отметили широкий диапазон аффиксальных значений в турецком языке, то добавим: субстантивно-адъективным аффиксальным образованиям могут быть присущи и признаки предмета либо действия. «*geldiğiniz tren*». Перефразируем: речь идёт о поезде, на котором приехали. Причём, тезаурус глагольного словообразования с указанными аффиксами иногда осложнён пространственно-временными отношениями. Это происходит в тех случаях, когда глаголы выступают в роли обстоятельств и соответственно выражены его обстоятельственными, модальными или деепричастными формами. *Yaşadıkça çalışmalısın* («Нужно трудиться, пока живешь»).

Показательно в аспекте поиска и обнаружения типологии аффиксов в двух агглютинативных языках сопоставить их с некоторыми азербайджанскими глаголами, которые обозначают приобретение определённым предметом тех или иных признаков. Причём, если в турецком языке вышеназванные аффиксы в основном являются востребованными как в речи, так и в любых типах текстов, то в азербайджанском, по свидетельству академика М.Ш. Ширалиева, «...имеется целый ряд непродуктивных аффиксов, образующих такие глаголы, которые через опредмечивание признака показывают его новое качество, равно как и особенности пребывания человека в определённом состоянии, или стремление к чему-нибудь. А также и некоторые другие значения» [6, с.96]. Это положение учёный снабжает рядом примеров: *yaşarmaq* – сделать влажным; *otarmaq* – пасти (овец, коров); *qızarmaq* – раскалиться, накаляться (отсюда признак физического состояния предмета – накал лампочки – примечание наше); *su suvarmaq* – поливать; *bozarmaq* – сереть; *ağarmaq* – белеть; *sanamaq* – считать; *yaşamaq* – жить; *ələmək* – просеять, *diləmək* – желать, *boşamaq* – развестись и т.д.

Если на основе примеров говорить о типологии аффиксов в турецком и азербайджанском языках, то легко бросается в глаза их большой спектр употребления. Установим этот факт как общность признаков аффиксации. Но есть и разница в форме употребления. Одновременно с тем неоднозначность аффиксов также тоже очевидна: в турецком языке – это весьма продуктивный класс аффиксов при глагольном словообразовании или словоизменении; в азербайджанском – обратная картина.

Всё отмеченное в настоящей статье свидетельствует о неоднозначности функционирования аффиксов в языках разных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Н., Абдуллаев А., Аскеров М. Азербайджанский язык. Баку: Издательский дом «Парни из Баку», 2008, 408 с.
2. Гринберг Дж. Квантитативная типология языков. М.: Наука, 1982, 227 с.
3. Гузев В.Г., Бурькин А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков. <https://www.orient.spbu.ru/books/Guzev/473/>
4. Ишкильдина З.К. Виды аффиксальных морфем в русском и башкирском языках // Проблемы востоковедения, 2020, №2, с. 97-102.
5. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1984, 255 с.
6. Ширалиев М.Ш. Грамматика азербайджанского языка. Баку: Элм, 1971, 413 с.

© Салманова Шафа Меджид гызы (safa-9@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХРОНОТОП И УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ГАДАНИЯ

Светкина Анастасия Андреевна

старший преподаватель, Уральский институт
ГПС МЧС России
saev8713@mail.ruCHRONOTOPE AND CONDITIONS
FOR DIVINATION

A. Svetkina

Summary: The article discusses the features of fortune-telling among the Russian people, as well as the peoples living on the territory of Russia, in terms of the characteristics of the corresponding texts and their sacred meaning. Same the author examines the concept of «chronotope» in relation to fortune-telling and defines its features for the Russian fortune-telling tradition, the traditions of the Permians, Khanty and Tuvans. An analysis of the texts of the corresponding divinations showed that the places and times of divination are not the only conditions that determine the sacredness and effectiveness of the action, since an important condition for conducting fortune-telling is also the observance of certain rules, the presence of objects and the correspondence of certain signs. In particular, it is noted that a special organization of the text «worked» to enhance the magical effect, in particular, the presence of numerous sound, lexical repetitions, syntactic parallelism. The very same magical action in the text is often depicted with the help of verbs, the semantics of which implies the presence of some kind of interaction with the object – «scatter» or «cut». It was concluded that the study of divination in general and divination texts is of particular research interest, as it allows you to better study the history and traditions of the peoples of the country, to assess the influence of the language on divination rituals and their effectiveness.

Keywords: chronotope, divination, divination process, rite, beliefs.

Гадания существуют в различных культурах многих народов мира, причем некоторые считают, что гадания позволяют что-то узнать, а остальные относятся к гаданию как к народному развлечению. Действительно, многие народные гадания по традиции представляют собой увлекательное действие, сопровождаемое красочными обрядами.

Гадание представляет собой вид сакрального текста, который соединяет ациональный (ритуальный) и вербальный коды, направлен на установление контакта с магическими (сверхъестественными) силами и имеет цель – получение прогноза на будущее, что выявляет стереотипы национального сознания, в которых отражаются «... суеверия, обычаи, народный календарь природы, регламентированные формы коммуникации». Представляется вполне естественным, что тексты подобного рода представляют определенный интерес с филологической точки зрения, так как такие тексты, как правило, отличаются экспрессивностью и отражают национальные традиции того или иного народа.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности проведения гадания в русском народе, а также народах, проживающих на территории России с точки зрения особенностей соответствующих текстов и их сакрального смысла. Также автор рассматривает понятие «хронотоп» применительно к гаданию и определяет его особенности для русской гадательной традиции, традиций пермяков, хантов и тувинцев. Анализ текстов соответствующих гаданий показал, что места и времена проведения гаданий являются не единственными условиями, определяющими сакральность и эффективность действия, так как немаловажным условием проведения гадания является также соблюдение определенных правил, наличия предметов и соответствия тех или иных признаков. В частности, отмечается, что на усиление магического воздействия «работала» особая организация текста, в частности, наличие многочисленных звуковых, лексических повторов, синтаксический параллелизм. Само же магическое действие в тексте нередко изображалось с помощью глаголов, семантика которых предполагает наличие некоего взаимодействия с объектом – «рассыпать» или «нарезать». Был сформулирован вывод о том, что изучение гаданий в целом и текстов гаданий представляет особый исследовательский интерес, так как позволяет лучше изучить историю и традиции народов страны, оценить влияние языка на обряды гадания и эффективность таковых.

Ключевые слова: хронотоп, гадание, процесс гадания, обряд, поверья.

В разных частях мира используются различные методы гадания, которые отражены в различных текстах. На сходство методов гадания влияет как географическое положение, так и степень культурного сродства. Учитывая этническое разнообразие нашей страны, представляется интересным и важным исследовать условия проведения гадания и хронотопа в различных культурах.

Процесс исследования гадательных практик так или иначе требует отдельного рассмотрения такого понятия, как хронотоп. Так, А.А. Ухтомский под хронотопом предлагал понимать «закономерную связь пространственно-временных координат» [1, с.194]. В свою очередь, М.М. Бахтин использовал данный термин в целях изучения влияния времени и места на отдельный жанр искусства или на конкретное произведение [2, с.365]. Полагаем, что в гадании хронотоп определяет временные и пространственные координаты процесса гадания, при котором гадательный обряд имеет привязку к праздным датам (Рождество, день Ивана Купала, Новый год), времени года или суток и к определенному месту (пример: перекресток). Можно отметить универсаль-

ность сакрального смысла хронотопа в методах гадания. В данном аспекте стоит привести такой пример: чтобы обрести благополучие народные поверья велют гадать в Юрьев день: «в Юрьев день по свежести перьев лука, сорванных накануне, узнавали о своем благополучии-неблагополучии в будущем». А чтобы защититься от нечистой силы, необходимо действовать вечером, а затем утром: «вечером нужно нарвать крапиву, нарезав ее мелко, рассыпать вокруг дома тонкой сплошной линией. Утром пройти вокруг дома».

Анализ текстов данных поверий, показывает, что на усиление магического воздействия «работала» особая организация текста, в частности, наличие многочисленных звуковых, лексических повторов, синтаксический параллелизм. Само же магическое действие в тексте изображается посредством использования глаголов, семантика которых предполагает наличие некоего взаимодействия с объектом – «рассыпать», «нарезать».

В хронотопе гаданий особое место отводится смене времени суток. Чаще всего, когда день сменяется ночью и наступает темнота. Гадание, как некий сакральный процесс, направлен на установление контакта с магическими (сверхъестественными) силами, чем и обусловлена особенность хронотопа в гадательных практиках.

В уральской традиции сохраняются общерусские временные координаты процесса гаданий. Очень четко обозначено начало – ему придается едва ли не сакральная значимость, обеспечивающая результативность. Начало гадания, во-первых, связано с переходом от старого к новому году: «на Новый год гадали», «на сочельник», а время соотносено с рождением Христа, с его крещением: «в первый день после Рождества», «в крещение». Во-вторых, время суток обязательно связано с наступлением темноты: «поздно вечером», «ночью», «в двенадцать часов ночи». За редким исключением гадания совершаются рано утром, в начале нового дня, однако, во всех этих случаях ощутима печать перехода от завершения одних суток к началу следующих [3].

В основе гадательных текстов всегда находятся семантические блоки, которые связаны с культурной памятью народа. К ним можно отнести, к примеру, фразы «на жениха или невесту», «на замужество или женитьбу», «на семейное благополучие», «на здоровье». Очевидно, это достаточно устойчивая семантика, которая отражает жизненные ориентиры и ценности общества.

В текстах гадания время – это сакральный компонент, указывающий на определенное сакральное время (день месяца), когда происходит то или иное отсылающее к сакральному прецеденту событие. В ритуале гадания находит свое отражение обращение к опасному внешнему миру. Магические функции приписывались перекрест-

кам дорог. Здесь совершались заговоры, исцеляющие обряды и гадания: «в сочельник на перекресток дорог бегали с сочнями», «ворожили на росстанях». Перекресток, в свете народных верований, осмыслялся как место роковое, «нечистое». На перекрестке сверхъестественные силы как нигде имеют власть над человеком. В уральских записях встречается такой обряд: «в ночь перед Рождеством нужно выйти в двенадцать часов на перекресток и очертить вокруг себя кочергой круг. Будут черти на конях скакать, колокольчики звенеть, но круг переступить нельзя. Им можно задавать вопросы, они будут отвечать».

Синтактика текста гадания включает в себя интерпретацию соотношения знаков (вербальных и невербальных) при выражении ими сакрального содержания. В совокупности знаковые элементы текста образуют синкретичный комплекс, определяющий эффект суггестивного воздействия. Так, синтактика гадания обусловлена её вхождением в конкретную ситуацию, в которой разнородные явления и предметы обретают сакральную знаковую функцию, объединяясь по принципу симпатической магии.

«Славянские древности» представляют обряд гадания на суженного-ряженого с обязательным условием – местом проведения гадания должен быть перекресток: «выйдя на перекресток, девушка набирала снег в передник и, закрыв глаза, потряхивала передник, приговаривая: «Полю, полю, белый снег на собачий след. Где собачка лает, там мой суженый живет».

Еще одна особенность хронотопа гадательной практики – наличие мест, связанных с водой. Возможно, в этом усматривается архаическое начало, мифологизации воды как стихии природы, а также среды обитания. Вода ассоциировалась с явлением судьбы и предназначения, как субстанция, пребывающая в постоянном движении и текучести. Метафизическая сущность воды часто имеет связь с мистическими силами: живая вода, мертвая вода, среда обитания русалок, сирен из западной мифологии и т.д. Вода – это также элемент зеркальной реальности, места, где можно увидеть своего зеркального двойника. Также для гаданий вода используется как источник звука. Проточная или переливаемая вода часто используется для прислушивания. Гадатель вслушивается в монотонные звуки естественного происхождения до тех пор, пока в этих звуках ему не начинают слышаться пророческие слова и фразы. Более того, гадатель может определять погоду по шуму и настроению воды: «если вода стоит спокойно, значит, зима будет теплая, мягкая. Если вода гудит, воеет, стонет, то это сулит метели, морозы, ненастья». У пермяков во время их гаданий было необходимо посещать речку и «слушать ее».

Семантика гадальных текстов рассматривается как

соотнесенность его темы, формы и структуры с типом культурной информации (той сферой знания, опыта, деятельности, которая обрабатывается коллективным сознанием в мифологическом ключе). Так, природа для славян была обожествлена и даже после принятия христианства ассоциировалась с различными языческими мотивами. Все это культурная информация, передаваемая из поколения в поколение, «сакрализовала» текстовые упоминания мест и времени.

Также интерес представляет конец года, который воспринимался в народе как время, когда нечистая сила активизируется, а значит, процесс гадания становится более эффективным. Конец года также мог восприниматься как этап перехода – завершение календарного цикла в фольклоре многих народов ассоциировалось с мифами о гибели и упадке. У коми-пермяков считалось, что к концу года среди живых начинают появляться чуды. Они могли ведать о будущем и представляли собой типичного представителя низшей мифологии Пермского региона. В свою очередь, к Святкам приурочивались и многочисленные гадания о замужестве и будущем урожае, молодежные игрища, хождения ряженных. Ряженных в каждом районе называли по-разному: калян, маскар, вочотчом, чуды, модотчомось, силигуны, шулькуну, кульшуну. В завершение святочного периода в ночь на Крещение проводили изгнание чудов: чуддэзос тальны (чудов топтать), чуддэзос вашотлыны (чудов гонять).

Изучая особенности проведения гаданий некоторые народы имели схожие суеверия относительно мест, где гадать считалось делом небезопасным. К примеру, черемисы считали баню – местом сбора нечистой силы. Того же мнения были и упомянутые пермяки, которые полагали, что чуды живут в банях. Оренбургские казаки соблюдали особенный порядок проведения гадания, но всегда баня у них считалась местом опасным, и что важно для изучения хронотопа – казаки связывали полночь и баню, как некое общее единство нечистой силы.

Немаловажным условием проведения гадания являлось наличие растений, как некоего сакрального элемента, песен. Можно проследить связь с традицией гадания на замужество с помощью венка, а также с популярностью праздника прежде всего у молодых людей: Чом ти, барвнку, не стелится, / Чом ти, Миколо, не женишься? .

Поэтому песни, исполнявшиеся в этот период, прежде всего посвящены вопросам, актуальным для молодежи того времени: красота, любовь и брак. Так, образ барвинка проявляется в описаниях привлекательных молодых людей. В данном случае использование образа барвинка можно расценивать как метафорический перенос свойств объекта, ибо цветок в народном восприятии является символом молодости и девичьей чести.

Предметы также являлись обязательными условиями для проведения гаданий. Обычно, предметами являлась бытовая утварь, вроде кочерги. Таким образом, предмет быта, как элемент мира домашнего, был связующей нитью с миром потусторонним: черпают кочергой в лунках в прорубях, а потом призывают нехороших.

Наименование «нехороший» зафиксировано в разных источниках как признанное имя для чертей, нечистой силы, а кочерга, будучи инструментом вполне практического бытового назначения, очевидно, как связанная с огнем и жаром, ассоциируется в народном сознании с миром подземным, местообитанием нечистой силы и таким образом помогает с этим миром коммуницировать.

Предметы быта используются в обрядах гадания, приуроченных к сакрально выделенному времени, как правило, переходному, маркирующему границы определенных жизненных циклов. Гадания демонстрируют известную «...акциональность времени, его внутреннюю связь с действием».

В тувинской системе гадания главным условием проведения гадания являются священные камни, а также места, где эти камни были найдены гадателями. Например, Хуваанак проводится при помощи 41 камня, которые могут быть как получены от предков, так и собраны в 41 священном месте Тувы самим гадателем. Эти места находятся далеко от человеческих жилищ и считаются святыми местами с сильными магнитными полями. Обычно это реки, родники, перевалы, горы и другие природные объекты. Камни считаются частью святой земли, поэтому они обладают «магической силой». Когда эти камни используются для гадания, дух-хозяин и сила святых мест, где эти камни находились, отвечают на вопросы гадателя. В особых случаях, например, когда у шамана нет с собой камней, можно использовать чистые бобы. Однако камни, собранные на улице, непригодны для гадания, потому что они нечистые. Кроме того, иногда могут использоваться камни, взятые из желудка дикой птицы, но неясно, из желудка какой птицы конкретно. В литературе имеются разные сведения на этот счет. Это могут быть камни, собранные из желудка птицы с черным оперением, камни из зоба глухаря [4, с.161].

В обрядах гаданий восточных хантов практически всегда обряд гадания предваряет бескровное приношение – пори, целью которого является отправление своих пожеланий божествам и духам, через «ауру» приношений – рув.

В зависимости от ситуации приношение может быть адресовано божествам и духам, помогающим при гадании, либо конкретному божеству, покровительствующему определенной сфере жизни человека, либо божеству-хозяину той или иной территории. Чаще всего в

качестве подношений во время пори фигурируют рыба, мясо, сливочное масло, животный (рыбий, олений, лосиный) жир, хлеб, печенье, сушки, конфеты, чай, спиртное. Ведущий произносит молитву и обращение к божествам и духам с просьбой о помощи при гадании. После этого следуют традиционные поклоны и повороты участников обряда по ходу солнца.

Традиционные обряды гадания у хантов часто проводятся со следующими предметами: с топором, с ружьём, с луком, с котлом, со сковородой, с инструментом для выделки шкур, с медвежьей головой, со священной нартой, с колыбелью новорожденного, с гробом покойного. Такая подборка обусловлена национальными и культурными предпосылками и сакрализацией смыслов, которые заключены в предмете. Таким образом, места и времена проведения гаданий были не единственными условиями, определяющими сакральность и эффективность действия гадания. Немаловажным условием проведения гадания было также соблюдение определенных правил, наличия предметов и соответствия тех или иных признаков. Семантика, синтактика и прагматика текста

гадания (даже в некоторой степени десакрализованного) сохраняют устойчивость и воспроизводимость, как необходимые элементы сакрального текста традиционной народной культуры [5, с.375].

В завершении стоит отметить, что для гаданий типичным является «обыгрывание» сакральной негарантированности локусов, обозначающих границы между мирами – чистым, обжитым, безопасным, своим, и нечистым, потусторонним, опасным, чужим. Например, развилка, росстань, перекресток, баня и тому подобные локации считались местами перехода, где «чужое» и «свое» встречались. Символы пограничности миров имели тесную связь с символами времени, таким образом, структурируя хронологическую систему гадательного текста: святки в бане, святки в Рождество и так далее [6, с.115].

Можно констатировать, что с филологической точки зрения тексты гаданий и их хронотоп представляют определенный исследовательский интерес, а также позволяют лучше узнать традиции и историю того или иного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 347.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах: книга. – М.: ИМЛИ, 1997. 768 с.
3. Шахова Л.П. Хронотоп русских гаданий (по уральским источникам). URL:<https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1666447549&tld=ru&lang=ru&name=dc-2000-1-082.pdf&text> (дата обращения: 22.10.2022)
4. Цзясына Д. Хуваанак – традиционное гадание тувинских шаманов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 77. С.155-164.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. 697 с.
6. Светкина А.А. Гадание как сакральный текст в восприятии современных носителей русского языкового сознания (обучающихся Уральского института ГПС МЧС России) // Современный ученый. 2022. № 4. С.112-117.

© Светкина Анастасия Андреевна (saev8713@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАГОЛОВКОВ СМИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Смирнова Юлия Валентиновна

*К. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет промышленных
технологий и дизайна
June06@mail.ru*

PECULARITIES OF ENGLISH HEADLINES TRANSLATION INTO RUSSIAN

Iu. Smirnova

Summary: The article is devoted to the analysis of the linguistic features of English-language headlines of electronic Media and translation techniques that can be used in the process of translating headlines into Russian. English Media headlines containing abbreviations, idioms, cultural references and language devices may cause difficulties for understanding. The classification of grammatical, lexical and stylistic features of Media headlines made it possible to identify the general and special features in the methods of translation for the solutions of the translation problems.

Keywords: translation of English headlines, language devices, linguistic features and techniques, electronic media, translation techniques and methods.

Аннотация: Статья посвящена анализу языковых особенностей англоязычных заголовков электронных СМИ и переводческим приемам, которые могут быть применены при переводе заголовков на русский язык. Англоязычные заголовки, содержащие аббревиатуры, идиомы, культурологические ссылки и языковые приемы, вызывают трудности для понимания. Классификация грамматических, лексических и стилистических особенностей заголовков СМИ позволила выявить общее и частное в способах перевода для решения переводческих задач.

Ключевые слова: перевод англоязычных заголовков, языковые приемы, лингвистические особенности, электронные СМИ, приемы перевода.

Современные электронные СМИ пользуются большой популярностью, являются необходимыми для передачи информации и активно развиваются, а язык СМИ фиксирует языковые изменения достаточно быстро, отображая менталитет общества и формируя его сознание.

Заголовки – неотъемлемая часть публикации. Именно на заголовки читатель обращает внимание прежде всего, и от них зависит, будет ли прочитан дальнейший материал. В общеязыковых толковых словарях слово “headline” имеет следующие значения: a title/ heading / set or line of words/ printed in large letters/type especially in a newspaper giving the gist of the story or the main points of the news that are broadcast on television or radio and the home page on a news website” [10,11,16,24]. В научной литературе есть работы, посвященные исследованию заголовков с точки зрения типологии и функциональности заголовков (Арнольд И.А., Гальперин И.Р., Ламзина А.В. и др.), правилам по созданию привлекательных и запоминающихся заголовков (INDEED Career Guide, JMC Study Hub, Cambridge English for the Media и др.), пунктуации (Розенталь Д.Э.), а также работы об особенностях перевода англоязычных заголовков (Глухова Ю.В., Привалова Ю.В., Пожидаева А., Исаева А.Ю.).

На этапе теоретического исследования Исаевой А.Ю. становится очевидно, что существует более десятка определений понятия газетного заголовка, что говорит о сложности толкования исследуемого феномена.

Существуют различные типы заголовков, поэтому и требования к их написанию различаются. Тем не менее, основные требования к заголовкам можно выявить следующие:

1. Краткость, лаконичность, хотя заголовки могут включать в себя примерно от 2 до 17 слов.
2. Информативность. Заголовки должны содержать сообщение о тексте статьи до ознакомления с содержанием текста. Публикации содержат подзаголовки (a lead), написанный менее крупным шрифтом и более развернуто.
3. Простота восприятия.
4. Запоминаемость.

В данной работе примеры заголовков для перевода и анализа взяты из следующих электронных американских и английских источников: The New York Times, The Guardian, The Observer, CTVNews, CNN и др.

При переводе английских заголовков на русский язык необходимо учитывать ряд грамматических, лексических и стилистических особенностей, характерных для их структуры. Заголовки бывают краткими, а также могут содержать аббревиатуры, культурологические ссылки, языковые приемы, которые вызывают трудности для понимания, поэтому рекомендуется прочитать публикацию целиком, обдумать, восстановить слово или фразу, а уже потом предложить перевод заголовка.

Грамматические особенности

Краткие заголовки могут представлять неполные предложения или словосочетания.

Часто опускаются вспомогательные и смысловые глаголы, артикли, местоимения и предлоги, которые не препятствуют пониманию смысла. Например, можно наблюдать отсутствие главного члена предложения (сказуемого) в заголовке *Marriage, With a Side of Pickleball* [20]/ *Свадьба на корте по пиклболу*

Здесь опущено сказуемое, поэтому перевод должен быть односоставным предложением. Тем не менее, в статье говорится следующее: "As pickleball rides a wave of popularity, couples are marrying on courts, hosting games at their receptions and finding other ways to incorporate the sport into their nuptials." / «По мере того, как пиклбол набирает популярность, пары женятся на кортах, устраивают игры на своих приемах и находят другие способы включить спорт в свои свадьбы» [20].

Опущение артикля может свидетельствовать об экспрессивности заголовка. Например, *People Who Do Strength Training Live Longer – and Better* [20]. / *Люди, которые занимаются силовыми тренировками, живут дольше и лучше.*

Вопросительные предложения

В вопросительном заголовке вспомогательные глаголы опускаются, а также отсутствует вопросительный знак. Например,

Why Steve Jobs Chose This Designer's Turtlenecks [20]/ *Почему Стив Джобс выбрал водолазки этого дизайнера*

В статье говорится следующее: "The real beginning of the fashion-technology love affair and its legacy lies with Issey Miyake, who died last week" [20] / «Настоящее начало романа между модой и технологиями и его наследием связано с Иссей Мияке, который умер на прошлой неделе».

Заголовки с вопросами содержательны и эффективны. Вопросительное предложение – это один из наиболее сильных приемов привлечения внимания читательской аудитории.

Временные формы глагола

В английских и русских заголовках по-разному используются временные формы глагола. Например, когда в оригинальном заголовке говорится о событиях, которые произошли в прошлом, применяется **форма настоящего времени (Present Simple)**, в то время как в переводе должна использоваться форма прошедшего времени.

Philippines Returns to School, Ending One of World's Longest Shutdowns [20]/ *Студенты на Филиппинах вернулись к учебе, покончив с самым долгим мировым периодом изоляции.*

Например, глагол "returns", который стоит в Present Simple, необходимо перевести глаголом в прошедшем времени «вернулись» во множественном числе, так как был использован прием перевода добавление. В соответствии с нормами русского языка в переводе нужна еще конкретизация того, кто вернулся к учебе, а не все люди республики.

Будущее время в английских заголовках часто выражается инфинитивом. При переводе таких заголовков необходимо ставить глагол в будущем или настоящем времени, или не употреблять его совсем.

House Is Set to Pass Climate, Tax and Health Care Package [20]/ *В Белом Доме собираются принять законопроект о климате, налогах и здравоохранении*

В статье сказано: "Lawmakers are set to return from their scheduled summer recess for one day to vote on the legislation, which faces unanimous Republican opposition. Mr. Biden is expected to sign the measure soon after. The Senate approved it on Sunday" [20]. / «Законодатели собираются вернуться с запланированных летних каникул на один день, чтобы проголосовать за закон, который сталкивается с единодушной оппозицией республиканцев. Ожидается, что г-н Байден подпишет документ вскоре после этого. Сенат одобрил его в воскресенье».

В русскоязычной культуре и прессе принято использовать словосочетание «Белый дом» для обозначения официальной резиденции и рабочего места президента США, что является калькой с "White House" в переводе с английского языка на русский.

Причастия и герундий

В английских заголовках часто используются причастие и герундий. При их переводе на русский необходимо учитывать нормы переводного языка, будет ли заголовков таким же лаконичным как на английском языке, если его перевести дословно на русский.

Например, *Forecast ideal for viewing last supermoon of the year in Ontario* [14] / *Прогноз идеально подходит для просмотра последнего суперлуния года в Онтарио*

В заголовке использован герундий "viewing" в функции определения и переводится на русский существительным «просмотр».

В статье сказано: "Ontarians hoping to view the last su-

permoon of the year may be in luck – the forecast appears to be in their favour. [14]/ «Онтарианцам, надеющимся увидеть последнее суперлуние в году, может повезти – прогноз, похоже, на их стороне».

Причастие II используется для передачи недавно случившегося происшествия.

One dead after overnight collision in Toronto [14]/ *Один погибший в результате ночного столкновения в Торонто*

В подзаголовке к статье читаем: “*A person has died after a two-vehicle collision in Toronto overnight, police say*” [14]. Таким образом, можно сделать вывод, что в заголовке происходит сдвиг времени с Present Perfect на Present Simple (one is dead) и опущение глагола связи to be. Слово “dead” в функции составного именного сказуемого переводим причастием «погибший» в прошедшем времени.

Для англоязычных заголовков характерно употребление эмоциональной лексики, которая выполняет прагматическую функцию воздействовать на читателей и формировать их общественное мнение.

К **эмоционально окрашенной лексике** относятся слова, например, vow вместо to promise, row вместо argument, blunder/mistake, fury/angry, quiz/ to question и т.д. Однако при переводе на русский язык все равно необходимо соблюдать стиль, характерный для русскоязычной прессы.

Аббревиатуры и сокращения

Например, аббревиатура PM может означать не только “Prime Minister” премьер министр, но “Project Manager” руководитель проекта.

Finland’s PM Sanna Marin apologises for ‘inappropriate’ pictures at residence [19]/ *Премьер министр Финляндии извинилась за непристойные фотографии в своей резиденции*

Как правило, перевод сокращений в заголовках не вызывает трудностей, за исключением тех случаев, когда в русском языке отсутствуют официальные эквиваленты тех или иных сокращений. К примеру, в английском языке фамилии могут подвергаться сокращению или становиться разного рода прозвищами. Поскольку в русском языке сокращения фамилий отсутствуют, а прозвища не используются в публицистике, то необходимо заменять их при переводе на фамилии.

Pootie-Poot prepping for President?/ Путин готовится стать президентом? [7]

Более того, в заголовке применен прием **альтерации**, четырехразовый повтор буквы р в начале каждого сло-

ва, что свидетельствует о чрезвычайно эмоциональной подаче новости, своего рода заикания и предполагает нервное потрясение читательской аудитории, поэтому можно перевести заголовок с альтерацией следующим образом: *Подготовка Путина к президентским выборам*.

Использование фразеологизмов, клише, игры слов

В англоязычных заголовках важно распознавать устойчивые обороты речи, а при их переводе нужно соблюдать стилистические и грамматические особенности, присущие русскому языку.

Duchess Meghan Steals the Show at Princess Eugenia’s Wedding [13]/ *Меган Маркл затмила всех на свадьбе принцессы Евгении или Герцогиня Сассекская оказалась в центре внимания на свадьбе у принцессы Евгении*

В заголовке использован **фразеологизм** “steal the show”, который можно перевести фразеологическим эквивалентом, так как в русском языке есть фразеологизм с тем же образом, что и в английском языке. В русскоязычной культуре не характерно использование титула с именем, поэтому в переводе необходимо применить контекстуальную замену и употребить имя и фамилию или полностью присвоенный титул.

Заголовок *Pensioners First* [22]/ *Сначала пенсионеры*, где осуществляется **аллюзия на устойчивое выражение** “*Ladies First*” / «*Сначала Дамы*», оказывает необходимый эффект на читателя заставить уважать и принять решение, принятое правительством, финансировать разные социальные слои населения в определенном порядке.

Другим примером может быть заголовок *Science friction* [19]/ *Научный конфликт* с аллюзией на словосочетание “*science fiction*” / «*научная фантастика*». Использование языкового приема аллюзии при создании заголовка помогает автору создать эффект новизны вокруг сложившейся ситуации.

Культурологическая ссылка

Чтобы сделать заголовок более привлекательным и запоминающимся, используют культурологические ссылки. Для правильного понимания и перевода заголовков нужно знать историю и культуру стран переводного языка.

Например, *To beat or not to beat* [18]/ *Бить или не бить*

В заголовке обыгрывается ключевая фраза “to be, or not to be” из монолога акта III сцены I известной пьесы «Гамлет» Уильяма Шекспира (написанной примерно в 1600 году).

Или другой пример, *Wish You Weren't Here: The photos that show an hour in the life of quiet tourist hot spots* [19]/ *Вынужденное присутствие: фотографии, которые показывают час из жизни тихих туристов из жарких мест*. Этот заголовок можно перевести по-другому: *wish you weren't here/ жаль, что вы здесь*

Молодое поколение скорее вспомнит песню под названием "Wish you were here" шведской кантри-поп-группы Rednex, а более старшее поколение вспомнит английскую рок-группу Pink Floyd с девятым студийным альбомом под тем же названием.

Игра слов

В англоязычных заголовках используются слова, которые имеют разные значения, но одинаковое звучание (омонимы), и заголовок приобретает дополнительный смысл.

Zelenskiy calls Russian forces 'butchers' over Bucha massacre [19]/ *Зеленский назвал российских военных «мясниками» из-за резни в Буче*

Так, построенный на омонимии заголовок заставил содрогнуться общественность, а обсуждение событий в городе Буча продолжалось долгое время.

В другом заголовке тоже присутствует игра слов, но построенная на многозначности: *US cool on global warming* [15]/ *США игнорируют глобальное потепление*

Слово "cool on" означает «игнорировать или потерять интерес», но оно так же может означать «охлаждать» и тогда заголовок приобретает совершенно противоположное значение.

Таким образом, перевод – это процесс преобразования сообщения текста на исходном языке в сообщение текста на языке перевода [5]. Оценка перевода текста осуществляется в соответствии с понятием адекватности перевода. Согласно толковому переводческому словарю, адекватный перевод – это правильная, точная и полная передача особенностей и содержания подлинника, и его языковой формы с учетом всех особенностей структуры, стиля, лексики и грамматики в сочетании с

безукоризненной правильностью языка, на который делается перевод [9].

Анализ заголовков электронных версий британских и американских изданий показал, что в заголовках с прописной буквы могут писаться все слова или только начало заголовка, а также имена и фамилии, прозвища, титулы, названия стран и городов, аббревиатуры. Заголовки не содержат такого знака препинания как «точка», хотя в заголовках СМИ встречаются все знаки, а «вопросительный» и «восклицательный» знаки можно отметить как самые сильные графические приемы.

Англоязычным заголовкам СМИ свойственен разговорно-фамильярный стиль, поэтому при переводе на русский язык лучше отдать предпочтение нейтральному стилю.

При переводе приходится прибегать к лексическим, грамматическим, лексико-грамматическим трансформациям для преодоления трудностей, которые могут быть связаны с несколькими причинами:

- разные языковые особенности английского и русского языков, так как труднее всего передать в переводе языковые приемы, такие как аллитерация, многозначность слов.
- нарушение языковых норм (сокращение структуры предложения, другие особенности синтаксиса, порядка слов и пунктуации);
- экстралингвистическая информация, а именно, могут быть не известны или сильно отличаться реалии и культура страны переводного языка, а также фразеология.

Таким образом, проанализировав англоязычные заголовки СМИ можно сделать вывод, что в языке СМИ наблюдается отход от литературно-языковой нормы, расширение значений слов, наличие оценочной лексики, что свидетельствует о тенденции к освещению субъективной точки зрения авторов и издателей. Тем не менее, изучение системы переводческих концепций, обобщение положительного опыта в теории и практике перевода позволяют успешно осуществлять перевод англоязычных заголовков электронных СМИ не только профессиональным переводчикам, но и специалистам других специальностей, например, журналистам, редакторам, специалистам рекламы и технических направлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // *Иностранные языки в школе*. 1978. № 4. С. 23-31.
2. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка: учеб. пос. для вузов. - М.: Наука, 1981.
3. Глухова Ю.В. Привалова Ю.В. Особенности перевода заголовков английской прессы [Электронный ресурс]// *Успехи современного естествознания*. – 2012. – № 5 – С. 149-152. Режим доступа: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=30241> (дата обращения: 7.10.2022)
4. Исаева, А.Ю. Заголовок как важнейшая прагматическая единица газетной статьи // *Молодой ученый*. — 2016. — № 7.5 (111.5). — С. 26-28. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/111/27991/> (дата обращения: 29.08.2022)

5. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <=> Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: «Издательство Союз». – 2001. 320 с.
6. Ламзина А.В. Структурные типы заглавий [Электронный ресурс] / vuzlit.com Режим доступа: https://vuzlit.com/585791/strukturnye_tipy_zaglaviy (дата обращения: 7.10.2022)
7. Пожидаева А. Как переводить новостные заголовки: стилистика и лексика [Электронный ресурс] 2021. Режим доступа: <https://englex.ru/stylistics-and-vocabulary-of-english-headlines/>
8. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку: орфография и пунктуация [Электронный ресурс]
9. Толковый переводческий словарь [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://perevodovedcheskiy.academic.ru/>
10. American heritage of the English language [Electronic resource] / URL: www.ahdictionary.com
11. Cambridge Dictionary [Electronic resource] / URL: www.dictionary.cambridge.org
12. Ceramella N, Lee E. Cambridge English for the Media, Cambridge University Press 2008, 112 p.
13. CNN [Electronic resource] / URL: <https://us.cnn.com/>
14. CTVNews [Electronic resource] / URL: <https://www.ctvnews.ca/>
15. Independent [Electronic resource] / URL: <https://www.independent.ie>
16. Merriam Webster [Electronic resource] / URL: www.merriam-webster.com
17. News Headlines, Types, Elements, and qualities of a good headline / JMC Study Hub Platform of journalism and Mass Communications <https://jmstudyhub.com/news-headlines-types-elements-and-qualities-of-a-good-headline/>
18. The Irish times [Electronic resource] / URL: <https://www.irishtimes.com/>
19. The Guardian [Electronic resource] / URL: <https://www.theguardian.com/>
20. The New York Times [Electronic resource] / URL: <https://www.nytimes.com/>
21. The Observer [Electronic resource] / URL: <https://www.theobserver.com/>
22. The Sun [Electronic resource] / URL: <https://www.thesun.co.uk/>
23. Types of Headlines [Electronic resource] INDEED Career Guide URL: <https://www.indeed.com/career-advice/career-development/types-of-headlines>
24. Oxford Learner's Dictionary [Electronic resource] / URL: www.oxfordlearnersdictionaries.com

© Смирнова Юлия Валентиновна (June06@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ¹

Соколянская Наталья Николаевна

канд. филол. наук, Северо-Восточный государственный
университет
nata_sokol@mail.ru

LEXICAL VARIATION IN THE SOCIOLINGUISTIC ASPECT²

N. Sokolyanskaya

Summary: The presented article highlights lexical variability in the sociolinguistic aspect on the example of the Magadan region. The key features of the regional vocabulary, the etymology of some words and set phrases, the ways of forming words are determined. It has been established that regional dialects and vocabulary are directly dependent on a wide range of factors and are influenced by natural and climatic features, historical factors, architecture and territorial location. The conclusion is drawn that this topic is of particular research interest for philologists and other researchers, since the dialectics of a particular region reflects key socio-economic, territorial and other features. The author also comes to the conclusion that the vocabulary of the population of Magadan as a whole coincides with the vocabulary of the peoples of the North, but it has its own characteristics.

Keywords: Magadan, vocabulary, dialectics, Far North, speech.

Аннотация: В представленной статье освещается лексическая вариативность в социолингвистическом аспекте на примере Магаданской области. Определяются ключевые особенности региональной лексики, этимология некоторых слов и устойчивых словосочетаний, способы образования слов. Установлено, что региональные диалекты и лексика находятся в прямой зависимости от широкой совокупности факторов и влияние на них оказывают природные и климатические особенности, исторические факторы, архитектура и территориальное расположение. Сформулирован вывод о том, что данная тематика представляет особый исследовательский интерес для филологов и для иных исследователей, так как диалектика того или иного региона отражает ключевые социально-экономические, территориальные и иные особенности. Также автор приходит к выводу о том, что лексика населения Магадана в целом совпадает с лексикой народов Севера, однако она имеет свои характерные особенности.

Ключевые слова: Магадан, лексика, диалектика, Крайний Север, речь.

При социолингвистическом аспекте, который учитывается при анализе языковых явлений, мы обращаемся к данным социологов, анализирующих организацию и функционирование социальных систем. Естественно, что мы учитываем специфику материалов этой науки о структуре социальных общностей разного уровня, подразумевая, что центральное место в таких исследованиях занимает человек и межличностное взаимодействие.

Объектом нашего исследования являются региональные языковые особенности на Крайнем Северо-Востоке, в частности, в Магаданской области. Этнографические описания первых поселений на этой территории, сформулированные русскими первопроходцами, относятся еще к XVIII-XIX вв. (Тайск, Ямск, Ола, Гижигинск и т.д.). Изучение региональной лексики в письменных источниках этого периода не имеет узколокальных характеристик и относится в словарях к «сибирскому», «колымскому» наречию.

Пестрая в этническом (и языковом) отношении группа жителей Крайнего Северо-Востока отмечена

Ф.П. Врангелем в Походске, Нижнеколымске, в Русском Устье (п. Полярный), на Нижней Индигирке во время путешествия по северным берегам Сибири и по Ледовитому океану в 1820-1824 гг. [8, с.190]. Русскую речь «обруселого» населения Колымского округа описал В.Г. Богораз, отмечая в ней как русские элементы (*барахло* «всякая домашняя рухлядь»; *копошливой* «проворный, быстрый»; *перо* «рыбий плавник»), так и заимствованные, например, из эвенского языка (*турка* «легкая оленья нарта чукотского образца») [4, с.284].

Исследования диалектной лексики в XX веке также доказывают факты употребления в русской диалектной речи заимствований из языков народов севера. Так, Г.В. Зотовым были отмечены слова из якутского языка: *барча* («кушанье из толченой сухой рыбы (юколы) с добавлением рыбьего жира») (Походск, Русское Устье); *сары* («высокая непромокаемая обувь из нерпичьей, оленьей или конской кожи») (Марково, Нижнеколымск, Гижига, Среднеколымск); *сутуры* («наколенники») (Походск, Гижига); *тумар//тамар* («стрела с тупым наконечником, употребляется преимущественно для охоты на

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-012-00266 «Региональные варианты русского языка на Крайнем Северо-Востоке России»

2 The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 20-012-00266 «Regional variants of the Russian language in the Far North-East of Russia»

курпатов и белок») (Походск, Нижнеколымск); *туктуй* («колун») (Русское Устье); торбаса («обувь из оленьих камусов») [15, с.326].

В XX веке отмечался с одной стороны, повышенный спрос на владение литературным языком, борьба с диалектизмами на уровне школьного образования, но с другой стороны – огромный интерес лингвистов к изучению и фиксации говоров на всей территории России [11]. Изменение отношений между диалектами и литературным языком проявляется в том, что «социальная база литературного языка расширяется, а социальная база диалектов становится все более ограниченной». В процессе своего развития литературный язык «усложняет систему своих коммуникативных функций», в то время как диалекты ограничены бытовыми сферами общения [5, с.102].

Л.Л. Касаткин в статье «Русские диалекты и языковая политика», прогнозируя судьбу диалектов, отмечает, что «они заметно изменяются, деградируют» [18, с.86]. Новое отношение к диалектам как к памятникам культуры он видит в изучении их с точки зрения стилистического средства в художественной литературе, включенной в школьную программу.

Представляется, что исследование живой речи на современном этапе развития требует применения новых подходов и методик, включающих социологические параметры. Так, дифференциация городского и сельского населения, которая принята в социальной демографии, помогает установить корреляцию с подсистемами национального языка, выделяемых на базе «языка города» [20, с.14]: это литературный язык, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны. Для исследования функциональных свойств русского языка такое разграничение играет важную роль, но, как отмечается в социолингвистических материалах, только в крупных городах можно с известной долей достоверности говорить о том, какие типы разновидностей национального языка там используются. Если же изучать речь жителей городских поселений «средних и малых» городов, то становится очевидным, что их речь подвергается влиянию местных диалектов. Поэтому в малых поселениях (до 100 тыс. жителей) «проживают около 38% горожан», а в средних (от 100 до 500 тыс.) – до 27%. Такая промежуточная речь отмечается у местной городской интеллигенции, служащих административных учреждений и т.д. [2].

Статус субъекта РФ Магаданская область приобрела в начале 1990-х гг., тогда же из ее состава вышел Чукотский автономный округ. На 1 сентября 2020 года, по оценке Федеральной службы государственной статистики, численность населения (постоянных жителей) Магаданской области составляет 140 149 человек. Плот-

ность населения на занимаемой области площади (462,5 тыс. км²) – 0,30 человек на 1 км² [48, с.304]. Все население представлено двумя группами: городское – 134 641, сельское – 5508. Таким образом, приведенное выше традиционное соотношение в (38% горожан в малых поселениях, 27% горожан в средних поселениях) в Магаданской области представляет собой уникальное соответствие: 96% городского населения и 4% сельского населения [32]. Только в отдельных поселках еще можно найти некоторое количество носителей старожильческих говоров, сложившихся на основе речи промышленников, казаков и торговцев, прибывших на восток за пушниной («мягкой рухлядь»). Расстояние между поселками и городом Магаданом как административным центром настолько велико, что диалектные следы в языке городского населения минимальны. Например, Тауйск (население 505 человек) находится в 103 км от Магадана, Ямск (77 человек) – 192 км, Эвенск (1300 человек) – 1201 км, Гижига (182 человека) – 1182 км и т.д. [50].

Миграция в области имеет сезонный характер (работа на приисках и на благоустройстве дорожных покрытий, как правило, в летний период) и не оказывает существенного влияния на языковые процессы. Что касается заимствований из языков коренных народов севера, то они представлены в речи сельского населения как неотъемлемая часть словаря, включающего актуальную для жителей лексику, связанную с оленеводством, рыболовством, охотой, бытовой сферой. Для городского жителя эти слова имеют в первую очередь этнографическую окраску и выполняют задачу сохранения памяти об уходящих реалиях северной жизни (например, на этикетках постоянной тематической выставки «Люди земли и моря» Магаданского краеведческого музея) [16, с.903].

В национальном составе жителей Магаданской области отмечается значительное преобладание русскоговорящего населения: русские — 117 907 (84,13%) человек, украинцы — 9 082 (6,48%), эвены — 2 425 (1,73%), другие национальности (менее 0,5% каждая) — 10 735 (7,66%). Заметное внимание из всех коренных народов, проживающих в регионе, обращено на количество эвенов (2 425 – 1,73%). Но их число незначительно, чтобы оказывать серьезное влияние на языковую ситуацию в области. Тем более, что по данным Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, в Магаданской области зафиксирована худшая ситуация с владением родным языком: из 2429 человек говорят на эвенском языке только 49, т.е. 2% (ср. в Камчатском крае – из 2623 – 506 человек, т.е. 19,3%) [34, с.92].

Особую роль в формировании социолингвистической структуры региона и анализе лингвистической ситуации играет уровень образования его жителей. Как замечал Л.П. Крысин, «варьирование русского языка, его выразительных средств» может зависеть не только от

территориальных и этнических факторов, но быть обусловлено, например, «уровнем образования говорящих (чем он выше, тем меньше отклонения в их в речи от норм русского литературного языка), родом занятий, полом, возрастом и иными факторами» [3, с.164].

Статистические данные от 2019 года свидетельствуют о том, что в Магаданской области из 141234 человек высшее образование имеют 24,2% (33 916 человек), неполное высшее — 3,2% (4 485 человек), среднее профессиональное — 33,7% (47 230 человек), 11 классов — 18,2% (25 507 человек), 9 классов — 8,5% (11 913 человек), 5 классов — 6,7% (9 390 человек), не имеют образования — 0,2% (280 человек), неграмотные — 0,1% (140 человек) [31]. Магаданская область в целом относится к региону с достаточно высоким образовательным уровнем, что связано с его историей. Период 30-40-ых гг. на этой территории был отмечен трагическими событиями, связанными с организацией лагерей «для репрессированных граждан, представлявших зачастую цвет российской интеллигенции» и прибывавших в регион из самых разных областей страны. В связи с добычей золота и других полезных ископаемых, территория в 30-е гг. получила статус активно развивающейся, где требовались не только разнорабочие для тяжелого физического труда, но и специалисты высокого уровня. В 1950-60 гг. существовала специальная государственная программа по привлечению кадров и интенсивному притоку молодежи [22, с.74]. В 1960-1980-е гг. экономика региона отличалась развитием золотодобывающей промышленности, электроэнергетики, машиностроения и металлообработки. Как отмечается в научной литературе «увеличилось производство продукции предприятий рыбной промышленности. Высокими темпами развивалось сельское хозяйство, прежде всего оленеводство и овощеводство, росло производство мяса, молока и яиц». В 1990-е гг. в связи с изменением политической ситуации в стране начались деструктивные процессы в экономике региона, которые Магаданская область в основном преодолела в XXI в. Производственная сфера Магаданской области связана с цветной металлургией, горной промышленностью, рыбодобывающей отраслью, энергетикой.

В городе Магадан, по уточненным данным 2020 года Всероссийской переписи населения, проживает 91 432 человека. Здесь функционируют научные учреждения: ВНИИ-1, Магаданское отделение Тихоокеанского НИИ рыбного хозяйства и океанографии (с 1959 г.), Северо-Восточный комплексный НИИ (с 1960 г. СВКНИИ), Магаданский зональный НИИ сельского хозяйства (с 1969 г.), Институт биологических проблем Севера (с 1972 г.).

Известно, что исследование языка города связано с социолингвистикой, поскольку «исходное понятие «город» социально по своей природе. Еще Б.А. Ларин отмечал, что «между литературным языком и диалектной

речью остаются такие области городской речи, как «городской фольклор, неканонизованные виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения» [27, с.69]. В границах одного города формируется особый речевой коллектив (со своим кодом), объединенный единими территориальными и культурными реалиями, знанием общегородского жаргона, неофициальных наименований городских объектов, разговорно-просторечными лексемами. Российский город современного типа является замкнутым социумом, в котором «на разных уровнях» наблюдается причудливое переплетение индивидуальных, групповых и общегородских интересов, отношений, мотиваций и форм поведения, «в том числе языкового (речевого)».

В социальной дифференциации города, которая соотносится с традиционным подходом к изучению социальной дифференциации языка, отмечаются такие подсистемы, как литературный язык, диалект, просторечие, жаргон и т.д. При динамическом подходе к языковым фактам, социальные характеристики и ситуативная коммуникация позволяют увидеть следы разных языковых подсистем в одних и тех же группах носителей языка. Кроме того, могут отмечаться и промежуточные по своей природе подгруппы – полудиалекты, интержаргоны – с чертами разговорного языка, городского просторечия, территориального диалекта и т.д.

Кроме стандартных форм языка традиционно выделяют «городское просторечие», носителями которого становятся все большее количество владеющих литературной нормой, но периферийные и маргинальные варианты языка уже затрагивают не только устную речь, но и письменные жанры в средствах массовой коммуникации (интервью, репортаж и т.д.). Городское просторечие становится собранием лексических фактов не только социальных или территориальных диалектов, но и арготических лексем, первоначально обслуживающих сферу коммуникации деклассированных элементов.

Признавая размытость и диффузность термина «просторечие» применительно к социальному разнообразию его носителей, Б.Я. Шариффулин предлагает называть эту «социально и территориально обусловленную подсистему» современного русского языка «языком современного города». Язык города активно начал изучаться в конце 1980-ых – 90-е гг.: в Омске, Перми, Челябинске, Екатеринбурге были изданы работы, посвященные изучению городской речи. Язык города обладает гетерогенностью, так как складывается «при столкновении разнородных языковых образований и имеет социальное расслоение», но связь между этими разнородными образованиями приводит к образованию «некоторой гомогенной языковой структуры, характерной только для данного города».

Отличительная черта дальневосточной речи (по

сравнению с литературной) обусловлена, по мнению Е.А. Оглезневой, такими факторами, как влияние диалектов, профессиональной речи (она объясняется «развитием актуальных для региона промыслово-хозяйственных» видов деятельности), заимствованиями «из других языков в регионе» [37, с.28]. В свою очередь, под языковой вариативностью мы понимаем «формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождестве значения различаются частичным несовпадением звукового состава». Вариативность является следствием языковой эволюции и обнаруживается не только в оппозиции нормативное/ ненормативное, устаревшее/новое, но и по отношению к функциональному статусу. В конкретных ситуациях общения предпочитают варианты наиболее удобные и целесообразные.

Региональная специфика может обнаруживаться на разных языковых уровнях. Анализ лексических особенностей в речи жителей Магаданской области касается отобранных слов, отмеченных в специальных источниках (как общероссийских, так и узорегиональных) [46, с.169].

XXI век позволил расширить сферу изучения живой речи, вовлечь в обсуждение семантики того или иного предположительно регионального слова немалое количество интересующихся лексикологией людей. О том, что подобные «собрания слов» могут приносить пользу науке, мы знаем еще с XIX века по деятельности некоторых далеких от лингвистики людей, которые в свободное от службы время занимались составлением словаря «местных» слов, который затем становился предметом анализа лексикографов. Например, П.Ф. Кузмищев, занимавший в 1826-1832 гг. должность помощника начальника Камчатки, собрал список «камчатских слов» (*голец, чавыча, сопка* и др.), которые были опубликованы в журнале «Москвитянин» в 1842 и 1848 гг., и даже сделал замечания относительно особенностей фонетики и грамматики услышанных слов и выражений [24, с.375].

В рамках представленного исследования, для выявления слов с региональной семантикой мы опирались на принятые лингвистические и социолингвистические методы и методики. В частности, был использован метод полевого исследования, в том числе, включенного наблюдения и анкетирования с использованием подготовленных опросников. Отбор лексем, актуальных для жителей Магаданской области, осуществлялся методом сплошной выборки на материалах городского форума с новостной повесткой, магаданских групп в социальных сетях, туристического сервиса «Неизвестная Россия, интернет-сайтов автолюбителей региона и Магаданской областной общественной организации «Автоклуб М49», публикаций в региональных СМИ и некоторых других. В качестве источников информации привлекались также электронные базы данных [33].

Для проверки достоверности исследования были использованы методы обработки и оценки полученных данных с учетом интерпретации их содержания. Заранее была подготовлена анкета, включающая 120 лексических единиц для выявления степени осведомленности коренных жителей Магаданской области о лексическом значении выбранных слов на предмет «опознания» в них регионального компонента семантики. При включении лексем в «региональную» группу учитывались словесные показатели языковой рефлексии, направленность языкового сознания на самого себя: «еще одно чисто *колымское словечко* «бич»; никогда на материке не слышала»; «деликатесную для жителей «материка» камбалу за рыбу не считаю, равнодушно называя ее, как *всякий магаданец*, «курицей»; «охотская зубатка, или *собака, по-магадански*»; «еще одним колоритным представителем фауны Охотоморья является рыба с научным названием «морской широколобый окунь», а *по-магадански* – ёрш»; «для *материковцев* (а вы ж помните, мы из Магадана уезжаем на «материк»))), так вот для них наши *евражки* такая же романтика как для нас их *парадные и поребрики*»; «магаданщина – *неодобрительное название магаданцев*»; «СВЭГ – СВГУ в *простонародии*»; «Тенька – название реки и района Магаданской области в народе»; «сарай – *раньше молодежное название автобуса*»; «сопки – название гор на Дальнем Востоке» и т.д [9].

Применение статистического метода с опорой на частотные и количественные показатели анкетирования дало возможность выявить степень известности включенных в анкету слов, т.к. при опросе респондентам нужно было записать свою дефиницию слова. Наиболее узнаваемые слова (представлены в процентах) относились к группе топонимов: Снежка (89%); Дукча (86%); Простоквашино (84,2%), Яма (84%), Марчекан (81,5%) и т.д. Эта процедура позволила уточнить значения лексем и выявить особенности их употребления. Для сравнительного анализа также были использованы такие лексикографические источники, как «Словарь русских народных говоров», «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока», «Большой толковый словарь русского языка» и другие лексикографические материалы [51].

Также при анализе региональной лексики мы использовали общедоступный онлайн-словарь «Языки русских городов» - проект, который организован компанией АBBYU «совместно с учеными-социолингвистами». Так, любой человек мог отправить организаторам проекта примеры языковых особенностей своего города. Словарь представляет пилотную версию межрегионального толкового словаря городских жителей России и русского зарубежья и основан на обработке материалов, обсуждавшихся на форуме «Городские диалекты», где была возможность корректировать и толкование, и региональный статус той или иной лексемы [44]. Несмотря на небольшое количество слов (1217), размещенных в нем,

нами были обнаружены и «дальневосточные» варианты некоторых общеизвестных наименований. Например, «Хабар» в значении «Хабаровск» со сниженной стилистической окраской.

Достоинством этого ресурса является точное указание на города, в которых отмечается то или иное слово и упоминание о вариантах слова с учетом различных дериватов. Так, данные этого словаря, позволяют нам сделать вывод о распространении на Дальнем Востоке разговорного варианта «Хабар» во Владивостоке, Хабаровске, Южно-Сахалинске, а также познакомиться с некоторыми фонетическими и грамматическими модификациями слова – *Ха, Хабара, Хабарик*. В речи магаданцев также отмечен вариант «Хабара», но, в отличие от употребления в Южно-Сахалинске формы родительного «из Хабара» («Сегодня пришлось до 17 часов ждать, пока вылетит самолет из Хабара»), «магаданская» форма этого падежа имеет окончание – *ы* (*прилететь из Хабары*) в соответствии со склонением существительных женского рода с твердой основой и окончанием –*а* в именительном падеже. Усеченный вариант «Влад» и суффиксальное образование «Владик» по отношению к названию города Владивостока имеет локальное распространение во Владивостоке, Хабаровске, Биробиджане, Благовещенске, Якутии и Магадане.

Интересен также всероссийский интернет-форум «Городские диалекты», где представлены более полные описания разных региональных слов с информацией семантического, фонетического характера, грамматическими формами, регионами распространения, синонимами, статистикой по Яндекс-блогам с группировкой по авторам и конкретным иллюстративным материалом [12].

Понятие «городской диалектизм» введено в научный оборот Е.В. Ерофеевой при рассмотрении ею локальных элементов в литературной речи [13, с.194]. В перечне свойств, характерных для локализмов, она называет фиксацию их «в литературной речи коренных жителей региона», выход за рамки кодифицированных элементов литературного языка, принадлежность к языковой системе, функционирующей «в процессе повседневного живого общения» [14, с.73]. К разряду локализмов могут быть отнесены в некоторых случаях «разговорные и просторечные единицы, наиболее часто используемые в определенных регионах».

Всего было обработано 387 анкет, которые заполняли коренные жители города Магадана, использующие литературный стандарт в официально-деловой сфере, различающиеся по возрасту (от 18 до 73 лет), профессиональным интересам, занятости, увлечениям, но с общим осознанием магаданского «языкового микроклимата». Наиболее объемной оказалась группа слов, связанная с местными наименованиями городских и природных

объектов – локальных топонимов. Официальные и неофициальные топонимы различаются по сферам употребления и эмоциональной окраске. Официальные топонимы закреплены в официальных словарях и справочниках, нанесены на карты и являются в большинстве своем общеизвестными. Неофициальные названия употребляются в живой речи жителей определенной территории и отличаются вариативностью.

В терминологическом ряду для этого понятия можно встретить такие специальные словосочетания, как «речевые топонимы», «узуальные топонимы или регионимы», «неофициальные городские названия», «разговорный топоним», «народный микротопоним», «неофициальный урбаноним» - слова и словосочетания, которые не обрели статуса нормативного наименования, но встречаются в речи горожанина как нетрадиционные.

В научной литературе существуют разные классификации этих неофициальных наименований в зависимости от признака, положенного в основу их дифференциации. Так, например, Б.Я. Шарифуллин выделяет а) названия, отображающие официальный облик слов, но с некоторыми модификациями; б) «народные топонимические номинации, не связанные непосредственно с формами официальных урбанонимов» [47, с.17]. Н.Г. Складневская обращает внимание на мотивацию топонимического названия, которое может быть образовано с помощью метафорического способа переноса. В основу переноса могут быть положены: а) внешний вид объекта; б) ассоциации «с заведениями, находящимися внутри именуемого объекта» [43, с.91].

Тематическая классификация, использованная нами для анализа актуальных официальных и неофициальных региональных топонимов дает представление о том, как имена собственные отражают значимую для жителей г. Магадана окружающую действительность и объясняют традицию именования того или иного предмета или явления [35, с.128].

Названия районов области и населенных пунктов (поселков, городов): *Барборка, Герба, Дукча, Серпантинка, Снежжа, Тенька, Транзитка, Хабара, Сучки, Устём, Чиха (сопка Чехара в п. Усть-Омчуг) и т.д.* Среди этих лексем есть хорошо известные участникам анкетирования: они смогли сформулировать семантику существительного (трасса – 93,5%; Снежжа – 89%; Дукча – 86%; Устем – 61,4%; Хабара – 59%; Сучки – 56,7%; Тенька – 52,2%).

Мы хотели бы обратить внимание на региональное лексическое значение слов «*материк*», «*трасса*». Семантический объем этих лексем и их парадигматические связи отличаются от традиционного, представленного в современных толковых словарях русского языка. Например, в словаре С.А. Кузнецова представлены такие

значения существительного «материк» [25, с.638]: 1) обширное пространство суши, омываемое морями и океанами; континент; 2) Разг. территория континента по отношению к острову, к удаленному месту на нем (в речи геологов, изыскателей и т.п.) [6]. Еще в 1895 году А.П. Чехов в путевых заметках «Остров Сахалин» упоминал «материк» как землю, противопоставленную острову: «Жена умирает от чахотки, а муж уезжает на материк, старый и одинокий или же она остается вдовой и не знает, что ей делать, куда ехать» [45, с.171].

В речи магаданцев сформировалось еще одно значение существительного «материк»: как наименование «пространства, связанного с постоянной или временной жизнью в климатически более теплых регионах Отечества (сначала – Советского Союза, а теперь – Российской Федерации) за пределами Магаданской области, преимущественно в европейской части России». Такие регионализмы можно отнести к семантическим, т.к. содержание их лексического значения отличается от предложенного в толковых словарях.

85% анкетированных смогли сформулировать дефиницию слова «материк», мотивируя лексико-семантическую оппозицию «материк – Магаданская область»: «все, что не Магаданская область»; «Центральные районы страны»; «любые регионы ЦРС, вдали от Дальнего Востока»; «любые регионы ЦРС, вдали от Дальнего Востока»; «другие регионы России»; «Центральная Россия»; «все, что за Уралом». Некоторые из респондентов обращали внимание на погодные условия «на материке» (в отличие от Магаданской области): «теплые районы России»; «место, где тепло»; «другие, теплые регионы»; «теплое место на юге»; «мы туда летом летаем отдыхать»; «место отдыха»; «южное направление»; «теплые края, куда можно поехать в отпуск» и т.д. Об активном использовании лексемы «материк» в отмеченном значении свидетельствуют и материалы региональных СМИ. Например, в газете «Магаданская правда» статья о мастерстве А. Курилова, делающего сувениры из кожи и металла, озаглавлена «Везите на «материк». В статье о новом проекте «Подслушай незнакомца», рассказывается о возможности «собрать цитаты незнакомых людей и сделать из них интерактивную карту страны: «Свои языковые «фишки» есть и в Магаданской области. Так, колымчанам с детства знакомы выражения «улететь на материк» и «поехать на трассу» [41].

Подобное значение с различными пространственными уточнениями встречается и на других территориях РФ. Так, мы отметили его Заполярье (г. Норильск): «Один из триггеров, который меня побудил к переезду на материк, это именно пурга. Моя квартира была расположена всеми тремя окнами на юг, а самый сильный ветер именно южный» [26].

Примечательную особенность в употреблении суще-

ствительного «материк» отмечают журналисты в Крыму: Краснодарский край и всю остальную территорию России они называют «материком». Репортаж В. Ворсобина в «Комсомольской правде» подтверждает этот факт: «А бензин! Вы видели наш бензин? - жаловался торговец. - Нам же обещали, что с материком цены сравняются, когда по мосту пойдут цистерны. Они пошли, а цены все равно на 2 рубля выше» [7]. Таким образом, в лексической структуре слова «материк» в речи жителей севера отмечается такой элемент лексического значения, как «другие, более теплые регионы, комфортные для проживания», а в речи жителей Крыма – «территория за пределами Крымского полуострова», где более высокий, по мнению крымчан, уровень жизни.

Деривационная активность слова «материк» проявляется в образовании от него не только субстантива «материковцы», но и других частей речи: *материковский, по-материковски*.

77,6% принявших участие в анкетировании были единодушны в толковании существительного «материковцы», отмечая в нем и сему «центральные районы страны, не северные территории России», и сему «теплая территория»: «жители ЦРС», «люди из ЦРС», «люди, проживающие на материке», «все, кто за Уралом», «жители центральной России», «жители всего, что не Магаданская область», «приезжие люди из центральных регионов России», «жители городов вне Магадана», «южане», «люди, живущие в теплых краях» и т.д.

Прилагательное «материковский» часть встречается на страницах региональных СМИ. Так, в интервью, опубликованном в газете «Вечерний Магадан», писатель и охотовед М. Кречмар, уверяет читателя, что магаданцы «гораздо более продвинутые, нежели «материковские» люди, поэтому не нуждаются в специальной лекции об опасных диких животных. В рассказе И. Кичапова «Степашка» действие разворачивается в г. Магадане, и автор знакомит читателя с окружающей обстановкой, в которой происходят события: «Было то самое вечернее время в столице Колымского края, когда ветерок утихает и на улице становится «по-материковски» тепло [19]. В такие моменты обычно все жильцы, у кого есть такая возможность и время, выползают на улицу. Итак, мы можем отметить использование всех элементов словообразовательного гнезда *материк – материковцы – материковский – по-материковски* в художественной литературе, публицистике и живой речи жителей нашего региона.

Некоторые респонденты, формулируя лексическое значение слова «материк», предлагали синонимическую аббревиатуру «ЦРС». Это сложносокращенное слово имеет узко региональное значение «центральные районы страны» и часто встречается на страницах магадан-

ских СМИ: «Как бесплатно переехать из Магадана в ЦРС»; «Усилить контроль за пожарами, разобраться с завышенными ценами на авиабилеты и обеспечить летний отдых в ЦРС детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации - такие распоряжения дал губернатор на заседании правительства Магаданской области» и иные [17].

Наименование «*трасса*» в Магаданской области также имеет специфический объем семантики, включающий не только толкования многозначного характера «линия на карте, местности»; «дорога, путь». Полисемантическая структура этого существительного формируется в результате достаточно частотной употребительности лексемы в регионе. «Трасса» в значении «федеральная автодорога «Колыма» связывает большую часть населенных пунктов области. Чем дальше от Магадана по «Колыме» на запад, тем меньше населенных пунктов, самого населения, они вообще становятся редкостью. Однако «трасса» в разговорной речи магаданцев (93,5%) имеет значение не только «дорога» - диапазон лексического значения, как свидетельствуют данные анкетирования, достаточно широк [38, с.127]:

- а) «дорога», «колымская трасса», «трасса Колыма», «Федеральная дорога, пересекающая область», «магаданская трасса», «главная дорога», «дорога по области», «дорога до Якутии», «дорога, соединяющая города и поселки», «дорога от Магадана в другие районы области», «дорога между населенными пунктами»;
- б) «все, что за городом, дорога, поселки», «местность за Магаданом», «район + дорога», «Магаданская область», «все за пределами города», «дорожное полотно после выезда из г. Магадана + все поселки Магаданской области», «область за городом».

Производное существительное «*трассовик*» также сохраняет многозначность, которая обнаруживается при употреблении в разных сферах:

- а) в качестве профессионального жаргона водителей в слове отмечается связь с семантикой «дорога, трасса»: «водитель (дальнобойщик)», «человек, доставляющий грузы на трассу, работающий на трассе», «проезжающий часто по трассе (как дальнобой, например)», «человек, работающий на больших машинах, едущих на трассе»;
- б) общепотребительное значение отражает наименование человека, который:
 - работает в учреждении, находящемся на трассе, или временно пребывает в нем: ««работник «трассы», «тот, кто ездит на работу на трассу», «человек, работающий на золоте», «тот, который часто бывает на Колымской трассе», «рабочий», «вахтер» (вахтовик)», «человек, работающий за городом»;
 - живет в населенном пункте, расположенном по линии трассы: «человек, который живет на

трассе», «человек, живущий в отдаленных поселках», «тот, кто приехал из населенного пункта, находится по пути следования главной трассы», «кто живет в поселках», «тот, кто живет/ работает на трассе», «житель Магаданской области вдали от города».

Среди разговорных топонимических названий есть слова, которые подверглись трансформации по сравнению с официальными наименованиями: к таким словам относится «*Снежка*».

Снежка (поселок Снежный, микрорайон Снежная Долина) – разговорный вариант названия и поселка (находится в 23 километрах от города Магадана) и большого микрорайона с природной зоной отдыха. От поселка Снежный в пяти километрах раскинулась Снежная Долина с базами отдыха и пионерскими лагерями. На склонах близлежащих сопкок зимой проходят трассы лыжников, а уникальное солнечное место позволяет загорать лыжникам уже в марте, когда еще везде лежит снег [21]. Большинство анкетированных при толковании топонима опирались на семантику «район в Магадане», «Снежная Долина», «поселок», «23 километр», но многие отметили уникальный тепловой климат этого места - «курортный поселок», «курорт», «лагерь «Северный Артек». «Проходят годы, десятилетия, а Снежная долина (Снежка) каждую осень и каждую весну дарит магаданцам снег, солнце, отличную лыжню и тепло своего микроклимата, - пишет в своих мемуарах Е.Е. Крашенинников.

Устём – разговорный вариант поселка городского типа «Усть-Омчуг», до которого из Магадана в северо-западном направлении нужно ехать 271 километр. *Тенька* – название для гидронима (реки) и всего Тенькинского района. Название реки «Тенке», восходящее к эвенской этимологии «крупный лес», дало название Тенькинскому району [28, с.299]. В языковом сознании жителей Магадана «Тенька» - это «район», «река или поселок», «Тенькинский район» «Тенькинская трасса», «отдаленный населенный пункт на трассе»

От официального ойконима «Омсукчан» на основании фонетического сходства возникло «местное» название «*Сучкй*» (56,7% анкетированных делали попытку сформулировать его значение): «Осмукчан/район/ населенный пункт/ поселок Омсукчан».

Традиция называть природное место (реку, перевал), населенный пункт и учреждение в нем одним словом реализована в топониме «*Дукча*» (86% давших толкование): «поселок», «поселок, речка», «река в Магаданской области», «район в г. Магадане», «птицефабрика», «фермерское хозяйство», «ферма», «район за городом, птицефабрика», «там, где собирают яйца» и т.д. Река Дукча протекает практически по территории городского окру-

га город Магадан (находится в 13 километрах от него). Ее название связано с эвенским языком: по одной версии, «дукча» - «кунжа» (сорт красной рыбы), по другой версии «дьюкча» - «место бывшей стоянки». В долине реки в 1932 году был построен совхоз «Дукча», который впоследствии был преобразован в рыбоконсервное предприятие и птицефабрику. ООО «Птицефабрика Дукчинская» до сих пор успешно работает и предлагает свежую продукцию колымчанам и в разговорном.

Названия городских районов: *Простоквашино* (84,2%), *Яма* (84%), *Марчекан* (81,5%), *Вышка* (телевышка и район около нее) (80,2%), *Автотэк* (78%), *Торговый* (76,3), *Моргородок* (67%), *Горошка* (62%), *Инвалидка* (48%), *Антеннка* (38%), *Отсыпка* (37,6%).

Локализм «*Простоквашино*» в своем прямом значении называет конкретный район города (мы отметили такие районы в Кызыле, Таганроге, Пензе, Колпино), связан с известной деревней из мультфильма «Трое из Простоквашино» и имеет соответствующую сему «отдаленное расположение, стоящий на отшибе, не вполне благоустроенный» в лексическом значении.

В г. Магадане «*Простоквашино*» - это не только «район города», «3-ий микрорайон», «жилой район, 3 мкр», но и «магазин (3 мкр)», «район по названию магазина», «магазин (район)», «магазин в Яме», «супермаркет», «магазин в пригородном районе», и т.д. Слово отмечено не только живой разговорной речи магаданцев, но и в средствах массовой информации: «Светофор у ТЦ «Простоквашино» в Магадане устанавливать не будут» - заголовок статьи в «Магаданской правде» [42].

История возникновения наименования микрорайона «*Яма*» связана с ландшафтом городской среды: район находится в нижней части города, в низине. В этом районе сначала находился лагерь для заключенных, а в 80-е гг. бараки начали сносить и возводить новые дома, поэтому в связи с активной застройкой, район получил название «Строитель». Некоторые участники анкетирования эту страницу истории района отразили в толковании «*Яма*»: «район города», «район Строитель», «часть города» и т.д.

«*Марчекан*» является одним из старейших районов города Магадана. Сначала так называли ручей, около которого появилось первое жилье для геологов. Название поселка «Марчекан» оказалось продуктивным для образования относительного прилагательного «марчеканский», которое использовалось для названия улицы, сопки, переулка и шоссе. Это отражено в ответах магаданцев: «район города», «Марчеканское шоссе», «район возле моря», «улица» и т.д.

«*Вышка*» - центральный район города, площадь Комсомольская, главной достопримечательностью которого является телебашня, по своим формам напоминающая

Эйфелеву башню в Париже. На этой же площади находится здание Магаданской студии телевидения.

Название «*Автотэк*» является сложносокращенным производным от словосочетания «Магаданский комбинат автотранспорта и экспедиционного обслуживания». Этому же предприятию принадлежал Дом Культуры «Автотранспортников», сокращенно – ДК «Автотек». В настоящее время лексема используется для названия района города, Дома культуры, остановки, магазина и транспортной компании.

Микрорайон «*Торговый*» дефинируется респондентами как «торговый центр», «торговый комплекс», «микрорайон Магадана», «где много магазинов», «район на Гагарина», «рынок», «Торговый Дом», «торговый рынок на Гагарина», «магазины «Олимп» и «Гранд», «магазин «XXI век», «ТЦ на ул. Гагарина и его район» и т.д.

Слово «*Моргородок*» образовано от словосочетания «морской городок» и включает в себя элемент «городок», которое в истории города Магадана часто использовалось для названия объектов строительства: «ситцевым городком» называли место, где ставили первое жилье для строителей. «Глинобитный городок» (затем Глинобитный переулок) состоял из 12 глинобитных бараков на 2-ом километре основной трассы. Район «Моргородок» находится около моря, недалеко от порта, где одноименная остановка общественного транспорта. Семантический объем этого топонима в языковом сознании магаданцев достаточно широкий: «возле бухты городок», «микрорайон», «жилой район», «морской порт», «микрорайон у моря», «улицы Флотская и Портовая» и т.д.

Гороховое поле («*Горошка*») – сейчас пустырь, на месте которого располагалась часть совхоза «Дукча». Там выращивали такие сельскохозяйственные культуры, как картофель, морковь, капусту, а также горох и овес, из которых потом делали силос для животных. Это место, находящееся в низине, является уникальной теплой климатической зоной нашего северного города. До сих пор это неофициальное название пустыря в СМИ используется в кавычках и со ссылкой на неофициальный статус этой номинации (под названием «Гороховое поле»). В разговорной речи топоним «Горошка» - это «район», «Гороховое поле», «поле», «поле в районе Ямы», «поле-болото, где в дальнейшем будет «город-сад» и т.д. Как видно из ответов, семантика слова связана и с современным статусом территории, и с его будущими преобразованиями, т.к. на этом месте предполагается построить большой жилой комплекс в соответствии со «Стандартом комплексного развития в рамках реализации нацпроектов на отдельной территории Магадана». Этот топоним используют и журналисты региональных СМИ: например, в статье «Пилотная «*горошка*» рассказывается о концепции Горохового поля, разработанной КБ «Стрелка» [39].

«Инвалидка» – разговорный вариант названия поселка Инвалидный, который был построен еще в 30-ых гг. XX в. для физически слабых заключенных и тех, кто получил разного рода увечья на тяжелых работах. Сейчас это современный микрорайон Солнечный, расположенный на некотором отдалении от центра города и известный большим количеством солнечных дней в году (в отличие от самого города, где летом очень частые туманы и ветры). Более 50-ти лет здесь находится Магаданское областное государственное учреждение социального обслуживания населения «Дом-интернат общего типа для престарелых и инвалидов». Именно поэтому название «Инвалидка» до сих пор актуально для магаданцев: «район или больница», «Дом инвалидов», «Район города на Солнечном, где Дом инвалидов», «больница», «есть на Солнечном», «мкр. Солнечный», «район перед Солнечным, если ехать в сторону Талона», «район в Магадане», «Солнечный», «остановка» и т.д.

«Антенкой» до сих пор некоторые магаданцы называют сквер имени Болдырева. Раньше здесь находилось Антенное поле, давшее название деривату «Антенка»: «парк у «Северного сияния», «пересечение ул. Болдырева с проспектом К. Маркса», «микрорайон Болдырева», «Парк Болдырева», «парк у Северки», «сквер Болдырева», «район города» и т.д.

Из нарицательного субстантива «отсыпка» было образовано имя собственное, ставшее названием конкретного места, имеющего особое значение для жителей города. «Отсыпка» - «район возле морпорта», «военный пирс где потонули подлодки», «место на побережье Нагаевской бухты», «набережная на Марчекане», «место отдыха за Марчеканом», «место на побережье», «место ловли рыбы», «место за городом», «место на сопке» и т.д.

Хорошо известны также районы с уже историческим названием «Звезда» («встретиться на Звезде») и современным названием «Олимп» («встретиться на Олимпе»). Кинотеатр «Звезда» был введен в эксплуатацию в 1960 году, но его здание в 90-е годы было передано казачьему обществу «Колымская звезда» и «Казачий центр культуры, торговли и охраны общественного порядка». В настоящее время здание снесено, а на его месте построена церковь Сергия Радонежского. Но остановка «Звезда» до сих пор значится в маршрутном списке городских автобусов. Район «Олимп» известен магаданцам по названию находящегося там торгового центра «Олимп» [30].

Названия учреждений, предприятий, зданий можно классифицировать по следующим признакам:

- учебные заведения и детские учреждения отдыха: *Политех* (89,4%), *фазанка* (78%), *Медяга* (67%), *Кулинарка* (63%), *СевАрт* (59%), *фаза* (57%), *ХПИ* (56,5%), *ХЭП* (50%), *СВЭГ* (40%).

Сокращение «Политех» не является узко региональным, так как это распространенное наименование для «политехнического университета», «политехнического института», «политехнического музея» и т.д. Оно стало юридическим названием для ООО «Политех» на Урале. В системе учебных заведений г. Магадана эта номинация закрепилась за «МПТ» (Магаданский политехнический техникум), «где получают среднее образование», «Политехнический институт/университет» (Политехнический институт включен в структуру Северо-Восточного государственного университета), «техникум/институт», «училище», «Политехникум/техникум», «политехнический техникум» и т.д.

Для здания Политехнического института в составе СВГУ сохранились еще старые названия, которое повсеместно используют и жители города, и таксисты – «ХЭП», «ХПИ» (бывший филиал Хабаровского политехнического института, который был открыт в 1975 году). С медицинской сферой связано слово «Медяга», которое мы отметили как разговорно-просторечное для обозначения «медколледжа», «медучилища», «мединститута/вуза». Подобные образования характерны для речи жителей городов, где имеются такие учебные учреждения – средние и высшие. Также весьма распространенным молодежным жаргонизмом является название «Кулинарка». В настоящее время сложились две семантические группы, не связанные друг с другом по значению: с одной стороны, «Кулинарка» - это «кулинарное училище», «техникум», «колледж/лицей №5», «бывший кулинарный техникум», с другой – «кулинария/столовая/магазин с выпечкой/кулинарный магазин/ кафе» [36].

Более 75 лет известному на Колыме детскому оздоровительному лагерю «Северный Артек», получившему сложносокращенный вариант «СевАрт».

- названия зданий на основании их исторической эксплуатации: *Коммунальник*, *СВЗ*, *Фестивальный дом*.

«Коммунальник» - старое название спорткомплекса, ликвидированного в 2013 году, но в разговорное речи по-прежнему часто используют это имя собственное в значениях: «спорткомплекс», «спортивная школа», «спортивный центр», «Спорткомплекс «Энергия», «Дом культуры», «раньше был такой клуб» и т.д. Здание «СВЗ» было возведено в 1941 г., это было самое крупное административное здание «Дальстроя» («Северовостокзолото»). Сейчас в нем располагается не только ОАО «Северовостокзолото», но и другие учреждения и организации.

«Фестивальный дом» - жилой дом на проспекте Карла Маркса, сданный в эксплуатацию в 1962 году. В памяти магаданцев он связан со Всемирным фестивалем молодежи и студентов, который проходил в этом же году.

- названия библиотеки: *Пушкинка* (52,6%), *Пушка* (29%).

«Пушкинка», «Пушка» - Магаданская областная универсальная научная библиотека имени А.С. Пушкина.

- названия предприятий торговли и рынков: *Китайка* (96%), *Северка* (76,3), *Мега* (75%), *Гастрик* (39,4%). «Китайка» - распространенное общероссийское народное название для рынка, где продают китайские вещи (мы отметили эту разговорную лексику в Екатеринбурге, Челябинске, Барнауле, Владивостоке). «Мега» - супермаркет «Мегамаг», «Гастрик» - гастроном.
- названия недостроенных и заброшенных сооружений: *Купол/ Купола* (76%), *Драконы* (70%). «Купол»/«Купола» - магаданская достопримечательность, находящаяся на Марчеканской сопке. Купола РПУ (радио-прозрачное укрытие) были установлены еще во времена СССР как объект противовоздушной обороны, там находилась воинская часть и проводились работы по наблюдению. Из трех куполов в настоящее время остался только один: он светлым пятном выделяется высоко над городом и является объектом, назначение которого известно не каждому: «сооружение на сопке», «достопримечательность», «конструкция на сопке в виде полусферы (белого купола)», «некое белое возвышение на сопке», «шар на сопке», «ракетные шахты», «заброшенная обсерватория», «заброшенная метеостанция на сопке» и т.д. Кроме этого, имя собственное «Купол» называют и более современные предприятия области и Чукотки: «месторождение/ место добычи золота/ золотодобывающая компания/ название предприятия на Чукотке/ золотодобывающее месторождение/ золотодобыча/ артель / рудник». В июле 2022 года в г. Магадане открыли новый сквер «Купол» в честь одноименной возвышенности, находящейся на территории производства на Чукотке [29].

Не менее интересен и другой объект, находящийся на сопке Моргородка – «Драконы». «Полосатых «Драконов» на сопке близ Магадана собираются разобрать», - писали магаданские СМИ в июне 2020 года [40]. Огромные парусообразные железные конструкции красно-белого цвета более 50 лет стоят на вершине сопки и напоминают жителям города о том, что здесь была одна из 46 станций Тропосферной радиорелейной линии, обеспечивавшей связью огромную территорию от Магадана до Анадыря. Анкетированные продемонстрировали высокую степень осведомленности об этом историческом объекте: «антенны / антенны на сопке», «конструкции на сопке», «объект на сопке», «РЛС «Дракон» на сопке», «железки на сопке», «достопримечательность», «туристическое место на сопке», «локаторы на сопке», «радиостанция», «радары на магаданской сопке», «место, до которого ходят в поход», «шикарное место с видом на город Магадан», «драконьи щиты», «металлические сооружения на сопке в виде спинок драконов» и т.д.

— названия памятников: *Мамонт, Маска, Евражка, Лиса*. «Маска» – краткое название известного монумента «Маска Скорби», возведенного в 1996 году на сопке Крутой в Магадане (скульптор Э. Неизвестный, архитектор К. Козаев). «Мамонт» – разговорный вариант названия скульптурной композиции «Время» (2013 г.), главной фигурой которой стал огромный мамонт, высотой 5 метров и весом почти 6 тонн (автор – Ю. Руденко). «Евражка» и «Лиса» – небольшие арт-объекты в сквере семидесятилетия Магадана, сделанные из бронзы скульптором Ю. Руденко.

— названия объектов местного природного ландшафта и мест отдыха: *Сопка* (90,9%), *Горнолыжка* (85%), *Смотровая* (82%), *Три брата* (61,4%), *Старуха* (51,3%). «Сопка»: «На Дальнем Востоке и в Сибири: небольшая гора с округлой вершиной, курган, холм». На Камчатке и Курильских островах употребляется еще в значении «вулкан». Эта дальневосточная и магаданская ландшафтная особенность является яркой приметой региона: «магаданская низкая гора», «большой холм, окружающий Магадан», «название гор на Дальнем Востоке, которые имеют округлую вершину», «невысокие горы на Колыме» и т.д.

Местом отдыха является зона «Горнолыжка» - неофициальное название горнолыжного комплекса «Снегорка», предоставляющего горожанам в зимнее время все виды катания с горы и по заснеженным полям менее употребительный синоним «Горняшка»). В толковании респондентов отразился весь спектр услуг: «горнолыжная база», «Снегорка», «горнолыжный спуск, место отдыха», «база спортивного отдыха», «горнолыжный комплекс», «горнолыжный комплекс на Солнечном», «сопка/ место, где катаются на лыжах, сноуборде», «зона отдыха», «место катания и активного отдыха», «место веселого отдыха для семьи», «территория для активного отдыха и спорта» и т.д.

Общепотребительный субстантив «Смотровая» в каждом городе РФ применим к своему, местному «красивому виду на какой-то объект». В городе Магадане это «смотровая площадка у моря», «оборудованная прибрежная часть», «место для отдыха», «площадка в бухте Нагаево», «место с качелями и видом на море в Магадане», «место на возвышенности у берега бухты», «место, в котором видна вся Нагаевская бухта» и т.д. Более локальными и уникальными можно считать три одинаковые природные реалии, имеющие название «Три Брата». На Камчатке так называется группа из столбообразных скал (кекуров), выступающих из вод Авачинской бухты. В Татарском проливе вблизи побережья города Александровск-Сахалинский есть такая же группа скал с одноименным названием. А.П. Чехов, прощаясь с Северным Сахалином в сентябре 1890 года, описал эту группу с по-

мощью развернутой метафоры: «Я <...> прощался с этим мрачным мирком, оберегаемым с моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались в воздухе и были похожи впотьмах на трех черных монахов».

В восточных окрестностях города Североуральска «Три Брата» - это скалы на берегу реки Варган, которые покрыты лесом (в отличие от голых скал Камчатки и Сахалина). В Магадане «Три Брата» - это «острова» (скалы) около полуострова Сторицкого в Тауйской губе Охотского моря. Относительно обособленные скалы во время отлива соединяются между собой и с побережьем, и к ним можно приблизиться, не используя водные транспортные средства.

«Старуха» - краткое название микрорайона Старая Веселая, бывшего поселка закрытого типа, который получил название по расположению в бухте Веселой (и ручья Веселого). Позднее в бухте Гертнера тоже возник поселок Веселый, и, чтобы избежать путаницы, двум поселкам дали названия по времени строительства - Старая Веселая и Новая Веселая. «Старуха» - это уникальное отдыха магаданцев, где морская вода прогревается до такой температуры, что можно летом купаться.

Отдельно стоит остановиться на традиции со времен первых лет освоения Колымы называть населенные пункты по километровой отметке:

13-ый километр (63,6%) - здесь, на 13-ом километре Колымской трассы, находился аэропорт «Магадан - 13», который еще в 70-80 гг. обслуживал рейсы местной авиации. Сейчас это место более известно как «пост ГАИ».

23-ий километр/23-ий (63,6%) - населенный пункт основной трассы, который в 1968 году официально назвали поселком «Снежный». Район на 23 километре трассы известен тем, что там работает Магаданский областной психоневрологический диспансер. Выражения «Ты с 23?», «Пора уже на 23» намекают как раз на это учреждение, по отношению к которому иногда употребляют названия «психушка», «психичка», «дурка» и т.д.

56-ой километр/56-ой (61,3%) - здесь в 1963 году приступили к эксплуатации аэродрома «Магадан - 56» (сейчас большой международный аэропорт).

«Полноценными именами собственными названия этих поселений были заменены не ранее 70-ых гг. XX в., но в речи многих поколений северян прежние, дальстроевские, способы номинации устойчиво сохраняются», - пишет Е.М. Гоголева [10, с.204].

31-ый квартал/31-ый (70,5%) - когда-то на этой территории находились транзитные городки, в которых временно проживали вольнонаемные и бывшие заключенные. Официальное расположение 31 квартала и одноименных фирм на его территории (УК «31 квартал», Ремонтно-строительная фирма «31 квартал») - Марчеканское шоссе 38.

95-ый квартал/95-ый (65,9%) - составная номинация, возникшая в языковом сознании горожан, привыкших делить Магадан на кварталы. Закрепленности этого названия способствуют торговые предприятия под названием «95 квартал» (магазин спортивных товаров), «Квартал 95» (Спортивно-экипировочный центр), но исторически на этом месте был «95 объект» - женская колония.

Неповторимый архитектурный колорит города нельзя воспроизвести без лексем «шестигранник» (большие шестигранные плиты, которые укладывали на пешеходной зоне в центральной части города Магадана), «сталинка» (дома постройки 1940-1965 гг. на улицах Ленина и Портовой в стиле неоклассицизма (сталинский ампира)).

Климатической особенностью Магадана является так называемая «труба»: сильный ветер между домами на центральных улицах, потому в городе, расположенном между двумя бухтами - Нагаевской и Гертнера возникают частые морские ветра, делающие погоду довольно суровой даже при небольших морозах.

Летом все магаданцы ждут начала ловли «уйка» (дальневосточной мойвы). Этот регионализм, по мнению А.Е. Аникина, явно связан «с ительменским словом уйки ~ уйкээн «мойва» [1, с.265].

Поскольку единственным способом сообщения между населенными пунктами Магаданской области является Колымская трасса, профессия водителя большегрузных машин очень актуальна в регионе. Профессиональный жаргон в этой сфере отражает специфику работы со всеми ее трудностями в пути: «гальмануть» (заскользнуть на дороге), «сикануть» (сломаться), «тягун» (затяжной подъем), «тычок» (крутой и короткий бугор), «пятак» (парковка для дальнобойщиков), «наледь» (препятствие для водителей - вода, которую выдавливает на поверхность под давлением), «выморозка» (процесс спасения машины, которая попала в наледь или в открытую воду и вмерзла туда).

Разговорные наименования наименования машин в зависимости от их марки и функции включают в себя такие слова, как «Кунг, вахтовка» (Урал, Камаз для перевозки рабочих на месторождение или для выезда на рубалку и охоту), «Налив» (бензовоз), «Совок» (самосвал), «Ротор» (снегоуборщик), «Бульдоз» (бульдозер), «Сайгак» (Камаз - тягач, 6х6), «Собака» (погрузчик), «Татарин» (Камаз, потому что изготовлен в Набережных Челнах в Татарстане), «Афганец» (Камаз с двойными задними колесами); эскудик (машина Suzuki Escudo), хорёк (Toyota Harrier), прадик (Toyota Land Cruiser Prado), паджерик (Mitsubishi Pajero), марковник (Toyota Mark II), крузак (Land Cruiser Prado) и т.д.

Региональные слова, отражающие сферу рыбного промысла, являются актуальными не только для профессиональных рыбаков. В периоды, когда начинается сезон «открытой воды», этот вид отдыха с последующим приготовлением рыбных блюд практикуют многие жители Колымы: «путёвка» (документ-лицензия, дающий право занять участок на море, выделенный под рыбную ловлю) (ср. на Камчатке – «рыболовные билеты»), «участок»/«точка» (ограниченный вешками/ метками участок для ловли рыбы), «горбыль» (самец горбуши), «лупки» (брюшки рыбы), «чувал» (мешок для свежей рыбы), «шкерить» (вскрывать брюшко рыбы для изъятия внутренностей), «курица» (камбала, т.к. по вкусу приготовленная рыба похожа на курицу), «самодур» (вид простого приспособления для ловли рыбы, состоящий из лески и крючка), «тузлук» (раствор воды с солью для быстрой засолки рыбы), «пятиминутка» (свежая икра, которую несколько минут держат в тузлуке), «гροхотка» (устройство для отделения свежей икры от ястыка – тонкой, но прочной пленки в виде оболочки, в которой находится икра лососевых рыб), «уёк» (мойва), «собака» (охотская зубатка), «бродни» (высокие резиновые сапоги, в которых стоят в воде), «ёрш» (местное название морского широколобого окуня), «водить хороводы» (движение ерша под водой, когда он проглотил приманку), «окунь» (терпуг) и т.д.

Основанием для образования лексем могут служить различные причины: неудобные для обозначения длинные развернутые описательные словосочетания и обороты (например, Магаданская областная универсальная научная библиотека имени А.С. Пушкина → *Пушкинка*), название, которое не отражает главный внешний признак объекта (скульптура «Время» → *Мамонт*), возможность опознания обозначаемого фрагмента действительности по разным признакам (например, северный перевал Черского хребта в современном Ягоднинском районе Магаданской области → *Серпантинка*). По происхождению и способу словообразования актуальные для региона лексемы весьма разнообразны. Среди заимствованных топонимов мы уже отметили слова, связанные по своей этимологии с языками северных народов: «Дукча», «Тенька», «Герба» - эвенский язык; «Бараборка», «уёк» - ительменский язык.

Еще одно широко известное на Колыме заимствование в культурной сфере – это «Хэбденек». Традиция отмечать эвенский праздник «Хэбденек» возродилась на Колыме в 1997 году, и теперь ежегодно жители города и поселков становятся участниками яркого национального праздника, о котором пишут все СМИ региона: «Эвенский праздник Нового солнца «Хэбденек» встретили в Магадане» [49].

Семантическое своеобразие проанализированной лексики отражается в появлении новых, региональных

лексических значений у общеупотребительных слов. Некоторые из локальных слов не выходят за границы словарного фонда литературного языка, но сдвиг в значении может проявляться в новых сочетаемостных возможностях лексемы. Например, многозначное существительное «трасса» отмечено в толковом словаре литературного языка в значениях «линия на карте или местности»; «дорога, путь», «след, оставляемый в воздухе трассирующей пулей или снарядом. В связи с расширением объема семантики и появлением пространственного значения «все, что за городом, дорога, поселки», «местность за Магаданом», появились новые сочетания «жить на трассе», «вернуться с трассы», «поехать на трассу».

К семантически регионализм можно также отнести лексемы «материк» (центральные районы страны, не север; место проведения отпуска северян), «пятиминутка» (красная икра быстрого приготовления), «труба» (место в городе, дует очень сильный ветер), «путевка» (лицензия для ловли рыбы), «налив» (бензовоз) и т.д. Многие городские топонимы служат для обозначения нескольких объектов: «вышка» - район телевышки, сама телевышка, остановка; «Автотек» - район города, Дом культуры, остановка; «Дукча» - река, район города, птицефабрика, остановка, «Простоквашино» - магазин, район города и т.д. Заметна тенденция к экономии языковых средств с помощью образования из двусловных номинаций однословные: Старая Веселая → Старуха, Смотровая площадка → Смотровая, Тенькинская трасса → Тенька, «Северное сияние» (название магазина) → *Северка*, китайский рынок → Снежка и т.д. Появление однословных лексических регионализмов связано с основными современными способами словопроизводства [23, с. 265]:

- а) суффиксальным: *Инвалидка* ← инвалид (Дом инвалидов); *Серпантинка* ← серпантин (рельеф дороги в Ягоднинском районе); *Горняшка* ← горы (горнолыжный комплекс); *горбыль* ← горб (внешний признак самца у горбуши); *бродни* ← бродить (высокие резиновые сапоги для хождения по воде во время рыбалки); *гροхотка* ← ГАИ; *гайцы* ← ГАИ;
- б) сложносуффиксальным: *горнолыжка* ← горные лыжи;
- б) аббревиацией: СВЗ ← «Северовостокзолото»; Автотэк ← Магаданский комбинат автотранспорта и экспедиционного обслуживания; Моргородок ← морской городок; ЦРС ← центральные районы страны; ХПИ ← Хабаровский политехнический институт; Политех ← политехнический; СевАрт ← Северный Артек; КМНС ← коренные малочисленные народы севера
- в) усечение: *Герба* ← Гербинский перевал; *Хабар* (а) ← Хабаровск;
- в) субстантивацией: *Смотровая* (площадка); *Торговый* (центр).

В основу наименований «Мамонт» (вместо официального названия скульптуры «Время»), «Купол», «Драконы» положена метафорическая мотивация, связанная с внешним видом объектов номинации.

Аббревиатура «СВЗ» (ул. Пролетарская 12) воссоздает

историческую связь этого здания с объединением «Северовостокзолото», занимавшим все четыре этажа. Несмотря на современное многоцелевое использование объекта (столовая, магазины), ассоциации с «Северовостокзолотом» остаются весьма устойчивыми в сознании коренных жителей Магадана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири : Заимствования из урал., алт. и палеоазиат. яз. / А.Е. Аникин; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии. - 2. изд., испр. и доп. - М.; Новосибирск : Наука, 2000. - 765 с.
2. Афанасьев А. Солнечный Магадан!!! Мифы и реальность [Электронный ресурс] // Живой Журнал anton_afanasev. - Режим доступа: <https://anton-afanasev.livejournal.com/43522.html> (дата обращения: 12.04.2022).
3. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. - М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. - 439 с.
4. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собр. на месте и сост. В.Г. Богораз. - Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1901. - 346 с.
5. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. - М.: Логос, 2003. - 304 с.
6. Везите на «материк» «Мамонт». Вместо икры! [Электронный ресурс] // Магаданская правда. - 2020. - 04 марта. - Режим доступа: <https://magadanpravda.ru/lenta-novostej/svobodnoe-vremya/vezite-na-materik-mamoot-vmesto-ikry> (дата обращения 09.10.2021).
7. Ворчание крымчан: Нам обещали жизнь как в России? Так дайте и отойдите! [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. - 2021. - 31 марта. - Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27258/4390324/> (дата обращения: 14.09.2021).
8. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедицию, состоявшую под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля. - Санкт-Петербург : Тип. А. Бородина и К°, 1841. - Ч. 2. - 360 с.
9. Встретимся у Евразки: колымчан призывают подслушивать незнакомцев, чтобы сформировать языковую карту России [Электронный ресурс] // Магаданская правда. - 2022. - 06 февраля. - Режим доступа: <https://magadanpravda.ru/lenta-novostej/sotsium/vstretimsya-u-evrazhki-kolymchan-prizyvayut-podslushivat-neznakomtsev-chtoby-sformirovat-yazykovuyu-kartu-rossii> (дата обращения: 20.02.2022).
10. Гоголева Е.М. «Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и в региональной традиции» // Колымский гуманитарный альманах / под ред. А.И. Широкова. - Вып. 2. - Магадан: Кордис, 2007. - С. 199-209.
11. Городские диалекты [Электронный ресурс] // Единый форум поддержки. - Режим доступа: <https://forum.mybb.ru/viewtopic.php?id=25202&p=5> (дата обращения: 28.02.2022).
12. Дромофорум [Электронный ресурс] // Дром.ру. - Режим доступа: <https://forums.drom.ru/magadan/t1152115643.html> (дата обращения: 12.01.2022).
13. Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социоллингвистический аспект. Пермь, Изд-во Перм. ун-та, 2005. - 320 с.
14. Ерофеева Е.В. Локализмы в литературной речи горожан / Ерофеева Е.В. - Москва : ФЛИНТА, 2017. - 107 с.
15. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока/ под ред. А.А. Соколянского. - Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. - 539 с.
16. Измагилова Н.В., Майорова О.А. Язык города как социоллингвистическая проблема: перспективы изучения // Вестник Башкирского университета. - 2019. - Т. 24. - №4. - С. 900 - 906.
17. Как бесплатно переехать из Магадана в ЦРС [Электронный ресурс] // MagadanMedia.ru - 2017. - 05 сентября. - Режим доступа: <https://magadanmedia.ru/news/617969/> (дата обращения: 25.11.2022).
18. Касаткин Л.Л. Русские диалекты и языковая политика // Русская речь. - 1993. = №2. - С. 82-90.
19. Кичапов И. Степашка [Электронный ресурс] // Проза.ру. - Режим доступа: <https://proza.ru/2012/02/17/1476> (дата обращения: 18.06.2022).
20. Е.В. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города. - Свердловск: УрГУ, 1988. - С. 5-18.
21. Крашенинников Е.Е. Снежная долина под Магаданом [Электронный ресурс] // Проза.ру. - Режим доступа: <https://proza.ru/2017/10/31/234> (дата обращения: 15.07. 2022).
22. Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. - Москва: Наука, 1989. - 188 с.
23. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразования / Е.С. Кубрякова // Языковая номинация (Виды наименований) / Под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. - М.: Изд-во МГУ, 1977. - С. 222-302.
24. Кузмищев П. Ф. Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке / П.Ф. Кузмищев // Москвитянин. - Ч. 2. -1842. - № 3.
25. Кузнецов – Большой толковый словарь русского языка: Гл. ред. С. А. Кузнецов. - Санкт-Петербург: «Норинт», 2002. - 1536 с.
26. К чему больше всего нужно быть готовым, если вы собрались на ПМЖ в Норильск? [Электронный ресурс] // Заполярная правда. - 2020. - 17 декабря. - Режим доступа: <https://dzen.ru/media/nefotograf/k-chemu-bolshe-vsego-nujno-byt-gotovym-esli-vy-sobralis-na-pmj-v-norilsk-5fd6421c9480ec78dc5991f3> (дата обращения: 10.01.2022).
27. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении языка города // Русская речь. Новая серия. - Вып. III. - Ленинград: АCADEMIA, 1928. - С. 61- 74.
28. Леонтьев В.В. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / В.В. Леонтьев, К.А. Новикова; Науч. редакция Г.А. Меновщикова; АН СССР, Дальневост. отд-ние, Сев.-Вост. комплекс. НИИ, Лаб. археологии, истории и этнографии. - Магадан: Кн. изд-во, 1989. - 456 с.

29. Лесные пожары, цены на билеты и летний отдых детей в ЦРС обсудили на заседании Правительства Колымы [Электронный ресурс] // КолымаПлюс. – 2019. – 05 июля. – Режим доступа: <https://kolymaplus.ru/news/lesnye-pozhary-ceny-na-bilety-i-letniy-otdyh-detey-v-crs-obsudili-na-zasedaniya-pravitelstva> (дата обращения: 24.06.2022).
30. Люди здесь гораздо ближе к природе... [Электронный ресурс] // Вечерний Магадан. – 2019. – 13 ноября. – Режим доступа: <https://magadan.bezformata.com/listnews/zdes-gorazdo-blizhe-k-prirode/79223059/> (дата обращения: 17.06.2022).
31. Магадан – Магаданцы и Магаданочки. Обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/topic-16349_119029?offset=0 (дата обращения: 27.02.2022).
32. Магаданская область в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. /Хабаровскстат - г. Магадан, 2020. – 121 с.
33. Магаданский автофорум М49 [Электронный ресурс] // Магаданская областная общественная организация «Автоклуб М49». – Режим доступа: <https://am49.ru/talk/index.php?showtopic=71832> (дата обращения: 12.01.2021).
34. Магерасова Ю.Ю. Способы создания базы данных живой разговорной речи городского населения // Современные тенденции в изучении русского языка, культуры и истории: Сборник материалов научно-практической конференции (2-3 октября 2020 г., София, Болгария), София: Издательский комплекс – УНСС, 2020. – С. 89-96.
35. Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б. Социоллингвистика в России // Вопросы языкознания. – 2002. – №5. – С. 116-142.
36. Немного о сленге Магаданской области [Электронный ресурс] // Неизвестная Россия: авторские путешествия. – Режим доступа: https://vk.com/wall-60394841_395342 (дата обращения: 03.09.2022).
37. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2013. – №10. – С. 20-37.
38. Петров А.А., Фелоренкова В.С. Эвенско-русский и русско-эвенский словарь. Около 4500 слов: учебное пособие. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. — 208 с.
39. Пилотная «горошка» [Электронный ресурс] // Магаданская правда. – 2020. – 22 января. – Режим доступа: <https://magadan.bezformata.com/listnews/pilotnaya-goroshka/80900854/> (дата обращения: 10.10.2021).
40. Полосатых «Драконов» на сопке близ Магадана собираются разобрать [Электронный ресурс] // КОЛЫМА.RU. - 2020. - 26 июня. – Режим доступа: <https://kolyma.ru/news/90364-polosatyh-drakonov-na-sopke-bliz-magadana-sobirayutsya-razobrat.html> (дата обращения: 10.10.2021).
41. При переезде в ЦРС пенсионеры, чей северный стаж не менее 15 лет, теряют 20% добавки к выплате [Электронный ресурс] // Вести Магадан. – 2021. – 26 января. – Режим доступа: <https://vesti-magadan.ru/region/pri-pereezde-v-czrs-pensionery-chej-severnij-stazh-ne-menee-15-let-teryayut-20-dobavki-k-vyplate> (дата обращения: 24.06.2022).
42. Светофор у ТЦ «Простоквашино» в Магадане устанавливать не будут [Электронный ресурс] // Магаданская правда. – 2021. – 29 апреля. – Режим доступа: <https://magadanpravda.ru/lenta-novostej/dorogi/sветофор-u-prostokvashino-v-magadane-ustanavlivat-ne-budut> (дата обращения: 02.07.2022).
43. Складская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складская; отв. ред. Д.Н. Шмелев; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – 2-е изд., стереотип. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2004. – 164 с.
44. Форум жителей Магадана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://100real.ru/magadan/forum> (дата обращения: 12.09.2021).
45. Чехов А.П. Остров Сахалин. (Из путевых записок). Владивосток – Южно-Сахалинск: Издательство «Рубеж», 2010. – 352 с.
46. Шарипова О.А. Региональные особенности языка города: на материале русской речи жителей города Стерлитамак Республики Башкортостан: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О.А. Шарипова. – Стерлитамак, 2012. – 218 с.
47. Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методический бюллетень. – Красноярск; Ачинск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1997. – Вып. 5. – С. 8-26.
48. Широков А.И. Магаданская область // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т истории, Изд. дом «Историческое наследие Сибири»; [гл. ред.: В.А. Ламин; редкол.: С. С. Букин и др.]. - Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. - Т. 2: К - Р. - 2009. - 807 с. С. 302-306.
49. Эвенский праздник Нового солнца «Хэбденек» встретили в Магадане [Электронный ресурс] // MagadanMedia.ru. – 2021. – 19 июня. – Режим доступа: <https://magadanmedia.ru/news/1114816/> (дата обращения: 15.07.2022).
50. Эвены и их язык [Электронный ресурс] // Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – URL: <http://igi.ysn.ru/indexsakha.php?page=karta&even> (дата обращения: 09.02.2022).
51. Языки русских городов: словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=55&t=9680&start=20> (дата обращения 12.03.2022).

© Соколянская Наталья Николаевна (nata_sokol@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТ «ЗАВИСИМОГО» К «НЕЗАВИСИМОМУ»: АНАЛИЗ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

У Юйтин

магистрант, Юго-восточный университет,
г. Нанкин, Китай
wuyutingsimida@icloud.com

FROM "DEPENDENT" TO "INDEPENDENT": AN ANALYSIS OF FEMALE IMAGES IN CHEKHOV'S WRITINGS

Wu Yuting

Summary: The creative heritage of A.P. Chekhov reveals numerous outstanding works. His works affected all aspects of public life and the fate of representatives of people of various social status and position, and the female images shown in Chekhov's works are diverse. Within the framework of this article, the author classifies and analyzes various female characters. The paper analyzes female images in the context of feminist ideas. As a result of this analysis, it is found that in the work of A.P. Chekhov there are three broad categories of women that can be designated by the definitions "dependent", "awakened" and "independent". On the examples of typical female images in the works of the Russian realist writer, the article examines the social status of women, reveals their progressive significance, and determines the balance between the rights of the sexes in the interactions of text and theory. The article concludes that some of Chekhov's heroines are liberated, which demonstrates the special consequences for modern women in their pursuit of gender equality.

Keywords: Chekhov, Beauvoir, feminism, female images.

Аннотация: Творческое наследие А.П. Чехова обнаруживает многочисленные выдающиеся произведения. Его работы затрагивали все стороны общественной жизни и судьбы представителей различных по социальному статусу и положению людей, а женских образы, показанные в произведениях Чехова, многообразны. В рамках данной статьи автором классифицируются и анализируются различные женские персонажи. В работе анализируются женские образы в контексте идей феминизма. В результате данного анализа обнаруживается, что в творчестве А. П. Чехова существуют три широкие категории женщин, которые можно обозначить определениями «зависимые», «пробужденные» и «независимые». На примерах типичных женских образов в произведениях русского писателя-реалиста в статье исследуется социальное положение женщин, раскрывается их прогрессивное значение и определяется баланс между правами полов во взаимодействиях текста и теории. В статье делается вывод о том, что некоторые чеховские героини обретают освобождение, что демонстрирует особые последствия для современных женщин в их стремлении к гендерному равенству.

Ключевые слова: Чехов, Бовуар, феминизм, женские образы.

Творчество Антона Павловича Чехова обладает феноменальной природой, детерминированной тем, что писатель одновременно с выражением своего литературного дара в реальной жизни являлся представителем врачебной профессии. Поэтому он был тесно знаком с представителями всех слоев общества, а следовательно, интуитивно чувствовал трудности существования русских женщин в то время. Его произведения представляют читателю целую панораму различных женских образов.

К образу женщины тяготела вся русская литература. Данный факт является свидетельством тому, что современный человек может наблюдать над тем, как менялось положение женщины во времена социальных перемен. Эволюция женских образов в литературе тесно связана с изменением статуса женщины в общественной жизни.

В рамках настоящей статьи нами будет представлен анализ чеховских женских образов в контексте теории феминизма, выступающей в качестве теоретической основы исследования. Определение путей к «освобождению» женщины, намечающихся в произведениях А.П. Че-

хова, позволяет не только углубить понимание данных образов в рамках творчества рассматриваемого автора, но также вносит определенный вклад в изучение истоков сегодняшней женской эмансипации.

Детерминантой развития феминистических идей стало явление социального неравенства, оказавшееся итогом процесса разделения труда в период патриархального общества. Конечная цель феминистской теории заключается в достижении равенства между мужчинами и женщинами, а ее история насчитывает не одно столетие.

Так, в развитии идей феминистского движения выделяются несколько этапов (или так называемых «волн»). Отправной точкой (первой волной) данного процесса оказывается период со второй половины XIX века до начала XX века, когда целью борьбы женщин с существовавшим в то время общественным режимом являлось достижение юридического равноправия представительниц обоих полов. Феминисты считали, что женщина не должна рассматриваться в качестве своеобразного мужского «украшения» или собственности в брачной сделке. Образ женщины в этом феминистском сознании и борь-

бе можно обозначить известной фразой «женщина тоже человек».

Началом второй волны феминизма считается период 60-х годов XX в., когда целью лидеров и участников движения стало фактическое равенство представителей обеих половых принадлежностей. Общее требование феминисток – бороться за право не только участвовать в голосовании, но и непосредственно входить в состав властных структур. Понятие «гендер» было введено в книге «Второй пол» Симоны Де Бовуар «Женщиной не рождаются, ею становятся». Согласно Бовуару, «она самоопределяется и выделяется относительно мужчины, но не мужчина относительно нее; она – несущественное рядом с существенным. Он – Субъект, он – Абсолют, она – Другой» [1, с. 28]. Писательница считала, что мир – это мир мужчин, потому что в английском языке *man* может относиться как к мужчинам, так и к человечеству, а *woman* – только к женщинам. За этим определением и стоит неравенство, т. е. идея о том, что женщины являются частью человеческого рода, а мужчины – всем миром.

Третья «волна» феминизма датируется 90-ми гг. XX в. Феминистки этого периода были уже более самостоятельными и напористыми, выступали за изменение представлений общества о мужественности и несправедливых элементах социальной системы, а не за собственное женщин.

Термин «патриархат» был введен в феминистскую теорию Кейт Миллет. Первоначально оно относилось к понятию отец, который выступает в качестве родителя. Миллет придает этому термину новое значение: первое – господство мужчин над женщинами, второе – господство старших мужчин над младшими. Мужское господство не ограничивается политической и рабочей сферами, но также включает в себя частную сферу жизни, т.е. семью и секс, оба из которых являются инструментами мужского господства. Феминистки выступают против патриархального общества и стремятся к истинному равенству между мужчинами и женщинами.

Кроме того, женщины в патриархальном обществе часто делились на три фиксированные роли: девственница, мать и проститутка. Это разделение само по себе является проявлением ценности, придаваемой женскому телу, и неявно рассматривает женщин в качестве объектов потребления. Потребление женского тела мужчинами воспринимается как должное, что имплицитно заключает его во власть мужчин, поэтому женщины часто зависят от представителей противоположного пола в своем существовании.

В 1907 году Н. Трубицын опубликовал статью «Общественная роль женщины в изображении новейшей русской литературы», в которой он разделил образы жен-

щин, появившиеся в русской литературе XIX и XX веков, на три большие категории: первая – это пожилая или традиционная женщина, которая следует указаниям Бога, не тратит денег, не ведет активную социальную жизнь и не умеет самостоятельно решать проблемы. Вторая – это женщина, у которой есть только «физический аспект», их цели в жизни – семья, близкие или они сами. Представительницы данной категории обладают определенной осведомленностью о своих мыслях и иногда под влиянием различных факторов меняют свое поведение. Последний тип женщин – это новый тип женщин, которые имели свои собственные амбиции, но часто не находили выхода [3].

Женское движение в России начинается в середине XIX в., оно связано с попытками обеспечить женщин возможностью профессиональной занятости, экономической независимости и доступом к высшему образованию [2, с. 400]. Поскольку литература является особым средством отражения социальной действительности, в ней читатель получает ясное представление о развитии положения русских женщин и изменениях в данном процессе. Поэтому представляется возможным обратиться к творчеству А. П. Чехова с целью прослеживания эволюции женского образа в свете идей феминистской теории.

Реформа 1861 года, проведенная сверху вниз, не решила фундаментальных проблем общества, но все же в значительной степени способствовала эмансипации общественной мысли, и женщины начали искать свой собственный путь к освобождению. Жизнь Чехова была тесно связана с реформами крепостного права. Выросший под влиянием своей матери, Чехов всегда с большим уважением относился к женщинам, что нашло отражение в его словах: «Талант в нас со стороны отца, а душа – со стороны матери» [4, с. 48]. С таким же пиететом он относился к собственной жене и сестре. В результате всех этих факторов его всегда волновала судьба русских женщин, и он показал целую панораму женских образов в своих произведениях.

Эволюция чеховских героинь обнаруживает три стадии изменений: от «зависимого» типа в начале к «пробужденному» типу и, наконец, к «независимому» типу женщин, обладающих новыми идеями. Обозначенные стадии женского образа соответствуют изменениям в обществе и характеризуются постепенным переходом к зрелости, а феминистские идеи все больше проявляются в произведениях.

Обратимся к образу «зависимой» женщины в текстах рассматриваемого автора.

На ранних этапах своего творчества Чехов неоднократно представляет читателю трагические образы женщин, живущих в нищете и нужде. Они не имеют никаких

целей в жизни, их жизнь сосредоточена на семье, они зависят от своих мужей или постоянно ищут мужчину, к которому можно душевно привязаться. В таких неравных отношениях женщины не могут заявить о своих правах, о своих желаниях и стремлениях.

Оленька, героиня рассказа «Душечка», – типичный «зависимый» образ женщины. Повествование открывается упоминанием о ней: «Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого» [5, с. 102]. После того, как героиня вышла замуж, вся ее жизнь стала вращаться вокруг мужа. Когда Кукин уезжал в командировку, «в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха» [5, с. 103]. Когда женщина получила телеграмму о смерти супруга, ее первой реакцией стала мысль: «На кого ты покинул свою бедную Оленьку, бедную, несчастную?» [5, с. 103]. Через три месяца она влюбилась в Пустовалова, и быстро вышла замуж. Опять же, ей не давали спать по ночам каждый раз, когда мужу приходилось ездить за лесом в Могилевскую губернию. Эта недолгая счастливая жизнь прерывалась смертью Пустовалова, и Оленька стала вдовой во второй раз. И снова она рыдала: «На кого же ты меня покинул, голубчик мой?» [5, с. 106]. Без любимого жизнь героини обрела безрадостность. Вскоре она влюбилась в ветеринара Смирнина, которого знала раньше, но это продолжалось недолго – ветеринар ушел в армию, и Оленька снова осталась одна. Через много лет ветеринар возвращается со своей семьей, и Оленька начинает уделять внимание ребенку ветеринара, Саше. Женщина была в полном отчаянии, когда узнала, что бабушка Саши забирает ребенка, но это отчаяние длилось недолго, когда она услышала новость, что Смирнин возвращается, и Оленька снова стала счастливой. Она всю жизнь прожила в зависимости от мужчин, сначала от отца, потом от нескольких мужей, а потом от чужого ребенка Саши. У нее нет собственной жизни, а смысл и ее цель – найти мужчину, чтобы «любить». Женщины, жившие в эту эпоху, также обнаруживают подобную трагическую тенденцию как черту того времени.

Со второй половины 1880-х годов до первой половины 1900-х годов Чехов демонстрирует, что женщины, которые хотят изменить свою жизнь, должны пробудиться от своей прежней неполноценности и приниженности в обществе, а следовательно, им следует бороться за право голоса. Образы героинь, созданные в этот период, также начали развивать собственное сознание и предпринимать сознательные попытки вырваться из своего первоначального положения, но эта борьба часто заканчивалась неудачей из-за социальных ограничений.

Анна Сергеевна, героиня рассказа «Дама с собачкой», в раннем возрасте выходит замуж, но живет несчастливо. Оздоровившись в Ялте, она встречает женатого

мужчину Гурова. Он был легкомысленным, нетактичным человеком, который продолжал заводить романы с другими женщинами несмотря на то, что был женат и имел детей. Анна и Гуров влюбляются. После романа Анна мучится и терзается, называя себя «дурной, низкой женщиной», а Гуров удивлен и отвращен признанием Анны. Отношения пришлось прекратить, когда муж Анны заболел, и героиня вернулась в город С. Но после разлуки Гуров обнаруживает, что глубоко влюбился, поэтому он находит в себе смелость поехать к ней, и как только они встречаются, старые чувства вновь разгораются, что и подталкивает героев продолжить тайные отношения. В итоге двое искренне любящих друг друга людей так и не смогли прорваться сквозь узы реальности и продолжали жить в состоянии сокрытия и фактической измены. В рассказе Анна начинает развивать свое чувство независимости, осознает, что ее жизнь несчастлива, и делает смелый шаг в поисках настоящей любви. Но по моральным и социальным причинам женщине не удастся прорвать блокаду общественных и нравственных препонов.

Хотя в конце рассказа не сказано, как закончат жизнь эти два человека, из него следует, что ни один из них в итоге не решится на более отчаянный шаг признаться супругам в неверности и любить открыто. Гуров не испытывает ни малейшего чувства вины и решается отправиться на поиски Анны, но она с самого начала занимается самобичеванием, определяя себя как мерзкого человека.

Изображение женщин в поздних произведениях Чехова также оказывалось своеобразным ответом на изменения времени, когда они начали преодолевать свое неравноправное положение, что и явилось свидетельством оформления нового типа женщин.

«Невеста» – рассказ А.П. Чехова, в котором ярко проявляется трансформация положения женщин. Надя, главная героиня произведения, является одной из типичных представительниц этого «нового» женского типа. Сначала, как и все традиционные женщины, она хотела выйти замуж в 16 лет. Когда она наконец смогла пойти под венец (в возрасте 23 лет за молодого человека по имени Андрей), героиня обнаружила, что у нее нет ощущения радости и счастья, на которое она надеялась. Прогрессивный юноша Саша имел определенное влияние на ее мышление: «Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше месяца, она стала испытывать страх, беспокойство, как будто ожидало ее что-то неопределенное, тяжелое» [5, с. 209]. Эмоции девушки окончательно накаляются, когда она вместе с Андреем посещает дом бракосочетания. Одна из любимых картин Андрея, изображающая обнаженную женщину с фиолетовой вазой, совершенно возмутила Надю. Именно в этот момент ее сознание действительно преобразилось, сублимировалось – ей стало ясно, что она больше не лю-

бит своего жениха или, возможно, вообще никогда не испытывала к нему чувств. В конце концов она решает уехать, несмотря на препятствия семьи, и с помощью Саши отправляется в Санкт-Петербург. Этот город выступает в произведении в качестве символа, обозначающего революционный центр, а следовательно, прогресс. Надя – одна из многих представительниц нового поколения независимых женщин, которые осмеливаются сказать «нет» патриархальному обществу.

В конце произведения рассказчик умалчивает о том, живет ли Надя счастливой жизнью или нашла ли она ее смысл. Портрет обнаженной женщины как популярный продукт того времени был ироничным и оскорбительным для чеховской героини, но также он был отражением социальной тенденции, в которой доминировало мужское «потребление тела» женщин. В отличие от Оленьки и Ани, которые были слабыми и трусливыми, Надя имеет смелость действовать, порвать со своей старой жизнью и добиваться лучшего для себя будущего. Таким образом, очевидно, что женщины сделали огромный шаг вперед в своем личностном росте и самореализации.

Таким образом, образы женщин в произведениях Чехова развиваются в рамках трёх стадий: от первоначальной зависимости, смирения, слабости и несмелых попыток вырваться из клетки, которые терпят неудачу в силу различных факторов, до финального мужественно-

го выхода из осады социального принижения, что является новым образом женщины.

Заметим, что, хотя Чехов жил в 19 веке, идеи, заложенные в его произведениях, определенно опережали свое время и были чрезвычайно прогрессивными. Его внимание к женщинам и раскрытие особенностей их положения – это уникальная черта прозы рассматриваемого автора, которая отличает его от других писателей, сосредоточенных на воплощении мужских образов.

Положение женщин остается в некоторой степени неравным и по сей день несмотря на то, что после многовековых усилий феминисток статус женщин значительно улучшился. Однако в современном обществе все еще существует бесчисленное количество подобных чеховским «Оленек» и «Анн». К счастью, «Надь» становится все больше и больше. Перед лицом жизненных трудностей женщины должны научиться находить себя и понимать, что им действительно нужно.

Как показывает проведенное исследование, женщины должны анализировать собственную жизнь, чтобы при необходимости освободиться от семейных и социальных ограничений. С целью достижения равенства они должны показать свою способность существовать независимо от мужчин. Только когда женщины перестанут ощущать на себе статус «других» и наконец обретут истинное равенство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовуар де С. Второй пол. – М.-СПб.: Прогресс; Алетейя, 1997. – 832 с.
2. Трофимова Е.И. Феминизм в общественной мысли и литературе. Антология. – М.: Грифон, 2006. – 398 с.
3. Трубицын М. Общественная роль женщины в изображении новейшей русской литературы. – М.: Типография И.Д. Сытина. – 1907. – 105 с.
4. Тулузакова Н.А. Влияние семьи на творчество А.П. Чехова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2015. – Т. 5. – № 1. – С. 48.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Том десятый [Рассказы, повести], 1898–1903 / Текст подгот. и примеч. сост. М.П. Громов, Л.М. Долотова, В.Б. Катаев [и др.]; Ред. тома Н.И. Соколов – М.: Наука, 1977. – 496 с.

© У Юйтин (wuyutingsimida@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВАЯ ЭРА: НОВЫЕ ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

DIGITAL ERA: NEW FORMATS OF INTERACTION BETWEEN JOURNALISM AND GOVERNMENT IN THE MODERN MEDIA SPACE

**M. Chekunova
V. Barabash
B. Bulgarova**

Summary: The relationship between journalism and government in Russia has a long history, to a certain extent reflecting the global trends of this symbiosis. However, the qualitative changes in the modern media sphere, predetermined by its technological transformations, such as computerization, digitalization, the development of the global Internet network, etc., have now significantly increased the relevance of this topic. Theist is also facilitated by the intensive development of cable, satellite and Internet television, as well as the ever-expanding capabilities of computer communications and mobile telephony, which make it possible to talk about the presence of new mass media.

Keywords: digital era, journalism, power, online resource, media space, information format, news content, modern society.

Чекунова Марина Анатольевна

д.филол.н., Российский Университет Дружбы Народов
chekunova-ma@rudn.ru

Барабаш Виктор Владимирович

д.филол.н., профессор, Российский Университет Дружбы Народов
barabash-vv@rudn.ru

Булгарова Белла Ахмедовна

к.филол.н., Российский Университет Дружбы Народов
bulgarova-ba@rudn.ru

Аннотация: Взаимодействие журналистики и власти в России имеют долгую историю, отражая и глобальные тенденции в развитии этого симбиоза. Однако, количественные изменения в современной медиасфере, определенные его технологической трансформацией, такие как компьютеризация, цифровизация, развитие глобальной сети интернет подняли значимость темы на новый уровень. Также это обусловлено интенсивным развитием кабельной, спутниковой связи и Интернет-коммуникаций, а также компьютерной связи и мобильной телефонии. Это позволяет говорить о новых медиа, предмет изучения которых и составляет настоящую статью.

Ключевые слова: цифровая эра, журналистика, власть, интернет-ресурс, медийное пространство, формат информации, новостной контент, современное общество.

Актуальность исследования масштабных трансформаций, происходящих в последнее время во всех сферах общественной жизни: политики, экономике, культуре, коммуникации, связаны с формированием единого информационного пространства, развитием технических средств, обеспечивающий постоянный доступ к информационно-коммуникативным каналам, в значительной мере актуализировал проблему взаимодействия власти и СМИ современной России.

Власть и журналистика в России имеют давнюю историю взаимоотношения и в какой-то степени отражают мировые тенденции данных взаимодействий. Изменения современной медийной сферы связаны с ее техническими преобразованиями, а именно: компьютеризация, детализация, освоение глобальной сети Интернета и др., что в целом-то существенно повышает актуальность темы статьи.

Интенсивное развитие кабельного, спутникового, интернет-телевидения, все более захватывающие общество с их расширяющимися возможностями компьютерных коммуникаций, мобильная телефония, которые способствуют появлению новых масс-медиа, такие как сетевые издания, блоги, сайты и прочие цифровые ресурсы.

Потребности массовых слушателей в высокопробной и высокоскоростной видеоинформации содействовали успеху в отрасли связи, которые и были положены в новые информационно-коммуникативные системы. Нынешнему медиaproстранству характерны такие отличительные черты, как гиперсофт, многокомпонентность, синхронность, которые способствуют углублению простора для сотрудничества журналистики и власти. На сегодняшний момент новые медиа глубже проникают в жизнь современного общества, модифицируют сложившийся ин-плано передачи информации и организации коммуникаций.

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.
This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Власть начинает все активней использовать сетевые медийные ресурсы. В результате развития информационных технологий в условиях взаимодействия журналистики и власти способствовало такому отчетливо воплощенному феномену, как преобразование СМИ в органического автора политического процесса, возводящего мыслимую реальность политики.

В ходе многоуровневого процесса интеграции политического поля в информационное повлекло за собой комплементарность политики, в ходе которой и просматривается сдвиг политических смыслов из вещественной области в область условную — информационную. Данные события дают возможность озвучить мысль о медиатизации власти, как о небывалой модели развития отношений журналистики и власти.

Данной проблеме посвящено много трудов отечественных исследователей в первую очередь системного подхода к журналистике таких как В.М. Березина, В. Вошилова, А.А. Грабельникова,

Об изменении роли информации в современном обществе, компьютеризации журналистики находят отражение в трудах В.Н. Вершинской, В.Л. Иноземцева, Н.Н. Моисеева, И. Ракитова и др.

Профессиональный блок составила литература по современным информационным технологиям, в частности книги, дающие представление об Интернете и популярных социальных сетях.

Поскольку акцент делается на исследование интернет-телекоммуникации политико - общественной ориентации, то пристальное внимание хотелось бы уделить трудам, объясняющих вероятность и потенциал применения современных информационных технологий в осуществлении этой тематики в сети, а именно публикации Л.А. Василенко, Б.В. Докторова, Д.Н. Пескова, А.И. Соловьева и др., которые рассматривают новые элементы медийного политического влияния в условиях развития современных информационных технологий.

Зарубежные исследователи Э. Лоув и П. Шампань, впервые обосновавшие феномен медиатизации власти, отмечали, что он характеризуется не столько развитием политических передач, воздействие которых воспринимается как нечто более важное, чем реальная политика, сколько оформлением политико-журналистского поля, составляющего ядро информационной политики. Это символическое поле — место непрерывной борьбы за право создания реальности, концентрации внимания аудитории на общественно-политической тематике, ее корректировке в повестке дня, в конечном счете за власть медийного поля [Лоув, Шампань.2005].

Этот процесс являлся и является актуальной проблемой взаимодействия власти и журналистики, объективным отражением политической системы.

Средства массовой информации использовались в качестве поля постановки поиска решений и проблем общественно-политической жизни общества, поскольку общественно-политическая тематика, ведущая область журналистики. Их всегда представляли в виде открытой и равнодоступной площадки — места взаимодействия общественных и частных интересов.

В условия онлайн-площадок общественно-политическая информация, транслируемая через сеть интернет для массовой аудитории существенно изменяется как по конфигурации, так и по контенту. Именно образец общественно-политической проблемы в сетевом контенте проявляет ярко выраженные тенденции под влиянием появившихся СМИ. Это и транснационализация, центрированность, демассификация и сближение, которые, по мнению исследователей, взаимозависимы, взаимопереплетены, зигзагообразны имеют материалистическую природу. Научно-технический прогресс, за счет своего ускорения и расширения, стирает линии между различными медиа.

Власть со своей разрушающей монополией на общественно-политическую информацию порождает ситуацию в равной степени затрагивающую потребителя информации и журналиста, как создателя продукта.

Новый характер СМИ меняет местами коммуницирующих лиц и теперь на первый план выходит пользователь информации, для которого изменяется ее отбор и фиксация. Без профессиональных комментариев, в условиях информационной перезагрузки, выделить общественно значимое явление, растворяющееся в лавине поступающей информации стало значительно труднее.

Ранее исследователи, изучая журналистику, как механизм трансформации общества, отталкивались от подчиненного образца общения, поскольку видеoinформация передавалась в направлении от источника к приемнику, от уверенного профессионала к наивной аудитории.

На сегодня информационное веб-пространство — готовый полигон для политического дискурса, свободных комментариев и полемики на тему дня. Своевременное осознание теоретических процессов для цивилизованного развития новых медиа и каким образом реализуются новые возможности кибер-ресурсов общественно-политической направленности требует более научного осмысления, чему и посвящена работа.

Методы и объекты исследования

Целостность осмысления новых форматов взаимодействия журналистики и власти в современном медийном пространстве, социальной реальности в единстве пространственно-временных характеристик предопределила необходимость применения теоретико-методологических и концептуальных ориентиров на различных уровнях - дисциплинарном, междисциплинарном, общенаучном и конкретно-научном.

В основу исследования положен системный подход к журналистике, который позволил всесторонне изучить те трансформации, которые происходят в современном медийном пространстве, обусловлены изменением роли информации в обществе, всеобщей компьютеризацией большинства видов деятельности, а также повлиявшие на формы взаимодействия власти и журналистики. Они позволяют утверждать, что медиатизация политики, является закономерным процессом.

Семантический анализ и контент-анализ Интернет-ресурса от освоения первых версий сетей USENET, Fido Net и др., первых политических сайтов, появления блогов и профессиональных медиа, появления социальных сетей и других сервисов WEB-2.0, параметры подготовки и трансляции журналистского контента общественно-политической тематики в сети.

Метод генезиса входящий в пространство интернета, как средства самовыражения и общения, любительских форм журналистской деятельности в конференциях, обращениях к аудиториям, готовности самих политиков осваивать информационно-коммуникативное пространство интернета авторских новостных проектов усиления коммуникативного аспекта журналистской деятельности.

Эмпирический метод составил изучения ряда публикаций общественно-политической тематики в сетевых представительствах традиционных средств массовой информации («Российская газета», «Известия», «Ведомости» и др.), контент более 200 Интернет-ресурсов органов власти различного уровня, а также изучение опросов студенческой и преподавательской аудиторий, ставящих целью анализ технологических и содержательных характеристик публикаций общественно-политической тематики в современном медийном интернет-пространстве.

Результаты исследования

Новый этап развития общества имеет свою специфику и порождает определенные вызовы. Преображается и совершенствуется информационное пространство, а информация становится определяющим фактором прогресса.

Афоризм «Кто владеет информацией – тот владеет миром» принадлежит британскому банкиру Натану Ротшильду. В настоящее время коммуникация – неотделимый компонент политического регулирования, в котором информация превращается в один из доминирующих средств нашей цифровой эпохи. Для государства в наши дни информация также значит одним из ключевых звеном надзора правительства, в силу усиливающегося значению и модернизации индустрии новостей возрос ресурс по выработке и обработке политического сознания граждан.

Общественный институт масс-медиа и каналы общения, по средствам которых осуществляются выработка политической культуры граждан принимают особый концепт.

Изменение претерпевают установленные образы социально-политических взаимодействий и как следствие, обоюдное отражение новых «вызовов» информационного времени формируемого в рамках политики, поскольку эта среда служит большому количеству интересов в принятии решений определяющий вектор развития. В оправе данной направленности переживает переосмысление значение журналистики в жизни общества.

Медийный и политический процессы имеет единую природу – информационную и это обстоятельство определяется состояние всей политической системы на современном этапе.

Политическая проблематика находится на передовой позиции в средствах массовой информации, но на современном этапе и в этой области происходят перемены, под влиянием усовершенствования самих СМИ, что значительно осложняет исследование этого сложного процесса.

Общественно-политическая публицистика в актуальных медиа во все периоды была одной из важнейших в журналистской деятельности, но менялась ее структура. Если в эпоху открытости общественно-политическая лексика отражала народное мнение, отразившимися кипучими дебатами в СМИ, то в годы «стабильности», когда *«пресса аккуратно обходит острые вопросы эффективности действия власти, говорит об ином «медиатическом измерении»* [Гераскина, 2018] общественно-политической тематики, тождественной характеру проводимой политики.

Можно удостоверить текущий курс сближения традиционных и новейших телеканалов и носителей информации с соответствующим варьированием их свойств – конвергенцией. «Очевидно, что свойство глобальности событий, превращенных в информационную форму, нельзя приписать не самим этим событиям, ни их интерпретациям (фактам) ... Собственно, именно это и оправдывает допущение пространственности инфор-

мации и коммуникации». [Калмыков,2012]

Возникновение множества политических сайтов де-факто означает образование «технологического коридора» продвижения политических идей в различные точки социально-политического поля по модели коммуникации «один – одному» и «многие – многим».

В особенности непоследовательным проявлением зародившейся медиа-среды стали получившие название в кругу профессиональных журналистов «социальные СМИ», в границах которых развивается Web 2.0

«Социальные медиа» — это вся совокупность платформ социальных сетей и электронных платформ, предоставляющих возможность прямой коммуникации.

Необходимо подчеркнуть, что это касается не только сайтов, но и блоги, и социальные сети, невзирая на то, что соцсети, по сути, средствами массовой информации в профессиональном понимании не являются. Им соответствует новый термин «ньюмедиа».

Политические ресурсы, предоставляемые социальными медиа, являются значительно шире, чем предоставляемые обычными средствами массовой информации, а также матрикс зондирования реакций социума на решения, принимаемые политиками и политическими объединениями.

Сочетание социальных сетей и других электронных ресурсов позволяют осуществлять прямую коммуникацию. В российских условиях важными элементами социальных медиа являются наиболее крупные ресурсы, предоставляющие возможность коммуникации между политиками и широкими народными массами. К ним можно отнести такие виды ресурсов как фото и видеохостинги, социальные сети, блоги и др. [Гераскина,2018]

Фото и видеохостинги для публичной политики в регионах являются относительно новым инструментом. В группе фотохостинга основным ресурсом, вызывающим интерес у политиков, является Instagram, превосходящей собой социальную сеть с возможностью размещения фотографий и коротких видеозаписей. На сегодняшний день данная сеть воспринимается как одна из перспективных платформ для развития политического имиджа, но весь ее потенциал не используется. [Гераскина,2018].

Много видеохостингов, таких как, например, YouTube не используется действующей властью, но активно используется оппозицией.

Хочется отметить, что не все социальные платформы сохраняют свою актуальность постоянно, некоторые уходят, теряя свою аудиторию, вытесняемые приходящи-

ми им на смену. Многие социальные медиа адаптируются к изменению коммуникационных практик. Потенциал целого ряда ресурсов, входящих в часть «социальных медиа» в политике фактически, остается незадействованным, ввиду сложности работы с инструментарием, предоставляемым платформами, такими, как «Одноклассники» и «Facebook».

Социальные медиа на сегодня заняли нишу «информационного фронта» — динамичной пограничной зоны, в которой сталкиваются и взаимодействуют различные производители контента: блогеры, журналисты, специалисты по связям с общественностью, активные граждане и т.д.

Очевидно, в обозримом будущем официальная политика полностью уйдет в виртуальное пространство. Беспокойство создает тот факт, что, по мнению экспертов, «роль и значение политической пропаганды в цифровой среде с течением времени будут возрастать, а через одно-два поколения цифровые платформы вообще могут стать главной ареной пропагандистской борьбы» [Соловей,2018].

В настоящее время большая часть политиков принимает участие в интервью, дают правовую и экономическую оценку о происходящих событиях в стране и мире на ютуб-каналах блогеров, чтобы обратить на себя внимание и стать более известными и популярными у молодежной аудитории, различных интернет-сообществах, что исключительно важно в рамках утраты доверия к общепризнанным средствам массовой информации. Видеоконференции превратились в органическую часть деятельности государственных чиновников, предоставляя возможность в режиме онлайн решать межгосударственные и международные вопросы. «В зависимости от цели политика социальная сеть может быть площадкой для ответов на вопросы читательской аудитории, местом трансляции своей позиции до широких масс или инструментом пиара и пропаганды» [Кравцов,2012].

Гражданская журналистика блогосферы теперь уже настолько сильно соединена с повседневными ее видами, что следует говорить о новейшем витке развития всей социальной системы журналистики. Для официальных СМИ социальные медиа стали синхронно и предостережением, и вдохновением для поиска новых возможностей.

Что такое сетевое сообщество с его правовой неоднозначностью, профессиональной нечеткостью, социальным значением и прочим комплектом противоречий — по сути сказать определенно не может никто. Принимая во внимание отличия между национальным, российским смыслом блогосферы и западным становится бесспорным, что дело здесь не столько в технологии и распространителе, сколько в общественной системе и

устройстве, в котором «живой журнал» существует и сотрудничает с журналистикой. С момента появления этой новой облика общения блоги становятся средством передачи информации и вызовом интереса к политинформации, становясь многовариантным дискуссионным политическим полигоном.

Вследствие этого политические группировки в жизненной сфере пристальное внимание уделяют этим новым информационно-коммуникативным возможностям.

Политические объединения в России еще не в полной мере осмыслили, что Всемирная сеть является не только пространством, для размещения сайт-листовок, рекламы представителя политического движения с красочно изложенной историей жизни, но и могущественным оружием собственно агитационной кампании. Исходя из анализа западной практика политической деятельности и борьбы, политический дискурс, переместившийся в публичное медийное пространство, имеет сетевую структуру, позволяющую предоставить широкой аудитории участие в рассмотрении текущих проблем, свободного высказывания мнения по установленной повестки дня.

Подтверждением того, что интернет предстает перед нами и как субъект политики, ее актор Калмыков А.А. приводит в статье «Четвертая политическая сила». В ней предложена типизация политических акторов на основании дифференциации открытых-закрытых и вертикально-горизонтальных упорядоченностей.

Это предоставляет допустимость принимать к сведению коммуникативные источники вероятность социальных катаклизмов и модификаций. Также, автор считает, что «явлением XXI века можно считать актуализацию в качестве политической силы открытых горизонтальных структур, т.е. социальных сетей, сгенерированных современными коммуникативными технологиями. Причем политические акторы находятся в системном противоречии друг к другу, что и приводит к сменам систем управления, т.е. к революциям. <> Появление четвертой политической силы — открытой и горизонтальной, ризоморфной и синергийной — знак будущих глобальных цивилизованных трансформаций.» [Калмыков, 2012]

Сетевые программы, предложившие реципиенту совсем другие возможности использования информации, в том числе информации политико-общественной тематики, пуская в ход результаты коммуникативного обогащения, при которых материалы в СМИ получают энергичность и одновременно пополняются комментариями. Посредством посадки в сети препринта общественно-политической установки они получают многоцелевыми, а технология Web-2.0 предоставляет аудитории самой составлять контент и тем, самим становиться равноправным соавтором.

Это создает сегодняшний популярный культурный продукт не только объектом понимания, но и видом сотворчества, подкрепленным технологическим развитием электронных активов, образовавшихся в сети. Это имеет сильное значение в ситуации, когда главное направление взаимодействия между властно-политической системой и медийной обусловлено в высшей степени теми темами общественно-политической проблематики.

В связи с этим важной поворотной точкой становления и развития национальной блогосферы явился блог президента РФ, как бы легитимизовав сетевую деятельность, но вместе с тем несколько десакрализовав понятие государственной власти, и высказывающегося от ее имени лидера.

Проект «Викиликс» продемонстрировал, что в текущем мире в политике ничего нельзя утаить. Функционирование данного проекта засвидетельствовало, что действующая, мироуправляющая политическая система, располагает эффективными способами воссоздания публичности. Это заставляет засвидетельствовать то, что сетевые возможности многообразных форм и типов, являются новой неотъемлемой составляющей средств массовой информации, а также независимым социально-политическим субъектом политики и одновременно структурным компонентом политической системы. «Викиликс» продемонстрировал пример последствия возможности ознакомления граждан с информацией вскрывающую поступки власти, когда она транслируется источниками сетевых СМИ.

Есть и иное значение феномена «Викиликса», который доказал, что декларируемая народовластием открытость публичного пространства, т.е. сочленение политики и народной журналистики происходит на почве обоюдной выгоды и взаимного интереса, далеко не ю соответствует действительности. Соответственно медиатизация власти имеет большие перспективы для дальнейшего развития. Этому во многом будет способствовать расширение параметров общественно-политического наполнения в интернете.

Выводы

В заключении можно сказать, что важнейшим ресурсом современности становится информация, а неотъемлемым компонентом политического управления по-прежнему остается коммуникация. В ходе эволюции перекрещивающихся процессов на тесситуре составляющей концепции СМИ внутривластная проблематика обзаводится разнообразием, мультиформатностью, безграничностью своего здравомыслящего содержания.

Создание всеобъемлющих эвентуальностей возведения коммуникаций между властью и журналистикой, властью и обществом, это не только создание новых воз-

возможностей, но и порождение определённых проблем, исследование которых становится актуальным для общественного развития.

Структура СМИ и способы общения, формирующие политологическое мышление граждан разнопланово оказывают влияние на народовластный процесс, поскольку позволяют не только быть услышанными, а также влекут за собой новые конфигурации управления политическим сознанием и установлением наблюдения с государственной стороны.

По-прежнему, для большинства граждан на сегодняшний день основным каналом информации служит телевидение, но человечество стоит на поворотном пути легко прогнозируемой смены телевидения, в виде главного канала взаимодействия власти и журналистики Интернетом. Инициатива Инет возможностей даёт прерогативу рождению непроторенного общения в рамках общественно-политической проблематики, насаждаемой в виртуальном пространстве. Впечатление от появления альтернативного СМИ сложно прочесть, хотя его история не столь долга, порядка около 40 лет.

В связи с потребностью исполнения политических замыслов на цифровых площадках и одновременно с их набирающих силу и потребностью, необходимо придерживаться общепризнанных политических форм и канонов коммуникации, устанавливая высокую планку к

подаче информации на официальных страницах политических руководителей, их представителей и доверенных лиц в социальных сетях.

В настоящий момент, когда понимание и толкование наиболее значимых событий и явлений, происходящих в мире, доводится непосредственно через Интернет, очень важно, «не упуская информационной инициативы и применяя новые современные средства коммуникации для поддержания диалога с избирателем, в то же время не допуская падения уровня политической культуры» [Сурма, 2018], не превращать блогосферу в пространство пропагандистской борьбы. Такие действия будут способствовать полной потере доверия людей к политическим деятелям и институтам, станут причиной политического равнодушия пользователей.

С развитием Интернета, создающего альтернативное медийное пространство, общество и власть получили и современную журналистику. Для её востребованности необходимы профессионалы, обладающие большим набором знаний, умениями и навыками, отвечающими инновационным запросам современности, но и одновременно, учитывающие опыт своих предшественников. Это вновь появляющаяся веха в развитии журналистики, возвращающаяся и нуждающаяся в технологической и интеллектуальной модификации специалиста, уже работающий в сети и с уклоном в общественно-политической тематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агроба Л.А. Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 38—48.
2. Гераскина М.В. Instagram как перспективный инструмент для рекламной компании в интернете // Вестник науки и образования. 2018. №4. С.22-28.
3. Калмыков А.А. Дифференциация пространств общественной связности // Метадискурсы коммуникации и проблемы общественного диалога: сборник статей. - СПб: Изд-во Политех. ун-та, 2011. - С.30.
4. Калмыков А.А. Четвертая политическая сила. Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». №1. М., 2012. - С.21-29
5. Калмыков А.А. Четвертая политическая сила. Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». №1. М., 2012. - С.29
6. Кравцов В.В. Инновационная политика и власть в современном медийном пространстве: Автореф. дис. д-ра филол. наук. - М. 2012.
7. Кравцов В.В. Инновационная политика и власть в современном медийном пространстве: Автореф. дис. д-ра филол. наук. - М., 2012. - С.22.
8. Реут О.С. Digital electoral history и модернизация политических коммуникаций // PolitBook. 2013. № 2.
9. Соловей В.Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде // Гуманитарные науки. Вести. Финансового ун-та. 2018. - С. 81-87.
10. Сурма И.В. Глобальный наднациональный актор международных отношений, и его социальная философия // Вестн. МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). - С. 141-151.
11. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике [Электронный ресурс] // Государственное управление: электронный вестн. 2015. Вып. 49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-diplomatiya-v-mirovoy-politike> (дата обращения: 10.01.2022).
12. Тулисова В.А. Трансформация средств массовой коммуникации к new media // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т.6 №2. 228-244).
13. Чижик А.В. Политический дискурс в русскоязычном Twitter и образ политика через призму интернет-дискурса // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2015. С. 523—532.
14. Хецеиус В.Е. Роль социальных медиа в современных политических процессах // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т.4 №1- С.219-225.
15. Шампань П. Делать мнение. Новая политическая игра/П.Шампань-М.: Socio-Logos, 1997/-С/154-155; Louw E. The media and political process. Ц, London, 2005 и др.

© Чекунова Марина Анатольевна (chekunova-ma@rudn.ru), Барабаш Виктор Владимирович (barabash-vv@rudn.ru), Булгарова Белла Ахмедовна (bulgarova-ba@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРНО-КОГНИТИВНЫЙ И КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ СЛОВ ТЕКСТА ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «АВГУСТ – АСТРЫ»)

Чернобров Алексей Александрович

д-р филол. наук, профессор, Новосибирский
государственный педагогический университет
a.chernobrov@bk.ru

Кретова Лариса Николаевна

канд. филол. наук, доцент, Новосибирский
государственный педагогический университет
kretlarisa@mail.ru

**CULTURAL-COGNITIVE AND
COMMUNICATIVE-FUNCTIONAL ASPECTS
OF THE ANALYSIS OF ASSOCIATIVE
RELATIONS OF THE WORDS IN THE
ORIGINAL TEXT AND TRANSLATION
(ON THE MATERIAL OF THE POEM
"AUGUST – ASTERS" BY M.I. TSVETAeva)**

**A. Chernobrov
L. Kretova**

Summary: This article deals with the question of the cultural-cognitive and communicative-functional aspects of the analysis of the associative paradigm of the text as a result of perception of the text by the reader and the native speaker, as well as the problem of discrepancy between the associative text components among representatives of different cultures. Since associativity is the dominant quality of a certain type of text, it is worth considering both the concept of associativity itself and the concept of an associative paradigm as a result of association. The process of changing the composition of the associative paradigm of the source text is connected with changes in the factors of perception of the text, with a change in the sign system of the text, as well as with a change in the functional orientation of association: in a literary text, association is systemic in nature and allows you to correlate existing artistic information with new or personal information of the reader. Observations made on the associative paradigms of the original and translated texts allow us to speak about the peculiarities of the perception of the same lexical units by speakers of different languages, in addition, it allows us to speak about the specifics of the author's and the reader's worldview, the subject perceiving a different culture.

Keywords: association, associative paradigm, original, translation, key components of the text, pragmatic adequacy, reader's associations, author's associations.

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о культурно-когнитивном и коммуникативно-функциональном аспектах анализа ассоциативной парадигмы текста как результата восприятия текста читателем и носителем языка, а также вопрос о несовпадении ассоциативных компонентов текста у представителей разных культур. Поскольку ассоциативность является доминирующим качеством определенного типа текстов, стоит рассмотреть как само понятие ассоциативность, так и понятие ассоциативная парадигма как результат ассоциирования. Процесс изменения состава ассоциативной парадигмы исходного текста связан с изменениями факторов восприятия текста, с изменением знаковой системы текста, а также с изменением функциональной направленности ассоциирования: в художественном тексте ассоциирование носит системный характер и позволяет соотносить уже имеющуюся художественную информацию с новой или личной информацией читателя. Наблюдения, сделанные над ассоциативными парадигмами текстов оригинала и перевода, позволяют говорить об особенностях восприятия одинаковых лексических единиц носителями разных языков, кроме этого позволяет говорить о специфике картины мира автора и читателя, воспринимающего субъекта другой культуры.

Ключевые слова: ассоциация, ассоциативная парадигма, оригинал, перевод, ключевые компоненты текста, прагматическая адекватность, читательские ассоциации, авторские ассоциации.

Ассоциация – ключевое понятие психолингвистики, также имеющие огромное значение для литературоведения, в особенности поэтики и для переводоведения. Ещё в конце 60-х годов прошлого века теоретики перевода отмечали большую важность учета ассоциаций при переводе. Немецкий переводчик А Нойберт подчёр-

кивал важность принципа адекватности в переводе [10]. При этом он выделял два вида адекватности: смысловую и прагматическую, имея в виду то, что следует учитывать воздействие текста на читателя. В качестве примера он приводит 18-й сонет Шекспира (Shall I compare thee to a summer's day). При переводе его на арабский язык слово

«летний» было заменено на «весенний» по той причине, что лето, в особенности полдень, не вызывает у арабов положительных ассоциаций, связанных с красотой и блаженством. Смысловую и прагматическую адекватность, ссылаясь на А. Нойберта, исследовал в своих работах классик отечественного переводоведения А.Д. Швейцер [9]. Эту прагматическую адекватность можно назвать по-другому, например, коммуникативно-функциональный аспект перевода. Естественно, прагматическая адаптация перевода должна включать и некоторые культурные особенности социума читателя. Здесь важно разграничить два направления стилистического и переводческого анализа. И.В. Арнольд в своей многократно издававшейся работе различала два направления стилистики: стилистика автора и стилистика восприятия, стилистика декодирования [1]. Переводчику следует учитывать два ряда ассоциаций: авторские и читательские ассоциации, которые могут не совпадать.

Обращение к культурно-когнитивному и коммуникативно-функциональному аспектам анализа ассоциативных связей слов текстов оригинала и перевода связано с тем фактом, что перевод «требует от переводчика владения языками и знание культур, контактирующих в переводе, а также понимания того, что язык-речь этноса есть отражение концептуальной картины мира данного народа, особенностей его когнитивного и культурного развития, всего познанного и созданного за историю существования народа. Язык впитывает культуру народа и потому одна из главных задач перевода в процессе воссоздания оригинала в тексте перевода – донести до реципиента не только языковые, но и культурно-когнитивные и коммуникативно-функциональные особенности исходного текста на основе коммуникативной эквивалентности или адекватности перевода» [4, с. 223].

Неизбежно возникающие переводческие трансформации текста перевода связаны с рядом факторов, среди которых на первом месте стоит лингвоэтнический барьер, понимаемый как расхождение языковых систем языка оригинала и языка перевода, как расхождение узального и окказионального в системе языка и текста, а также как расхождение в культурно-когнитивных процессах в оригинале и переводе и различия в прагматике текста в оригинале и переводе. Новизна исследования состоит в обращении к тексту стихотворения с точки зрения культурно-когнитивного и коммуникативно-функционального аспектов изучения ассоциативных связей слов в поэтическом тексте М.И. Цветаевой и его переводе на английский язык. Теоретическая значимость работы состоит в рассмотрении проблемы ассоциативности в контексте культурно-когнитивного и коммуникативно-функционального аспектов. Практическая значимость заключается в изучении ассоциативного потенциала компонентов художественного текста с точки зрения автора, читателя и среднестатистического носителя языка.

По замечанию А.А. Залевской, именно в слове отражен опыт взаимодействия человека с миром и когнитивными процессами самого человека, что позволяет «изучить организацию лексических единиц с точки зрения психологических процессов памяти и мышления. Именно в памяти человека хранится информация о структуре наших знаний и его организации. Память не только запоминает и хранит информацию, но и преобразует полученную информацию» [5, с. 93]. Изучение ассоциативных связей слов позволяет говорить о психолингвистике в большей степени, чем о лингвистике в чистом виде, поскольку наше мышление ассоциативно, а связи, возникающие в сознании, вербализуются в тексте, в нашей речи, в поэтических произведениях. Как справедливо отмечает А.А. Залевская: «Опыт межлингвистического сравнения материалов ассоциативных экспериментов дал основания предполагать универсальность прослеживаемых способов идентификации воспринимаемого слова индивидуумом и наличие в лексиконе человека некоего «ядра», элементы которого наилучшим образом отвечают задаче объяснения значения одного слова через другое и, следовательно, обеспечивают связь между единицами, хранящимися в лексиконе» [5, с. 63].

Одной из разновидностей разновидностью текстовой парадигмы является ассоциативно-смысловое поле, описанное в трудах Н.С. Болотновой. Приведем определение: «текстовые ассоциативно-смысловые поля стимулируются структурами разного типа, включая *ключевые слова-стимулы, опорные слова и слова-маркеры ассоциатов*. Данные поля, организованные концептуально, объединяют словные и неоднословные единицы, связанные парадигматически и синтагматически» [3, с. 254–255], «Ассоциативно-смысловое поле слова организуется номинантом концепта, находящимся, как правило, в сильной позиции и относящимся к реме в лексических макроструктурах ключевых высказываний» [3, с. 255]. Пример использования этого метода для анализа двух стихотворений М.И. Цветаевой и А.А. Ахматовой содержится в статье Н.С. Болотновой «Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора» [2]. Именно поэтому ассоциативное поле семантических единиц позволяет проиллюстрировать свойства картины мира личности автора и показать специфику восприятия мира носителями языка.

По замечанию Л.Н. Кретовой, «при переводе текста стихотворения на английский язык происходит формирование новой ассоциативной парадигмы, отсылающей нас к менталитету англоговорящих субъектов, к культуре другой страны, к ассоциативно-семантическому полю, построенному на других принципах, к другой этимологии символов текста. Внеязыковая реальность, экстралингвистические ситуации, отраженные в тексте, находят отражение в переносных значениях лексических

единиц текста, в глубокой системе подтекстов и смыслов. Авторский замысел, скрытый в глубинах идиостиля, коммуникативное намерение автора текста опираются на систему определенных фоновых знаний и представлений» [6, с. 43–48].

Обращение к достаточно изученному тексту стихотворения М.И. Цветаевой продиктовано спецификой подхода к процессу анализа данного текста в настоящей работе: если в литературоведении рассматривается лирический герой, особенности стихосложения, идея, образ и др. понятия, в лингвистике – языковые средства создания художественного образа, то в настоящей работе представлен экспериментальный подход к изучению текста, в основе которого лежит рассмотрение ассоциативных парадигм открытого и закрытого типа с разных позиций. Во-первых, парадигма закрытого типа представлена в самом тексте стихотворения: это авторские ассоциации; во-вторых, ключевые слова текста являются словами-стимулами для воспринимающего читателя, на основе чего возникает читательская ассоциативная парадигма открытого типа; в-третьих, существуют ассоциации среднестатистического носителя языка, представленные в словарях и на открытых онлайн-ресурсах.

Выбор текста стихотворения обусловлен максимальной представленностью в нем ассоциативных текстовых парадигм открытого и закрытого типа, что позволяет более глубоко проникнуть в авторский замысел, с одной стороны, усложняющей процесс перевода поэтического текста, с другой.

Таблица 1.

Оригинал и перевод стихотворения М.И. Цветаевой «Август – астры»

Оригинал	Перевод
Август – астры	August – asters
Август — астры...	August – asters,
Август — астры,	August – starlight,
Август — звёзды,	August – bunches
Август — грозди	Of ripe grapes and rusty rowan
Винограда и рябины	Berries – August!
Ржавой — август!	With benev'lent, sound, befitting
Полновесным, благосклонным	Emperors, your apple regal,
Яблоком своим имперским,	Like a child, you're playing, August.
Как дитя, играешь, август.	Like a palm, your name smooths
Как ладонью, гладишь сердце	heartache,
Именем своим имперским:	Emperors befitting, regal:
Август! — Сердце!	August! – Heartache!
Месяц поздних поцелуев,	Month of tardy, late hour kisses,
Поздних роз и молний поздних!	Tardy roses, lightnings tardy!
Ливней звёздных —	Showers starry –
Август! — Месяц	August! – Month of
Ливней звёздных!	Showers starry (перевод А. Палмер)

Уже упомянутая И.В. Арнольд различала литературоведческую и лингвистическое стилистику. Наш анализ не является литературоведческим или историко-литературным. Необходимо лишь указать на наиболее явные лингвостилистические особенности текста. Первая особенность – это преобладание существительных, в особенности в первой и третьей строках. Эти ряды существительных подчеркивают спонтанно ассоциативный характер содержания стихотворения. Вторая особенность – это отсутствие рифмы. С переводческой точки зрения это сильно облегчает работу, но несмотря на это, поэтический перевод всё равно остаётся сложной, даже ювелирной художественной задачей. Рассмотрение текста стихотворения с точки зрения ассоциативной парадигмы не проводилось, хотя сам текст располагает к подобного рода экспериментальной работе: в нем доминируют имена существительные, ассоциативный потенциал которых наиболее высок; в самом тексте представлена авторская ассоциативная парадигма закрытого типа (август – звёзды, грозди, сердце, месяц ливней). Именно поэтому мы обратились к рассмотрению ассоциативной парадигмы текста.

Для работы с текстом нами были использованы ресурсы сайта «Сеть словесных ассоциаций» [7], на котором представлены ассоциации носителей языка. Этот сайт является идеографическим словарем или тезаурусом. Ассоциативный словарь, словарь ассоциаций или аналогический словарь группирует слова языка по психологическому восприятию, значению и смыслу. При наличии в настоящее время ассоциативных словарей мы не смогли воспользоваться ими по ряду причин: во-первых, устарелость информации (самый свежий относится к 2008 году), во-вторых, отсутствие необходимых слов в словаре: в частности, в словаре Г.А. Черкасовой Г.А. «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» [8] отсутствует слово «август», нет его и в русской региональной ассоциативной базе данных 2008-2020 гг. Именно поэтому мы обратились к ресурсу «Сеть словесных ассоциаций».

Приступим к анализу оригинала текста стихотворения М.И. Цветаевой «Август – астры». Слово «август» задает тему этого стихотворения, является ключевым и повторяется в тексте стихотворения 7 раз, что для текста такого небольшого объема является значимым. Акцент на первом слоге слова обеспечивает привлечение внимания за счет логического и словесного ударения, обеспечивает ритмическую организацию текста, задает первичные ассоциации к данному слову: август – один из месяцев лета, ассоциирующийся в сознании большинства людей с окончанием лета, с уборкой урожая, с огромным количеством фруктов и овощей, со щедростью, с яркими звездами, с осенними цветами и первыми признаками увядания природы. Если названные ассоциации привычны, они словно лежат на поверхности на-

шего восприятия, то образные ассоциации рождает поэтический взгляд М.И. Цветаевой: август в поэтическом сознании автора ассоциируется с астрами, со звездами, с гроздьями винограда и рябины, которые задают первую микротему текста.

Ассоциативные образы второй микротемы это ребенок, играющий яблоком, ласковый сердечный смысл, это сердце, наполненное любовью и смыслом. Второй уровень ассоциаций задает вторую микротему текста. Третьей микротемой текста становится микротема поздней любви, позднего цветения, наделенного потрясающей космической силой и мощью. Третья микротема задается авторскими ассоциациями **поцелуи, цветение роз, сверкание молний, звездопад**. Особенностью ассоциативного ряда авторского текста состоит в следующем: М.И. Цветаева свой ассоциативный ряд начинает с предметных образов: **цветы, звезды, плоды винограда и рябины**; во второй строфе появляется сравнение с живым существом – ребенком, императором; третья строфа сопряжена с действием, поступками, движением, процессом и выходом за пределы горизонтального пространства. Таким образом, ассоциативная парадигма автора текста включает следующие компоненты: астры, звёзды, гроздья, дитя, сердце, поцелуи, розы, молнии, ливни. Это авторская ассоциативная парадигма закрытого типа: компоненты парадигмы ассоциируются с ключевым словом «август», они вербализованы в тексте стихотворения.

Обратимся к рассмотрению закрытой ассоциативной парадигмы стихотворения М. Цветаевой «Август – астры» в переводе: August – asters, starlight, bunches, berries, heartache, kisses, roses, lightnings, showers, month. Текстовые ассоциативные парадигмы оригинала и перевода практически совпадают, стоит отметить расхождение в компонентах starlight (звездный свет вместо звёзды), berries (ягоды вместо гроздья), heartache (сердечная боль вместо сердце). Сужение семантики в случае использования слова ягоды вместо эпитета «ржавой» позволяет говорить о другом типе метафоризации в переводе: в оригинале эпитет отсылал нас к цвету и времени (старый, издавший виды, ржавый, как железо), в переводе эпитет связан только с цветом, причем уточнения, каким именно – нет.

Конкретизация происходит в процессе использования слова «сердечная боль» (heartache), которую можно воспринять как душевную боль и как страдание, чего нет в оригинале. Лексический компонент «сердце» в языке оригинала создает больше пространства для ассоциирования, тогда как в переводе оно ограничено контекстным окружением. Это же происходит в ситуации применения лексической единицы «звездный свет» (starlight): контекстное окружение сужает ассоциативность слова, ждедая сам процесс ассоциирования направленным.

Рассмотрим, какие слова-реакции лексемы «август» и «August» вызывают у носителей русского и английского языков. Слова-реакции на слово «август» носят противоречивый характер: это имена собственные (Тиберий, Саксония, Фридрих, Эрнст, Сигизмунд, Юлий, Вильгельм, Людвиг, Иоганн, Станислав, Дрезден, Ливия, Георг, Нерон, Ирод, Фердинанд и др.), названия месяцев (июль, сентябрь, май, июнь, март, октябрь и др.), воинские звания и военные термины: Вице-адмирал, Лётчик, Дивизия, Генерал-лейтенант, плацдарм и др.; исторические события: Пакт, Польша, Ельцин, Помпей, Сталинград, Оккупант и др. явления природы (например, засуха, осадки). Прилагательные преимущественно относительные: саксонский, гитлеровский, рабоче-крестьянский, призванный, прусский, наступательный, стрелковый, польский, юбилейный, прибалтийский, гвардейский, истребительный, баварский, латвийский, литовский, дальневосточный, товарищеский, варшавский, пехотный, отечественный, римский и т.д. (всего 46 реакций). Глагольные реакции представлены группами «связанные с войной»: оккупировать, подписать, расформировать, зачислить, причислить, сформировать, назначить, эвакуировать, командировать, возглавить, мобилизовать, освободить и др. (всего 24 реакции), наречия немногочисленны (4 реакции).

Стоит отметить несовпадение ассоциативной парадигмы, представленной в тексте оригинала, и ассоциативной парадигмы, полученной путем сплошной выборки слов-реакций с сайта «Сеть словесных ассоциаций». Это связано с тем, что в сознании современного носителя языка август в большей степени ассоциируется с событиями отрицательными: Первой мировой войной, Курской битвой, гибелью Помпеи, августовским путчем 1991 года и т.д. Имена собственные, как правило, отсылают к лицам, связанным с этими событиями (Фердинанд, гитлеровский, Ельцин), или к странам, где события происходили: Польша, Литва и т.д. Только Тиберий Юлий Цезарь Август и имя Августа напрямую связаны с семантикой слова «август» и темой «императорский». Вместе с тем в реакциях есть мифологический подтекст: имя Ирод, например, отсылающее нас к библейскому мифу о деяниях Ирода и словах Августа о его деяниях. Текстовая парадигма отсылает нас к понятиям любовь и звезды, красота, наполненность и т.д.

Рассмотрим ассоциации к слову August. Стоит отметить отсутствие имен собственных в тексте оригинала и перевода, за исключением слова August, несущего двойную семантику – название месяца и имя императора. Имена собственные в англоязычной ассоциативной парадигме частично отражают «императорскую» тему: Georg, Belisarius, Napoleon, Friedrich, Osborne, Wilhelm, Clemens. Так, например, **Клеменс** Август Баварский (1700–1761) – епископ из династии Виттельсбахов, великий магистр Тевтонского ордена с 1732 года. **Клеменс** Венцеслав

Саксонский (1739–1812) – архиепископ Трира (1768–1801), последний трирский курфюрст, что частично отражает семантику «императорский»; Georg, Belisarius, Napoleon, Friedrich, Wilhelm – имена императоров.

Существительные с семантикой «титул» представлены в достаточном количестве: Majesty, Highness, Princesse, Sire, Royalty, Excellency, Courtier, Czar, Emperor, Comte, Sovereign. Семантика «достоинство, величие» представлена в словах: Reverence, Dignity, Grandeur, Splendour, Magnificence, Piety, Splendor, что поддерживает семантику текста перевода и не противоречит тексту оригинала. Стоит отметить, что группа лексики с семантикой война ориентирована в основном на высадку американских войск, на Вторую мировую войну, но количество государств, вовлеченных в ассоциирование, значительно меньше, чем в русскоязычной парадигме.

Группа «дни недели» не представлена в тексте оригинала и в ассоциативной русскоязычной парадигме: Tuesday, Thursday, Wednesday, Sunday, Monday, Saturday, Friday. Среди слов-реакций прилагательных преобладают порядковые прилагательные: 28th, 26th, 30th, 24th, 25th, 29th, 23rd, 27th, 15th, 8th, 6th, 9th, 14th, 10th, 7th, 13th, 4th, 5th, 18th, Lofty, Stately, 16th, 11th, 17th, 1st, 19th, 2d, которые не связаны с текстом перевода и не отражают семантики оригинала. Это свидетельствует о том, что ассоциирование носителей английского языка носит конкретный характер, связано с личностными особенностями носителя языка, возможно, с событиями в жизни носителей и конкретными датами – днем рождения ребенка, друга, праздником, другим знаменательным событием, тогда как в сознании русскоязычного носителя август связан с историческими знаковыми событиями.

Признак «высокий, величественный» представлен словами: Majestic, Exalted, Illustrious, Wet Humble, Glorious, Worthy, Sublime, Lofty, Stately, Solemn, Serene, Venerable, Noble, Gracious, Rightful, Heavenly, Sinful, Eminent, Imposing, Amiable, Benevolent, Splendid, Bestowed, Sunday. Ассоциативная парадигма связана с

представленной в тексте стихотворения перевода семантикой слова Emperors, отражает семантику торжественности и величия августа в тексте оригинала. При анализе ассоциативной парадигмы оригинала и перевода отмечены следующие факты: и в оригинале, и в переводе отсутствует группа «цветы», представленная в ассоциативной парадигме закрытого типа в самом тексте стихотворения; отсутствует семантика «звезды», доминантная в оригинале (астры – астер – звезда), и сохраненная в переводе, нет реакций группы «ребенок», «фрукты», «любовь», значимые в тексте оригинала и сохраненные в переводе. Август вызывает в сознании современного русскоязычного носителя ассоциации с именами собственными (императоры, цари, канцлеры), что представлено и в англоязычной ассоциативной парадигме. Август в представлении русскоязычного носителя ассоциируется с другими месяцами (сентябрь, июнь, июль); в сознании англоязычного носителя данные ассоциации не возникают.

В сознании современного носителя русского языка август в большей степени ассоциируется с отрицательными историческими событиями: Первой мировой войной, Курской битвой, гибелью Помпеи, августовским путчем 1991 г. и т.д. Группа лексики с англоязычного носителя связана в основном с высадкой американских войск, со Второй мировой войной, но количество номинантов государств, вовлеченных в ассоциирование, значительно меньше, чем в русскоязычной парадигме. Группа «дни недели» не представлена в тексте оригинала и в ассоциативной русскоязычной парадигме; нет среди слов-реакций порядковых прилагательных, представленных в англоязычной ассоциативной парадигме. Указанные прилагательные не связаны с текстом перевода и не отражают семантики оригинала, но указывают на то, что ассоциирование носителей английского языка носит конкретный характер. Таким образом, текстовая ассоциативная парадигма закрытого типа и в оригинале, и в переводе существенно отличаются от ассоциативной парадигмы открытого типа, полученной при анализе слов-реакций на ключевое понятие текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). 3-е изд. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
2. Болотнова Н.С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2004. Вып. 1 (38). С. 20–25.
3. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
4. Валеева Н.Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты. М.: Изд-во РУДН, 2018. 247 с.
5. Залевская А.А. «Образ мира» VS «Языковая картина мира» // Картина мира и способы ее репрезентации: Науч. докл. конф. «Национальные картины мира: Язык, литература, культура, образование» / ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. С. 41–49.
6. Кретова Л.Н. Культурологическая направленность мифопоэтической парадигмы и ее роль в процессе иноязычного образования // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2020. Т. 14. С. 43–48.
7. Сеть словесных ассоциаций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wordassociations.net/> (дата обращения: 18.05.2021).

8. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь / Электронное издание // <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>. 2008.
9. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод.). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
10. Neubert A. Semiotic aspects of the training of interpreters and translators // *Linguistische Arbeitsberichte*. 1970. No. 2. P. 90–101.

© Чернобров Алексей Александрович (a.chernobrov@bk.ru), Кретова Лариса Николаевна (kretlarisa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский государственный педагогический университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ПАЛАТЫ № 6» А.П. ЧЕХОВА И «ДНЕВНИКА СУМАСШЕДШЕГО» ЛУ СИНЯ

Чжан И

Магистрант, Юго-восточный университет

г. Нанкин, Китай;

стажер, Российский университет дружбы народов

г. Москва

Zhangyilinaei@163.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF "WARD NO. 6" A.P. CHEKHOV AND LU XUN'S "THE DIARY OF A MADMAN"

Zhang Yi

Summary: Since the end of the 19th century, Russian and Chinese literature have been revealing deep cultural interactions, which is demonstrated by the example of the works of A.P. Chekhov and Lu Xun. The article is devoted to the study of the creative style of two literary masters and a comparative study of the similarities and differences in "Ward No. 6" by A.P. Chekhov and "The Diary of a Madman" by Lu Xun. The most common and similar feature of the two works is the reasons that led to the madness of the main characters. And at the same time, the images of the main characters have differences in the expression of their opinions and destinies.

Keywords: comparison, "Ward No. 6", "Diary of a Madman", A.P. Chekhov, Lu Xun.

Аннотация: С конца XIX века русская и китайская литература обнаруживают глубокие культурные взаимодействия, что демонстрируется на примере произведений А.П. Чехова и Лу Синя. Статья посвящена изучению творческого стиля двух литературных мастеров и сопоставительному исследованию сходства и различия в «Палате №6» А.П. Чехова и «Дневнике сумасшедшего» Лу Синя. Наиболее общая и схожая черта двух произведений – это те причины, повлекшие за собой сумасшествие главных героев. И в то же самое время образы главных героев имеют и различия в выражении своих мнений и судьбах.

Ключевые слова: сопоставление, «Палата №6», «Дневник сумасшедшего», А.П. Чехов, Лу Синь.

В настоящее время сопоставительное литературоведение стало новой тенденцией в области литературных исследований. «Палата №6» А.П.Чехова и «Дневник сумасшедшего» Лу Синя вызвали громкий резонанс в обществе и становились знаком той эпохи. Это обусловлено сопоставительным исследованием художественных образов и приемов в произведениях А.П. Чехова и Лу Синя.

В основном А.П. Чехов проводит сравнение Ивана Дмитриевича Громова и Андрея Ефимовича Рагина, которые позволяют полноценно раскрыть смысл рассказа.

Несмотря на то, что Иван Дмитриевич Громов считается за умалишенного человека, на самом деле, он никакой не сумасшедший. Он живет в реальности, считает, что нам нельзя презирать страдания. Наш герой резко отличается от остальных больных тем, что он разумно мыслит и особенно жаждет свободы. Он рассматривает палату №6 как тюрьму, где на окнах стоят решетки. Он чувствует себя несвободным, что отражает сложность и трудность быть мыслящим в палате №6. Но такая отчаянная ситуация в палате №6 его не убила – он все еще человек, который умеет мыслить, чувствовать и страдать.

Доктор Рагин является представителем другой философии. В палате как будто есть только пять больных, но на самом деле их больше: доктор становится шестым.

Внутри у него была нежность, и характер был слишком мягким. Именно поэтому он живет просто как живой труп, всегда примиряется с порядком. Наш доктор пренебрегал чужим страданием, безразличен к проявлению пошлости. Герой осознавал неправильность такого пути, но ничего не хотел менять. Однако, его мировое равновесие был нарушен пациентом – Иван Дмитриевич Громов. Между ними появлялась дискуссия, которая основана на столкновении двух различных взглядов. Беседа врача с пациентом быстро вызывает гнев общества. Он вскоре был пациентом палаты. Совесть проснулась. Рагин был полон отчаяния и в конце концов умер от инсульта.

А.П. Чехов сталкивает представителей обеих сторон, обоих классов. Конец произведения демонстрирует неизменность первоначального положения дел (все осталось на своих местах), чем воздействует на читателей, принуждает их к протесту: «Нужно, чтобы общество осознало себя и ужаснулось» [3, с. 77], – пишет русский классик. Эту фразу можно обозначить как творческое кредо автора.

Недугом героя в «Дневнике сумасшедшего» Лу Синя была мания преследования. Всё, что окружало больного, мыслилось ему странным и настроенным весьма враждебно. Много раз читатель мог видеть неустойчивый мыслительный процесс героя.

На самом деле безумие – это внешняя черта героя, его «маска». Интерес в данном случае представляет время создания произведения – 1918 год – период начала новой культурной революции в Китае. Это было самым хаотичным временем за последнее тысячелетие существования Поднебесной. Феодалное общество безжалостно и несправедливо, истребляет всё лучшее в человеке, буквально опустошая его. Независимое сознание героя Лу Синя суть отражение тысячелетнего феодалного гнета и преследования феодалной системой и этикой. Именно поэтому окружающие, соблюдающие традиции феодалной системы, принимают его за сумасшедшего.

Герой постепенно проснулся в новое время и играл роль ненормального. Он является просветителем, который выступал против феодалных нравственных норм и феодалного родового уклада жизни, носителем новых идей, как положительный персонаж, олицетворяющий революционный дух эпохи. В нем ярко прослеживается желание изменить окружающий мир и современное ему общество, он хочет вернуть людям совесть, хочет видеть такое будущее, которое избавлено от волчьих законов и имеет горький и преисполненный надежды призыв.

Лу Синь успешно создал антифеодалный художественный образ. В его мысли и слова автор вложил собственные представления о том, о чем так называемые «здоровые» люди даже не помыслят сказать вслух. Тем самым он транслирует свою озабоченность будущим страны и ее населению. Преисполненность духа борьбы в герое «Дневника сумасшедшего» с пережитками старого общества и вскрытие его пороков дарует отчаявшимся людям небольшую надежду на лучшее будущее.

В «Палате №6» неотъемлемой составляющей частью является деталь, которой писатель целенаправленно пользовался при создании художественных образов. Каждая из них позволяет в наилучшей степени осознать грани характеров персонажей, проследить мотивацию к поведению, особенности душевного состояния. Таким образом, смысловая нагрузка, которую несет деталь в произведении А.П. Чехова, оказывается весомой.

Самой яркой деталью представляется описание до-суга доктора Рагина, его свободного, скучного и унылого времени. У доктора множество больных, но он проводит время за чтением книг: *«Около книги всегда стоит графинчик с водкой и лежит соленый огурец или моченое яблоко прямо на сукне, без тарелки. Через каждые полчаса он, не отрывая глаз от книги, наливает себе рюмку водки и выпивает, потом, не глядя, нащупывает огурец и откусывает кусочек»* [3, с. 88]. Он даже ел прямо со скатерти без посуды, что был совершенно четкий сигнал бедствия, признак психического расстройства человека.

Диалоги героев в «Палате №6», по сравнению с мыслями персонажей, имеют более выраженную детализацию. Например, Громов очень громко и эмоционально выражал свои мысли, будь то гнев, восторг и удивление. В отличие от Громова, Рагин никогда не повышал свой голос и говорил не громко, а сдержанно. Диалог упомянутых персонажей призван продемонстрировать читателю логичность речи больного, а также его глубинное понимание жизненной философии.

А.П. Чехов также уделял внимание описанию окружающей героя среды, которое чаще всего передает настроение героя, общую атмосферу повествования, вызывает определенные чувства у читателя, позволяет ему сильнее проникнуться произведением. *«Крыша на нем ржавая, труба наполовину обвалилась, ступеньки у крыльца сгнили и поросли травой, а от штукатурки остались одни только следы»* [3, с. 73]. Такая обстановка подготавливает к пониманию отчаянной ситуации, в которой оказывается наш герой.

В «Дневнике сумасшедшего» Лу Синь уделил особое внимание психологизму и речи героя. Такой психологический рассказ китайского писателя оказался новшеством в тогдашней литературе Поднебесной, которая тяготела к изображению характера героя лишь посредством совершаемых им поступков. «Дневник сумасшедшего» имеет повествование от первого лица, что читатель может понимать, каков мыслительный процесс героя на протяжении всего его опыта. В глазах героя окружающие люди могут есть людей. Да и детей он считает странными и враждебно настроенными. Он воспринимал все как угрозу вместо приятного жеста. Наш герой также не понимает, почему собака со двора Чжао смотрит на него. Он живет в своем мире иллюзий. Он мечтал о жадных и голодных взглядах людей на каждом углу, готовых напасть на него и съесть его.

В рассказе каннибализм становится метафорой старого образа жизни и так называемых «моральных» норм, которые угнетают общество. Говоря о проблеме, герой предостерегает брата, кто питается человечиною: *«Раз они могут съесть меня, значит, могут съесть и тебя, а потом пожрут друг друга»* [1, с. 57]. Главный герой – открыватель истины и обличитель зла, он передовой, антифеодалный. Он выразил сожаление по поводу того, что старые традиции и нормы все еще существуют в обществе и оказывают пагубное воздействие на судьбы людей. Герой не хотел, чтобы своя семья и друзья стали жертвами феодалного общества. Он стремится разбудить хотя бы малую долю людей, что спят в закрытой клетке.

Между А.П. Чеховым и Лу Синем имеются тесные исторические связи. Они занимались медициной, затем были писателями-реалистами. Названные авторы понимали

собственную непохожесть на своих предшественников в литературе, вели активный поиск новых художественных решений в рамках реалистического течения. Творчество обоих авторов демонстрирует их озабоченность судьбами людей, что существуют в «темном царстве» (по А.Н. Островскому). Они, будучи писателями-гуманистами, поистине сопереживают таким представителям общества, стремятся излечить или по крайней мере облегчить их физические и душевные недуги, прислушиваются к их желаниям, хотят дать им надежду на счастье, свет и радость жизни.

Два рассматриваемых нами произведения занимают особое место в творческом наследии писателей. Эти рассказы обнаруживают попытку протестовать зверским и жестоким общественным законам. Главная точка их сближения – это образ центрального персонажа, который страдает от душевного недуга. Но только на первый взгляд, поскольку в процессе разворачивания сюжета перед читателем обязательно встает вопрос о том, а применим ли для этих героев эпитет «умалишённый», или все-таки психическое расстройство характерно скорее для окружающих их людей, несправедливых и духовно слепых.

В то же время также обнаруживается различие между образами сумасшедшего в произведениях. В «Палате №6» писателю больше симпатичен Иван Дмитриевич Громов. Выражая свои мысли на бурных словах, он призывает бороться, а не смиряться. В процессе общения передается идея героя. Все он говорит как прокламация, как призыв к борьбе. Дискуссия между врачом Андреем Ефимовичем Рагиным и пациентом Иваном Дмитриевичем Громовым завязывается. У них одно общее понимание, что пошлость современной жизни губит человека. Человек только борется со злом и делает добро, чтобы выжить и сохранить в себе личность. А тот, кто смиряет-

ся, теряет все свои лучшие качества.

Поступки героя в «Дневнике сумасшедшего» вскрыли его сущность борца со злом. В «Дневнике сумасшедшего» глазами больного читатель наблюдает, под какой пятой унижения и несправедливости находится простой народ. Интеллигенция, революционеры, представители старого уклада общественной жизни (словом, передовые люди) – все они оказываются приверженцами антагонистических позиций. При этом он осмелился поставить под сомнение правильность феодальной традиции. Он смеется над лицемерием тех, кто питается человечинной. В рассказе передан прямой и неприкрытый протест героя, идущего против бытовавшего в течение тысяч лет государственного устройства.

В конце произведения герой выздоравливает и уезжает, чтобы получить назначение на казенную должность. Это оказывается символом победы представителей феодального общества. К такому финалу их привели сила и организованность, чего не могли отнять у них революционеры, не сумевшие устроить государственный переворот [2].

Оба рассматриваемых нами персонажа, как в русском, так в китайском тексте, демонстрируют свою несостоятельность перед обществом, считающим их сумасшедшими. Лу Синь и А.П. Чехов своими произведениями показывают общую неготовность общества к появлению таких людей, на данном этапе оно не в состоянии адекватно воспринять их мысли и идеи. Основная заслуга рассказов состоит в стремлении по-новому объяснить законы жизни, раскрыть бедственное положение народа. Будучи представителями врачебной профессии, Лу Синь и А.П. Чехов обнаруживают абсолютно уникальный взгляд на многие вещи, смотря на них через призму предельного человеколюбия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лу Синь. Повести и рассказы. – М.: Изд-во Художественной литературы, 1971. – 496 с.
2. Сорокин В.О. О реализме Лу Синя // Вопросы литературы. – 1958. – №7. – С. 5–22.
3. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах. – Т. 8 [Рассказы. Повести], 1892–1894. – М.: Наука, 1977. – 528 с.

© Чжан И (Zhangyilinaei@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Я КУРСИРУЮЩИЙ НАД АТЛАНТИКОЙ ЧЕЛНОК¹

Чэнь Хуншань

Докторант, Колледж международных исследований,
Национальный университет оборонных технологий
Chen820766452@163.com

I AM A SHUTTLE CRUISING OVER THE ATLANTIC

Chen Hongshan

Summary: The article reveals the significance of V. Nabokov's creativity, his contribution to world literature. The author of the article introduces the period of emigration to America and the problems associated with adaptation in a different socio-cultural national space. In addition, the author explores the experience of bilingual news, as a result of which the writer manages to create his own unique creative style. The social and personal factors that contributed to V. Nabokov's promotion to the creative Olympus of America are analyzed. The article touches upon the issue of the formation of new discourses on the subject of cross-national culture and literature in the modern geopolitical situation.

Keywords: V.V. Nabokov's English-language prose, bilingualism, dialogue of cultures, personal identification, intercontinental cultural contacts, translations, teaching, editorial and publishing activities, Russian emigration, transatlantic ties.

Аннотация: В статье раскрывается значение творчества В. Набокова, его вклад в мировую литературу. Автор статьи знакомит с периодом эмиграции в Америку и проблемами, связанными с адаптацией в ином социокультурном национальном пространстве. Кроме того, исследуется опыт билингвально-сти, в результате которого писателю удается создать собственный уникальный творческий стиль. Анализируются социальные и личные факторы, способствовавшие продвижению В. Набокова на творческий Олимп Америки. В статье затрагивается вопрос о формировании новых дискурсов на предмет кросснациональной культуры и литературы в современной геополитической ситуации.

Ключевые слова: англоязычная проза В.В. Набокова, билингвизм, диалог культур, личностная идентификация, межконтинентальные культурные контакты, переводы, преподавание, редакционно-издательская деятельность, русская эмиграция, трансатлантические связи.

По словам Н. Берберовой: «Набоков – единственный из русских авторов, принадлежащий всему западному миру (или – миру вообще), а не России только» [5, с. 189]. Возьмем в качестве отправной точки сказанное, чтобы с позиции живущих в стремительном «пространстве цифры» переосмыслить наследие «всемирно-отзывчивого» Набокова-художника, необычайно «всеядного» (опять же по мнению Н. Берберовой) в языковом и культурном отношении. Что же было в основе такой вселенской восприимчивости? И так ли легок был путь, проделанный писателем до столь глобальной известности?

Согласно О.Ю. Осьмухиной, разрыв мэтра с родиной и языком «был мучителен», а его «стилистические достижения» в американской культурной среде сопровождались «преодолением персонально значимых потерь»: вплоть до 1970-х годов В. Набоков занимается писательством на русском языке, несмотря на популярные рома-

ны, созданные им благодаря глубокому знанию английского [23, с. 68].

Заметим, что в период «англоязычия», назовем его так, В. Набоков наполняет произведения образами стран, принимавших его в течение жизни – это и Россия, и Англия, и Америка. Основываясь на проблеме, обозначенной в названии данной статьи, взглянем отдельно в американский этап² или образ, отраженный в прозе писателя. Тем более, что по мнению М.В. Матвеевой, «зарубежная набоковиана отличается необычайной широтой»³ [16, с. 270].

Известно, что успех романа «Лолита» дал писателю материальную независимость, которая, в свою очередь, подарила возможность осознания новой культурной среды. По этому поводу М.В. Матвеева замечает, что уход от псевдонима «Сирин» сопровождался сменой языковой парадигмы, и «с этого времени Набоков писал

1 Мельников Н.Г. Сеанс с разоблачением, или Портрет художника в старости // Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисл., коммент., подбор иллюстраций Н.Г. Мельникова. М.: Независимая газета, 2002. 704 с. С. 239.

2 *Биографическая справка.* В. Набоков преподает русский язык, русскую и зарубежную литературу: 1941-1948 – колледж Уэлсли (штат Массачусетс), 1951-1952 – Гарвардский университет; 1948-1958 – профессор Корнельского университета [составлено по: 16].

3 Уточним: «Bend Sinister», в переводе «Под знаком незаконнорожденных» (годы работы 1941-1946, издание – 1947); «Лолита» (1946-1954, 1955 – в Париже, 1958 – в Америке, 1959 – в Англии), «Пнин» (1953-1955, 1957); «Другие берега» (1954) – версия первоначальная «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство», 1951), поздняя «Speak, memory» («Память, говори», 1966); «Pale Fire», в переводе «Бледное пламя», или «Бледный огонь» (1960-1961, 1962); «Ada, or Ardor», в переводе «Ада, или Эротиада», «Ада, или Желания», «Ада, или Радости страсти» (1959-1968, 1969); «Transparent Things», «Просвечивающие предметы» (1969-1972, 1972); «Look at the Harlequins!» в переводе «Смотри на арлекинов!», 1973-1974, 1974).

почти исключительно по-английски». При этом исследовательница утверждает, что «смена языка не прошла безболезненно» и творческий переход на английский сопровождался чувством неуверенности. Более того, у американцев, к которым автор испытывал расположение, он обращался с просьбой «проглядеть рукопись, исправляя возможные неточности лексики и грамматики» [16, с. 270].

По мнению исследователей жизни и творческого наследия⁴, происходящее с писателем в Америке, писатель опосредованно, через героев, воспроизводит и в сборнике «Девять рассказов» («Nine Stories») ⁵, и в новелле «Превратности времен» («Time and Ebb») ⁶... Тем не менее, если нам важно понять, как этот знаменитый человек справляется с билингвальностью, то в многочисленных анализах набоковианы подчеркивается, что к американскому словоупотреблению В. Набоков, в силу таланта, подходил весьма оригинально: разглядывая «новые грани слов и смыслов», тем самым, он обогащал американскую словесность и расширял ее возможности. В результате трудов В. Набоков причислен к «ключевым фигурам» литературной Америки. Он признается изумительным стилистом с личной «системой изъяснений» и персонализированным английским [15; 7].

Процитируем интервью⁷ В.В. Набокова журналу «Плейбой»: «Я – американский писатель, родившийся в России и получивший образование в Англии... Я приехал в Америку и решил стать американским гражданином, сделать Америку своим домом ... Теперь Америка – мой дом. Это моя страна» [13, с. 32]. Образ Америки – своей новой родины, по словам М.В. Матвеевой, глубоко впечатленный художник складывает каждодневно, «не всегда положительно», но «всегда ярко» [16, с. 271].

В продолжении знакомства с набоковианой мы обязаны указать на незатихающий интерес к писателю как «информанту для когнитологов, изучающих эвристически активную личность» [15, с. 393]. По замечаниям А.А. Аствацатурова, Международная конференция «В.В. Набоков и трансатлантические связи»⁸ в американской и ев-

ропейской культуре», состоявшаяся 14-16 мая 2021 года, лишь подчеркнула «глобальный контекст, значимый для осмысления такой фигуры, как Владимир Набоков», определив его художественное наследие «как универсальную формулу, почти идеальную модель трансатлантического приключения». А.А. Аствацатуров подчеркивает парадоксальность реализации данной модели «в тот травматический исторический момент, когда трансатлантическая литература ... фактически сошла на нет» [2, с. 452].

Итак, попробуем проанализировать, какой или какие факторы, в том числе, способствовали продвижению В. Набокова на творческий Олимп Америки даже в условиях политической блокировки культурных связей. Сделаем незначительное отступление, ознакомившись с работой Т.Н. Беловой «Вклад представителей русской эмиграции первой и второй волны в изучение, восприятие и оценку русской литературы в англоязычных странах запада (1910-1960-е гг.)» [4]. В частности, исследовательница указывает, что литературная Америка XIX века блистала в области новеллистики⁹, но была далека от реализма европейского, а «весь XIX в. литературного развития в США был озарен светом романтизма» [4, с. 94]. Тем не менее, для того чтобы полно «воссоздать многообразную и усложнившуюся картину общественных связей» возникла потребность в национальном социальном романе. Подобное положение дел стало одной из причин, подтолкнувших к изучению американцами произведений И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, более того, творчество великих русских романистов, переведенное на английский язык, становится частью университетских программ (речь идет о середине XX века). Как утверждает Т.Н. Белова в конце XIX – начале XX в. американские писатели оказались «весьма восприимчивыми к воздействию русской и французской литературы: они брали именно то, что отвечало духу и потребностям национальной литературы и интегрировали это в своем творчестве» [4, с. 95].

Катализатором подобного внимания к русской литературе, а затем и подъема американской литературовед-

4 Подробнее см: Борисова Е.Б., Дайнеко М.В. Творчество В. Набокова как объект исследований зарубежных литературоведов // Наука и культура России. 2020. Т. 1. С. 173-175; Волков К.А. Особенности повествовательных моделей в биографиях Владимира Набокова, написанных Б. Бойдом и А.М. Зверевым // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 7 (69). С. 287-300. Матвеева М.В. Диалог культур в англоязычной прозе В.В. Набокова : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Шуйс. гос. пед. ун-т. Шуя, 2010. 23 с; Плотникова Е.В. билингвизм культур в творческом наследии В.В. Набокова // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма. Москва, 2004.

5 Год издания – конец 1947 года.

6 Произведение издано в журнале «Atlantic Monthly», январь 1945 года.

7 Интервью 1964 года.

8 По утверждениям А.А. Аствацатурова, «история трансатлантических контактов была изучена в самых различных оптиках – литературоведческой, философской, историографической и психоаналитической, с привлечением проблем нарратива, гендера, полилингвальности и интермедальности» [2, с. 455].

9 Начиная от В. Ирвинга, Э. По, Н. Готорна до М. Твена и О'Генри.

ческой русистики (1960-1970-е гг.) становится, прежде всего, преподавательская деятельность русских литераторов-эмигрантов первой, а затем и второй волны в американских вузах и колледжах, их критические и литературоведческие работы, публиковавшиеся в 1940-1950-е гг. и позднее (Г. Струве, М. Слонима, В. Александровой, В. Набокова, Ю. Иваска, Б. Филиппова, В. Маркова, Д. Бобышева и др.). Отметим в этой части роль В. Набокова, благодаря преподавательской деятельности¹⁰ которого, русская литература «вошла в плоть и кровь американских студентов [4, с. 98, 104]. Естественно, что оказать столь мощное влияние на умы целого поколения современников подвластно лишь личности с исключительно титанической силой: Б. Бойд, называет В. Набокова одиноким гением, возвышающимся над культурами и эпохами. К ярко выраженным его особенностям биограф писателя причисляет «необыкновенную самоуверенность», «беспощадную напряженность и концентрацию его чувств к другим» и «неусыпный индивидуализм» [6, с. 13].

По замечаниям Н.Г. Мельникова, миф о колоссальном индивидуализме писатель создает сам, тщательно продумывая образ, интригующий западную публику [18]. Известно, что с этой же целью, В. Набоков намеренно подчеркивает и свою культурную обособленность, и свой писательский и личностный космополитизм, и свою независимость от какого-либо культурного течения. В интервью Н. Гарнхэму¹¹ писатель акцентирует внимание на своей независимости от какого-либо континента: «Я курсирующий над Атлантикой челнок; до чего же синее там небо, мое собственное небо, вдали от классификаций и безмозглых простаков!» [8].

Творчество В. Набокова настолько уникально в неоднородности дискурса, во взаимодействии русского и английского языков и соответствующих им культур, что до сих пор остается объектом лингвистических исследований. По мнению М.Р. Напцок, В. Набоков есть воплощение наибольшей удачи младшего – “незамеченного”¹² – поколения литературы русского зарубежья». Даже невзирая на обвинения собратьев-эмигрантов в «нерусскости», в «излишней космополитичности» писателя [20, с. 87].

Из интервью П. Дюваля-Смита (1962) известно, что В. Набоков возвращаться в Россию не хотел «по той простой причине, что вся Россия, которая мне нужна, всегда

со мной: литература, язык и мое собственное русское детство» [19, с. 117]. Примечательно, что мэтр повсюду возил с собой четырехтомный словарь В.И. Даля, который «от доски до доски он перечел 4-5 раз и к которому то и дело обращается во время писания в поисках и проверках наиболее точного слова и выражения» [10, с. 181]. Б.°Носик, биограф писателя, отмечает, что В. Набоков признавался близким людям «в тяжелой муке и в неожиданно накалывающем на него желании писать по-русски» [22, с. 405-406].

Любопытный факт: отвечая на многократно задаваемый вопрос, на каком языке он думает, В. Набоков подчеркивал, что «думает образами». Подобное положение дел есть «специфическая особенность естественного билингва»¹³, поскольку «образы всегда бессловесны». Далее образы вербализуются: «вдруг немое кино начинает говорить, и я распознаю его язык» [20, с. 92; 19, 2002, с. 418].

М.Р. Напцок утверждает, что В. Набокову свойственен координативный полилингвизм, то есть «многоязычие, при котором нет доминирующего языка»: «Моя голова – английский, мое сердце – русский, мое ухо предпочитает французский» [20, с. 94; 19, с. 162].

По мнению Н.А. Анастасьева, именно набоковский полилингвизм превращает его тексты в «различные национальные потоки», которые сталкиваясь «образовали какую-то новую материю слова» [1, с. 315]. Л.М. Грановская утверждает, что набоковиана – это «художественный феномен эмигрантской литературы», В. Набоков – это «классик русской и английской литературы», творец «полинационального стиля» [11, с. 125]. Т.Г. Логинова по этому поводу отмечает, что многие исследователи акцентируют внимание на уникальности языкового набоковского стиля – стиля «двуязычной бабочки мировой культуры» [14, с. 79].

Рассуждая о вкладе В. Набокова в мировую литературу, мы не можем не затронуть, хотя бы отчасти, внутренний психологический портрет автора, который осознанно или неосознанно проецируется в произведениях, явленных миру... Несколько выше мы уже упомянули, что личность В. Набокова представляет интерес с точки зрения когнитологии. М.В. Ляпон в этой связи называет тексты писателя «талантливо препарированным

10 В период работы в женском колледже Уэлсли В. Набоков переводит на английский язык произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, В.Ф. Ходасевича, А.А. Блока и др.

11 Владимир Набоков: Интервью Николасу Гарнхэму, сентябрь 1968 года, <http://nabokov-lit.ru/nabokov/intervyu/intervyu-garnhemu-1968.htm> (дата обращения - 24 декабря 2022 года).

12 А.Л. Афанасьев о горькой участи «этого дважды потерянного поколения»: «Сначала “дети эмиграции” потеряли родную землю по вине “проигравших Россию” отцов, с землей – и твердь русской культуры, русского языка. Кроме того, они, пасынки Европы и Америки, стали наиболее отверженной частью западного потерянного поколения, надломленного первой мировой войной» [3, с. 28].

13 Исследуя лингвистическую идентификацию личности, В.В. Наумов утверждает, что, «по большому счету, родным все-таки может быть один язык, поскольку языковое сознание индивида не может вместить в одинаковой мере две разных языковых системы». При этом «второй, неродной, язык билингва должен жестче контролироваться мышлением, которое рано или поздно может дать сбой» [21, с. 85].

руководством на тему: как, обладая в высшей степени развитой способностью к рефлексии, к самопознанию и перевоплощению, сохранить внутреннюю гармонию собственного «Я» [15, с. 407].

Прошло почти полвека с момента ухода В. Набокова и течение жизни подбрасывает набоковедам иные дискурсы и императивы по осмыслению его творчества... Скажем, 2-3 ноября 2016 г. в ФГБОУ ВО «Ярославской государственной педагогический университет им. К.Д. Ушинского» на факультете русской филологии и культуры состоялась Международная научно-практическая конференция «Проблема изгнания: русский и американский контексты». В статье, написанной по следам данной конференции, М.Ю. Егоров отмечает, что в современном мире значение миграционных процессов приобретает иной смысл на фоне возрастающего интереса со стороны ученых, общественных деятелей, художников, писателей «к проблемам кросснациональной культуры, литературы». При этом «изгнание, эмиграция, пересечение границ (географических, культурных)» приобретают статус важнейших тем литературы, искусства, гуманитарной мысли [12, с. 385].

К ключевым темам обсуждения причислялись: изгнание как междисциплинарная проблема; образ эмигранта: изгнание в русской и американской культурах; тексты изгнанников и тексты об изгнанниках: нация, память, пространство, язык; изгнание внешнее и внутренне, затворничество и расставание с родиной; дом и бездомность, тоска и ностальгия, свое и чужое, внутреннее и внешнее, присутствие и отсутствие, память и забвение, отчуждение и присвоение: неустрашимые

противоречия в текстах изгнания; пограничье культуры и культура пограничья: местонахождение культуры. Более того, предлагаем вчитаться в темы докладов: «Изгнание и путешествие: эмоциональная география» (Л.Д. Бугаева, СанктПетербург); «Новые американцы» (Н.Г. Кац, Питтсбург, США); «Язык как «родина последняя» (А.В. Леденев, Москва); «Современный кросскультурный писательский опыт в контексте глобализации» (Е.А. Ермолин, Ярославль) и др. [12, с. 385-386]. Действительно, жизнь стремительно вносит свои коррективы, подбрасывая «в когнитивную топку» новые сюжеты и мотивы... Проходит всего пять лет после данной конференции, и все, происходящее в глобальном мире здесь и сейчас, вновь запускает рефлексию в литературном и научном мире... Возможно, сложившаяся политическая и культурная ситуация «родит» современного В. Набокова (#инойнабоков – запишем в стиле глобальной цифровизации).

Подводя итог нашей работе, мы должны заметить, что истинный великий В. Набоков занял по праву одно из ключевых мест в мировом лингвокультурном пространстве, и, как пишет О.Ю. Осьмухина, ему удалось избежать, в отличие «от подавляющего большинства прозаиков русской эмиграции», влияния идей и идеологий, поскольку он был увлечен разработкой «изоощренной литературной техники» [25, с. 247].

В.В. Набоков, по мнению О.Ю. Осьмухиной, балансировал «на стыке между традицией и художественным экспериментаторством и создал в конечном итоге специфическую поэтику» [23, с. 73]. Родится ли #инойнабоков и, сможет ли он создать что-либо подобное в сложившейся геополитической ситуации, покажет время...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анастасьев Н.А. Феномен Набокова. М.: Сов. писатель, 1992. 316 с.
2. Аствацатуров А.А., Муравьева Л.Е. Владимир Набоков и трансатлантические контексты в СПбГУ // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 450-455.
3. Афанасьев А.Л. Неутоленная любовь // Литература русского зарубежья: Антология. В 6 т. М., 1990. Т. 1, кн. 1.
4. Белова Т.Н. Вклад представителей русской эмиграции первой и второй волны в изучение, восприятие и оценку русской литературы в англоязычных странах запада (1910-1960-е гг.) // Stephanos. 2018. № 2 (28). С. 85-109.
5. Берберова Н. Из книги «Курсив мой: Автобиография» // В.В. Набоков: pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долина; коммент. Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. СПб.: РХГИ, 1997. С. 184-193.
6. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы = Vladimir Nabokov: the russian years: Биография. Авториз. пер. Г. Лапиной. М.: Изд-во Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.
7. Борисова Е.Б., Дайнеко М.В. Творчество В. Набокова как объект исследований зарубежных литературоведов // Наука и культура России. 2020. Т. 1. С. 173-175.
8. Владимир Набоков: Интервью Николасу Гарнхэму, сентябрь 1968 года, <http://nabokov-lit.ru/nabokov/intervyu/intervyu-garnhemu-1968.htm> (дата обращения – 24 декабря 2022 года).
9. Волков К.А. Особенности повествовательных моделей в биографиях Владимира Набокова, написанных Б. Бойдом и А.М. Зверевым // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 7 (69). С. 287-300.
10. Гессен И. Из книги «Годы изгнания: Жизненный отчет» // В.В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 93-105.
11. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по яз. рус. эмиграции первой волны. М.: Ин-т рус. яз., 1995. 142 с.
12. Егоров М.Ю. Международная научно-практическая конференция «Проблема изгнания: русский и американский контексты» // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 385-389.
13. Интервью В. Набокова // Плейбой. 1964. № 3.

14. Логинова Т.Г., Никитина Д.А. В.В. Набоков как писатель и переводчик-билингв // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2012. № 9. С. 77-83.
15. Ляпон М.В. Набоков: школа креативного чтения // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7. С. 393-411.
16. Матвеева М.В. Восприятие В.В. Набоковым образа Америки через культуру и литературу страны // Мир науки, культуры, образования. № 2 (21) 2010. С. 270-271.
17. Матвеева М.В. Диалог культур в англоязычной прозе В.В. Набокова: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Шуйс. гос. пед. ун-т. Шуя, 2010. 23 с.
18. Мельников Н.Г. Сеанс с разоблачением, или Портрет художника в старости // Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисл., коммент., подбор иллюстраций Н.Г. Мельникова. М.: Независимая газета, 2002. 704 с.
19. Набоков В.В. Набоков о Набокове и прочем: Интервью. Рецензии. Эссе. / Ред.-сост. Николай Мельников. – Москва: Изд-во Независимая газ., 2002. 700 с.
20. Напцок М.Р. Дискурс В. Набокова: к вопросу о лингвокультурной идентичности автора // Филология и человек. 2010. № 3. С. 87-97.
21. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М., 2007. 236 с.
22. Носик Б.М. Мир и дар Владимира Набокова. М., 1995. 536 с.
23. Осьмухина О.Ю. Набоков-переводчик / Набоков-писатель: специфика взаимодействия // Art Logos. 2019. № 2 (7). С. 67-75.
24. Плотникова Е.В. Билингвизм культур в творческом наследии В.В. Набокова: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Акад. переподгот. работников искусства, культуры и туризма. Москва, 2004. 24 с.
25. Ходасевич Вл. О Сирине // В.В. Набоков: pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долина; коммент. Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. СПб.: РХГИ, 1997. С. 244-250.

© Чэнь Хуншань (Chen820766452@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Шумбасова Светлана Сергеевна

кандидат филологических наук, Государственный социально-гуманитарный университет
г. Коломна
svetshumbasova@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A SOMATIC COMPONENT IN ENGLISH AND GERMAN

S. Shumbasova

Summary: The article is devoted to somatic components in the phraseological units of different, but at the same time related, belonging to the same group of languages and which are of particular interest to linguists-researchers of typology. Such phraseological units can be both universal in the English-German pair, and have specific features that reflect the national linguistic picture of the world, since they are cultural concepts closely related to the linguistic characteristics of a particular country or territory.

Keywords: linguoculturological approach, Germanic languages, phraseological unit, somatism.

Аннотация: Статья посвящена компонентам-соматизмам в составе фразеологических единиц разных, но при этом родственных, относящихся к одной группе, языков и представляющих особый интерес для лингвистов-исследователей типологии. Подобные фразеологизмы могут быть как универсальными в паре английский-немецкий, так и иметь специфические черты, которые отражают национальную языковую картину мира, поскольку являются культурными концептами, тесно связанными с лингвистическими особенностями конкретной страны или территории.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, германские языки, фразеологическая единица, соматизм.

Сопоставляя два языка, а именно, исследуя определенный лингвистический феномен, мы часто прибегаем к лингвокультурологии, объектом которой выступает язык, но «не в качестве системы формальных лингвистических правил и категорий, а как отражение и фиксация культуры, как часть социальной памяти, совокупность значений, составляющих ориентировочную основу не только речевой, но и познавательной человеческой деятельности» [7, с. 24].

Предметом лингвокультурологии являются языковые единицы, содержащие культурную информацию, а также установление того, как «работают» механизмы, включающие культуру в значение языкового знака.

Основными областями, где активно взаимодействуют язык и культура, являются: 1) фразеологизмы; 2) мифологемы и обычаи; 3) паремии; 4) символы; 5) речевой этикет; 6) концепты и проч. Это наиболее очевидные явления, несущие культурный код.

Предметом настоящего исследования являются именно фразеологические единицы, которые, несомненно, имеют национально-культурную коннотацию. В.Н. Телля рассматривает фразеологизмы как «зеркало», в котором лингвокультурная общность представляет свое собственное национальное самосознание [1, с. 57].

Стоит также отметить, что типологические исследования родственных языков часто имеют в своей основе как раз лингвокультурологический подход, поскольку именно межкультурные исследования помогают как в изучении иностранного языка, так и в серьезных теоретических исследованиях в области лингвистики, т.е., с одной стороны, носят исключительно прикладной характер, а с другой, вносят весомый вклад в развитие теории языка.

Английский и немецкий языки относятся к западно-германской группе индоевропейских языков и имеют общего предка, но это совершенно не означает, что языковая картина носителей английского и немецкого языков совпадает. Рассмотрим схожие и различные моменты восприятия через соматизмы.

По словам Ю.А. Башкатовой, «соматический код культуры представляет собой чрезвычайно интересный и самобытный языковой пласт, выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры» [3]. Связано это с тем, что, с одной стороны, человеческое тело – понятие универсальное, не зависит от этнической и языковой принадлежности. Именно тело становится универсальным инструментом, позволяющим найти «общий язык» представителям разных культур, не владеющим иностранным языком. Однако, отношение к разным частям тела, определение «значимости части тела» свидетельствует о специфическом восприятии окружающей действительности,

философии жизни, которая фиксируется в языке прежде всего в виде концептов или целых концептосфер.

Под фразеологической единицей с компонентом-соматизмом или соматической фразеологической единицей обычно понимается «фразеологизм, ведущим или зависимым компонентом которого является слово, обозначающее не только внешние физические формы организма человека (голова, рука, нос и т.п.), но и элементы сердечно-сосудистой, нервной и других его систем (кровь, селезенка, мозг, печень и т.п.)» [8].

Одним из самых распространенных компонентов-соматизмов является «голова» – **Kopf / head**. Фразеологическими единицами, максимально схожими по своему семантическому значению и логико-смысловой дешифровке в паре языков немецкий-английский являются:

иметь ясную голову – einen klaren (или offenen) Kopf haben / nicht auf den Kopf gefallen sein – to have a good head for something;

иметь свою голову на плечах – seinen Kopf für sich haben – to have a good head on one's shoulders;

сломя голову, безрассудно – Hals über Kopf – head over heels.

В этих случаях голова является символом ума и сообразительности, выступает в качестве ответственного органа за принятие решений и может в определенном контексте стать синонимом слову «мозг». Например, выражение «ломать себе голову над чем-то» в немецком языке звучит, как „*sich den Kopf über etw. zerbrechen*“, а в английском фигурируют именно «мозги»: „*to cudgel one's brains over smth.*“

Голова – жизненно важный орган и часто является синонимом «жизни», например, «оплатиться головой» в немецком звучит абсолютно так же: „*etwas mit seinem Kopf bezahlen*“. Английская идиома „*pay with smb's head*“ употребляется довольно редко и скорее является фразеологическим сочетанием, может сочетаться с глаголами *give up, mess with, put, cost*.

Еще несколько фразеологических единиц со схожим значением можно наблюдать в обоих языках:

потерять голову – den Kopf verlieren – to lose one's head;

зарыть голову в песок – den Kopf in den Sand stecken – to bury one's head in the sand;

высоко держать голову (т.е. держать себя с достоинством) – den Kopf hochhalten (или aufrechthalten) – to carry one's head high;

повесить нос / понурить голову – den Kopf hängen

lassen – hang up one's nose / lose one's heart.

Интересным является выражение «не терять головы», в смысле, «сохранять спокойствие». В английском языке не прослеживается значение «холодная голова», то есть «здро́во мыслящая, хорошо соображающая» – „*to keep one's head*“, а вот в немецком выражение идентично русскому – „*den kühlen Kopf behalten*“.

Рассмотрим идиому „*Butter auf dem Kopf haben*“, которая не имеет эквивалента в английском языке. На русский язык можно перевести эту ФЕ как «*иметь рыльце в пушку*», «*иметь нечистую совесть*». Значение «натворить что-либо», «иметь что-либо на совести» в немецкой картине мира предполагает, что если масло потечет сверху и «запятнает» всего человека, то «выдаст его с головой» [5].

В английском языке есть идиома „*keep one's head above water*“, что-то типа «*держаться на плаву*», т.е. «не потонуть», «не пойти ко дну». В английском языке восприятие мира в этом случае больше схоже с русским, чем с немецким, в котором существует выражение, не связанное с «головой»: „*sich selbst über Wasser halten*“.

На контрасте с «головой» рассмотрим фразеологические единицы с соматизмом «сердце», что также является довольно распространенным компонентом в немецком и английском языках. Символика данного органа весьма разнообразна. Рассмотрим несовпадающие значения в рамках настоящей статьи. Например,

сердце кровью обливается – ihm tat das Herz im Leibe weh – heart is bleeding;

сердце болит – das Herz dreht sich mir im Leibe um – to eat one's heart out;

иметь золотое / доброе / большое сердце – ein Herz haben / viel Herz haben / ein Herz im Leibe haben / ein Herz im Busen tragen – to have heart of gold / big / soft / kind heart;

разбить сердце – to break one's heart – j-n ins Herz treffen;

сердце в пятку ушло – er trägt sein Herz in der Hand – one's heart sank into one's boots;

излить душу – jemandem sein Herz ausschütten – to bare one's heart.

Как мы видим, символическое значение соматизма «сердце» совпадает не только в немецком и английском языках, но и часто в русском. Сердце символизирует любовь, доброту, страх, смелость, но почти всегда это сильная эмоция или чувство, которое противопоставлено разуму, самообладанию, рациональности, выраженными «головой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Е.В. Понимание фразеологизма как национально-культурной метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №3. С. 53-58.

2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова; предисл. О.И. Бродович. 2-е изд., доп. Москва : URSS : Либроком, 2009. 206 с.
3. Башкатова Ю.А. Культурный смысл соматизмов (на материале английского и русского языков) // Вестник КемГУ. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-smysl-somatizmov-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 17.11.2022).
4. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: «Аквариум», 1995. 768 с.
5. Гутарова А.В. Устойчивые словесные комплексы с компонентом Корф в современном немецком языке (к проблеме взаимосвязи лексики и ифразеологии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivye-slovesnye-kompleksy-s-komponentom-korf-v-sovremennom-nemetskom-yazyke-k-probleme-vzaimosvyazi-leksiki-i-iframeologii> (дата обращения: 17.11.2022).
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
8. Чжан С. Исследование семантических особенностей фразеологизмов с компонентами-соматизмами // Филология и человек. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-semanticheskikh-osobennostey-frazeologizmov-s-komponentami-somatizmami> (дата обращения: 17.11.2022).

© Шумбасова Светлана Сергеевна (svetshumbasova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный социально-гуманитарный университет

Наши авторы

Akbilek E. – Associate professor, Academy of Public Administration (Mytishchi)

Arslanova M. – Candidate of philological sciences, Sterlitamak branch of Ufa university of science and technology

Baeva T. – PhD, Assoc. Prof., North-Western State I.I. Mechnikov Medical University (St. Petersburg)

Barabash V. – Doctor of Philological Sciences, Peoples' Friendship University of Russia

Baykhanov I. – PhD in Political Science, Rector, Chechen State Pedagogical University

Borisov E. – Senior Lecturer, North-Eastern Federal University (Yakutsk)

Bulgarova B. – Candidate of Philological Sciences, Peoples' Friendship University of Russia

Chekunova M. – Doctor of Philological Sciences, Peoples' Friendship University of Russia

Chen Hongshan – Doctoral student, College of International Studies, National University of Defense Technologies

Chernobrov A. – Doctor of Sciences (Philology), Prof., Novosibirsk State Pedagogical University

Episheva O. – Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation

Fadeeva N. – Associate Professor, Krasnoyarsk Rail Transport Institute (Branch of Irkutsk State Transport University)

Grineva O. – candidate of philosophical sciences, docent, Krasnoyarsk state pedagogical university named after V.P. Astaf'ev

Grishchuk A. – Postgraduate student, Moscow City Pedagogical University; Senior lecturer, Sevastopol State University Sevastopol

Han Fang – PhD student, Kazan (Volga Region) Federal University

Kardumyan M. – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Stavropol State Pedagogical Institute,

Karelina N. – Senior lecturer, The Kosygin State University of Russia; Graduate Student, Moscow State Regional Pedagogical University

Karimova T. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk)

Our authors

Kostyaeva M. – undergraduate, Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev (Saransk)

Kretova L. – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University

Kubacheva K. – PhD, Assoc. Prof., North-Western State I.I. Mechnikov Medical University (St. Petersburg)

Lazareva E. – Ph.D. Sciences, Researcher, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Moscow

Matsepura G. – Senior Lecturer, Pacific State University

Mirontseva S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University, Sevastopol

Nityagovsky S. – Senior Lecturer, Pacific State University

Palashevskaya I. – Volgograd State University

Pankova T. – Ph.D. in Philology, Associate professor, Voronezh State University

Pavlenko V. – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Stavropol State Pedagogical Institute

Popova O. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Omsk Humanitarian Academy

Redkozubova A. – Graduate student, MGOU (Moscow State Regional University)

Rogozhnikova T. – Doctor of Philology, Omsk State University F.M. Dostoevsky

Rozhkova S. – Postgraduate, of the Lomonosov Moscow State University

Salmanova Sh. – PhD student of Azerbaijan University of Languages

Shcheglova O. – teaching assistant, Stavropol State Pedagogical Institute,

Shtukin N. – Lecturer, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Shumbasova S. – PhD, State University of Humanities and Social Studies (Kolomna)

Sinitsyna T. – Senior Teacher, North-Western State I.I. Mechnikov Medical University (St. Petersburg)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Smirnova Iu. – PhD, Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Sokolyanskaya N. – cand. philol. Sciences, North-Eastern State University

Sukhanova E. – PhD, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Surkov A. – Ph.D., Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Svetkina A. – Senior Lecturer, Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Trubitzina O. – PhD, Assoc. Prof., Head of the department of foreign languages teaching methodology, Russian State A.I. Herzen Pedagogical University (St. Petersburg)

Vasileva T. – Educator MPEI of the kindergarten of the combined type No. 134 (Komsomolsk-na-Amur)

Vinogradov A. – Docent, Vladivostok branch FGKOU VO "DVYUI MIA of Russia"

Wu Yuting – master student, Southeast University (Nanjing, China)

Yalaeva N. – Associate Professor, Russian Technological University MIREA (Moscow)

Ye Yu – Candidate, Pushkin Russian Language State Institute

Yuzefavichus T. – Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State Regional Pedagogical University

Zaredinova E. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol

Zhang Yi – master's student, Southeast University (Nanjing, China); trainee, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).